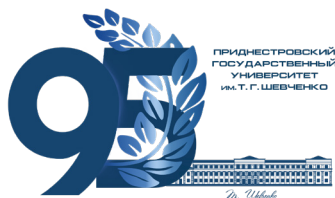

Государственное образовательное
учреждение «Приднестровский
государственный университет
им. Т. Г. Шевченко»
Филологический факультет

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ПЕРЕВОД: межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий

Материалы
Международной научно-практической конференции
кафедры теории и практики перевода
филологического факультета
28 марта 2025 года

Часть I

Тирасполь
*Издательство
Приднестровского
Университета*

2025

УДК [81'1:008:81'25]:061.3

ББК Ш100.63я431+Ш118я431+Ч104.5я431

Я41

Редакторы сборника:

М. В. Фокша, зам. декана по научной работе, и. о. зав кафедрой теории и практики перевода

Л. Л. Косташ, ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода

Язык. Культура. Перевод : межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий : материалы Международной научно-практической конференции (28 марта 2025 г.) : в 2 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс] / ГОУ «ПГУ им. Т. Г. Шевченко ; Филологический факультет ; под ред. М. В. Фокши, Л. Л. Косташ. – Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2025. – 320 с.

Системные требования : CPU (Intel/AMD) 1,5 ГГц / ОЗУ 2 Гб / HDD 450 Мб / 1024*768 / Windows 7 и старше / Internet Explorer 11 / Adobe Acrobat Reader 6 и старше.

В настоящем сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий» (28 марта 2025 г.).

Актуальные вопросы современной лингвистики, филологии и методики преподавания языков и культур отражены в работах преподавателей филологического факультета, представителей учительской общественности республики, исследователей из-за рубежа.

Содержание сборника будет полезно широкому кругу интересующихся вопросами традиционных и инновационных подходов к изучению и преподаванию филологии, лингвистики, журналистики, методики преподавания в вузе и школе.

УДК [81'1:008:81'25]:061.3

ББК Ш100.63я431+Ш118я431+Ч104.5я431

Рекомендовано Научно-координационным советом ПГУ им. Т. Г. Шевченко

© ГОУ «ПГУ им. Т. Г. Шевченко», 2025

Г. Аббасова

(Бакинский Государственный Университет)

**ПАРАЛЛЕЛИЗМ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ПОДХОДОВ**

В этой статье рассматривается параллелизм в азербайджанской и английской традициях и подчеркивается значительное влияние культурного, исторического и религиозного контекстов на развитие этого литературного приема. Это сравнительное исследование предлагает ценную информацию о том, как параллелизм функционирует не только как лингвистическое явление, но и как культурный и исторический маркер, обеспечивая связь между религиозными верованиями, поэтическими традициями и языковыми практиками.

Ключевые слова: параллелизм, культура, религиозные тексты, литературный анализ.

**PARALLELISM ACROSS CULTURES:
A COMPARATIVE STUDY OF AZERBAIJANI AND ENGLISH APPROACHES**

This study investigates parallelism in both Azerbaijani and English traditions and highlights the significant impact of cultural, historical, and religious contexts on the development of this literary device. This comparative study offers valuable insights into how parallelism functions not only as a linguistic phenomenon but also as a cultural and historical marker, providing a link between religious beliefs, poetic traditions, and linguistic practices.

Keywords: parallelism, culture, religious texts, literary analysis.

Parallelism is a linguistic and poetic phenomenon that has been investigated by scholars across various languages and cultures. Not only it is a powerful linguistic and poetic tool, but it has intrigued scholars from various disciplines due to its role in enhancing rhythm, meaning, and aesthetic appeal in both written and oral traditions. The study of parallelism is essential within religious literary texts, where parallel structures serve not only to create a distinct rhythm but also to reinforce key messages. The

diachronic (historical) and synchronic (contemporary) approaches to parallelism offer complementary perspectives on its usage across different languages and cultures. In the 18th century, linguists first made research on religious texts, especially the Bible, studying parallelism within them. This focus shifted toward literary works, particularly those not linked to religious content. However, this is not true in Azerbaijan. The development of parallelism in both Azerbaijani and English traditions is explored in this article, analyzing some respective sociopolitical contexts.

Comparative analytical approach, using both diachronic and synchronic perspectives is used to explore the use of parallelism in Azerbaijani and English literary and oral traditions. Diachronic analysis focuses on tracing the historical development of parallelism, particularly in religious texts, whilst synchronic analysis examines contemporary uses of parallelism in both languages, specifically in modern poetry, prose, and oral literature. By textual comparison, some key texts, including the Quran, *Kitabi-Dede Korkut*, and the works of medieval Azerbaijani poets such as I. Nasimi and M. Fuzuli, is used to investigate how parallelism is employed in each tradition and identify similarities and differences in its application. Furthermore, linguistic analysis helps us to examine the phonetic, lexical, and grammatical features of parallelism, assessing how these elements contribute to its poetic and rhetorical power in both Azerbaijani and English texts.

The diachronic and synchronic approach to the study of parallelism shows that the first critical studies of parallelism cover the period of the study of the Bible in the 18th century. In English, linguists studied religious texts in the Bible more, and later changed the direction of their research and turned to literary texts that did not have religious content. The Psalms and other prophetic texts in the Bible exhibit parallel structures that emphasize theological and moral teachings. Parallelism serves as both a stylistic device and a mnemonic tool, aiding in the oral transmission of religious content [Levin, 2014: 34]. As English literary scholars expanded their focus beyond religious texts, they began to examine the role of parallelism in literary works that were not overtly religious, such as the writings of Shakespeare and Milton [Jackson, 2007: 122]. However, studies in Azerbaijani did not go in this direction. Linguists who studied parallelism first studied examples of parallelism in oral folk literature, especially in the epic poem “*Dede Korkut*”, and then in written literature. This is due to the fact that during the translation of the holy book of Islam, the Quran, as well as the holy books of other religions, which were spread in Azerbaijan, the main atten-

tion was paid to revealing the essence of the texts in the books in question, and to the correct translation of the ideas in them, rather than the artistic quality. On the other hand, it is also impossible to fully express parallelism and its linguopoetic features, which create poetic vitality with certain phonetic, lexical and grammatical features, in the translated language. Another reason for this is that parallelism studies in Azerbaijan began during the Soviet period. Thus, the study of poetry examples written in the Azerbaijani language in the Middle Ages based on the Quran was prohibited during the USSR for ideological reasons.

Also, unlike English, the first parallelism examples in the Azerbaijani language are the product of a historical period that preceded the adoption of religion. In Azerbaijan, however, the early study of parallelism focused predominantly on oral literature, particularly the Dede Korkut epic, which dates back the Islamic period in the region. This epic, composed of narratives and songs, is rich in parallel structures that are not only stylistic but also serve to reinforce the rhythm and thematic content of the story [Guliyev, 2003: 88]. The transition from oral to written literature in Azerbaijan saw a continued emphasis on parallelism, but the influence of the Quran began to shape its usage. However, this shift in focus from oral traditions to Islamic influence was delayed, particularly during the Soviet period, when the study of religious texts and poetry inspired by them was restricted [Aliyev, 2001: 56-57]. The poetic tradition of the valuable word monument “Kitabi-Dade Korkut” was formed long before the acquaintance with the holy book of Islam, the Quran. That is, it would certainly be useful to examine the influence of the characteristic prose (rhymed prose) of the Quran at the root of parallelism examples in the language of I. Nasimi, M. Fuzuli and other poets in the Middle Ages, but the parallelism in “Kitabi-Dade Korkud” is more a product of the Turkish poetry and epic tradition of the pre-Islamic period.

A historical approach to parallelism examples reveals different characteristics of parallelism in different periods. It turns out that parallelism is more pronounced in poetic examples that manifest themselves in oral speech, such as oral folk literature and ashug art. This is a manifestation of its regulation by intonation, rhythm, rhyme and sound harmonies in pronunciation. The fact that parallelism was first examined in religious texts also shows that it is related to the worldview of the people, religious beliefs and the demands of the time.

The translation of religious texts played a significant role in shaping the use and study of parallelism. In the English tradition, the translation of the

Bible was not only an act of rendering meaning but also one of maintaining its stylistic features, including parallelism. In contrast, the translation of the Quran into Azerbaijani was less concerned with maintaining the poetic features of the original Arabic, focusing instead on the accurate transmission of religious meanings [Mammadov, 2007: 78]. This focus on meaning over form has contributed to the perception that parallelism was less emphasized in Azerbaijani translations of the Quran compared to its role in the original Arabic text.

Moreover, in Azerbaijani tradition, the influence of the Quran on poetry became more pronounced in the works of medieval poets such as I. Nasimi and M. Fuzuli. These poets incorporated parallelism of the Quran in their works, often blending it with traditional Turkish poetic forms [Ismailov, 2005: 132]. However, the influence of parallelism in religious texts was suppressed during the Soviet era due to ideological restrictions, limiting scholarly research on religiously inspired parallelism [Suleymanov, 2010: 123].

A key feature of Azerbaijani parallelism is its connection to oral literature, particularly folk poetry and the art of ashug (traditional bards). In this tradition, parallelism is used to create rhythm, emphasize key themes, and engage listeners. Ashug poetry is performed with musical accompaniment, and the parallel structures used in the poems serve to enhance the auditory experience, reinforcing the emotional and thematic resonance of the words. The use of rhyme, intonation, and repetition makes parallelism in ashug poetry a central element of the performance [Huseynov, 2004: 91].

Similarly, English oral traditions, such as folk ballads and epic poems, often rely on parallelism to create a sense of rhythm and reinforce the narrative's moral or thematic elements [Nagy, 2010: 145]. In both cultures, oral traditions showcase the importance of parallelism as a tool for both artistic expression and oral transmission.

The study of parallelism in both Azerbaijani and English traditions highlights the significant impact of cultural, historical, and religious contexts on the development of this literary device. While English scholarship began with religious texts, expanding to broader literary forms, Azerbaijani research initially focused on oral traditions, later moving to written literature. The translation of religious texts, particularly the Quran and Bible, played a central role in shaping the way parallelism was understood and employed in both cultures. Future research could further explore the role of parallelism in modern literature, especially within a globalized context, where cross-cultural exchanges are increasingly prominent.

Литература

1. *Aliyev E.* The Impact of Soviet Ideology on Azerbaijani Literature / E. Aliyev. – Baku: Azerbaijan University Press, 2001. – P. 56–57.
2. *Guliyev M.* The Role of Parallelism in Azerbaijani Folk Literature / M. Guliyev. – Baku: National Academy of Sciences of Azerbaijan, 2003. – P. 88.
3. *Huseynov S.* Azerbaijani Ashug Poetry: An Overview / S. Huseynov. – Baku: Azerbaijan Literature Foundation, 2004. – P. 91.
4. *Ismailov Z.* The Influence of the Quran on Medieval Azerbaijani Poets / Z. Ismailov. – Baku: Azerbaijan State University Press, 2005. – P. 132.
5. *Jackson A.* The Evolution of Parallelism in English Literature / A. Jackson. – London: Routledge, 2007. – P. 122.
6. *Levin J.* Parallelism in the Psalms and Other Biblical Texts / J. Levin. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 34.
7. *Mammadov T.* Translation of Religious Texts in Azerbaijan: The Case of the Quran / T. Mammadov. – Baku: Azerbaijan University Press, 2007. – P. 78.
8. *Nagy S.* Oral Tradition and Parallelism in English Folk Ballads / S. Nagy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 102.
9. *Suleymanov R.* Literary Studies in the Soviet Era: Restrictions and Innovation in Azerbaijani Poetry / R. Suleymanov. – Baku: Baku University Press, 2010. – P. 123.

УДК 39:37.013

Ю. И. Авильцева

(Луганский государственный университет им. В. Даля)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению проблемы использования этнокультурного подхода в обучении при профессиональной подготовке будущего учителя французского языка в Российской Федерации. Синтез лингвистических и страноведческих знаний способствует развитию диалога культур. Этнокультурный подход является частью диалога культур и способствует эффективному профессиональному обучению и подготовке будущего учителя французского языка в Российской Федерации.

Ключевые слова: педагогические подходы, культурологический подход, этнокультурный подход, профессиональная подготовка, обучение, диалог культур.

AN ETHNOCULTURAL APPROACH TO THE PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE FRENCH LANGUAGE TEACHERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the problem of using an ethnocultural approach in teaching in the professional training of future French language teachers in the Russian Federation. The synthesis of linguistic and regional knowledge contributes to the development of a dialogue of cultures. The ethno-cultural approach is part of the dialogue of cultures and contributes to effective professional education and training of future French language teachers in the Russian Federation.

Keywords: pedagogical approaches, cultural approach, ethnocultural approach, professional training, education, dialogue of cultures.

Подготовка будущего учителя французского языка осуществляется в вузе. Обучение в высшем учебном заведении обеспечивает развитие профессиональных компетенций будущего учителя. Данные компетенции должны быть сформированы, усвоены во время учебы и в дальнейшем широко применены в практической деятельности учителя иностранного языка.

Профессиональная подготовка учителя включает в себя, прежде всего, языковые знания, а также культурологическую подготовку, ценностные убеждения, нравственные качества, способность к саморазвитию и самообучению, психологические и организационные навыки, такие как самоконтроль, организованность, умение эффективно распределять время урока и, в обязательном порядке, эмпатия и доброжелательность.

Вопросами изучения использования этнокультурного подхода в образовании занимались В. К. Бацын, Е. А. Жирков, В. А. Николаев, М. А. Якуничев, Л. П. Карпушина.

Исследователи отмечают, что в условиях глобализации, для сохранения поликультурного общества, одним из наиболее важных факторов остается сохранение этничности культур. Этничность позволяет приобщиться к национальной культуре и сохранить многообразие культур в широком культурном смысле. С целью поддержания развития и сохранения этничности в обучении применяется этнокультурный подход. Во время профессиональной подготовки учителя французского языка программа образования в вузах РФ включает использование широкого ряда классических педагогических подходов, таких как деятельностный,

компетентностный, коммуникативный, культурологический, личностно-ориентированный, интегративно-рефлексивный, лингвострановедческий, социокультурный, межкультурный.

Для профессиональной подготовки учителя французского языка помимо высокого уровня языковой подготовки важно знать и любить культуру Франции. Тем не менее, в первую очередь важно любить, знать и ценить культуру и язык родной страны. Этнокультурный подход подразумевает воспитание любви и уважения у студентов – будущих учителей французского языка, прежде всего, к своему языку, народу и стране.

Приобщение к культуре своего народа осуществляется посредством формирования эстетического вкуса, в ходе изучения литературы, истории, художественного и музыкального обучения сначала в школе, затем в вузе [Поштарева, 2005: 35]. Донесение учащимся важности знания культуры, традиций и ключевых событий в истории государства является важной задачей педагога высшего учебного заведения. На занятиях по французскому языку такие знания вплетаются в материал урока, синтезируя профессиональную языковую подготовку в этнокультурном подходе.

В рамках включения этнокультурного подхода в программу профессиональной подготовки будущего учителя французского языка особый интерес представляет ознакомление студентов с русским фольклором, а именно с народными песнями, сказками, былинами. Например, известная русская песня «Вечерний звон» ярко отражает душевность русского человека, передает образ русской природы, а «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» композитора Александра Бородина передают дух истории русского народа.

К этнокультурологическим знаниям можно также отнести знание национальных традиций, обычаев, представление о национальных русских костюмах разного предназначения, как повседневных, так и праздничных. Эти знания необходимы будущему учителю французского языка, так как возможность передавать лингвокультурологические иноязычные знания основана на базе имеющихся знаний и любви к своей культуре и осознания своей национальной принадлежности. Будучи воспитанным на образцах культуры родного края, будущий учитель несёт ценность культуры своего народа и соединяет эти знания с передачей лингвистических и лингвокультурологических знаний при обучении французскому языку. Это позволяет

увидеть общее и различное в культуре стран родного и изучаемого языка, а также в их лексическом и грамматическом строе. Таким образом, происходит некий культурный обмен, так называемый диалог культур.

Принцип диалога культур, разработанный М. М. Бахтиным и В. С. Библером, подразумевает этнокультурный подход и включает в себя культурологический принцип и принцип толерантности [Библер, 1993: 205]. При профессиональной подготовке в вузе, будущий учитель французского языка получает знания об истории своей страны, её культуре и параллельно знакомится с культурными ценностями страны изучаемого языка. Во время обучения материал распределен таким образом, что происходит не только знакомство с иностранным языком и культурой, но также происходит приобщение к этой культуре, ведь для эффективного изучения языка важно любить изучаемый язык и культуру и, следовательно, относиться к ней с уважением и интересом.

Формирование культурной личности, знающей этнокультурные традиции, способной к их ретрансляции и развитию и есть задача и цель обучения [Карпушина, 2010: 65–66].

Таким образом, применение этнокультурного подхода в процессе высшего профессионального образования представляет собой процесс и результат усвоения учащимися социокультурного и этнокультурного опыта, духовно-нравственных ценностей на основе постижения родной русской культуры, включая литературу, музыку народов России и мира, обеспечивая направленность личности на межэтническое и межкультурное взаимодействие и сотрудничество в этнокультурной и поликультурной среде [Карпушина, 2010: 64].

Филологическое образование является сложным процессом передачи филологических знаний и культурологических ценностей будущим учителям французского языка, оно формирует эстетическую, духовно развитую, культурную личность педагога. Этнокультурный подход в профессиональной подготовке будущего учителя французского языка в Российской Федерации занимает своё прочное место, так как является одним из базовых для формирования профессиональной личности педагога.

Литература

1. Карпушина Л. П. Этнокультурный подход к образованию: к сущности вопроса / Л. П. Карпушина // Образование и культура. 2010. –

№ 3. – С. 63–66 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-podhod-k-obrazovaniyu-k-suschnosti-voprosa> (Дата обращения 16.02.25)

2. Поштарева Т. В. Формирование этнокультурной компетентности / Т. В. Поштарева // Педагогика. 2005. – № 3. – С. 35–42.

3. Тюнников Ю. С. Национальное самосознание: сущность и принципы формирования / Ю. С. Тюнников, Г. Ф. Хасанов, Ф. Ф. Харисов. – Казань: Татар, кн. изд-во, 1994. – 186 с.

4. Фельдштейн Д. И. Психология развивающейся личности / Д. И. Фельдштейн. – М.: Институт Практической Психологии, 1996. – 512 с.

5. Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы / под общ. ред. В. С. Библера. Кемерово: Алеф. Гуманитарный центр, 1993. – 566 с.

УДК 811.111'27

Т. С. Агаева

(Гянджинский Государственный Университет)

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ПРОЩАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В этой статье рассматриваются различные способы прощания на английском языке. Важно научиться прощаться по-английски, потому что это важнейший разговорный навык, который необходимо освоить новичку. На любом языке прощаться в конце разговора или при выходе из группы – это вежливо. Это даст собеседнику понять, что вы его уважаете, и сделает ваш уход менее внезапным.

Ключевые слова: прощание, завершение разговора, способы прощания

TO THE QUESTION OF FORMS OF FAREWELL IN ENGLISH

In this article, we will look at several ways to say goodbye in English. It is important to learn how to say goodbye in English because it is the most important speaking skill that a beginner needs to master. In any language, saying goodbye at the end of a conversation or when leaving a group is polite. This will let the other person know that you respect him and will make your departure less sudden.

Keywords: farewell, ending a conversation, ways of saying farewell

Как известно, общая культура, принадлежащая народу, состоит из множества различных компонентов. Речевая культура является

одним из важнейших и ведущих компонентов культуры. В понятие речевой культуры мы включаем культуру письма, а также культуру говорения. Если какой-либо человек не может выразить свое мнение на основе диалектического единства перечисленных выше одиннадцати компонентов речевой культуры, то этот человек не имеет морального права называть себя культурным человеком.

В соответствии с национальным мышлением и этнографией каждого народа существуют формы и выражения обращения, встречи, ухода, поздравления и т. д., которые называются речевыми тэгами или риторикой.

Два самых распространенных способа попрощаться на английском языке: В Соединенных Штатах есть два прощальных слова, которые вы часто услышите.

«До свидания» Этот вариант более формальный, но все же достаточно непринужденный, чтобы его можно было использовать с друзьями и семьей.

«Пока» Это означает то же самое, что и «до свидания», но короче и менее формально.

Если вы сегодня выучите только пару способов попрощаться по-английски, то это должны быть именно они.

Теперь перейдем к более конкретным английским фразам на прощание. В следующих разделах я дам вам слова и фразы, чтобы попрощаться, в зависимости от ситуации или контекста. Я также приведу примеры для каждого из них, чтобы вы могли увидеть, как их использовать.

Формальный

Вот несколько формальных способов попрощаться на английском языке. Они довольно универсальны, и вы можете использовать их в большинстве ситуаций, требующих формального языка.

“Thank you for your time”. «Спасибо за уделенное время».

Вы можете использовать эту фразу в официальных ситуациях после того, как кто-то предложил вам свое время или чем-то помог. Это также часто случается после встреч или встреч. Имейте в виду, что вы можете использовать эту фразу как в устной, так и в письменной речи.

“I enjoyed our talk”. «Мне понравился наш разговор».

Это то, что кто-то может сказать после разговора с клиентом, пациентом или кем-либо еще в более формальной обстановке.

“It was a pleasure speaking with you”. «Было приятно поговорить с вами».

Это то, что клиент может сказать клиенту, особенно в более формальной или регулируемой среде, например, в банке или другом финансовом учреждении.

"I look forward to our next meeting." «Я с нетерпением жду нашей следующей встречи».

Люди часто используют эту фразу, когда планируют снова увидеть другого человека (или людей) в формальной обстановке.

«Прощай» – выражение, используемое при завершении разговора и расставании с кем-то.

Было приятно поговорить с тобой, Джаред. До свидания!

Еще несколько способов попрощаться: *Farewell, So long, Take care, See you around, Catch you later.*

Не все прощания одинаковы. Следующие альтернативы имеют разные последствия и часто используются в разных сценариях.

Until the next time. До следующего раза.

Этот вариант чаще всего используется в повседневных ситуациях, но может работать и в официальной обстановке. Это означает, что рано или поздно вы снова встретите этого человека.

It was nice catching up. Until next time, David.

Было приятно пообщаться. До следующих встреч, Дэвид.

Talk to you later. Поговорим позже.

Как вы уже могли догадаться, этот вариант также подразумевает, что вы встретитесь (и поговорите) с этим человеком позже. Чаще всего используется в повседневной обстановке. Разговор с тобой скоро работает таким же образом.

I'm late for class. I'll talk to you later. Я опаздываю на занятия. Я поговорю с тобой позже.

See you soon. До скорой встречи.

Опять же, эта альтернатива прощанию также используется, когда вы снова увидите этого человека, но «скоро» указывает, что это произойдет в ближайшем будущем. Этот вариант часто используется в повседневной обстановке.

I've got to go. See you soon. Мне пора идти. До скорой встречи.

Take care. Заботиться.

Слово "Take care" используется как в официальных, так и в случайных разговорах. Это чрезвычайно вежливо и показывает вашу заботу.

Enjoy your trip, Derrick. Take care. Наслаждайся поездкой, Деррик. Заботиться.

Farewell. Прощание.

Это старомодный и формальный способ попрощаться с кем-то, но он используется до сих пор. Используйте его, когда вы не будете видеть получателя долгое время или вообще никогда. Этот вариант может иметь большой вес, особенно при использовании его с кем-то, кого вы близко знаете.

Thanks for everything. Farewell. Спасибо за все. Прощание.

Don't be a stranger. Не будь чужаком.

Используйте это выражение, чтобы попрощаться и дать понять получателю, что вы хотите услышать его снова в ближайшее время. Это разговорное выражение, поэтому избегайте его использования в официальной или профессиональной обстановке.

It was nice seeing you again after all these years. Don't be a stranger. Было приятно снова увидеть тебя после всех этих лет. Не будь чужаком.

Take it easy. Не принимайте близко к сердцу.

«Полегче» – это более непринужденный и дружелюбный способ сказать «будь осторожен». Используйте его со своими друзьями или коллегами, с которыми вы близки.

Take it easy. See you next weekend. Не принимайте близко к сердцу. Увидимся в следующие выходные.

Later. Позже.

Короткий, приятный и разговорный, некоторые люди используют его позже, заканчивая разговор с друзьями и знакомыми. Это говорит о том, что вы встретитесь с ними снова позже.

Tonight was fun. Later! Сегодня вечером было весело. Позже!

Catch you later. Увидимся позже.

Это более дружелюбный и непринужденный способ сказать, что поговорим позже.

Catch you later, my friend. Увидимся позже, друг мой.

Have a good one. Удачи.

Эта альтернатива прощанию подобна пожеланию доброго утра, дня, вечера или ночи. Он подойдет как для официальной, так и для повседневной обстановки.

Thanks for the opportunity. Have a good one. Спасибо за возможность. Удачи.

Hasta la vista! Ха́ста ла виста!

Да, эта альтернатива есть на испанском языке, но это выражение стало известным в поп-культуре благодаря Арнольду Шварценеггеру

в фильме «Терминатор». Это беззаботный и забавный способ попрощаться, но его не следует использовать в официальных или профессиональных разговорах.

This has been fun. Hasta la vista, baby! Это было весело. Хаста ла виста, детка!

Peace! Мир!

Мир – жаргонный термин, обозначающий прощание с кем-то. Используйте его с друзьями, семьей и знакомыми, но никогда в официальной обстановке. Peace out – это разновидность этого выражения.

See you next time. Peace! Увидимся в следующий раз. Мир!

Формы прощания в английском языке разнообразны и многогранны. Их выбор определяется как прагматическими, так и культурными факторами. Владение различными способами прощания позволяет говорящему не только быть вежливым и уместным в конкретной ситуации, но и тонко передавать оттенки межличностных отношений. Для эффективного общения на английском языке важно не только знать грамматику и лексику, но и уметь адаптировать свою речь под конкретный контекст, в том числе и в такой, казалось бы, простой сфере, как прощание.

Таким образом, прощание в английском языке – это не просто формула вежливости, а важный элемент речевого этикета, отражающий как культурные особенности, так и степень близости между собеседниками. От формальных фраз до неформальных выражений – каждая форма имеет своё место и назначение в коммуникации. Знание и умелое использование различных вариантов прощаний не только повышает уровень языковой компетенции, но и свидетельствует о высоком уровне речевой культуры говорящего. А значит, чтобы называться культурным человеком, необходимо владеть не только правильной грамматикой и лексикой, но и речевыми нормами, соответствующими ситуации общения.

Литература

1. Садыгли А. Культура и невербальное поведение. – Баку: Научные известия НИИ психологии, – 2021. № 3: [Электронный ресурс]: URL: <https://psixologiyainstitutu.az/2021/03/13/mədəniiyyət-və-qeyri-verbal-davranis/>
2. O'Connor J. D. Intonation of colloquial English / J. D. O'Connor, G. F. Arnold. – London: Longman. – 1973. – 288 p.
3. Шмелев А. Д. Дискурсные слова как отражение этнокультурных стереотипов поведения // Сборник материалов научной конференции: Речевые

и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. – С. 146–147.

4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – Москва: Гнозис, 1992. – 270 с.

5. Николаева Н. Традиционные художественные формы в системе современной культуры. – Москва: Знакомьтесь – Япония, 1969. – № 25. – С. 77–87.

УДК 372.881.111.1

А. Е. Аксеновская, П. Н. Калинина
(Петрозаводский государственный университет)

ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ ПОСРЕДСТВОМ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проектная деятельность как эффективный метод формирования универсальных компетенций у студентов, изучающих иностранные языки. Анализируются основные виды проектной деятельности, их влияние на развитие коммуникативных, исследовательских компетенций.

Ключевые слова: проектная деятельность, универсальные компетенции, образование, студенты, активное обучение, иностранный язык.

FORMATION OF UNIVERSAL COMPETENCIES IN STUDENTS LEARNING FOREIGN LANGUAGES THROUGH PROJECT-BASED LEARNING

The article examines project-based learning as an effective method for developing universal competencies in students studying foreign languages. It analyzes the main types of project activities and their impact on the development of communication and research competencies.

Keywords: project-based learning, universal competencies, education, students, active learning, foreign language.

Система высшего образования ориентирована на подготовку специалистов, способных решать профессиональные задачи и взаимодействовать в междисциплинарной среде. В этом контексте Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) 3++ для

бакалавриата подчеркивает важность формирования универсальных компетенций, которые способствуют успешной профессиональной и социальной адаптации выпускников. Универсальные компетенции (УК) представляют собой совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное выполнение профессиональной деятельности в различных сферах [ФГОС 3+ +, 2020]. Они применимы вне зависимости от конкретного направления подготовки. В условиях постоянного обновления знаний и технологий способность к быстрой адаптации и обучению становится важным конкурентным преимуществом, позволяя выпускникам сохранять востребованность на рынке труда и успешно реагировать на новые вызовы.

Шеманаева М. А. указывает на то, что в современной образовательной парадигме овладение иностранным языком все чаще реализуется на основе интерактивного подхода и проектного обучения [Шеманаева, 2018: 93]. Иностранный язык как учебный предмет имеет большой потенциал для формирования и развития универсальных компетенций. Эти методы соответствуют тенденции перехода от пассивного усвоения знаний к активному участию студентов в образовательном процессе, что способствует формированию необходимых компетенций для успешной адаптации к быстро меняющимся условиям современного мира.

Как отмечают Муравьева Н. Г. и Шевцова А. Ю., современное высшее образование ориентировано на внедрение активных коммуникативно-деятельностных методов обучения, которые способствуют не только усвоению теоретических знаний, но и развитию универсальных компетенций [Муравьева, Шевцова, 2020: 283]. В этом контексте проектная деятельность играет ключевую роль, так как предполагает самостоятельное выполнение студентами практических заданий, требующих анализа, критического осмысления и коллективного взаимодействия.

Данный метод, в отличие от традиционных форм обучения, ориентирован на самостоятельную работу студентов над решением конкретных задач, что, в свою очередь, повышает их инициативность.

Проектная деятельность может быть реализована в различных форматах с уникальными особенностями. В образовательной практике выделяют следующие типы проектов:

- исследовательские, направленные на получение новых знаний с теоретической и практической значимостью.

- творческие, включающие разработку идей, их воплощение (создание мультимедийных продуктов или произведений искусства).
- прикладные, нацеленные на решение практических задач и создание востребованных продуктов.
- социальные, решающие общественно значимые проблемы и вовлекающие студентов в волонтерскую деятельность. Примером является студенческое объединение ПетрГУ «Соседи», поддерживающее иностранных студентов.

В своей статье Попова Т. А. акцентирует внимание на эффективности проектного обучения, подчёркивая, что она во многом определяется методами планирования и управления проектами [Попова, 2021: 141]. Для успешной интеграции проектного метода в образовательный процесс необходимо учитывать множество факторов, среди которых ключевым является мотивация обучающихся.

Однако, для успешного внедрения проектного метода в обучение необходим комплексный подход. Преподаватель должен адаптировать образовательную среду и диагностировать уровень компетенций студентов, учитывая опыт участия в проектах и другие ключевые компетенции. При выявлении пробелов можно предложить обучающие активности для их восполнения, что повысит продуктивность освоения проектного метода.

Исследования подтверждают, что проектное обучение способствует не только развитию профессиональных навыков, но и формированию социально значимых качеств, таких как ответственность, инициативность и умение работать в команде. Проектная деятельность может быть интегрирована в цифровую образовательную среду, что расширяет возможности взаимодействия студентов и преподавателей.

Рассмотрим пример реализации научно-исследовательского проекта «По Карелии с иностранцами», реализованного студентами Института иностранных языков ПетрГУ. Проект направлен на знакомство учащихся с культурными особенностями различных стран, что способствует расширению их кругозора, пониманию многообразия мировых традиций и развитию межкультурной компетенции.

Цель проекта заключается не только в представлении культур разных стран, но и в преодолении языкового барьера, который часто становится препятствием для общения. Школьники нередко испытывают страх перед ошибками при использовании иностранного языка. Однако, наблюдая за тем, как носители английского языка общаются,

включая свои ошибки, учащиеся начинают осознавать, что это естественная часть процесса коммуникации. Основная задача заключается в том, чтобы донести до них мысль о том, что важнее всего – это быть понятым и понимать собеседника.

Работа в команде над проектом «По Карелии с иностранцами» способствовала развитию множества универсальных компетенций, среди которых особое место занимает умение эффективно взаимодействовать в коллективе. Участники проекта освоили навыки группового взаимодействия, распределения обязанностей, решения возникающих проблем и поддержания продуктивной коммуникации между всеми членами команды.

Проектная деятельность требовала от участников лидерских качеств, инициативности и самоорганизации. Необходимо было планировать мероприятия, контролировать сроки и взаимодействовать с различными сторонами. Это способствовало развитию навыков управления проектами, включая планирование, распределение ресурсов и принятие решений в условиях неопределенности.

Ключевым аспектом проекта стало развитие критического и креативного мышления. Участникам приходилось анализировать информацию, искать нестандартные решения и адаптироваться к новым ситуациям. Это формировало аналитические способности и навыки генерации идей, что является ценным качеством для будущей профессиональной деятельности.

В современных условиях образования проектная деятельность становится одной из наиболее эффективных методик формирования универсальных компетенций, способствует развитию креативности, инициативности и самостоятельности студентов. Оно позволяет интегрировать теоретические знания с практическими навыками, а также создает условия для освоения проектного управления и цифровых инструментов.

Рассмотренный пример реализации научно-исследовательского проекта «По Карелии с иностранцами» демонстрирует, как проектная деятельность способствует развитию коммуникативных навыков, преодолению языкового барьера и формированию межкультурной компетенции. Кроме того, работа в команде позволила участникам проекта приобрести важные навыки организации и координации коллективной деятельности, что является ценным опытом.

Разнообразие форм проектного обучения – исследовательские, творческие, прикладные и социальные проекты – дает возможность

каждому студенту реализовать свой потенциал, что делает образовательный процесс более гибким и эффективным. Однако успешность данной методики во многом зависит от уровня мотивации обучающихся и грамотного педагогического сопровождения.

Таким образом, интеграция проектного подхода в образовательный процесс требует комплексного подхода, включающего диагностику компетенций студентов, изучающих иностранные языки, использование эффективных методов планирования и управления проектами, а также создание поддерживающей образовательной среды. Только при соблюдении этих условий проектное обучение сможет в полной мере способствовать подготовке высококвалифицированных специалистов, готовых к профессиональной и социальной адаптации в современных реалиях. В перспективе дальнейшее развитие проектного обучения может включать более активное использование искусственного интеллекта, виртуальных лабораторий и интерактивных цифровых платформ, что позволит сделать образовательный процесс еще более гибким, персонализированным и эффективным.

Литература

1. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. N 125 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (с изменениями и дополнениями). Ред. с изм. № 1456 от 26.11.2020. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201803160007> (дата обращения: 10.03.2025).

2. Исаева М. А., Бакашева А. Б., Мамалова Х. Э. Особенности организация проектной деятельности студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobenno-sti-organizatsiya-proektnoy-deyatelnosti-studentov> (дата обращения: 12.03.2025).

3. Муравьева Н. Г., Шевцова А. Ю. Проектная деятельность как средство формирования социокультурной компетенции студентов вуза // Kant. 2020. № 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-kak-sredstvo-formirovaniya-sotsiokulturnoy-kompetentsii-studentov-vuza> (дата обращения: 12.03.2025).

4. Попова Т. А. Проектная деятельность: мотивация и опасения студентов. Проблемное обучение для поколения Z // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию.

2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-motivatsiya-i-opaseniya-studentov-problemnoe-obuchenie-dlya-pokoleniya-z> (дата обращения: 12.03.2025).

5. Уракова Е. А., Михайленко Д. М., Сидоров А. Н. Особенности формирования проектной деятельности в профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-proektnoy-deyatelnosti-v-professionalnom-obrazovanii> (дата обращения: 12.03.2025).

6. Шеманаева М. А. Формирование универсальных компетенций бакалавра средствами иностранного языка // Высшее образование в России. 2018. № 8-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-universalnyh-kompetentsiy-bakalavra-sredstvami-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 14.03.2025).

УДК 821

Ё. М. Алтмишева

(Андижанский государственный институт иностранных языков)

АДЕКВАТНОСТЬ ТРАНСЛЯЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПЕРЕВОДЕ «БАБУРНАМЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассмотрены некоторые проблемы адекватности перевода на русский язык религиозных фразеологизмов в сочинении Бабур «Бабурнаме», связанных с именем Аллах и его синонимами. Основное внимание уделено актуализации исламской лексики, которые в совокупности представляют языковую картину мира сочинения. Приводятся примеры фразеологизмов с компонентом Аллах и равнозначных теонимов в переводе на русский язык.

Ключевые слова: религиозный термин, Аллах, тенгри, бог, адекватность, соответствие, теоним.

ADEQUACY OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TRANSLATION OF “BABURNAMA” INTO RUSSIAN

The article examines some problems of the adequacy of the translation into Russian of religious phraseological units in Babur's work “Baburnama” associated with the name Allah and its synonyms. The main attention is paid to the actualization of Islamic vocabulary, which together represent the linguistic picture of the

world of the work. Examples of phraseological units with the component Allah and equivalent theonyms are given in translation into Russian.

Keywords: religious term, Allah, Tengri, God, adequacy, correspondence, theonym.

По происхождению большинство фразеологизмов языка имеют в своей структуре элементы, обозначающие религиозные понятия. Эти устойчивые сочетания пополнили фразеологический фонд языка постепенно, появились позднее как национальный лингвокультурный продукт.

«Теоним» (греч. *theog* – бог + *онома* – имя, существительное) означает имя и атрибуты божества, бога, господ, Аллаха. Э. Бегматов [Абдиев, 2011: 15], один из исследователей узбекской ономастики, называет теонимами такие ономастические единицы, как наименование религиозных персонажей (бог, пророки и святые), так и названия святых мест (рай, ад, Кааба...). Фразеологизмы с компонентом теонимов в арабской, персидской, тюркской религиозной терминологии разнообразны: в основном связанные с Аллахом и его атрибутами, отношением людей к его могуществу и другим качествам. Исследованием религиозных фразеологизмов занимались отечественные ученые М. Умархаджаев, З. Тешабаева, Ш. Омонтурдиева, А. Маматов, Б. Болтаева, Ш. Махмараимова и др.

Согласно учению ислама, все религиозные действия связаны с Аллахом и его посланниками, священной книгой мусульман. В «Бабурнаме» фразеологизмы, в структуре которых актуализируется компонент **Аллах, бог, господь, тенгри** занимают особое место и передают в эпосе дух исламской культуры.

Исследование образования фразеологизмов и механизмов их применения определяет особенности речевого мышления представителей языка, поскольку именно во фразеологии выражается понимание человеком вещей и событий, эмоциональное состояние человека. духовно-просветительскую, социально-экономическую, образ жизни и самобытность народа: “*Tengri rahmatiga bordi*” [Бобур, 2002: 124] / «Она преставилась к милости Аллаха» [Бабур, 2008: 88].

В узбекских религиозных текстах используются слова **Аллах**, тюркский (монгольский) – **тенгри** (могольское), **бог, раб, яздон** (персидско-таджикский). Слово **Аллах** используется во всех языках, **тангри** только в тюркских языках, имя Бога используется в персидско-таджикском, узбекском, хинди, урду, пушту, дари и тюркских языках.

Таким образом, религионим «Аллах» к настоящему времени утратил свою экзотичность и ассимилировался в языке.

Например, в узбекских религиозных текстах к теонимам «Аллах», «бог», «тангри» обычно добавляется качество Таоло и употребляются в форме «Аллах Таала», «Худойи Таала», «Тангри Таала». Слово «Таала» в переводе с арабского означает «великий, высший».

Как предполагают наблюдения, среди фразеологизмов, используемых в языке записок Бабур, немало фразеологизмов с компонентами, связанными с религией ислам, в частности, с именем Аллаха. В качестве теонимического компонента в этих фразеологизмах активно используются такие единицы, как *бог, Аллах, тенгри (господь)*. “*Tengri rizosini aroda qo'yub kechsak, buning... Tengri Taolo ro'zi qil'usidir*” [Бобур, 2002: 155]. / «Если мы пожертвуем ради благоволения божия частью добычи, то великий Аллах в воздаяние пошлет нам эту добычу целиком» [Бабур, 2008: 164]; “*Xudoy muni mundoq kelturdi*” [Бобур, 2002: 73] / «Сам господь привел его таким образом!» [Бабур, 2008: 89].

По анализу текста можно отметить, что в переводе текста обеспечена адекватность в передаче фразеологизмов с компонентом бог, тенгри, Аллах. В качестве основной причины этого следует отметить то, что живая речь народа, как и у других мусульманских авторов, находит отражение в «Бабурнаме». Также распространены фразеологизмы, связанные с древнетюркским именем Аллаха – тангри (тенгри), активно используемые в живой речи. Анализы употребления теонимов Аллах, худо, тенгри показывают, что автор отдаёт предпочтение религиониму тенгри. Известно, что Бабур решил написать свои воспоминания на тюркском, поэтому он использовал тюркский синоним исламизма Аллах, на общерелигиозный термин бог.

Фразеологизмы с компонентом Аллах, тенгри, бог религиозный термин всегда употребляется в своем значении и трансляции на русский язык сохраняется содержание понятия. В религии Ислам важно безоговорочно следовать принципам Бога и Его единства, истины и Его религии (Ислама). Мастер перевода М. Салье сумел сохранить религиозный, а именно исламский дух произведения.

Эти фразы встречаются в основном словаре языкознания «Толковый словарь узбекского языка» и других словарях с пояснениями фразеологизма, научных источниках имеет те же значения, что и в следующем тексте. Вот как это описано в сочинении.

В языке сочинения теонимы служат также для выражения лингвокультурологических особенностей народа, национальных ценностей и религиозного мировоззрения героев воспоминаний.

Фразеологизмы социально или субъективно понимаются, отражают важные материальные, интеллектуальные, духовные стороны жизни человека, отражают жизненный опыт народа, имеющий исторические корни. Фразеологизмы – это образные, эмоционально-экспрессивные единицы языка. В мемуарах часто используется фразеологизм «отправиться к милости Аллаха» в значении «умереть». Сравним: “... *so‘ngra Tengri rahmatiga bordi*” [Бобур, 2002: 38] / «...отправился к милости Аллаха» [Бабур, 2008: 19].; “*Tengri hukmini butkarubtur*” [Бобур, 2002: 130] / «...над ней исполнился божий приговор» [Бабур, 2008: 101]. Когда автор бессилен, он всегда обращается за помощью к святым, пиру, духовному наставнику. Доказательством тому в сочинении является обращение автора к пиру Ходже Убайдуллаху: “*Dedilarkim, biz alarg‘a istionat tegurub, podshohlik masnadig‘a o‘lturg‘uzubbiz*” [Бобур, 2002: 100]. / «Он сказал: «Мы просили у Аллаха для него помощи и возвели его на престол царствования» [Бабур, 2008: 74].

Анализ всех возможных вариантов устойчивых сочетаний с употреблением религионима *Tengri (Alloh, xudo)* / *Аллах, господь, бог* доказывает, что фразеологические единицы, сочетания и обороты плотно укоренились в лингвокультуре народа с древних времён и сыграли огромную роль в становлении и обогащении современного языка. “*Inshaalloh*” [Бобур, 2002: 186] / «Если пожелает Аллах» [Бабур, 2008: 152]; “*Tengri taqdir qilibtur*” [Бобур, 2002: 192] / «...что от века предопределил господь» [Бабур, 2008: 156].

В нашем исследовании выявлена высокая частотность религионима *Alloh, tengri, xudo(y), rob, iloh, yazon* – *Аллах, господь, бог, Творец, создатель* включая фразеологические единицы, в структуре которых использовано данное слово. “*Tengri rost kelturdi, Samarqand fath bo‘ldi*” [Бобур, 2002: 80] / «...господь помог мне и Самарканд был завоеван» [Бабур, 2008: 54] выявлены фразеологизмы с вышеупомянутыми компонентами: “*Bismillahir Rohmaniyr Rohim!*” (Во имя Аллаха милостивого, милосердного (С именем Аллаха. Всемило- стивого, Милующего)), *Tengri taoloning inoyati bilan* (С милости Все- вышнего Аллаха), *Tengri rahmatiga bordi, Tengri hukmini butkarubtur* (отправилась к милости Аллаха, перешел к милости божьей, пре-

ставился к милости господней, исполнился божий приговор), *Tengri Taolo fazlu karami bilan* (по милости великого Аллаха), *Tengri rost kelturdi* (господь исправил дело, с помощью божией), *Tengriga tavakkal qilib* (Уповая на Аллаха), *Alhamdulillah* (Слава Аллаху), *vallohu a'lam bi haqiqatil hol* (Аллах лучше знает истину) *Inshaalloh* (Если пожелает Аллах), Машааллоху (Чего пожелает Аллах) и др. Наша речь, обогащенная фразеологизмами, устойчивыми словосочетаниями, является бесценным богатством нашего языка, творческим потенциалом народа.

Литература

1. Абдиев А. Т. «Алпомиш» достони тилининг лексик-семантик ва стилистик хусусиятлари (Хукиз жиров варианты асосида): Филол. фан. номз... дисс. автореф. – Нукус, 2011.
2. Бобур Захириддин Мухаммад. «Бабурнаме» (Записки Бабур). Перевод Салье М./ Общ. ред-я и доработка В. Рахмонова. – Ташкент: «Шарқ», 2008. – 242 с.
3. Бобур З. М. Бобурнома А. Абдурашидов, Б. Алимовва бошқ // П. Шамсиев, С. Мирзаева Э. Мано (Япония) нашрлари асосида. Қайта нашрга тайёрл.: С. Ҳасанов // Мас. муҳ.: В. Раҳмонов. – Т.: Шарқ, АК, 2002. – 336 б.

УДК 811

Г. Т. Асгарова

(Институт языкознания им. И. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана)

ПОНЯТИЕ СИСТЕМЫ ПУНКТУАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием системы пунктуации в мировой лингвистике. Анализ системы знаков препинания означает анализ письменной речи. С этой точки зрения выявление сходств и различий в аналогичных системах пунктуации разных языков мира имеет большое значение для теоретического языкознания, поскольку пунктуационная система является уникальным уровнем каждого языка. Знаки препинания представляют собой подсистему, регулирующую письменную речь каждого национального языка на уровне орфографических правил. Аналитическое изучение системы пунктуации тесно связано с существующими теоретическими проблемами синтаксиса языка. В статье подробно рассматривается

понятие системы пунктуации, а также анализируются методологические и теоретические аспекты пунктуационной теории.

Ключевые слова: пунктуация, понятие системы пунктуации, исследование, знаки препинания, теория письма.

THE CONCEPT OF THE PUNCTUATION SYSTEM

This article explores issues related to the concept of the punctuation system in global linguistics. Analyzing the system of punctuation marks essentially means analyzing written speech. From this perspective, identifying similarities and differences in analogous punctuation systems across different languages of the world is of great importance for theoretical linguistics, as the punctuation system represents a unique level of each language. Punctuation marks function as a subsystem that regulates written speech within the framework of the orthographic rules of each national language. The analytical study of the punctuation system is closely linked to existing theoretical problems in the syntax of language. This article provides a detailed examination of the concept of the punctuation system, along with an analysis of the methodological and theoretical aspects of punctuation theory.

Keywords: punctuation, concept of the punctuation system, research, punctuation marks, theory of writing.

При рассмотрении понятия системы пунктуации, прежде всего, мы попытаемся объяснить семантическое содержание таких терминов, как пунктуация, система пунктуации, знаки препинания и другие. Раздел лингвистики, изучающий знаки препинания, называется пунктуацией.

Термин пунктуация происходит от латинского слова *punctum*, что означает «точка». Он имеет два значения. Во-первых, этот термин понимается как совокупность правил расстановки знаков препинания. Во-вторых, он обозначает сами знаки препинания, используемые для разделения письменного текста на определённые части, а также их систему.

Пунктуация функционирует как подсистема внутри письменной или графической системы языка. С позиции структурного подхода знаки препинания могут встречаться в различных позициях: в начале, в середине и в конце предложения или текста. В языках с разными письменными системами, с точки зрения расположения знаков

препинания, их можно разделить на применяемые в горизонтальном (линейном) и вертикальном (столбцовом) письме.

Открытие письма стало важным событием в истории человеческой цивилизации. В то же время историческая интеграция письменных систем привела к появлению общих черт в алфавитах разных языков. В ранних письменных системах использовались логограммы, где один знак мог обозначать целое слово. По мере совершенствования логограммы были заменены морфеграфами, обозначающими морфемы. Позже появились силлобограммы, представлявшие собой знаки для слогов. В конечном итоге они были усовершенствованы и превратились в фонограммы, служившие для обозначения отдельных звуков [Истрин, 1961: 39-46]. Потребность в знаках препинания в письменности возникла с распространением фонографической системы письма.

Пунктуация представляет собой систему знаков, занимающую особое место в общей графической системе языка. Эти знаки используются для выражения аспектов, которые невозможно передать с помощью букв или других письменных средств (таких как цифры, знак равенства, знак подобия и т. д.). Основная функция знаков препинания заключается в том, чтобы обозначать смысловые сегменты речевого акта (смысловые части высказывания) и обеспечивать их распознавание. Кроме того, пунктуация отражает ритмико-мелодические особенности синтаксической структуры, реализующейся в речи.

Пунктуация как самостоятельный раздел языкознания. Пунктуация является отдельной отраслью лингвистики. Как лингвистическая дисциплина, пунктуация начала формироваться и развиваться с середины XX века в связи с развитием теоретического синтаксиса и становлением текстовой лингвистики. Не случайно пунктуацию называют по-разному: «второй алфавит» [Әсғаров, 2016: 9]; «лаборатория творчества» [Шубина, 2006: 4]; «дорожные знаки письма» [Сердюкова, 2011: 287].

В некоторых лингвистических исследованиях используется термин интерпунктуация. В узком смысле интерпунктуация обозначает «точечный знак», который раньше применялся в письменных текстах для разделения слов. В широком смысле этот термин означает «знаки препинания» в целом.

Знаки препинания вводятся в графическую систему языка на определённом этапе его развития как средства, направленные на разбиение информации на части с целью оптимизации понимания переда-

ваемого смысла. Единицы системы знаков препинания связаны между собой, а также с другими элементами графической системы.

В каждой языковой системе правила пунктуации отражают ритмико-мелодическую организацию устной речи в письменной форме. Одним из ключевых элементов устной речи является интонация, которая играет основную роль в передаче синтаксической структуры языка. Параллельно с этим пунктуация также отражает интонацию устной речи в графической системе, а значит, служит и для отображения синтаксической структуры языка. Таким образом, пунктуация передаёт в письме как интонационные особенности речи, так и механизм её синтаксической организации.

Теоретические подходы к пунктуации. В научной лингвистике существовали различные подходы к объяснению основ пунктуации. Согласно логическому направлению, пунктуация служит для разделения письменной речи на смысловые части и необходима для чёткого выражения мысли. Представители синтаксического направления считают, что пунктуация предназначена для разграничения синтаксической структуры предложений и их частей. Сторонники интонационной теории утверждают, что знаки препинания в письменном тексте передают ритм, мелодику, темп, паузы и интонацию фразы.

Несмотря на различие этих подходов, все они сходятся во мнении, что пунктуация является важным средством формирования письменной речи и выполняет коммуникативную функцию [Adilov, 1989: 223]. Таким образом, к современной системе пунктуации следует подходить комплексно.

В последние годы в мировой теоретической лингвистике наблюдается смещение фокуса с изучения языка на исследование речи, что требует нового подхода к научно-теоретическим аспектам пунктуации. Это связано с тем, что именно в письменной речи знаки препинания отражают фоносемантические, морфолого-синтаксические, а в целом – функционально-семантические особенности устной речи. Например, как отмечает К. Габибова, «языковой знак сам по себе уже является инструментом коммуникации и техникой познания» [Gabi-bova, 2019: 90]. В этом смысле знаки препинания также играют роль когнитивных маркеров, упрощая процесс восприятия письменного текста. Когда человек говорит, он выражает свою мысль прежде всего словами и предложениями. Однако в устной речи важную роль также играют интонация, ударение, паузы и другие просодические элемен-

ты. В письменности все эти вспомогательные функции выполняются специальными знаками – знаками препинания.

Многие вопросы, связанные с пунктуацией, непосредственно связаны с теорией текста. Исследование принципов функционального построения текста в лингвистике привело к тому, что пунктуация была признана отдельным лингвистическим разделом. Знаки препинания расширяют функционально-потенциальные возможности как самого письма, так и текста в целом. В современной лингвистике пунктуация рассматривается как механизм построения письменного текста. Таким образом, пунктуационная система реализует техническую организацию каждого письменного текста. Она регулируется орфографическими нормами языка, определяется основными принципами письменной речи и выполняет функционально-прагматическую задачу в организации письменного текста.

В современной лингвистике пунктуация рассматривается как одна из графических систем письменного языка. К ней следует подходить с точки зрения теории письма, теории текста и теории речи.

Функциональные аспекты пунктуации. Одной из важных функций знаков препинания в письменной речи является их роль просодического средства. Современная культура речи предполагает владение письменной культурой, что делает знание пунктуационных норм обязательным. Следовательно, в современном мире пунктуация имеет не только языковое, но и этнокультурологическое значение. Сегодня грамотное владение письменной речью является одним из показателей интеллигентности. Для этого необходимо учитывать функциональные особенности пунктуационной системы и понимать закономерности её применения.

Знаки препинания также обладают прагматическим и семиотическим значением, что позволяет рассматривать их с когнитивной точки зрения. Они имеют функциональное значение в восприятии текста. История письменности и пунктуации показывает, что систематизация знаков препинания в мировых языках была тесно связана с развитием книгопечатания в Средние века. Это ускорило унификацию и интеграцию пунктуационных систем в письменностях различных народов.

Таким образом, в современной графической системе знаки препинания являются важным фактором организации письменной речи. В последнее время интенсивное развитие когнитивной лингвистики привело к тому, что знаки препинания стали рассматриваться как

средство интерпретации дискурса. Они обладают большим интерпретационным потенциалом, так как отражают структуру высказывания, интонацию и паузы в письменной речи.

Пунктуация является преимущественно прикладной областью лингвистики. Как и лексикография, орфография, орфоэпия и компьютерная лингвистика, она носит практический характер. Возникновение пунктуационных норм в лингвистике происходило параллельно с развитием научных грамматик в средневековой Европе.

В современной мировой лингвистике пунктуационные системы основаны на трёх основных принципах:

1. Фонетико-просодический принцип – ориентируется на интонацию, паузу и мелодику речи.
2. Стилистико-семантический принцип – основывается на целевой установке высказывания и его смысловой структуре.
3. Грамматический принцип – связан с разделением текста на синтаксические сегменты.

При этом синтаксический принцип является ведущим в грамматическом подходе. Знаки препинания фиксируют фонологическое членение речи, отражая такие просодические элементы, как тон, пауза и интонация. Семантически их употребление определяется целью высказывания и его интонацией, а грамматически – структурным членением текста на словосочетания и предложения.

Таким образом, пунктуационная система соотносится с орфографией и орфоэпией, подчиняется морфолого-синтаксическим закономерностям языка и зависит от просодических характеристик речи.

Пунктуационная система как коммуникативный механизм. Пунктуационная система охватывает совокупность знаков препинания, используемых в письменной системе каждого языка. Она играет важную роль в коммуникативном процессе между адресантом и адресатом. Поэтому одна из ключевых функций пунктуации – коммуникативная.

Одним из важнейших аспектов пунктуационной системы является её функциональный характер. В тексте пунктуация регулирует связь между предложениями и их частями, а также выполняет невербальную функцию, обеспечивая аналогию между устной и письменной речью.

Современная лингвистика рассматривает пунктуационную систему с разных ракурсов, что связано с последними тенденциями в развитии лингвистики. Она регулируется фонетическими, семантическими

и синтаксическими правилами. То есть применение пунктуации основано на интонационных, логико-семантических и синтаксических закономерностях. Знаки препинания обеспечивают связь между письмом и произношением, что делает их системным компонентом современной письменной речи.

Отношение к пунктуации не всегда было однозначным. Например, в начале XX века футуристы выступали против использования знаков препинания, пропагандируя отказ от пунктуации в письменности. Они утверждали, что знаки препинания якобы «разрушают живую речь». Вместо этого футуристы предлагали заменить пунктуацию математическими и музыкальными знаками (+, -, :, =, > <).

В. В. Виноградов писал: *«Футуристы были радикальными новаторами, и их отношение к пунктуации было связано с идеологией ультрамодернизма»* [Виноградов, 1963: 9].

Очевидно, что подобный взгляд был крайне радикальным и неоправданным, так как пунктуация выполняет важные структурные, коммуникативные и семиотические функции.

Современная теоретическая лингвистика рассматривает функционально-прагматические аспекты пунктуации, что помогает раскрыть её лингвистический статус. В исследовании коммуникативно-прагматических функций пунктуации требуется комплексный подход, поскольку её значение в письменной речи чрезвычайно велико.

Кроме того, пунктуационная система обладает семиотическими свойствами, выступая как знаковая система. Это подтверждает, что знаки препинания не просто разделяют текст, но и выполняют важные когнитивные, интерпретационные и семантические функции в языке.

Литература

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва: АН СССР, 1963. – 340 с.
2. Истрин В. А. Развитие письма / В. А. Истрин. – Москва: АН СССР, 1961. – 403 с.
3. Сердюкова Н. М. Некоторые особенности испанской пунктуации на материале произведений В. Ф. Флореса // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии в испано-российском научном пространстве» в рамках перекрёстного года Испании в России и России в Испании, – Ростов-на-Дону, 22-24 сентября, 2011 г. – С. 285–292.

4. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. – Москва: Издательский центр Академия, 2006. – 256 с.
5. Adilov M. İ., Verdiyeva Z., Ağayeva F. İzahlı dilçilik terminləri / M. Adilov, Z. Verdiyeva, F. Ağayeva. – Bakı: Maarif, 1989. – 360 s.
6. Əsgərov İ. V., Dumanoglu V. Müasir Azərbaycan ədəbi dilində durğu işarələri / İ. V. Əsgərov, V. Dumanoglu. – Bakı: Elm və təhsil, 2016. – 179 s.
7. Habibova K. Psycholinguistic features of the speech act // Linguistic Researches. – 2019. № 2. – Pp. 88–93.

УДК 811.581

В. С. Астремцкий

(Минский государственный лингвистический университет)

ТЕРМИН В СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗМА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА 80-Х ГГ. XX В.

В данной статье рассматриваются общие вопросы семиотического подхода к исследованию знаковой системы китайского модернизма 80-х гг. XX в. и, в частности, проблема изучения термина, функционирующего как знак в языковом пространстве художественного дискурса. Выявлены специфические черты модернистского термина, указывающие на трансформации языковой картины мира Китая в рассматриваемый период. В результате установлены функциональные семантико-смысловые особенности термина как элемента семиотической системы модернизма.

Ключевые слова: семиотика, китайский язык, модернизм, знак, система знаков, термины, языковая картина мира (ЯКМ), художественный текст.

TERMS IN THE SEMIOTIC SYSTEM OF CHINESE MODERNISM AS A REFLECTION OF THE NATIONAL LINGUISTIC WORLDVIEW IN THE 1980S

This article examines the general issues of the semiotic approach to the study of the sign system of Chinese modernism of the 1980s and, in particular, the problem of studying the terms functioning as signs in the linguistic space of artistic discourse. The specific features of the modernist terms are revealed, indicating the transformations of the linguistic image of the world in China in the period

under consideration. As a result, the functional semantic features of the term as an element of the semiotic system of modernism are established.

Keywords: semiotics, Chinese language, modernism, sign, sign system, terms, linguistic image of the world, literary text.

Современные семиотические исследования, в рамках которых язык рассматривается как система знаков, служат основой для изучения семантико-смысловой природы его элементов и, в том числе, терминов, составляющих особую группу языковых единиц. Использование терминологии в ограниченной области знаний, где она базируется и вербально закрепляет конкретные профессионально-понятийные отношения, придаёт термину статус знака со стойкой семантической структурой. Несмотря на то, что «терминология как совокупность слов – это «слуга двух хозяев»: системы лексики и системы научных понятий» [Реформатский, 1967:122], в языке модернизма термин, в дополнение к собственным специфическим качествам, приобретает новые знаковые функции и коннотации. Данные факторы обуславливают растущий интерес современной научной мысли к проблеме исследования семантико-смыслового потенциала терминологии в языке модернизма как модели художественного отражения ЯКМ Китая 80-х гг. XX в. Примечательно, что круг дисциплин, изучающих термин, не ограничивается только областью филологии, так как «миграция терминов в иные сферы не только продолжается, но и значительно усиливается» [Жидкова, 2008: 184].

Сопрягая данное исследование с идеями современных учёных, мы рассматриваем терминологию языковой модели модернизма в ракурсе социально-культурных проблем Китая последних десятилетий XX в., так как «в терминах отражается социально организованная действительность» [Реформатский, 1967:104]. Мы отталкиваемся от общетеоретических положений о функционировании термина в языке художественного дискурса рассматриваемых в трудах В. В. Виноградова, Б. Н. Головина, Ю. Б. Жидковой, С. В. Лобанова, Е. В. Панаева и др. Функционирование термина как знака на семантико-смысловом и структурном уровнях семиотики модернизма рассматриваются современными учёными в их взаимообусловленности: «поиск функционального отношения между элементами языковой системы следует начинать прежде всего в области синтаксиса и семантики» [Гордей, 2007: 125]. В выявлении семантико-смысловых характеристик зна-

ков-терминов и их комбинаций, мы ориентируемся на положения комбинаторной семантики, которая выступает как универсальный методологический инструмент категоризации языковых элементов. В соответствии с семантической категоризацией множества знаков делятся не на части речи, а на части языка, выступающих как подмножества знаков языковой системы, элементами которых являются единицы с общим предельно абстрактным значением [Гордей, 2005: 83]. С точки зрения семиотического подхода к анализу терминологии в языке художественного дискурса представляют интерес также труды Е. Е. Бариновой, отмечавшей, что «в 80-х годах прошлого века научная лексика <...> воспринимается ещё как нечто специфическое и инородное в художественном тексте» [Баринова, 2011: 199], Ю. Б. Жидковой, которая утверждала, что «в лингвистике <...> возникает проблема функционирования терминов в художественной литературе, которая может исследоваться в стилистическом, конкретно-историческом, структурно-семантическом и других планах» [Жидкова, 2008: 184] и др.

Модернизм, признанный в Китае на официальном уровне как явление культуры только в 80-е гг. XX в., представляет собой уникальный феномен, привнёсший в строго политизированный язык национальной литературы предшествующего десятилетия особую специфику. Связано это, в первую очередь, с тем, что впервые после десятилетия так называемой «культурной революции» в литературный язык Китая вместо жёстких правил создания произведений, ограничивающих выбор языковых средств, буквально репрезентирующих реальность, пришла свобода авторского самовыражения. Новая реальность потребовала новых форм и способов её отражения, что определило семиотический характер языковой модели модернизма: во-первых, система знаков данного дискурса имеет характер сложного синтезированного образования, сформированного в результате влияния западного языкового опыта и универсальной культурной традиции; во-вторых, несмотря на индивидуализированный авторский стиль, текстам модернизма, в целом, присущи типичные формы и способы языкового выражения, что позволяет рассматривать его как семиотическую модель; и, в-третьих, в модернизме нашли воплощение значительные сдвиги ЯКМ рассматриваемого периода, где термины выступают константными маркерами языковых трансформаций.

Ключевыми понятиями семиотики языка (лингвосемиотики) являются понятия знака и знаковой системы, относительно которых изучается двусторонняя (двуплановая) природа языкового элемента (его означающее и означаемое, соотносимые синонимично с понятиями «план содержания» и «план выражения»). Терминологию в системе модернизма мы рассматриваем как некое множество языковых знаков, относящихся к конкретной научной терминосфере, что даёт основания дефинировать их как специальные научные понятия, чьё смысловое ядро раскрывается на семантическом уровне знаковой системы. Будучи связанными с другими знаками в структурно-смысловом аспекте системных отношений, термины раскрывают свой характер также и на уровне синтактики. И, наконец, участвуя в смыслообразующих процессах целого, термин выполняет функцию вовлечения реципиента в коммуникационный процесс осмысления и интерпретации знаний, что определяет природу терминологического знака на прагматическом уровне. Семиотический подход к изучению термина китайского модернизма предполагает рассмотрение смыслообразующего потенциала знака с учётом его функционирования относительно ключевых сфер китайского модернизма (субъектность, имплицитная ирония, фасцинация, метафорика и др.). Особенности терминологии модернистской системы знаков определяются тем, что: 1) терминология расширяет информационный потенциал текста, синтезируя западный и национальный опыт; 2) функционируя в концептуальных сферах модернизма, термины способны приобретать новые метафорически или фасцинаторно обусловленные коннотативные слои (мы рассматриваем метафору расширительно, т. е., включая метонимию, гиперболу, синекдоху и др.); 3) термины, утратив строгую семантику, выступают инструментами художественной изобразительности; 4) термины модернистского языка используются в комбинациях с элементами сниженной лексики (коллоквиализмы, вульгаризмы, сленговые, жаргонные, абсценные элементы).

В языке модернистского дискурса термин естественным образом утрачивает свои основные признаки: номинативную функцию, однозначность, отсутствие оценочной составляющей и системность. Понимание сущности и места терминологических понятий в системе знаков модернизма, где коммуникативная функция языка обусловлена образной составляющей, происходит без специальных объяснений семантики термина, так как это могло бы разрушить художественную

структуру знаковой системы. Идеальная природа знака – его означаемое – проявляется посредством частичной (либо полной) детерминизации в процессе функционирования в ключевых сферах модернизма, в результате чего формируются новые значения и смыслы.

Рассмотрим примеры терминов, относящихся к области музыкального искусства, функционирующих в комбинации с лексически сниженными элементами в модернистском тексте 刘索拉 «你别无选择» (1984) (перевод наш – В. А.):

1. “我讨厌三和弦。” «Я ненавижу трезвучие».

Термин 三和弦 «трезвучие» выступает в синтаксической конструкции как знак, придающий всему выражению, в силу своей научности, определённый пафос и служащий развитию познавательно-информационной составляющей модернистского языка. Комбинация знаков 讨厌 «ненавижу» (разговорный стиль) и 三和弦 «трезвучие» (научный термин) обуславливает оценочно-смысловой аспект знаковой ситуации, где означаемое термина выражает эмотивная составляющая как новый коннотативный слой. Использование единицы научного стиля со знаком, выражающим экспрессивную оценку, служит формированию новых стереотипных образов и указывает на влияние западной модернистской традиции, привнёсшей в ЯКМ Китая 80-х гг. специфические средства формирования смысла целого.

2. 他已经把一本“和声学”学了七年，可他的和声用在作曲上听起来象大便干燥。 «Он уже семь лет изучал книгу «Гармония», но, когда применял гармонию в своих композициях, на слух получались звуки испражнений».

Терминологические единицы “和声学” «Гармония», 作曲 «композиция» (музыкальная) являются знаками, относящимися к музыкальной терминологии. Введение в синтаксическую структуру элемента сниженной лексики – 听起来象大便 «звук испражнений» – создаёт своеобразную семантическую оппозицию, где понятие «гармония» выступает параллельно с абсолютно негармоничными звуками естественного происхождения. Это создаёт знаковую ситуацию с характером комичности и формирует концептуально-ироничный смысл, проявляемый имплицитно (автор не высказывает оценок и не комментирует происходящее). Тем самым, термин занимает особую позицию в структуре языкового пространства модернизма: как инструмент моделирования индивидуально-авторской картины мира он может выполнять номинативную функцию и, при этом, быть средством создания новых об-

разов и стереотипов, обладающих экспрессивно-оценочными характеристиками.

Таким образом, в статье рассмотрены основания методологии семиотического анализа системы знаков китайского модернизма и, в частности, исследован вопрос семантико-смысловых характеристик модернистского термина. Выявлено, что ключевыми особенностями термина в языке художественного дискурса являются: 1) синтезированный характер знака (влияние западной и национально-культурной традиций); 2) способность структурировать новую образность; 3) обусловленность смысла термина концептуальными сферами модернизма (субъектность, ирония, метафорика, фасцинация и др.), что приводит к формированию новых значений, обуславливающих, в свою очередь, смысл целого; 3) комбинирование термина со знаками, относящимися к сниженной либо разговорно-бытовой лексике. Данные свойства термина указывают на значительные сдвиги в ЯКМ Китая в 80-х гг. XX в.

Литература

1. *Баринова Е. Е.* Научный термин в современной художественной литературе (А. Битов, Н. Байтов, Л. Улицкая) / Е. Е. Баринова // Критика и семиотика. – 2011. – Вып. 15. – С. 197–207.
2. *Гордей А. Н.* Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. – Гродно, 2005. – 83 с.
3. *Гордей А. Н.* Семантика метасемантики / А. Н. Гордей // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. – Сер. Филология. – Т. 20 (59). – Симферополь, 2007. – 125 с.
4. *Жидкова Ю. Б.* Функционирование медицинской терминологии в художественных произведениях русских писателей XIX – начала XXI веков: на материале прозы А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова, Ю. П. Германа, В. П. Аксенова, Л. Е. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2008. – 184 с.
5. *Реформатский А. А.* Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1967. – С. 103–125.

С. А. Байтырханова, И. В. Мунина

(Уральский государственный медицинский университет Минздрава России)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕНОМИКА: ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ И ЯЗЫКОВЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ

Лингвистическая геномика – это новая междисциплинарная область, которая включает в себя лингвистику, нейробиологию и генетику. Она изучает влияние генетических факторов на языковые способности человека. В последние годы благодаря развитию технологий секвенирования ДНК и методов анализа больших данных стало возможным выявление конкретных генов, связанных с речью, обработкой языка и когнитивными функциями. В представленной статье рассматриваются особые ключевые открытия в этой области, обсуждаются механизмы взаимодействия генов и языковых способностей, а также перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: лингвистика, нейробиология, генетика, секвенирование ДНК, гены, речь, когнитивные функции.

LINGUISTIC GENOMICS: A STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN GENETIC FEATURES AND LANGUAGE ABILITIES

Linguistic genomics is a new interdisciplinary field that includes linguistics, neurobiology and genetics. She studies the influence of genetic factors on human language abilities. In recent years, thanks to the development of DNA sequencing technologies and big data analysis methods, it has become possible to identify specific genes related to speech, language processing and cognitive functions. The presented article considers special key discoveries in this area, discusses the mechanisms of interaction between genes and language abilities, as well as prospects for further research.

Keywords: linguistics, neurobiology, genetics, DNA sequencing, genes, speech, cognitive functions.

Язык является одной из самых сложных и уникальных способностей человека. Она играет ключевую роль не только в мышлении, но и в социальном взаимодействии. Однако до сих пор остается загадкой, как генетические факторы влияют на развитие языковых навыков.

И именно лингвистическая геномика стремится ответить на этот вопрос, исследуя связь между генетическими вариациями и языковыми способностями, что является немаловажным аспектом. Данная область имеет очень большое значение для понимания эволюции языка и для разработки методов диагностики и коррекции речевых расстройств.

Генетические основы языковых способностей: ген FOXP2 – это один из наиболее исследованных генов, связанных с языковыми способностями.

Он был обнаружен в ходе изучения семьи, члены которой страдали от серьёзных нарушений речи и языкового развития.

Мутации в этом гене приводят к нарушениям в тех областях мозга, которые отвечают за обработку языка и контроль речи. Исследования на животных показали, что ген FOXP2 играет важную роль в обучении и социальном взаимодействии.

Гены, которые отвечают за когнитивные функции: помимо FOXP2, существуют и другие гены, такие как CNTNAP2, ROBO1 и KIAA0319, которые также связаны с языковыми способностями.

Например, CNTNAP2 играет роль в формировании нейронных связей и связан с риском развития аутизма и специфических языковых нарушений.

ROBO1 влияет на развитие белого вещества мозга, что важно для обработки языковой информации.

В ходе изучения генов человека и других приматов учёные обнаружили, что изменения в определённых генах, ответственных за развитие речи, могли стать ключевым фактором в эволюции человеческой речи. В частности, ген FOXP2, который у человека имеет уникальную структуру, может быть связан с развитием сложных языковых систем.

Методы исследования в лингвистической науке:

1. Генетическое картирование.

Современные методы, такие как полногеномный поиск ассоциаций (GWAS), позволяют выявлять генетические варианты, связанные с языковыми способностями. Эти исследования основаны на анализе больших выборок данных, что помогает определить значимые генетические маркеры.

2. Нейробиологические подходы.

Исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) и электроэнцефалографии (ЭЭГ) помо-

гают понять, как генетические вариации влияют на активность мозга во время обработки языка.

3. Эпигенетика.

Эпигенетические механизмы, такие как метилирование ДНК, также играют роль в регуляции генов, связанных с языковыми способностями. Эти механизмы могут объяснять, как окружающая среда взаимодействует с генетическими факторами.

Применение лингвистической геномики. Использование лингвистической геномики в различных областях:

1. Диагностика и лечение речевых нарушений. Определение генетических маркеров может помочь в ранней диагностике таких нарушений, как дислексия, афазия и аутизм. Это открывает перспективы для разработки индивидуальных методов лечения.

2. Образование и развитие. Понимание генетических основ языковых способностей может помочь в создании образовательных программ, учитывающих индивидуальные особенности учащихся.

3. Эволюционные исследования. Лингвистическая геномика способствует пониманию того, как язык развивался в процессе эволюции человека.

Лингвистическая геномика – это многообещающая область исследований, которая объединяет достижения генетики, лингвистики и нейробиологии. Хотя уже были сделаны важные открытия, многие вопросы остаются без ответа.

Дальнейшие исследования помогут лучше понять взаимосвязь между генами и языковыми способностями, что может привести к революционным изменениям в медицине, образовании и науках о человеке.

Литература

1. Фишер С. Е., & Шарфф К. Ген FOXP2 как молекулярное окно в речь и язык // Тренды в генетике. – 2009. – С. 166–177.

2. Вернес С. К. и др. Функциональная генетическая связь между различными нарушениями развития языка // Новый Английский Журнал Медицины. – 2008. – 359(22) с., С. 2337–2345.

3. Бейтс Т. К. и др. Генетическая вариация в компоненте устройства усвоения языка: полиморфизмы гена ROBO1, связанные с дефицитом фонологического буфера // Генетика поведения. – 2011. – С. 41, 50–57.

4. Эnard В. и др. Молекулярная эволюция гена FOXP2, участвующего в речи и языке // Природа. – 2002. – С. 869–872.

Е. А. Баландина

(Череповецкий Государственный университет)

БИЛИНГВ ИЛИ НЕ БИЛИНГВ: ВЗГЛЯД РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

В статье проводится анализ мнений русских студентов техникума, изучающих английский, о содержании понятия «билингв». Большинство определяют изучаемый термин, как владение двумя языками, и не причисляют себя к обладателям необходимых навыков.

Ключевые слова: билингв, иностранный язык, опрос, студенты колледжа

BILINGUAL OR NOT BILINGUAL: THE VIEW OF RUSSIAN COLLEGE STUDENTS

This article details a study of how Russian technical college students learning English view “bilingualism”. A common definition of this term is proficiency in two languages, yet respondents who fit this definition do not self-identify as such.

Keywords: bilingual, foreign language, survey, college students.

Явление билингвизма изучают ни одно десятилетие, но все не могут прийти к единому представлению о том, кого же можно с уверенностью назвать билингвом: человека, который в равной степени владеет двумя или более языками, или человека, который хотя бы в минимальной степени знает иностранный язык.

Известный лингвист, Франсуа Грожан, пишет о том, что билингвами является большая половина всего мирового населения, только в США примерное количество билингвов составляет 50 миллионов человек [Грожан, 2024: 2]. Профессор Чиршева Г. Н. говорит о том, что двуязычие настолько широко распространено в современном многоязычном мире, что стало нормой, в том числе и для детей. Степень двуязычности мира в целом и детей в частности зависит от того, какое содержание вкладывается в понятие, какие критерии кладутся в основу определений билингвизма и какие типы детского двуязычия при этом выявляются [Чиршева, 2019: 8].

В рамках лингвистического подхода понятие билингвизм сужают до полного функционального равенства языков, находящихся во вла-

дении индивида. Ф. Грожан же считает ошибочно определять беглым знанием обоих языков, является ли человек билингвом [Грожан, 2024: 3]. В более широком смысле, как индивидуальную характеристику, которая может варьироваться от уровня минимальной компетенции до полного профессионализма в использовании более чем одного языка, рассматривал это явление П. Хорнби [Хорнби, 1977: 73].

Багикороков имеет следующий подход: двуязычие в его лингвистическом понимании требует свободного знания двух языков. Если же билингв владеет контактирующими языками не в одинаковой степени и дифференцированно пользуется ими в различных речевых ситуациях, то следует иметь в виду двуязычие в социолингвистическом понимании [Багикороков, 2004: 36].

Цель: исследовать представления русских студентов техникума, изучающих английский язык, как иностранный, о содержании понятия «билингв»

Методы: количественный для подсчета полученных результатов, и качественный для анализа ответов в свободной форме

Материалы исследования включают результаты обработки анкет опроса на онлайн платформе. Студентам 6 учебных групп было предложено ответить на 23 вопроса, открытого и закрытого типа для наглядного определения их представлений о том, кто такой билингв. Мы проводили анонимные опросы, в анкете указывался лишь возраст и название группы. Вопросы закрытого типа предоставляли выбор из трех возможных вариантов: да, нет, затрудняюсь ответить. Вопрос открытого типа предлагал дать свое понятие термину билингв. В анкетировании не предполагалось никаких ограничений по времени.

Участниками данного исследования стали студенты лесомеханического техникума. В результате опроса было проанализировано 62 анкеты. Распределение респондентов по возрастной шкале следующее: 16 % – 17 лет, 52 % – 18 лет, 32 % – 19 лет. Продолжительность изучения иностранного языка в школе и других образовательных учреждений варьировалась от 2 до 12 лет, в большинстве случаев она составляла – 9 лет.

После сбора необходимых личных данных о возрасте и длительности изучения иностранного языка участникам была предоставлена возможность сформулировать собственное определение билингвизму. 20 % всех респондентов воздержались от ответа, или ответили «не знаю». Варианты большинства, в целом, отражали их общее мнение о необходимости от-

носителем высокого уровня владения обоими языками чтобы считаться билингвами. В результате анализа были обнаружены следующие формулировки, распределим их от самого частотного к менее.

Билингв – это человек, который:

- одинаково хорошо может говорить на двух или более языках;
- знает 2 и более языков;
- владеет двумя языками;
- может свободно разговаривать на 2 языках.

Судя по использованию таких слов, как «знает», «владеет», «свободно» студенты считают, что обязательным критерием является высокая компетентность в двух языках. Во – вторых, нужно обратить внимание на тот факт, что именно навык говорения, указывается, как основной. Другие навыки вовсе не рассматривались.

Далее студентам были даны утверждения, которые касались уровня владения основными навыками (говорение, аудирование, т.е. понимание на слух, чтение и письмо). Каждый блок содержал примерно следующие варианты ответов, с каждым из которых студент должен был согласиться, не согласиться или воздержаться от ответа: вы билингв, если вы умеете разговаривать на двух языках; вы должны одинаково хорошо разговаривать на двух языках; вы можете разговаривать на одном из языков лучше, чем на другом. Сначала ставился вопрос о необходимости владения данным навыком для роли билингва. Затем спрашивали, должно ли обязательно одинаково хорошо развито данное умение в обоих языках. В заключении предлагали обдумать возможность того, что компетенция может быть неравной.

Большинство респондентов, а именно 76 %, согласились с утверждением, что именно понимание и чтение на двух языках обязательны для билингва. 61 % положительных ответов было получено на вопрос о необходимом умении говорить и писать на обоих языках. Было обнаружено расхождение во мнениях относительно значимости одинакового уровня развития того или иного навыка. Более 50 % участников согласились с утверждением о том, что вы должны в равной степени хорошо говорить и понимать оба языка, чтобы быть билингвом. Но на этот же вопрос, касающемся чтения и письма, было зафиксировано меньшее количество число положительных ответов. 55 % респондентов считают, что вы можете лучше владеть одним языком, т. е. говорить, писать, понимать и читать. Именно такая градация прослеживается в результате анализа полученных ответов.

По данным опроса, 77 % студентов считают умение переводить крайне важным. 51 респондент выразили несогласие с тем, что знание лишь небольшого числа фраз на иностранном языке позволяет квалифицировать себя двуязычным.

В блоке, посвященном вопросам о необходимой частоте использования обоих языков, большинство участников, а именно 73 % считают, что один язык может применяться билингвом более активно. Также 71 % допускают не ежедневное двуязычное общение. И лишь 27 % согласны с утверждением, что двуязычие подразумевает равное распределение времени между языками.

Мнения студентов, о том, можно ли считать изучающего иностранный язык в учебном заведении билингвом, разделились: 56 % не согласны с этим утверждением, 32 % ответили положительно и 12 % воздержались от ответа.

Большинство респондентов, 73 %, не рассматривают себя в качестве двуязычной личности. Последний вопрос анкеты предлагал оценить себя в роли билингва от 1 до 5, где единица означала абсолютно не владею двумя языками, а пятерка – владею обоими языками на высоком уровне. 45 % студентов выставили единицу. Оценка 3 была дана 20 % участников опроса, тогда как оценка 2 – 19 %. Всего 5 человек высоко оценили свои билингвальные способности.

В результате анализа анкетирования 62 студентов лесомеханического техникума можно сделать вывод о том, что большинство участников данного опроса не считают себя билингвами. Согласно самостоятельно сформулированным определениям двуязычности, респонденты понимают исследуемое явление, как владение или знание двух языков, и выделяют в качестве основного критерия именно языковую компетентность в родном и иностранном.

76 % студентов предполагают, что билингв обязательно должен уметь читать и понимать два языка. Сравнительно меньшее количество согласны, что характерными признаками являются именно отличное говорение и письмо. Больше половины опрошенных допускают, что уровень владения одним может быть выше, чем другим. Преобладающее количество респондентов утверждают, что минимальный словарный запас на иностранном языке не делает из них билингвов, а умение переводить только для 77 % является обязательным критерием.

По мнению основной части респондентов, изучение иностранного языка на занятиях недостаточно для того, чтобы считаться двуязыч-

зычными. Студенты не признали такого понятия, как академический билингвизм.

По показателю коммуникативной активности 73 % опрошенных поддержали утверждение, что один язык может применяться более активно, а ежедневное использование обоих языков вовсе не считается обязательным.

В целом, тема исследования является актуальной и интересной не только для ученых, но и студентов, которые ставят перед собой вопросы, над которыми раньше никогда не задумывались. Это может стать стимулом не только для изучения иностранного языка, но и в целом увлечением наукой.

Литература

1. Багироков Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков) / Х. З. Багироков. – Майкоп: АГУ, 2004. – 234 с.
2. Чиршева Г. Н. Возрастная билингвология. Москва: Юрайт, 2019. – 166 с.
3. Grosjean F. In: On Bilinguals and Bilingualism. Cambridge University Press, 2024. – 189 p.
4. Hornby P. Bilingualism. Psychological, Social, and Educational Implications. – St. Louis: Academic Press, 1977. – 167 p.

УДК-82-1

О. А. Баранцева, В. В. Смолина

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

В статье представлен семантический и словообразовательный анализ англоязычных неологизмов в тематической группе «человеческие отношения», опубликованных в блоге Кембриджского словаря о новых словах “About Words” за период с 2022 года по январь 2025 г. В статье также поднимается проблема перевода неологизмов в данной сфере на русский язык.

Ключевые слова: неологизм, семантический анализ, тематические группы неологизмов, словообразовательный анализ, словообразовательная модель, эквиваленты англоязычных неологизмов.

ENGLISH NEOLOGISMS IN THE TOPIC GROUP “HUMAN RELATIONSHIPS”

The article presents a semantic and word-formation analysis of English-language neologisms in the topic group “human relationships” published in the Cambridge Dictionary’s blog “About words” from 2022 to January 2025. The article also raises the problem of translating neologisms in the sphere of human relationships into the Russian language.

Keywords: neologism, semantic analysis, topic groups of neologisms, word-formation analysis, word-formation model, equivalents of English-language neologisms.

Лексический состав английского языка в 21 веке подвергается значительным изменениям в большей степени за счет неологизмов. Как отмечает Е. А. Кольцова, данные процессы гораздо стремительнее по сравнению с предыдущим веком, поскольку «в течение нескольких дней появляется столько же новых слов, сколько в иные времена появлялось на протяжении нескольких лет» [Кольцова, 2017: 611]. Неологизмы являются важным отражением адаптации общественной системы ценностей к новым реалиям путем их номинации и включения в ценностное поле языка [Липириди, 2024: 111].

Предмет данного исследования – англоязычные неологизмы в сфере «человеческие отношения» за период с 2022 по 2025 год. Неологизмы были отобраны на основании данных блога Кембриджского словаря о новых словах “About Words”: <https://dictionaryblog.cambridge.org/>. Представленные в этом блоге слова и фразы фиксируются в письменной или устной речи на английском языке специальной командой, которая следит за появлением таких неологизмов. Некоторые из них, несомненно, просуществуют недолго, некоторые станут популярными и в конечном итоге попадут в словарь. Информация об источнике, о том, где было прочитано или услышано слово, обычно приводится в первоначальном контексте.

В результате анализа блога была выявлена 21 единица из тематической группы «человеческие отношения».

На первом этапе осуществлялся семантический анализ неологизмов, на основании которого были выделены пять групп неологизмов в исследуемой сфере:

1. Неологизмы, обозначающие типы родственников и отношение к детям:

jellyfish parent – мать или отец, которые не очень строги со своими детьми, часто балуют их, снисходительны в вопросах воспитания; **sit-tervising** – процесс наблюдения за детьми, когда они играют самостоятельно; **chauffeur mum** – мама, которая проживает в районе с не развитым общественным транспортом и тратит много времени на то, чтобы возить своих детей в школу и обратно домой, а также в другие места; **password child** – юмористический способ обращения к любимому ребенку, основанный на том, что имя этого ребенка часто используется родителем в качестве пароля на компьютере; **sad beige** – тенденция среди родителей одевать своих детей в бледно-коричневые и другие нейтральные тона, исходящая из убеждения, что такие оттенки более стильные, чем яркие цвета; **grand-mate** – бабушка или дедушка, живущие в одном доме с внуком или внучкой, или же внук (внучка), живущий в одном доме с бабушкой или дедушкой; **inchstone** – небольшой, но важный этап в развитии малыша или маленького ребенка (например, такое достижение как самостоятельное надевание обуви); **nepo parent** – родитель актера, музыканта или другой известной личности, добившийся успеха благодаря своему знаменитому ребенку.

2. Неологизмы, относящиеся к романтическим отношениям:

situationship – отношения между двумя людьми, которые представляют собой нечто большее, чем просто дружба, но не являются полностью преданными романтическими отношениями; **untyping** – решение начать романтические отношения с кем-то, кто не относится к типу людей, который вы считаете привлекательным; **wokefishing** – акт преувеличения собственной заинтересованности в таких социальных проблемах как расизм и неравенство с целью произвести положительное впечатление на другого человека, с которым вы хотите начать романтические отношения; **infla-dating** – выбор недорогих развлечений на свидании; **groundhogging** – последовательный выбор отношений с одним и тем же типажом, несмотря на постоянные неудачи; **beige flag** – признак того, что кто-то, с кем у вас начались романтические отношения, немного странный или скучный, но этого недостаточно, чтобы вы прекратили отношения.

3. Неологизмы, относящиеся к понятию дружбы:

friendsume – краткое письменное описание ваших личных данных, интересов и прочего, которые вы публикуете в Интернете с целью

найти новых друзей; *Palentine's Day* – день, обычно 13 февраля, когда друзья празднуют их отношения, обмениваясь подарками и открытками, так же, как и люди, состоящие в романтических отношениях, празднуют День святого Валентина; *friendship recession* – период, когда у многих людей мало или совсем нет друзей.

4. Неологизмы, описывающие завершение отношений:

soft separation – соглашение, по которому двое женатых людей перестают жить вместе как пара, но не разводятся; *ghostlighting* – завершение романтических отношений путем внезапного прекращения любого общения, сопровождающегося попыткой убедить человека в том, что отношений не было вовсе, а партнер их только воображал.

5. Неологизмы, обозначающие типы семей:

club sandwich generation – способ обозначения группы людей, у которых есть родители, дети, а также бабушки и дедушки или внуки, о которых нужно заботиться; *DINKWAD* – член молодой пары, в которой оба партнера зарабатывают много денег и имеют собаку, но не имеют детей.

Семантический анализ показал, что самой многочисленной группой неологизмов являются новые слова, описывающие типы родственников и отношение к детям. Отобранные неологизмы разнообразны и затрагивают многогранные вопросы воспитания, заботы, поощрения или же использования детей в своих целях.

На втором этапе исследования был проведен словообразовательный анализ единиц в сфере семьи и отношений, который позволил выделить следующие модели:

Словосложение:

Club sandwich generation, nepo parent, soft separation, sad beige, beige flag, password child, friendship recession, chauffeur mum, jellyfish parent.

Словослияние:

Wokefishing = woke + catfishing; grand-mate = grandparent + mate; inchstone = inch + stone; infla-dating = inflation + dating; sittervising = sitting + supervising; situationship = situation + relationship; friendsume = friend + resume; Palentine's Day = Pal + Valentine's Day.

Изменение значения:

Существительное *ghostlighting* (призрачный свет) приобрело новое значение: «завершение романтических отношений путем внезапного прекращения любого общения». Существительное *groundhog* (сурок), при добавлении окончания *-ing* обозначает «последовательный выбор отношений с одним и тем же типажом, несмотря на постоянные не-

удачи». Существительное *untyping* приобретает значение «решение начать романтические отношения с кем-то непривлекательным».

Аббревиация:

DINKWAD = *dual income, no kids, with a dog*.

Словосложение в рамках тематической группы неологизмов в тематической группе «человеческие отношения» выступает наиболее распространенной словообразовательной моделью.

В ходе нашего исследования мы также обращали внимание на наличие в русском языке эквивалентов англоязычных неологизмов в рассматриваемой сфере. Многие анализируемые единицы имеют переведенный вариант в русском языке. Ниже остановимся на особенностях их перевода.

Начнем с перевода аббревиатур. Сокращенные лексические единицы представлены в русском языке через описательный перевод, когда сокращение практически расшифровывается. Так, *DINKWAD* на русских сайтах переводится как «двойной доход, без детей, с собакой». Достаточно распространенным способом является калькирование. Так, *soft separation* на русских сайтах переводится как «мягкое разделение»; *jellyfish parent* – «родитель-медуза», *beige flag* – «бежевый флаг»; *sad beige* – «грустный бежевый». Транслитерированные варианты «ситтэрвайзинг» и «ситуэйшеншип» соответствуют следующим лексическим единицам: *sittervising*, *situationship*. В рамках тематической группы, девять англоязычных неологизмов из двадцати одного пока не переведены на русский язык. К таким относятся *friendsume*, *nepo parent*, *inchstone*, *grand-mate*, *ghostlighting*, *groundhogging*, *untyping*.

Итак, на основании данных блога Кембриджского словаря “About words” за 2022–2025 гг., в тематической группе «человеческие отношения» был выявлен 21 неологизм. Семантический анализ неологизмов позволил выделить 5 тематических групп, а именно: типы родственников и отношение к детям, романтические отношения, дружба, завершение отношений и типы семей. При этом, наиболее многочисленной группой выступает отношение к детям, насчитывающая 8 неологизмов. В результате словообразовательного анализа были выявлены 4 словообразовательных модели: словосложение, словослияние, сокращение, аббревиация. Словосложение представлено 9 неологизмами и выступает наиболее распространенной словообразовательной моделью в рамках исследования. Мно-

гие из анализируемых неологизмов имеют эквиваленты в русском языке – 12 из 21 единицы. Среди способов перевода превалирует калькирование, встречается транслитерированный и описательный перевод.

Литература

1. Кольцова Е. А. Неологизмы английского языка XXI века / Е. А. Кольцова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 604–613.

2. Липириди С. Х. Структурно-семантические особенности неологизмов тематической группы «межличностные отношения» в современном английском языке / С. Х. Липириди // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2024. – № 2 (43). – С. 111–114.

УДК 372.881.161.1

Е. А. Бахарева,

(Уральский государственный экономический университет)

В. А. Королько

(Уральский государственный медицинский университет)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА МИНИ-ПРОЕКТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматривается метод мини-проектов как эффективный инструмент обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Приводятся теоретические обоснования метода, опирающиеся на исследования ведущих ученых в области педагогики, психологии и лингводидактики.

Ключевые слова: метод проектов, мини-проекты, обучение РКИ, мотивация студентов, активное обучение, когнитивные процессы, формирование языковой компетенции.

APPLICATION OF THE MINI-PROJECT METHOD IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

This article examines the mini-project method as an effective tool for teaching Russian as a foreign language (RFL). Theoretical justifications for the method are

provided, based on research by leading scholars in pedagogy, psychology, and linguodidactics.

Keywords: project method, mini-projects, RFL teaching, student motivation, active learning, cognitive processes, language competence formation.

Современные подходы к обучению иностранным языкам все чаще ориентируются на личностно-ориентированное и деятельностное обучение, акцентируя внимание на активной вовлеченности обучающихся. Одним из наиболее эффективных методов, отвечающих этим требованиям, является метод проектов, который впервые был разработан американским педагогом Уильямом Килпатриком в начале XX века на основе идей Джона Дьюи. В России данный метод активно развивался в трудах Л. В. Занкова, В. В. Давыдова, Д. Б. Эльконина и др. [Занков, 1975, 43; Давыдов, 1996, 65].

Метод мини-проектов как разновидность проектного обучения строится на активной деятельности студентов, стимулируя их к поиску, анализу и систематизации информации, применению знаний на практике и творческому самовыражению. Это полностью соответствует принципу деятельностного подхода в обучении [Леонтьев, 1975].

В данном исследовании рассматривается использование метода мини-проектов в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) на примере работы со студентами подготовительного факультета.

Метод проектов основан на идее «обучения через действие». Активные методы обучения повышают уровень усвоения языкового материала на 30–40 % по сравнению с традиционными методами.

Этапы реализации метода мини-проектов в обучении РКИ

Метод мини-проектов предполагает два основных этапа: подготовительный этап и этап презентации.

1. Подготовительный этап

Определение тематики проектов в зависимости от уровня владения языком.

Формирование групп или индивидуальное распределение тем.

Обсуждение структуры проекта, постановка целей и задач.

Поиск и анализ информации, создание материала (текста, презентации, видеоролика и т. д.).

Консультирование студентов преподавателем.

2. Этап презентации

Публичное представление проекта на русском языке.

Вопросы и обсуждение со стороны преподавателя и студентов.

Оценивание не только языковой компетенции, но и навыков работы в группе, аргументации, анализа информации.

Рефлексия: обсуждение трудностей, успехов и полученного опыта.

Особое внимание уделяется рефлексии, так как она позволяет студентам осознать собственный прогресс и повысить мотивацию к дальнейшему изучению языка.

Практическое применение метода и его эффективность

На примере работы с УМК «Поехали!» метод мини-проектов интегрировался в стандартные упражнения рабочей тетради, что позволило повысить их эффективность. Например, вместо традиционного письменного задания «Составьте рассказ о миллионере из вашей страны» студентам предлагалось подготовить презентацию с визуальными материалами и интерактивными элементами [Чернышов, 2009, 125].

Результаты исследования показали, что после внедрения метода мини-проектов:

Уровень выполнения домашних заданий увеличился с 40 % до 95 %.

Повысилась вовлеченность студентов, что подтверждается анкетированием, проведенным до и после уроков.

Эмоциональное состояние студентов улучшилось, что свидетельствует о снижении уровня стресса и повышении мотивации.

Применение метода позволило также сократить разрыв между академическим обучением и реальной языковой практикой, создав условия для естественного языкового взаимодействия.

Метод мини-проектов является эффективным инструментом обучения РКИ, способствующим активному вовлечению студентов, развитию их языковой и социокультурной компетенции, а также повышению мотивации. Исследование подтверждает, что включение проектной деятельности в учебный процесс повышает уровень усвоения материала и создает благоприятную образовательную среду.

Литература

1. Беспалько В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. – М.: Просвещение, 2002.
2. Воронцова С. Г. Интерактивные методы обучения в преподавании русского языка как иностранного // Вопросы филологии. – 2019. – № 2. – С. 45–52.

3. *Давыдов В. В.* Теория развивающего обучения. – М.: Институт практической психологии, 1996.
4. *Занков Л. В.* Обучение и развитие. – М.: Просвещение, 1975.
5. *Костромина С. Н.* Введение в нейродидактику. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019.
6. *Чернышов С. И.* Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. – СПб.: Златоуст, 2009. – 280 с.

УДК 37.016:811.111

П. А. Белева, Л. Л. Косташ

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

АДАПТАЦИЯ ФЭНТЕЗИЙНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА: «ШМЯК!»: СРАВНЕНИЕ ТЕРМИНОВ И КОНЦЕПТОВ

В настоящей статье отражены результаты исследования фэнтезийных элементов и их адаптации в русскоязычном переводе. Авторы данной статьи приходят к выводу о том, что в переводах фэнтезийных произведений особенно важно учитывать не только точность передачи оригинальных терминов и концептов, но и сохранение атмосферности, юмора и культурных особенностей.

Ключевые слова: фэнтезийные элементы, Терри Пратчетт, концепты, методы перевода.

ADAPTATION OF FANTASY ELEMENTS IN THE TRANSLATION OF TERRY PRATCHETT'S "THUD!": A COMPARISON OF TERMS AND CONCEPTS

This article presents the results of a study on the adaptation of fantasy elements in the Russian-language translation of T. Pratchett's work. The authors conclude that in translating fantasy literature it is especially important to preserve not only the accuracy of specific terms and concepts but also the atmosphere, humor, and cultural nuances of the original.

Keywords: fantasy elements, Terry Pratchett, concepts, translation methods.

Фэнтези – это относительно новый и ещё не до конца исследованный жанр, возникший в начале XX века. Он объединяет черты раз-

личных литературных жанров, преобразуя их в соответствии с требованиями своей эпохи и современными тенденциями. С каждым годом фэнтезийные романы обретают всё большую популярность, поэтому у читателей растёт спрос на произведения не только отечественных, но и иностранных писателей, что обуславливает необходимость качественного художественного перевода. Художественный перевод можно определить как эстетически обусловленное и равное стилистике автора перефразирование вербально-художественной информации оригинального текста, которое позволяет донести суть произведения и индивидуальный авторский стиль до читателя с другим языком и культурой [Макарова, 2005: 18]. Как справедливо отмечает В. Н. Алексеева, восприятие художественного произведения носителями языка основано на знании родной культуры и реалий, в то время как для представителей другой культуры возникает трудность в понимании того же произведения на их языке. В связи с этим, стоит задача – как адекватно передать художественное произведение на чуждом для автора языке. Поэтому процесс перевода подразумевает подробное изучение произведения, осуществление детального анализа лексических особенностей и поиск близких по смыслу выражений, которые способны отразить сущность слов [Алексеева, 2012: 153].

Одним из актуальных направлений исследований современной когнитивной лингвистики является изучение соотношения языка, мышления и сознания человека. В ходе мышления человек комбинирует концепты и создаёт новое. Учёный С. А. Аскольдов-Алексеев утверждает, что «концепт – есть мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев, 1997: 269]. В контексте произведения Т. Пратчетта «Шмяк» концепты приобретают особенно важное значение, поскольку автор создаёт не только уникальные миры, но и инновационные подходы к представлению традиционных фэнтезийных тем. Например, «магия» в мире Т. Пратчетта может быть представлена как абсурдный и комический элемент, что требует от переводчика понимания того, как передать эту иронию и уникальное видение в другом языке и культуре.

В нашей статье мы выделили десять ключевых концептов, основанных на примерах фэнтезийных элементов из произведения Т. Пратчетта «Шмяк», которые представляют собой важные элементы, требующие тщательного анализа при переводе:

1. «Географические и природные объекты» – элементы ландшафта и природной среды, которые часто имеют необычные характеристики или магические свойства.

2. «Здания и учреждения» – конструкции, включая замки, школы магии или другие вымышленные учреждения, играющие значительную роль в фэнтезийных мирах.

3. «Сферы культуры» – игры, праздники, искусство, которые могут сильно отличаться от реальной жизни.

4. «Продукты и субстанции» – вымышленные или магические вещества и продукты, которые обладают особыми свойствами и играют важную роль в сюжете.

5. «Оружие, боевые атрибуты и доспехи» – особые виды оружия или защитных средств, часто обладающие магическими свойствами или уникальными характеристиками.

6. «Магия и сверхъестественное» – элементы, связанные с магией, колдовством, заклинаниями или взаимодействием с потусторонними силами.

7. «Легенды и мифы» – фантастические или вымышленные истории и персонажи, которые часто становятся частью мировоззрения персонажей.

8. «Имена персонажей» – имена, отражающие не только личные качества героев, но и их культурную или магическую природу.

9. «Работа: профессии и должности» – уникальные социальные роли (например, стражник, констебль, командор), которые могут иметь специфическое значение в мире фэнтези.

10. «Существа и сущности» – разнообразие вымышленных существ, от драконов и гномов до различных демонов и мифологических существ.

Эти концепты являются неотъемлемой частью фэнтезийных произведений и требуют от переводчика глубокого осознания их особенностей, чтобы передать их с максимальной точностью и сохранить уникальную атмосферу произведения в другом языке.

Процесс перевода фэнтезийных произведений требует особого внимания к адаптации фэнтезийных элементов, таких как вымышленные термины, имена собственные, топонимы, магические практики и мироустройство, так как их отсутствие в другой культуре или языке может создать пробелы в восприятии текста. Вот некоторые примеры:

1. “Sator Square”. Транслитерация «Сатор-сквер» сохраняет звучание оригинала, но также предполагает, что читатель может не знать

о латинском квадрате Сатора, и это может затруднить полное понимание символизма этого места. Латинский квадрат Сатора – палиндром, буквосочетание, составленное из латинских слов и обычно помещённое в квадрат таким образом, что слова читаются одинаково справа налево, слева направо, сверху вниз и снизу вверх. Палиндром часто ассоциировался с ранними христианами и использовался как талисман либо заклинание: в частности, в Британии его слова записывали на бумажную ленту, которую затем оборачивали вокруг шеи для защиты от болезней.

2. Адаптация была применена в следующем примере: “Yo Rat!” – «Вкус крыс». Это скорее является творческой переработкой, направленной на сохранение определённой атмосферы и комического эффекта. Это создаёт более лёгкий для понимания и восприятия образ, который сохраняет юмористический оттенок, но при этом близок к оригиналу.

3. “Hogswatch” – «Страшдество»: адаптация этого термина является интересным примером переноса культурных элементов. “Hogswatch” – это своего рода фэнтезийный аналог Рождества в мире Т. Пратчетта. Переводчик использует «Страшдество», что представляет собой юмористическую адаптацию, подразумевая, что этот праздник имеет схожие функции и значения, но при этом сохраняет свою уникальность, ориентируясь на культурные особенности.

4. “Slide” – «Сполз»: адаптация хорошо подчёркивает как эффект наркотика, так и его влияние на человека – процесс, который начинается плавно, но заканчивается ухудшением состояния. Это также передаёт идею деградации, что особенно важно для фэнтезийного мира, где наркотики часто служат метафорой для падения или упадка.

5. “A boomerang croissant” – «боевой круассан»: это модуляция, которая заключается в замене переводимой единицы на контекстуальное, логически связанное с ней слово или словосочетание. Сохраняется общий смысл, но форма перевода изменяется для лучшего восприятия русскоязычным читателем, появляется дополнительная игра слов, при которой «боевой круассан» может восприниматься как нечто мощное и даже угрожающее.

6. “Vurms” – «вурмы»: оригинальное слово “vurms” передано в русском варианте через транслитерацию, что сохраняет визуальную близость к оригиналу. Этот способ перевода является наиболее эффективным, когда слово не имеет аналогов в русском языке и нужно сохранить уникальность фэнтезийной вселенной.

7. “Creation” – «сотворение мира»: калькирование сохраняет структуру и концепцию исходного термина, который в контексте фэнтезийной мифологии может означать процесс возникновения вселенной или богов.

8. “Grag Hamcrusher” – «грат Бедролом» (транслитерация + адаптация): переводчик решил трансформировать не только звучание, но и смысловую составляющую имени. “Hamcrusher” (буквально «разрушитель бедра») в русском варианте может быть заменён на «Бедролом», что передаёт жестокий характер персонажа. Это пример адаптации, в которой учитывается культурная специфика.

9. “Vampire Officer” – «констебль-вампир» (конкретизация): слово “Officer” в английском языке является нейтральным и может обозначать любого служащего с административной или полицейской функцией. В русском варианте слово «констебль» не только уточняет профессию, но и придаёт персонажу и его роли определённый исторический контекст.

10. “Werewolves” – «вервольфы» (конкретизация): первое значение этого слова «оборотни». В русском языке этот термин более нейтрален и может обозначать людей, превращающихся в различные существа, а не только в волков. Выбор «вервольфы» помогает чётче связать образ с традиционным образом оборотня как существа, превращающегося именно в волка, что делает его более узнаваемым для русскоязычной аудитории.

11. “The Dis-Organizer Mark Five “The Gooseberry”™” – «бес-органайзер «ГрушаТМ» пятой модели» (модуляция + калькирование + адаптация + лексическая перестановка). Здесь используется комплексная трансформация. Если бы слово “Dis-Organizer” перевели как «де-организатор» или «нарушитель порядка», это не передало бы суть изобретения. А благодаря модуляции и переводу как «бес-органайзер» удастся сохранить связь с идеей «маленького бесёнка», который является частью этого устройства, передавая его уникальную концепцию. “Mark Five” сохраняется как «пятая модель». Это типичный случай калькирования, где структура фразы и значение остаются аналогичными оригиналу. “Mark Five” – это система нумерации моделей, что в русском языке было передано вполне адекватно. “The Gooseberry” переводится как «Груша». В данном случае мы видим адаптацию – переводчик заменяет оригинальное слово “Gooseberry” (или «крыжовник») на знакомое русскоязычному читателю, которое не имеет прямого аналога

в английском языке, но соответствует определённым контексту или образу. В русском языке образ «груши» в сочетании с технологической концепцией (пятой моделью) становится ироничным и узнаваемым. Это также подчёркивает нелепость и комичность объекта. Оригинальная структура фразы “the Dis-Organizer Mark Five, “The Gooseberry”™” в переводе была изменена, чтобы соблюсти нормы русской грамматики и звучание. В оригинале мы видим сначала “Dis-Organizer Mark Five”, а затем “The Gooseberry”. В русском переводе «бес-органайзер «Груша™» пятой модели» используется лексическая перестановка, при которой «пятая модель» перемещается в конец фразы, что является более естественным для русскоязычного восприятия.

12. “And in the twilight of the mouth of the cave, the geode hatched and the Brothers were born” – «И в сумеречном чреве пещеры из жеоды вылупились Братья». “Twilight” как «сумеречном» – калькирование, что сохраняет атмосферу таинственности, которая есть в оригинале. “Geode” – «жеода»: здесь также применено калькирование, что является правильным решением. «Жеода» – это существующее в русском языке слово, обозначающее минерал с полостями, внутри которых могут быть кристаллы. Переводчик также использует эмфатизацию. Слово «чрево» подчёркивает важность рождения, которое происходит в «глубине» и скрыто от обычного взгляда, что усиливает философскую нагрузку на момент рождения Братьев, добавляя слой таинственности. “Hatched” и “were born” обозначают два взаимосвязанных события, но переводчик предпочёл сделать акцент на результате этих действий и использовал опущение “were born” при переводе для достижения лаконичности.

На основе проведённого анализа перевода фэнтезийных элементов можно сделать несколько важных выводов о предпочтениях и тенденциях в переводческой практике. Наиболее частыми методами перевода являются калькирование, адаптация, и транслитерация, что отражает стремление сохранить как оригинальные культурные и языковые особенности произведений, так и сделать их более доступными и понятными для русскоязычных читателей.

Реже применяются такие методы, как транскрипция, модуляция, конкретизация, эмфатизация и генерализация, однако они все играют свою роль в достижении точности перевода и адаптации произведения к восприятию целевой аудитории.

Таким образом, в переводах фэнтезийных произведений особенно важно учитывать не только точность передачи оригинальных терминов и концептов, но и сохранение атмосферности, юмора и культурных особенностей. Использование разнообразных методов перевода позволяет эффективно адаптировать фэнтезийные реалии и сделать их доступными для русскоязычных читателей, при этом сохраняя уникальность и экзотичность оригинала.

Литература

1. Алексеева В. Н. Проблема перевода художественного произведения на иностранный язык // Ярославский педагогический вестник. – № 3. – Т. I (Гуманитарные науки) – 2012. – С. 153–155.
2. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: антол. / Под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – 320 с.
3. Макарова Л. С. Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода / Л. С. Макарова. – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – 256 с.

УДК 101.8 (43.399.7)

Н. В. Беленов, Е. А. Никитина

(Самарский государственный социально-педагогический университет)

НАЗВАНИЯ ЯБЛОНИ В ГОВОРАХ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В настоящей статье вводятся в научный оборот и анализируются названия яблонь в говорах мордовских языков Самарского Поволжья. Представленные в статье сведения сравниваются с аналогичными материалами с других территорий расселения носителей мордовских языков. Работа основывается на полевых материалах одного из авторов, полученных в ходе сезонов 2017 – 2024 гг.

Ключевые слова: мордва, мордовские языки, флоронимы, мокша-мордовский язык, эрзя-мордовский язык, Самарское Поволжье.

THE NAMES OF APPLE-TREES IN THE DIALECTS OF MORDOVIAN LANGUAGES IN SAMARA VOLGA REGION

In this article, the names of apple trees in the dialects of the Mordovian languages of the Samara Volga region are introduced into scientific circulation and analyzed. The information presented in the article is compared with similar materials from other territories inhabited by speakers of the Mordovian languages. The work is based on the author's field materials obtained during the 2017-2024 seasons.

Keywords: Mordva, Mordovian languages, floronyms, Moksha-Mordovian language, Erzya-Mordovian language, Samara Volga region.

Названия деревьев, в особенности деревьев культурных, в лексиконе каждого языка занимают особое место. Вместе с тем, в силу различных внутрилингвистических и экстралингвистических факторов, этот лексический кластер подвержен значительной диалектной дифференциации, что повышает интерес к его изучению.

В данной статье мы рассмотрим варианты флоронимов в говорах мордовских языков Самарского Поволжья для обозначения, пожалуй, наиболее значимого плодового дерева умеренных широт Северного полушария – яблони.

В культуре и мифологии мордвы данное дерево издавна занимало одно из центральных мест, лишь немногим уступая традиционно почитаемым дубу и берёзе [Вирысова, 2008].

Также традиционно упоминание яблонь и в песенном фольклоре мордвы, что, как мы увидим ниже, также находит отражение в системе наименований данного дерева в различных говорах мордовских языков.

Прежде, чем перейти к специальному рассмотрению собственно мордовских флоронимов в мокшанских и эрзянских говорах Самарской области, отметим, что в большинстве из них данное дерево, как и его плоды, называются по-русски, иногда с небольшой фонетической адаптацией. Наряду с этим, там, где активно развивается деятельность местных фольклорных ансамблей, исполняющих мордовские песни, заимствованные из специальной литературы, информанты отмечали, что им известно из песен «мордовское название яблони – умарина», но «так у нас здесь не говорят» (ПИМА, Самарская обл., Похвистневский р-н, с. Подбельск, 2024). Приведённый пример отнюдь не единичен, мы полностью процитировали его здесь лишь в качестве образца ответа информантов в целом ряде эрзянских сёл.

Таким образом, часть носителей эрзянского языка в Самарском Заволжье воспринимает собственно эрзянский флороним как «книжный», «правильный», но не «свой».

Также в качестве небольшого предисловия следует сказать, что литературно-письменные формы флоронимов в мокшанском и эрзянском языке (м. *марлю* и э. *умарина*) далеко не всегда находят своё отражение в диалектах. Отмеченный факт во многом находит объяснение в истории формирования литературно-письменных мордовских языков, в которую мы здесь углубляться не будем. Достаточно сказать, что даже форма, признаваемая канонической для названия яблони, например, в эрзянском языке, у различных авторов варьируется: *умарина* [Щанкина, 2011] и *умарькс* [Гребнева, 2017].

Свой небольшой обзор начнём с мокша-мордовских говоров Самарской Луки, отличающихся от большинства мокшанских диалектов заметным своеобразием, в том числе, в области лексики.

Флороним для обозначения яблони, бытующий в торновском говоре мокша-мордовского языка, имеет форму *марендомэ* (ПМА, Самарская обл., Волжский р-н, с. Торновое, 2018). По нашему мнению, его можно представить в виде двух лексем *марень* – яблочный + *ундо(а)* – дупло, с оформлением вариацией общемордовского аффикса *ма*, изменившего свой облик в соответствии с фонетическими особенностями самаролукских говоров мордвы-мокши. Подобная конструкция, правда, в эрзянских говорах, на территории Республики Мордовия отмечена А. М. Гребневой [Гребнева, 2017], а варианты значений лексемы *ундо(а)*, в настоящее время имеющей в большинстве мордовских говоров значение дупло, только подтверждает такую возможность.

Так, Д. В. Цыганкин и М. В. Мосин указывают, что *унда* / *ундо* в мордовских языках может именоваться и дуплистое дерево, дерево с полостью в стволе [Цыганкин, Мосин, 2015]; также представляет интерес приводимое Х. Паасоненом мокшанское *undä* в качестве синонима к мокшанскому же *тише* – трава, сено.

Кроме того, Х. Паасонен отмечает флороним *uma-ŕ-unda* в урюмском говоре мокша-мордовского языка (ныне в Тетюшском р-не Татарстана) для обозначения диких яблонь [Paasonen, 1990].

Отметим также, что на Самарской Луке из древесных пород особым почитанием у мордвы-мокши пользовалось дерево вяз, именно возле старых вязов традиционно совершались сельские и одиночные моления в Торновом и Бахилово [Беленов, 2018]. Однако, в селе Шелехметь, кро-

ме того, не меньшим почитанием пользовалась группа старых яблонь, произраставших вдоль дороги на русское село Новинки.

В заключение приведём диалектные варианты обозначения яблони, бытующие в ряде мокшанских диалектов, отмеченные В. П. Гришуниной: *марена* в западном диалекте, а также варианты *марлюкс*, *маринакс*, *маринафкс*, с превратительным суффиксом [Гришунина, 2015: 69], что можно также дополнить сведениями Х. Паасонена: *maŋonai* у темниковских мокшан и *maŋni* с разной степенью палатализации в целом ряде других мокшанских говоров [Paasonen, 1990].

В эрзянских говорах Самарского Заволжья, там, где собственно эрзянских флороним не вытеснен русским заимствованием, встречаются две его вариации.

В говорах сёл Степная Шентала (Кошкинский р-н Самарской обл.), Захаркино (Сергиевский р-н Самарской обл.), Старое Суркино (Шенталинский р-н Самарской обл.), Малый Толкай, Большая Ёга (Похвистневский р-н Самарской обл.) бытует вариант *умарь*; в говорах сёл Мордово-Аделяково (Исаклинский р-н Самарской обл.), Шилан (Красноярский р-н Самарской обл.), эрзянских сёлах Клявлинского р-на Самарской обл. – *умарина*.

Вариаций флоронима с аффиксом превратительного падежа, наиболее распространённым из которых в мордовских говорах на других территориях расселения является *умарькс*, в эрзянских говорах региона нами не зафиксировано.

Таким образом, наш краткий обзор свидетельствует о том, что в настоящее время в большинстве мордовских (мокшанских и эрзянских) говоров Самарского Поволжья собственно мордовское название яблони вытеснено русским заимствованием. Оно употребляется в разговорной речи носителями и тех мордовских говоров, в которых собственное название яблони ещё не забыто.

Среди тех мордовских флоронимов, которые удалось зафиксировать, выделяется мокшанское *марендомэ* и отсутствие в эрзянских говорах формы *умарькс*, тогда как в говорах мордовского населения волжского правобережья аффикс *кс* активно участвует в формировании форм соответствующих флоронимов.

Литература

1. Беленов Н. В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки / Н. В. Беленов. – Самара: Порто-принт, 2018. – 200 с.

2. *Вирясова Н. Н.* Мифологические мотивы в мордовской эпической поэзии / Н. Н. Вирясова. / Дисс. канд. филол. н. – Саранск, 2008. – 168 с.
3. *Гребнева А. М.* Названия плодовых деревьев и кустарников в мордовских языках и говорах // Ежегодник финно-угорских исследований / А. М. Гребнева. – 2017. № 2. – С. 7–18.
4. *Гришунина В. П.* Диалектная лексика мокшанского языка / В. П. Гришунина. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2015. – 172 с.
5. *Цыганкин Д. В., Мосин М. В.* Этимологиянь валкс / Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2015. – 224 с.
6. *Щанкина В. И.* Русско-мокшанско-эрзянский словарь / В. И. Щанкина. – Саранск: Поволжский центр культур финно-угорских народов, 2011. – 532 с.
7. *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch Zusammenestellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla / Н. Паасонен. – Helsinki, 1990–1995.

УДК 37.017.4

О. М. Биккулова

(МАДОВ «Детский сад № 252 комбинированного вида» г. Казани)

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСПЕХЕ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Статья описывает широкий набор компетенций современного руководителя дошкольной образовательной организации и их влияние на формирование национального сознания обучающихся и педагогов через реализацию воспитательно-образовательного процесса на двух языках – русском и региональном.

Ключевые слова: билингвальное обучение, культурный код, национальное сознание, духовно-нравственное развитие, человекоцентричность, заведующий детского сада, мотивация.

THE ROLE OF THE HEAD OF A PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION IN THE SUCCESS OF THE BILINGUAL EDUCATIONAL PROCESS

The article describes a wide range of competencies of a modern head of a preschool educational organization and their impact on the formation of national consciousness of students and teachers through the implementation of the educational process in two languages – Russian and regional.

Keywords: bilingual education, cultural code, national consciousness, spiritual and moral development, human-centricity, kindergarten head, motivation.

Современный мир наполнен безграничными возможностями для осуществления обучения. Период пандемии раскрыл невероятные масштабы преобразования образовательных технологий. Теперь, не выходя из дома, любой желающий имеет возможность освоить практически любую профессию, как минимум, теоретическую ее часть. Безусловно, дистанционное обучение и онлайн-формат, виртуальные занятия, искусственный интеллект, нейросети – все это резко повысило качество и быстроту самостоятельного освоения образовательных программ. Технологичный мир очередной раз приблизил нас к той картинке будущего, которая совсем недавно казалась фантастикой. И, как это часто бывает, получив высококачественный результат от этих новшеств, общество продолжает ставить всё более амбициозные цели – по показателям эффективности продаж, количеству заключенных контрактов, оформленных сделок, завершенных обучений и т. д. Продолжается гонка достигаторов. Однако, несмотря на то, что общество глубоко погружено в неограниченные на сегодня возможности экономических свершений, как никогда растет потребность людей в участии в их личном, душевном, эмоциональном состоянии. Исследовательская компания Ipsos в 2024 году выпустила ежегодный обзор бизнес-трендов, в которых красной линией обозначена основная линия ориентирования – Человекоцентричность. Продолжая тему «личного», необходимо сказать и о том, как изменилась государственная политика в сфере образования. На сегодняшний день, на первый план выходит именно воспитание, как основа духовно-нравственного формирования личности. Человеку нужен человек – так можно обозначить главную цель социального, культурного и нравственного развития общества в России. И когда речь заходит о методах такого воспитания в образовательных организациях, то одним из главных компонентов всегда выступает изучение родного языка. Наша страна огромна, и в большинстве регионов существует явление двуязычия – когда сразу два языка являются для человека родными. Научно дока-

зано, что через билингвальное образование не только формируется высоконравственная и духовно-развитая личность. Это так же позволяет интенсивно развивать интеллект детей, расширять кругозор, обогащать эрудицию. И, так как человек начинает свой путь в цивилизованное общество в дошкольной образовательной организации, этому, на наш взгляд, необходимо уделить особое внимание [Лебедева, 2024: 70]. Человек, впервые становясь участником большой социальной группы, в силу своего возраста не способен понять огромную важность этого шага и самостоятельно сформировать у себя истинно ценные качества личности. Эта колоссально ответственная роль ложится на детский сад – начиная от руководителя ДОО, заканчивая обслуживающим персоналом. Казалось бы, как может заведующий повлиять на качество изучения родного языка, если это прямая рабочая задача воспитателей и учителя родного языка?

Во-первых, руководитель детского сада – это ответственный носитель корпоративной культуры образовательной организации. Все его действия, речь, внешний вид, даже время, которое он проводит на работе – формируют его профессиональный облик, и, следовательно, задает образец для всего коллектива. Умение руководителя использовать в речи слова и выражения на двух языках автоматически делают его стандартом умений остальных сотрудников.

Во-вторых, грамотный руководитель всегда обладает умением создать эмоционально-благополучную рабочую атмосферу в своем коллективе, правильно замотивировать, аргументированно объяснить и выставить трудовые задачи, дать ясную картину предполагаемого развития и четко выставить рабочие цели. В ситуации, когда билингвальное обучение становится новшеством для образовательной организации, руководитель может столкнуться с рядом препятствий для его реализации. Большинство педагогических работников, обычно, имеют консервативные взгляды на свою деятельность, и выходить из комфортного профессионального пространства для них часто бывает очень сложно. Педагоги переживают определенный кризис, связанный с расширением их трудового функционала, введением новых элементов в их ежедневную программу работы, необходимостью самостоятельного освоения навыка второго языка, который должен соответствовать достаточно высокому уровню. Задача руководителя ДОО состоит в том, чтобы компетентно преодолеть подобные негативные моменты, суметь продемонстрировать достойный личный пример

саморазвития, готовность оказать поддержку каждому своему подчиненному, быть не просто распорядителем, но и соисполнителем обозначенной работы [Гермогенова, 2021:16].

Наконец, в-третьих, руководитель образовательной организации – это всегда носитель национального культурного кода. Учитывая сегодняшнюю тенденцию постоянно растущей популярности патриотизма (особенно, среди молодежи), целенаправленную на духовно-нравственное воспитание национальную политику государства, национальные проекты по развитию внутреннего туризма, борьбу за национальный суверенитет и свободу от экономической зависимости – всё это создает серьезные предпосылки для того, чтобы федеральный и региональный культурные коды были сверхпопулярны как в российском, так и в международном сообществе. Ярким примером может послужить прошедший в октябре 2024 года саммит БРИКС, когда на весь мир заявила о себе Республика Татарстан. Люди со всего мира имели возможность погрузиться в самобытную древнюю культуру, уникальным образом соединившую мусульманский и христианский миры: народные праздники, обычаи, литературу, кулинарию, национальную одежду, две Конституции и два языка. Руководитель образовательной организации в этих условиях выступает лицом культурной общественности и образцом межкультурной интеллигентности. Он обязан иметь качественные и современные знания об истории родного края, его передовых достижениях, выдающихся соотечественниках, и быть в курсе долгосрочных планов экономического и социального развития региона.

Таким образом, руководитель ДОО имеет непосредственное влияние на качество билингвального обучения. Для каждого он представляет собой образец гражданина с высокими патриотическими, морально-нравственными и культурно-деловыми качествами. Он всегда способен вдохновлять – как сотрудников, так и обучающихся. С ним невероятно интересно общаться, он заставляет окружающих чувствовать истинную гордость за свою национальную принадлежность, любовь к своей замечательной родине, и, конечно, вызывает искреннее желание стать уверенным носителем второго родного языка.

Литература

1. Гермогенова Е. В. Эффективное управление. 8 шагов к успеху / Е. В. Гермогенова. – М.: ТЦ Сфера, 2021. – 112 с.

2. Лебедева С. Е., Полковникова Т. Г. Качества личности ребенка будущего: какие они? / С. Е. Лебедева, Т. Г. Полковникова // Управление дошкольным образовательным учреждением. 2024. – № 4. – С. 70–72.

811.111'366.522:070

Л. В. Боброва, Л. Л. Косташ

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФЕМИНИТИВОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале современной прессы)

Данная работа посвящена исследованию особенностей использования феминитивов в английском языке на материале современной прессы, а также способам образования феминитивов. Феминитивы – это языковые формы, обозначающие лиц женского пола в профессиях, должностях и социальных ролях.

Ключевые слова: феминитивы, английский язык, способы образования феминитивов, язык СМИ, современная пресса.

PECULIARITIES OF THE USE OF FEMINITIVES IN THE ENGLISH LANGUAGE (based on the modern press)

The article is devoted to the study of the features of the use of feminitives and the ways of forming feminitives in the English language based on the material of the modern press. Feminitives are linguistic forms that refer to female individuals in professions, positions, and social roles.

Keywords: feminitives, English language, ways of forming feminitives, media language, modern press.

В последние десятилетия английский язык претерпел значительные изменения, особенно в контексте использования феминитивов – слов, обозначающих женский род в профессиях, должностях или социальных ролях. Современные СМИ играют ключевую роль в формировании общественного восприятия гендера и языка, активно внедряя феминитивы.

Для определения понятия возьмём то, которое выделяет Т. В. Федотова в своих работах. По её словам, феминитивы – это слова

женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода [Федотова, 2016: 67].

Феминитивы продолжают существовать и использоваться, особенно в языках, наделённых гендерной маркированностью. Гендерная маркированность, в свою очередь, – это комплекс признаков, «позволяющих идентифицировать языковую единицу как относящуюся к тому или иному полу» [Кирилина, 2002: 226].

Английский язык традиционно считается сравнительно нейтральным по отношению к грамматическому роду, но всё же обладает гендерной маркированностью.

Классификацию феминитивов можно выделить на основе способов их образования. Э. В. Семёнова выделяет основные способы образования феминитивов:

- 1) аффиксальный (добавление гендерно-маркированных суффиксов);
- 2) гендерно-маркерный вариант (замена существительного мужского рода соответствующим существительным женского рода);
- 3) гендерно-маркерный вариант (добавление гендерных маркеров к нейтральным словам) [Семенова, 2020: 14].

Для рассмотрения конкретных примеров начнём с аффиксального способа. Для наглядности поделим представленные феминитивы на четыре группы: социальный статус, профессии, занятия и другое. Группы не будут иметь конкретные границы, так как слова можно отнести к разным категориям. К примеру, для кого-то написание книг или стихов может быть, как профессией, так и простым занятием. Женщина-священница может иметь и особый социальный статус, и соответствующую профессию. То есть к занятиям мы отнесли слова, которые могут быть и профессиями, но часто таковыми для людей не являются. К группе «другое» отнесли слова, которые или имеют расплывчатое значение и их можно было бы отнести к разным группам, или которые сложно причислить к какой-то конкретной. И разберём способы образования этих слов.

Социальный статус:

Countess [<https://www.smithsonianmag.com/history/daughters-of-wealth-sisters-in-revolt-1319484/>]

Слово “countess” происходит от старофранцузского “comtesse”, которое в свою очередь восходит к латинскому “comes, comitis”, обозначающему «сопровождающий» или «граф». Таким образом, под

“countess” изначально подразумевалась жена графа. Данное слово интересно потому, что оно может быть эквивалентом двух мужских статусов. Во-первых, это титул, который в основном используется для обозначения женщины, занимающей ранговое положение, равное графу (count) в аристократической иерархии, часто в некоторых странах, таких как Великобритания или Франция (титул обычно передается по наследству). А во-вторых, данное слово может использоваться в контексте аристократии, когда речь идет о землевладельцах или знатных особах, связанных с определенной областью или земельным наделом. В этом случае оно является эквивалентом слова “earl” («эрл»).

Профессии:

Stewardess [<https://www.smithsonianmag.com/air-space-magazine/the-golden-age-of-flight-attendants-40176907/>]

“Stewardess” (на русском – «стюардесса», «бортпроводница») происходит от староанглийского “styward” (в буквальном значении “управляющий”) и суффикса “-ess”, который указывает на женский род. “Steward” изначально относился к человеку, управляющему хозяйством, затем к проводнику на корабле или в самолете. Является эквивалентом слова “steward” (стюард, бортпроводник).

Занятия:

Authoress [<https://www.smithsonianmag.com/history/how-one-amateur-historian-brought-us-stories-african-americans-who-knew-abraham-lincoln-180968215/>]

Слово “authoress” (авторша, писательница) используется для обозначения женщины, которая пишет, особенно в литературной сфере. В настоящее время этот термин считается избыточным и даже устаревшим, поскольку слово “author” используется как для мужчин, так и для женщин, и многие считают его более уместным и нейтральным. Термин “authoress” происходит от английского слова “author”, которое происходит от латинского “auctor”, означающего «автор» или «создатель», с добавлением суффикса -ess, который используется для образования существительных женского рода.

Другое:

Goddess [<https://msmagazine.com/2021/06/08/grace-project-breast-cancer-photography-women/>]

Слово “goddess” (богиня) происходит от староанглийского “god-desse”, где “god” означает «бог», а суффикс “-ess” указывает на женский

род. Это слово отражает культуру и верования общества, где существовали женские божества, разные культурные традиции и мифологии.

К гендерно-маркерному варианту, заключающемуся в замене существительного мужского рода соответствующим существительным женского рода, относятся следующие примеры.

Социальный статус:

Tribeswoman [<https://www.smithsonianmag.com/arts-culture/an-osage-family-reunion-57194/>]

Tribeswoman – это женщина, принадлежащая к определённому племени или этнической группе, часто используемая для обозначения культурной или социальной идентичности. Обычно употребляется в контексте традиционных или коренных сообществ. Данное слово образовано от сочетания двух частей: “tribe” (племя) и “woman” (женщина). “Tribe” происходит от латинского “tribus”, что означало «племя, род» в древнем Риме. “Woman” имеет древнеанглийские корни, восходящие к староанглийскому “wīf”, что также означало “женщина”.

Профессии:

Stateswoman [<https://www.smithsonianmag.com/history/shirley-temple-black-second-act-diplomat-180980038/>]

Словом “stateswoman” обозначают женщину, занимающуюся политикой на высоком уровне, обычно речь идёт о должностях, связанных с управлением государством или общественными делами. Этот феминитив подчёркивает не только пол, но и общественное и политическое влияние женщины в контексте управления и служения нации. Слово часто используется в формальных и неформальных контекстах. Оно образовано от английского слова “state” (государство), которое происходит от латинского “status”, означающего «положение» или «статус», и “-woman”, указывающего на женский род. Это слово стало употребляться для описания женщин, осуществляющих значимые политические функции с начала XX века.

Занятия:

Doorwoman [<https://www.smithsonianmag.com/history/navigating-siberia-180981202/>]

Словом “doorwoman” называют женщину, которая выполняет функции смотрителя или охранника на входе в здание, обычно в крупных жилых комплексах или офисах. Данное слово образовано от двух частей: “door” (дверь) и “woman” (женщина), то есть, это женщина, охраняющая или контролирующая вход в здание.

Другое:

Mermaid [<https://www.smithsonianmag.com/smart-news/no-john-smith-did-not-see-mermaid-1614-180955692/>]

Mermaid (в переводе на русский – «русалка») – это мифологическое существо, представляющее собой полуженщину-полурубу, обычно с верхней частью тела, похожей на женщину, и нижней частью, напоминающей рыбу. Русалки часто ассоциируются с морем и бывают изображены как обольстительные и красивые создания, которые могут завлекать моряков в опасные воды. Слово “mermaid” происходит от среднеанглийского “mermeid”, которое, в свою очередь, является сочетанием слов “mere” (озеро или море) и “maid” (девушка или женщина).

Также приведём примеры гендерно-маркерного варианта, заключающегося в добавлении гендерных маркеров к нейтральным лексическим единицам.

Социальный статус:

Female pirate [<https://www.yachting.com/en-gb/news/most-famous-female-sailors-of-all-time>]

“Female pirate” (женщина-пират) образовано путём добавления к слову “female” слова “pirate” и является его эквивалентом.

Профессии:

Woman president [<https://www.smithsonianmag.com/history/history-women-presidents-film-180959899/>]

Феминитив “woman president” образован путём добавления к слову “woman” слова “president” и означает женщину, являющуюся главой государства, то есть президентом.

Другое:

She-wolf [<https://kindredspirit.co.uk/2023/08/18/reclaiming-wild-wisdom-with-the-she-wolf-archetype/>]

Слово “she-wolf” (волчица) обозначает взрослую самку волка. Этот термин часто используется для обозначения конкретного пола животного, а также может вызывать ассоциации с определёнными чертами характера, такими как дикость, независимость и сила. Термин “she-wolf” происходит от древнеанглийского “wulf” вдобавок к “she”, указывающего на женский род.

В большинстве случаев способом образования феминитивов выступал аффиксальный, далее – гендерно-маркерный вариант, заключающийся в замене существительного мужского рода соответствующим

щим существительным женского рода и реже встречались примеры гендерно-маркерного варианта, заключающегося в добавлении гендерных маркеров к нейтральным лексическим единицам.

Итак, можно заметить, что наблюдается активное использование феминитивов, особенно в статьях, посвященных вопросам равенства полов и прав женщин. Однако в некоторых случаях сохраняется использование традиционных форм, что может свидетельствовать о сопротивлении изменениям в языке.

Вопрос о целесообразности сохранения или отказа от феминитивов остаётся предметом лингвистических и социальных дискуссий.

Литература

1. Кирилина А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации / Кавказоведение. Caucasiology. – М., 2002. – № 2. – С. 134–141.
2. Семенова Э. В. Феминитивы и гендерно-нейтральная лексика в современном английском языке. МЦНЭС «Наука и Просвещение», 2020. – С. 15.
3. Федотова Т. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английских языках. Евразийский Союз Ученых (ЕСУ), № 7 (28), 2016, С. 67–69.
4. www.kindredspirit.co.uk
5. www.ms magazine.com
6. www.yachting.com
7. www.smithsonianmag.com

УДК 81

М. Д. Богданова

(Белгородский государственный университет национальный исследовательский университет)

МЕДИАДИСКУРС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРОВАННОГО МИРА

В статье рассматриваются особенности масс-медийного пространства в условиях глобализованного мира. Сделаны выводы о взаимосвязанной природе понятий «дискурса» и «медиадискурса», определен ключевой компонент медиадискурса – медиатекст, характеризующийся интертекстуальностью с включением инокультурных прецедентных феноменов.

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, медиатекст, глобализация, интертекстуальность, прецедентность, средства массовой информации.

MEDIA DISCOURSE IN THE GLOBALIZED WORLD

The article discusses the peculiarities of mass media space in the globalized world. The conclusions are drawn about the interrelated nature of the concepts of “discourse” and “media discourse”, the key component of media discourse is defined – it is media text, characterized by intertextuality with the inclusion of foreign cultural precedent phenomena.

Keywords: discourse, media discourse, media text, globalization, intertextuality, precedence, mass media.

Медиадискурс представляет собой сложное динамическое явление, формируемое в контексте транснациональных потоков информации, размывающих национальные и географические границы государств, создавая при этом глобальное коммуникативное пространство. В широком смысле М. В. Матюхина определяет медиадискурс, «как устную и письменную речь, заключённую в медиапространство» [Матюхина, 2019: 119]. В более узком смысле под медиадискурсом понимается содержательно сфокусированный и социально детерминированный процесс речемыслительной деятельности, проявляющийся в специфических сегментах массовой коммуникации и адаптированный к культурному и общественному контексту конкретного социума [Кожемякин, 2010].

Так, по мнению В. И. Карасик: «цель медиадискурса включает предварительное условие передачи новостей – захват и удержание внимание аудитории, а также программируемое следствие сообщения определенной информации – сохранение либо изменение картины мира и системы ценностей в сознании получателей новостей», что определяется функциональной направленностью медиадискурса [Карасик, 2015: 412]. Функции медиадискурса представляют собой сложный конгломерат взаимосвязанных процессов, определяющих динамику информационного взаимодействия в современном мире. В условиях цифровой гиперсвязности медиадискурс становится не просто средством передачи смыслов, но и мощным инструментом конструирования реальности [Добросклонская, 2008].

На этом основании выделяются различные функции медиадискурса (их количество и интерпретации могут варьироваться в зависимости от научных традиций), не существующие отдельно, а представляющие собой целостную систему, в нее входят: информационно-репрезента-

тивная (сбор, интерпретация и трансляция информации, создающая определенную картину мира); манипулятивная (воздействие на массовое сознание людей посредством убеждающих стратегий, эмоциональных триггеров и когнитивных искажений, направляя общественное мнение в выгодное русло); эмоционально-экспрессивная (усиление эмоциональной вовлечённости аудитории путем формирования спектра реакций, варьирующегося от страха и возмущения до сочувствия и вдохновения, влияя на глубинные психосоциальные процессы); когнитивная (структурирование знаний путем определения способов осмысления и интерпретации действительности, задавая рамки понимания событий); развлекательная (предоставление возможности для развлечения и психологической разгрузки); коммерческая (превращение контента в инструмент потребления, брендинга и формирования экономической выгоды) [Анохина, 2015].

Основной компонент, при помощи которого строится медийного пространства – это медиатекст, характеризующийся медиативностью, то есть данный вид текста включает в себя не только вербальные и невербальные речевые продукты, а также визуальные, аудиальные и интерактивные элементы. Его структура подчинена логике медиапотребления: фрагментарности, гиперссылочности, полифоничности смыслов и динамичности обновления. Медиатекст обладает высокой степенью адаптивности к специфике медиаплатформы и целевой аудитории. Медиатекст отличается своей интертекстуальностью, которая, по мнению Н. А. Фатеевой, «подразумевает взаимопроникновение текстов разных временных слоев, и каждый новый слой преобразует старый» [Фатеева, 2000: 215].

Интертекстуальность тесно связана с таким явлением, как прецедентность, под которой понимаем способность текста отсылать к уже известным культурным, историческим, литературным феноменам, вызывая при этом у реципиента устойчивые ассоциативные связи. Прецедентность может выражаться посредством аллюзий, символических отсылок, цитат, каламбуров что делает текст многоплановым, усиливая его выразительность и способность воздействовать на аудиторию [Джанаева, 2008].

Значительная часть интертекстуальности отводится инокультурным прецедентным феноменам, в частности заимствованиям из английского языка в связи с его глобальным распространением в мире, ниже приведем примеры инокультурных прецедентных феноменов

художественной литературы и публицистики, которые являются узнаваемыми в большинстве человеческих коллективов:

Концепция «Американская мечта» (“American Dream”), которая восходит к американской культуре, часто используется в мировых СМИ как универсальный символ успеха, социального лифта и капиталистических ценностей. Образ «Большого брата» (“Big Brother”) – термин из романа Джорджа Оруэлла «1984», который стал символом тотального государственного контроля, активно используется в политических и медийных дискурсах, в том числе в странах, не относящихся к англоязычной культуре. Концепция редкого и непредсказуемого события «Чёрный лебедь» (“Black Swan”), популяризированная американским эссеистом Нассимом Талебом в своем произведении, широко употребляется в экономическом и политическом дискурсах [Ивченко, 2018].

Таким образом, можно сделать вывод, что специфика медиадискурса в условиях глобализации заключается в гомогенизации общества, приводя его в унифицированное состояние посредством предпочтительного использования одного языка (английского языка), и переплетения между собой различного рода текстов путем отсылки к уже ранее упомянутым феноменам культуры, истории, литературы, мифологии и др., что в научной литературе определяется, как «декультурация» мирового пространства. Более того медиадискурс обладает мощнейшим функциональным набором, который способен интерпретировать, манипулировать и развлекать аудиторию создавая картину мира, отражающую не только объективную реальность, но и динамику общественных представлений и идеологий.

Литература

1. Анохина В. В. Медиатизация как фактор трансформации социальных пространств и метаморфозы культурных традиций / В. В. Анохина // Социальные науки. 2015. – С. 13–18.
2. Джанаева В. В. Медиадискурс и инокультурные прецедентные Феномены / В. В. Джанаева // Северо-Осетинский государственный университет. 2008. – № 6. – С. 132–137.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добровольская. – М.: Флинта, 2008. – 203 с.
4. Ивченков В. И. Медиадискурс современности: Стилистические приоритеты и экстралингвистические факторы / В. И. Ивченков // Актуальные проблемы стилистики. 2018. – № 4. – С. 71–76.

5. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.
6. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2010. – № 11. – С. 13–21.
7. Мамонова Н. В. Медиадискурс как глобальное коммуникативное пространство / Н. В. Мамонова // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. – № 3. – С. 68–74.
8. Матюхина М. В. Интернет-блог как представитель компьютерного медиадискурса / М. В. Матюхина // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2019. – № 3(43). – С. 118–128.
9. Орлова О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М. Н. Кожиной / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного университета. 2018 – № 4 (24). – С. 19–25.
10. Фатеева Н. А. Медиадискурс как глобальное коммуникативное пространство / Н. А. Фатеева // Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

УДК 811.112.2

Т. М. Большакова

(Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

**КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ВАРИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
СУБЖАНРА «РОЖДЕСТВЕННОЕ ПИСЬМО РОДИТЕЛЯМ»
(на материале немецкого языка)**

В статье рассматриваются конститутивные признаки субжанра «рождественское письмо родителям», тексты которого реализуют письменную деловую коммуникацию между школьными учреждениями ФРГ и родителями учащихся. Выявлены отклонения от прототипа, свидетельствующие о вариативных возможностях субжанра.

Ключевые слова: институциональный дискурс, жанр письма, конститутивные признаки, вариативность жанра.

**CONSTITUTIVE FEATURES AND VARIABLE POTENTIAL
OF THE SUBGENRE "CHRISTMAS LETTER TO PARENTS"
(based on the material of the german language)**

The article discusses the constitutive features of the subgenre “Christmas letter to parents”, the texts of which implement written business communication between German schools and parents of students. Deviations from the prototype are revealed, indicating the variable possibilities of the subgenre.

Keywords: institutional discourse, genre of writing, constitutive features, variability of genre.

Цель исследования заключается в описании модели речевого субжанра «рождественское письмо родителям» (*Elternbrief zu Weihnachten*, *Elternbrief Weihnachten*, *Weihnachtsbrief*), который входит в состав жанрового пространства институционального Интернет-дискурса немецких школ различных ступеней, и выявлении вариативного потенциала субжанра. Эмпирический материал исследования представлен 60 текстами, манифестирующими речевой субжанр «рождественское письмо родителям». Тексты получены в результате сплошной выборки с сайтов немецких учебных заведений различных типов – начальных и реальных школ, прогимназий, гимназий и др. – по запросу *Elternbrief Weihnachten*.

Письма родителям (*Elternbriefe*), которые создаются представителями администрации немецких учебных заведений и размещаются на их официальных веб-сайтах, отражают глобальную стратегию агентов по поддержанию контакта со взрослыми клиентами школы как социального института, выполняющего задачи по передаче знаний младшим клиентам и их социализации. Клиенты, реализующие в институциональном пространстве школьных учреждений социальный статус «родители» (*Eltern*) или «лица, имеющие право заниматься воспитанием детей» (*Erziehungsberechtigte*), выполняют в зависимости от конкретных ситуаций различные социальные роли. Как показывает обширный эмпирический материал, отбравшийся автором на протяжении последних 10 лет, родители учащихся немецких учебных заведений выступают субъектами нормы; посредниками между школой и клиентами-учащимися; членами органов школьного самоуправления, принимающими нормативные документы школьного уровня и др. (см., например: [Большакова, 2024]).

Базовый речевой жанр «Письмо родителям» (*Elternbrief*) трансформируется в школьном интернет-дискурсе в субжанры, вербализующие различные информационные поводы, например, «Пасхальное письмо родителям» (*Elternbrief zu Ostern*), «Письмо родителям во время панде-

мии» (*Elternbrief Corona*), «Письмо родителям перед началом учебного года» (*Elternbrief zum Schulstart*), «рождественское письмо родителям» и др. Все они, составляя в совокупности школьный клиентский эпистолярный дискурс, занимают заметное место в деловой интернет-опосредованной коммуникации между агентами и клиентами.

Выделение конститутивных признаков исследуемого субжанра опирается на комплекс жанровых характеристик, актуальных для описания модели или прототипа любого жанра. В основе исследования лежат модели жанров устной и письменной коммуникации, разрабатывавшиеся Т. В. Шмелёвой, Н. В. Лебедевой и В. В. Дементьевым [Дементьев, 2020]. При описании прототипа субжанра учитывались такие параметры, как 1) субстратная характеристика [Лебедева, Рабенко, 2022: 302]; 2) доминантная коммуникативная цель, или интенция; 3) образ автора/адресанта; 4) образ адресата; 5) событийное содержание; 6) языковое оформление текстов.

Субстратом, или материальным носителем, жанра является интернет-пространство официального сайта учебного заведения, ограниченное разделом «Письма родителям» (*Elternbriefe*). Доминантная коммуникативная цель, лежащая в основе порождения и функционирования субжанра, заключается в информировании адресатов о событиях, предшествовавших наступающему Рождеству, и о событиях, которые произойдут после рождественских каникул.

Информативная интенция поддерживается еще двумя релевантными для данного субжанра интенциями – выражением благодарности различным субъектам воспитательно-образовательного процесса, принимавшим участие в важных для школы мероприятиях в уходящем году, и поздравлениями с наступающим Рождеством, например: *Wir bedanken uns ganz herzlich bei Ihnen, dass Sie uns bei unserer Arbeit so tatkräftig unterstützt haben <...>* (Мы сердечно благодарим вас за то, что вы так энергично поддерживали нас в нашей работе <...>); *Im Namen des gesamten Teams wünsche ich Ihnen und Ihren Lieben frohe Weihnachten und eine gemütliche und friedvolle Zeit.* (От имени всего коллектива я желаю вам и вашим родным радостного Рождества и уютного и мирного времяпрепровождения.)

Таким образом, содержание стандартного рождественского письма включает в себя три релевантных тематических блока – информативный, благодарственный и поздравительный. Вариативный потенциал субжанра предоставляет адресантам возможность либо

содержательно и количественно усилить тот или иной блок, либо представить адресатам его редуцированный вариант. Этот выбор адресантов находит свое выражение в подходах к объему конкретных текстов – от одной страницы до 49 страниц. К частным интенциям, использование которых допускает жанровый прототип, относится побуждение адресатов к каким-либо действиям в интересах учащихся или учебного заведения.

Проведенный анализ способов экспликации образа автора в исследуемых текстах позволяет прийти к выводу о том, что адресанты текстов – руководители учебных заведений – совпадают с авторами и субъектами речи. Этот факт выражается прежде всего в реализации «эгоцентрической прагматической перспективы» текстов с помощью различных сигналов эгоцентризма – личных и притяжательных местоимений 1-го лица, глаголов ментального и эмоционального состояния, слов и словосочетаний с модальной и оценочной семантикой, интенсификаторов и пр. [Гончарова, Ньюбина, 2015: 157; Большакова, 2019: 228]: *Ich hoffe sehr, dass es so kommt und wir zunehmend in ruhigeres Fahrwasser kommen. Wir sind alle erschöpft.* (Я очень надеюсь на то, что всё нормализуется, и наша жизнь войдет в спокойное русло. Мы все измучены).

Использование определенных стилистических подходов к передаче фактуального содержания свидетельствует о наличии особой эмоционально, экспрессивно и оценочно нагруженной стилистической организации дискурса, реализующейся в связи с тем, что создатели текстов нередко отступают от стандартного официально-делового стиля и выражают себя не только как представители администрации, но и как личности, открыто выражающие свои мысли и чувства, проникнутые индивидуальным отношением и стремлением поддерживать доверительные отношения с адресатами, например: *Liebe Eltern, ein besonderes Jahr geht zu Ende, welches unser aller Leben auf den Kopf gestellt hat und immer wieder geprägt war von Ungewissheit, Veränderungen, spontanen Umplanungen, vielleicht auch Ängsten und Unsicherheiten.* (Дорогие родители, к концу подходит особый год, который перевернул нашу жизнь с ног на голову и принес с собой неопределенность, изменения, спонтанные корректировки планов, а может быть, и страхи и неуверенность).

Реальные персонифицированные создатели текстов эксплицитно указывают на свое авторство, размещая в постпозиции к основному тексту свое имя и фамилию: *Mit freundlichen Grüßen / Bernhard*

Schmidt / Rektor (С дружеским приветом / Бернхард Шмидт / Директор). Подпись или подписи авторов помещаются под текстом в том случае, если текст оформлен в виде pdf-файла. Указание на имя автора или авторов является обязательным элементом рождественских писем и не допускает варьирования.

Образ адресата отражает вербализованное в текстах представление адресантов о коллективном получателе письма, референтом которого выступает родительский коллектив учебного заведения, состоящий из конкретных лиц. Эксплицитные маркеры адресованности представлены прежде всего обращениями к родителям или лицам, имеющим право воспитывать детей: *Sehr geehrte, liebe Eltern* (Уважаемые, дорогие родители); *Liebe Eltern und Erziehungsberechtigte* (Дорогие родители и лица, имеющие право воспитывать детей). Обращение является обязательным элементом писем. Отклонения от стандартной формы обращения производятся с целью расширения модели адресата и выражаются включением в нее наряду с родителями учащихся: *Liebe Kinder, liebe Eltern* (Дорогие дети, дорогие родители); *Liebe Eltern, liebe Schülerinnen und Schüler* (Дорогие родители, дорогие ученицы и ученики).

Исследуемые тексты отличаются в своей совокупности широким диапазоном разноуровневых средств выражения адресованности и диалогичности, включающим в себя местоимения *Sie/Вы* и мы-инклюзивное, императивные предложения, уточняющие конструкции, вопросы, риторические вопросы и др., например: *Bitte besprechen Sie zuhause, was für den Schulbaum geeignet sein kann* (Пожалуйста, обсудите дома, что лучше всего подойдет для школьной рождественской ели); *Möchten Sie gerne noch mehr über die Projekte und unser Engagement erfahren? Wir laden Sie herzlich ein, unsere Homepage zu besuchen* (Вы хотели бы получить больше информации о наших проектах? Мы сердечно приглашаем вас посетить нашу домашнюю страницу).

Проведенное исследование позволило прийти к следующим основным выводам. Субжанр «рождественское письмо родителям» занимает заметное место в письменной деловой коммуникации администраций учебных заведений и родителей учащихся. Тексты, представляющие данный субжанр, строятся в соответствии с определенным прототипом, отражающим релевантные для субжанра параметры. К ним относятся коммуникативно-смысловые блоки в композиционной структуре текстов, а также структурные элементы, характерные для текстов

любых эпистолярных жанров. Специфика коммуникативной ситуации институционального взаимодействия агентов и клиентов школьных учебных заведений определяет выбор вариативных подходов адресантов к вербализации их основных интенций. Использование стилистических приемов, характерных для личных писем, эксплицитная субъективно-модальная окрашенность текстов, экспрессивность, установка на диалогическое общение с адресатами свидетельствуют о богатом вариативном потенциале субжанра «рождественское письмо родителям», отражающем социокультурные особенности письменной деловой коммуникации в немецкой системе школьного образования.

Литература

1. *Большакова Т. М.* Квазиэгоцентризм как прием коммуникативно-речевого построения нормативного текста (на примере нормативных текстов немецких начальных школ) / Т. М. Большакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. Вып. 12. – С. 226–230. DOI 10.30853/filnauki.2019.12.44
2. *Большакова Т. М.* Текстовая актуализация родителей как адресатов и субъектов речи в школьном нормативном дискурсе (на материале немецкого языка) / Т. М. Большакова // Текст – Дискурс – Культура. Материалы II Международной конференции. 16–18 мая 2024 г. Кубанский государственный университет, 2024. – С. 47–53.
3. *Гончарова Е. А., Нюбина Л. М.* Личное письмо как эгоцентрический тип текста в реальной и литературной коммуникации / Е. А. Гончарова, Л. М. Нюбина // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 1 (29). – С. 155–168.
4. *Дементьев В. В.* «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой (прошлое, настоящее, будущее): к 30-летию жанроведческой модели / В. В. Дементьев // Жанры речи. – 2020. – № 4 (28). – С. 252–262. DOI 10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262
5. *Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г.* Субстрат текстов естественной письменной речи в аспекте жанровой релевантности / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 300–311. DOI 10.17223/18137083/81/23

Э. Р. Брагина

(Институт экономических исследований)

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
АДАПТАЦИИ АНГЛИЦИЗМОВ И ПСЕВДОАНГЛИЦИЗМОВ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

В статье проведено сопоставительное исследование адаптации англицизмов и псевдоанглицизмов, который определяется анализом его деривационного потенциала и наличием метонимического переноса.

Ключевые слова: семантическая адаптация, англицизмы, псевдоанглицизмы, деривационный потенциал, метонимический перенос.

**COMPARATIVE STUDY OF THE SEMANTIC ADAPTATION OF ANGLICISMS
AND PSEUDOANGLICISMS IN THE ECONOMIC TERMINOLOGY
OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

The article presents a comparative study of the adaptation of anglicisms and pseudoanglicisms, defined by the analysis of their derivational potential and the presence of metonymic transfer.

Keywords: semantic adaptation, anglicisms, pseudoanglicisms, derivational potential, metonymic transfer.

Заемствования являются частью любого языкового дискурса, обогащая его лексикон и «оживляя» новыми лексемами, фразами, морфемами, другими словами, заставляя язык-реципиент изучать заимствованный язык, адаптируя его под свои стандарты. Похожая ситуация происходит и с мозгом человека, во избежание атрофии головного мозга (дименции) врачи рекомендуют изучать что-то новое, например, иностранный язык, что приводит к стимулированию мышления и поддержанию когнитивных процессов.

В нашем исследовании мы проведем сопоставительный анализ глубины адаптации англицизмов и псевдоанглицизмов в терминологии экономики в русском языке. Рассмотрим классификацию, позволяющую определить степень адаптации заимствований. Степень адаптации заимствованного термина определяется его деривационным потенциалом, который может достигать 5 баллов. Этот потенциал

включает наличие словообразовательного ряда, парадигматического ряда, а также синонимических, антонимических рядов и паронимических пар. Также учитываются метонимический перенос (1 балл), обогащение термина дополнительными значениями в рамках одной терминосистемы (1 балл) и включение термина в несколько терминологических систем (1 балл). Максимальная оценка, отражающая степень адаптации заимствованного термина, составляет 8 баллов. Мы считаем, что термины с 8-балльной степенью адаптации занимают промежуточное положение между «модифицированными» заимствованиями и исконными терминами, и предлагаем называть их «эвфониями». Этот термин происходит от греческого слова “εὐφωνία” (euphonia), что переводится как «приятное звучание». В контексте высоко адаптированного заимствованного термина «эвфония» символизирует гармоничное и естественное интегрирование слова в язык, что делает его звучание и использование более удобным и привычным для носителей языка. Таким образом, мы предлагаем следующую схему, отражающую эволюцию адаптации заимствованных терминов, завершающуюся исконным термином: «инертные» заимствования – «модифицированные» термины – «эвфонии» – исконные термины.

В нашем сопоставительном исследовании мы обсудим семантическую трансформацию нескольких наиболее ярких примеров из 2 групп: англицизмы («даун-тик» и «бренд») и псевдоанглицизмы («менеджер» и «маркетинг»). Для обозначения заимствований, которые из-за своих фонетических и графических оболочек воспринимаются англицизмами в русской языковой среде, но имеют иную языковую этимологию, а английский язык является языком опосредованным, предлагаем использовать термин «псевдоанглицизмы» (от греч. “ψευδής” – «ложный» и лат. “anglicismus” – «англицизм»). Это название подчеркивает, что такие слова выглядят как англицизмы, но на самом деле имеют иную этимологию. Большинство псевдоанглицизмов имеют латинскую этимологию (около 72 %), французскую – 11 %, немецкую – 6 %, итальянскую – 5 %, греческую и старонорвежскую – по 2 %.

Англицизмы. Рассмотрим семантическую адаптацию термина «даун-тик» (от англ. “down tick”) – «скачок (курса) вниз, обозначение на табло в биржевом зале последней по времени биржевой сделки с конкретными ценными бумагами по цене ниже предыдущей» [https://gufo.me/dict/economics_terms/ДАУН-ТИК]. Общеупотребительное слово “tick” переводится как «галочка», «птичка» (отметка),

которое войдя в биржевую терминологию начало означать минимальное изменение цены актива, которое высвечивается на табло в виде галочки, термин «даун-тик» конкретизирует значение и указывает на направление изменения минимальной цены. Обращение значениями термина в биржевой терминологии выражается в новом значении термина «даун-тик», обозначающем изменение настроения инвесторов в результате скачка курса вниз. Следующий этап семантической адаптации термина – это его использование в различных терминологиях: в алгоритмической торговле в значении анализа трендов на рынке и решения о продаже или покупки активов, в психологии в значении снижения уверенности в себе при неприятных ситуациях. Рассмотрим схему адаптации и метонимического переноса термина «даун-тик» (4 этапа): 1 этап – метонимический перенос от общеупотребительного слова к термину на основе графической ассоциации (галочка как пометка), 2 этап – в биржевой терминологии появляется новое значение – изменение настроения инвесторов (метонимический перенос от узкоспециализированного явления (скачок курса вниз) до эмоционального состояния специалиста при этом явлении), 3 этап – использование термина в алгоритмической торговле (метонимический перенос от скачка курса вниз до понижения трендов), 4 этап – употребление термина в психологии (метонимический перенос от изменения настроения инвесторов в результате скачка курса вниз до угнетенного эмоционального состояния человека в трудных жизненных ситуациях). Термин образует синонимический ряд – *минус-тик, снижение курса акций, падение спроса на товар*; антонимический ряд – *ап-тик, повышение курса акций, повышение спроса на товар*, паронимические пары – *даун и тик*, производное слово – *даунтиковый*, участвует в синтаксическом терминообразовании: *анализ даун-тик* (оценка возможных убытков и риска).

Таким образом, степень адаптации термина «даун-тик» составляет 8 баллов из возможных 8, относим этот термин к «эвфониям».

Рассмотрим семантическую эволюцию термина «**бренд**» (англ. “brand” – «(фабричная) марка, клеймо, печать, выжженное клеймо на скоте, головня, головешка») – торговая марка, по которой покупатель узнаёт производителя данного товара [<https://gufo.me/dict/kuznetsov/бренд>]. Первоначальное значение английского термина “brand” – головня, головешка (обгоревший остаток дерева после термической обработки), далее этот термин используется в значении клеймо

(термическое клеймение), которое ставилось на животном для идентификации владельцев животных. В процессе развития языка бренд стал использоваться компаниями для обозначения произведенной ими продукции, слово бренд ассоциируется с торговой маркой. В настоящее время термин бренд используется не только для обозначения товаров определенной фирмы, но и услуг сервисных компаний, а также личных брендов, которые сопоставляются с репутацией, имиджем и идеями человека. Схема метонимического переноса (4 этапа): 1 этап – от обгоревшего куска дерева к термическому клеймению скота для идентификации владельцев (метонимический перенос на основе термической обработки), 2 этап – от термического клеймения для идентификации владельцев скота до названия товаров одной фирмы (метонимический перенос на основании возможности идентификации), 3 этап – от возможности идентификации товаров одной фирмы до идентификации услуг одной фирмы (расширение значений, метонимический перенос на основе идентификации), 4 этап – от идентификации товаров и услуг до идентификации отдельного индивидуума, его имиджа, репутации, идей (метонимический перенос на основе идентификации). Синонимы термина «бренд» – торговая марка, ярлык, лейбл, имидж, статус; словообразовательный ряд: бренд – брендовый – мастербренд – мегабренд и т. д.; участвует в синтаксическом терминообразовании: имидж бренда, брендовая реклама, глобальный бренд; пароним – бенд (группа музыкантов), антонимом термина «бренд» является анонимность.

Таким образом, степень адаптации термина «бренд» составляет 8 баллов из возможных 8, относим этот термин к «эвфониям».

Псевдоанглицизмы. Семантическая адаптация термина «менеджер». Термин образован от лат. *”manus”* – «рука» [<https://www.etymonline.com/search?q=marketing>]. Рука символизирует контроль, управление, наказание, мы часто слышим фразу: «Он/она моя правая рука», которая обозначает, что человек все контролирует, всем управляет и подчиняется вышестоящему. Другой пример: «Он поднял на меня руку», здесь рука ассоциируется с моментом наказания. Интересно рассмотреть значение руки в разных религиях: в Христианстве рука символизирует защиту и руководство, в Исламе – силу и власть, в Иудаизме – передачу мудрости, в Индуизме – защиту, передачу мудрости, в Буддизме – руки могут символизировать различные состояния ума и намерения. В современной интерпретации «менеджер» это: 1) наемный руководитель производства, администратор, профессионал в об-

ласти управления и 2) предприниматель, организующий творческую, спортивную и т. п. деятельность какого-либо коллектива или отдельного лица [<https://gufo.me/dict/efremova/менеджер>]. Рассмотрим функции, которые должен выполнять менеджер и сопоставим их со значением «руки» в разных религиях, прежде всего это поддержка, защита и направление своих подчиненных (Христианство, Индуизм), полномочия, позволяющие распоряжаться судьбой работника (Ислам), передача знаний, навыков, опыта, которыми менеджер делится со своими подчиненными для успешного развития дела (Иудаизм, Индуизм), менеджер обязан быть внимательным в своих поступках, мыслях и намерениях (жесты рук Будды означают различные состояния ума и намерения). Схема метонимического переноса: 1 этап от значение руки в религии управление, защита, передача опыта, сила, власть до значения слова «рука» в общеупотребительной лексике (ведение дел, управление, контроль, наказание) – метонимический перенос на символическом восприятии, 2 этап – переход от общеупотребительного слова в терминологию экономики, метонимический перенос по характеру действий: функция менеджера связана с направлением и координацией работы других, оценкой качества работы подчиненных, обменом опыта. Синонимы термина – *администратор, антрепренер, директор, линкменеджер, менпоперс* и прочие; антонимы – *подчинённый, исполнитель, рабочий, сотрудник, подопечный, непрофессионал* и прочие. Термин «менеджер» участвует в синтаксическом терминообразовании: синдром менеджера, играющий менеджер, финансовый менеджер и прочие; образует словообразовательный ряд: менеджер – менеджерский – менеджмент – культур-менеджер и прочие.

Таким образом, степень адаптации термина «менеджер» составляет 7 баллов из возможных 8, относим этот термин к «модифицированным» с высокой степенью адаптации.

Рассмотрим семантическую адаптацию термина «*маркетинг*», который образован от лат. “*mercatus*” «торговля, покупка и продажа; рынок», от причастия прошедшего времени “*mercari*” «торговать, заниматься торговлей, покупать» и вошел в русский через английский язык “*market*” – рынок, сбыт – англ. “*marketing*” [<https://www.etymonline.com/search?q=marketing>]. Современное значение термина – система мер, направленных на согласование производства с рыночной ситуацией и обеспечивающих устойчивый сбыт; включает в себя товарную, ценовую и коммуникационную политику, систему продвижения това-

ров, управления персоналом и т. д. [<https://gufo.me/dict/social/МАРКЕТИНГ>]. Изначально термин ассоциировался с торговлей, но по мере увеличения функциональности экономической системы, термин обрстал дополнительными значениями, названиями процессов, которые гарантировали успешную торговлю. На данный момент мы наблюдаем интеграцию других дисциплин в значение термина «маркетинг». В связи с необходимостью компаниям быстро интегрироваться в постоянно меняющийся рынок сбыта и потребления, термин «маркетинг» стал мультидисциплинарным элементом, объединяющим такие сферы, как психология, социология, экономика и т. д. Схема метонимического переноса: 1 этап – от процесса покупки и продажи до совокупности всех процессов, направленных на успешную экономическую деятельность (метонимический переход от более узкого понятия до более широкого), 2 этап – от совокупности всех процессов, связанных с торговлей до получения статуса междисциплинарного термина (метонимический перенос от более узкого понятия в одной области до более широкого междисциплинарного) [<https://gufo.me/dict/social/МАРКЕТИНГ>]. Синонимы термина – *бизнес-маркетинг, интернет-маркетинг, исследование, макромаркетинг, медиа-маркетинг, микромаркетинг* и прочие. Термин «менеджер» участвует в синтаксическом терминообразовании: *конверсионный маркетинг, издержки маркетинга, массовый маркетинг* и прочие; образует словообразовательный ряд: *маркетинг – бизнес-маркетинг, интернет-маркетинг – макромаркетинг* и прочие.

Таким образом, степень адаптации термина «маркетинг» составляет 6 баллов из возможных 8, относим этот термин к «модифицированным» с высокой степенью адаптации.

В ходе проведенного анализа получили следующие результаты: заимствованные термины из языка-донора английского лучше ассимилируются в языке-реципиенте в терминологии экономики, чем термины с латинской этимологией, и являются эвфониями. Степень адаптации англицизмов – 8, количество метонимических переносов – 4, в то время как псевдоанглицизмы имеют степени адаптации – 6 и 7, и 2 метонимических переноса.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. МЕ-НЕДЖЕР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova/менеджер> (дата обращения: 12.03.2025).

2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. БРЕНД. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> бренд (дата обращения: 12.03.2025).

3. Социолингвистический энциклопедический словарь. МАРКЕТИНГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/social/МАРКЕТИНГ> (дата обращения: 12.03.2025).

4. Экономический словарь терминов. ДАУН-ТИК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/economics_terms/ДАУН-ТИК (дата обращения: 12.03.2025).

5. Online etymology dictionary. МЕНЕДЖЕР. МАРКЕТИНГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=marketing> (дата обращения: 12.03.2025).

УДК 811.581'25'42

В. А. Буйко

(Санкт-Петербургский государственный университет)

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Статья рассматривает трудности автоматического перевода между китайским и английским языками, связанные с синтаксическими, морфологическими и культурными различиями, а также оценивает методы машинного перевода и этические аспекты использования ИИ, например, ChatGPT, в переводческой сфере.

Ключевые слова: машинный перевод, китайский язык, английский язык, нейромашинный перевод, тональность, культурные особенности, автоматизация перевода, этика ИИ.

AUTOMATED CHINESE TRANSLATION: LINGUISTIC COMPLEXITIES AND THEIR POLITICAL IMPLICATIONS

The article examines the difficulties of automatic translation between Chinese and English due to syntactic, morphological and cultural differences, and evaluates machine translation methods and ethical aspects of using AI, such as ChatGPT, in the translation field.

Keywords: machine translation, Chinese language, English language, neuro-machine-based translation, tonality, cultural differences, translation automation, AI ethics.

В китайском языке отсутствует морфология, характерная для английского, что затрудняет усвоение китайскими учащимися синтаксиса и морфологии английского языка [Asmaa, 2014: URL]. В отличие от английского, где используются морфемы для выражения грамматических отношений, китайский полагается на порядок слов и контекст. Отсутствие склонений в китайском языке приводит к трудностям в освоении инъекционных правил английского. Синтаксическая структура китайского языка (SVO) схожа с английской, однако контекстуальная зависимость китайского языка создаёт проблемы при передаче временных и аспектуальных значений в английском. Это часто приводит к ошибкам в употреблении инференционных морфем, как, например, в формах единственного и множественного числа [Ziyamukhammedov, Mustafaeva, 2023: 2].

Тональная природа китайского языка вызывает трудности при анализе настроения в переводах на английский [Gao, Lin, Zhao, 2024: 2]. Тональные вариации могут менять значение слов, создавая двусмысленность при переводе, что затрудняет точность машинного перевода, как, например, в Google Translate. Исследования показывают, что хотя ансамблевая модель помогает улучшить анализ настроений, семантические искажения в тональном переводе остаются [Ashraf, 2024: 659].

Полисемия и омонимия также представляют сложности для китайских учащихся при анализе текста. Полисемия связана с многозначностью слов, а омонимия – с одинаковыми формами слов с разными значениями. Без контекста выбор правильного значения может быть трудным. Например, слова «地球» и «猛击» могут иметь несколько значений в зависимости от контекста. В устной речи контекст помогает, но в письменном – это сложнее, особенно при написании увлекательных текстов [Williyan, 2022: 360].

Распознавание и семантический анализ китайских иероглифов сложны из-за исторической изменчивости языка [Kamaluddin, Rasyid, Abqoriyyah, Saehu, 2024: 125]. Проблемы синонимии, полисемии и дублетов затрудняют точное определение значений, особенно в области лингвистики и научного перевода. Эффективный перевод тре-

бует учета исторических и культурных факторов для стандартизации терминов и их точного понимания.

При письменном и устном переводе лексика, специфическая для культуры, может вызывать трудности. В китайском языке много идиом и выражений, не имеющих прямых аналогов на других языках [Killean, Grey, Cho., Stern, 2024: URL]. Например, фраза «慢慢吃» (*Màn màn chī*) означает «ешь медленно», но перевод на английский не передает всей сути. Культурные особенности, такие как китайские имена, также могут потерять свой смысл при переводе. Это подчеркивает проблемы, с которыми сталкиваются переводчики, пытаясь сохранить культурные нюансы.

Традиционные статистические методы и нейромашинный перевод (НМП) представляют собой разные подходы к обработке языка. Статистические модели, основанные на анализе текстов, могут приводить к неточным переводам из-за неспособности учитывать контекст [Yining S., Han X., Ho Ling K., Kanglong L., 2024: URL]. НМП использует глубокое обучение и нейронные сети, что позволяет учитывать контекст и повышать точность перевода, хотя проблемы с идиомами и культурными особенностями остаются [Ashraf, 2024: 660].

Инструменты ИИ, такие как ChatGPT, Google Translate и DeepL, имеют свои плюсы и минусы. ChatGPT превосходит другие системы в переводе литературных текстов, таких как китайская поэзия, благодаря способности сохранять ритм и эстетику [Williyan, 2022: 366]. Однако его переводы могут быть менее естественными по сравнению с человеческим переводом. Google Translate и DeepL лучше подходят для общего перевода, но хуже справляются с художественными текстами, где важны стилистические элементы.

Проблема обработки и дополнения данных также важна для улучшения качества перевода, особенно в системах, как DeepL [Gao, Lin, Zhao, Zhenguang, 2024: 8]. Сложные нейросетевые архитектуры, такие как Transformer, позволяют учитывать контекст, улучшая точность переводов, но проблемы с пониманием культурных нюансов и контекста сохраняются.

Этические последствия автоматизации в переводческой отрасли, в частности при использовании ИИ, как ChatGPT, вызывают опасения по поводу замены человеческого опыта, особенно в задачах, требующих учета культурных особенностей и контекста. Переводчики беспокоятся о девальвации их труда, особенно в литературном

переводе и работе с контентом, насыщенным культурными нюансами. Также возникают этические проблемы безопасности данных, предвзятости ИИ и точности переводов в деликатных контекстах. Несмотря на это, ИИ воспринимается как инструмент для повышения производительности, а не как замена переводчикам [Sheehan, 2023: 12].

Китайские правила в области ИИ, касающиеся рекомендательных алгоритмов и генеративного ИИ, подчеркивают контроль за информацией, чтобы контент соответствовал идеологическим стандартам. Например, положение о генеративном ИИ требует, чтобы данные и создаваемый контент были «правдивыми и точными», что влияет на точность автоматического перевода [Atkinson, 2024: URL]. Эти правила могут повлиять на глобальную экосистему и вызвать цензуру, определяя, как международные платформы, включая службы перевода, работают с конфиденциальным контентом.

Качество машинного перевода играет важную роль в формировании «мягкой силы» Китая, особенно в контексте международных СМИ и дипломатии. Некачественные переводы могут исказить дипломатические сообщения и ослабить доверие к Китаю, в то время как качественные переводы способствуют положительному восприятию и сотрудничеству с другими странами [Baisotti, 2024: URL].

Автоматизированный перевод на международных переговорах может снизить языковые барьеры, но также может привести к неточностям и предвзятости, что влечет за собой дипломатические ошибки и угрозы национальной безопасности. Быстрое распространение ИИ-инструментов вызывает опасения по поводу чрезмерного доверия к ненадежным системам [Li, Yang, 2022: 14]. Для предотвращения дипломатических рисков необходимо обеспечить высокую точность переводов и контекстуальную осведомленность.

Несмотря на достижения нейросетевых моделей, таких как NMT, в автоматическом переводе китайского языка, остаются вызовы, связанные с морфосинтаксическими различиями и культурной спецификой. Для улучшения перевода необходимо усилить контекстуальный анализ и контроль за качеством, что особенно важно в политических и дипломатических коммуникациях [Gao, Lin, Zhao, Zhenguang, 2024: 8]. В будущем автоматизированный перевод будет неотъемлемой частью глобальной коммуникации, влияя на дипломатические и экономические процессы.

Литература

1. *Ashraf M.* Innovations and Challenges in Neural Machine Translation: A Review // International Journal of Science and Research (IJSR). – 2024. – Т. 13. – С. 656. – DOI: 10.21275/SR241008113336.
2. *Asmaa I.* British Council. Chinese: Complex Tones, Characters, Streamlined Grammar. – 2014. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britishcouncil.org/voices-magazine/chinese-complex-tones-characters-streamlined-grammar> (дата обращения: 13.02.2025).
3. *Atkinson R.* Information Technology and Innovation Foundation (ITIF). China Is Rapidly Becoming a Leading Innovator in Advanced Industries. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://itif.org/publications/2024/09/16/china-is-rapidly-becoming-a-leading-innovator-in-advanced-industries/> (дата обращения: 13.02.2025).
4. *Baisotti P.* Dialogo Americas. China's Charm Offensive in Latin America and the Caribbean: A Comprehensive Analysis of China's Strategic Communication Strategy Across the Region – Part I: Propaganda and Politics. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dialogo-americas.com/articles/chinas-charm-offensive-in-latin-america-and-the-caribbean-a-comprehensive-analysis-of-chinas-strategic-communication-strategy-across-the-region-part-i-propaganda-and-politics/> (дата обращения: 13.02.2025).
5. *Gao R., Lin, Y., Zhao, N., Zhenguang, G.* Machine translation of Chinese classical poetry: a comparison among ChatGPT, Google Translate, and DeepL Translator // Humanities and Social Sciences Communications. – 2024. – Т. 11, № 835. – DOI: 10.1057/s41599-024-03363-0.
6. *Kamaluddin M., Rasyid M., Abqoriyyah F., Saehu A.* Accuracy Analysis of DeepL: Breakthroughs in Machine Translation Technology // Journal of English Education Forum (JEEF). – 2024. – Т. 4. – С. 122-126. – DOI: 10.29303/jeeef.v4i2.681.
7. *Killeen R., Grey R., Cho J., Stern L.* New Mandala. Translating Atrocity at the Khmer Rouge Tribunal. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.newmandala.org/translating-atrocity-at-the-khmer-rouge-tribunal/> (дата обращения: 13.02.2025).
8. *Li N., Yang L.* Testing the Representational Deficit Hypothesis: From the Aspect of Chinese Learners' Acquisition of Affixation 's' for Third Person Singular Verbs and Plural Nouns // Frontiers in Psychology. – 2022. – Т. 13, № 930504. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.930504.
9. *Miah M., Kabir M., Sarwar T. et al.* A multimodal approach to cross-lingual sentiment analysis with ensemble of transformer and LLM // Scientific Reports. – 2024. – Т. 14, № 9603. – DOI: 10.1038/s41598-024-60210-7.

10. Sheehan M. Carnegie Endowment. China's AI Regulations and How They Get Made. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://carnegieendowment.org/research/2023/07/chinas-ai-regulations-and-how-they-get-made?lang=en> (дата обращения: 13.02.2025).

11. Yining S., Han X., Ho L., Kanglong L. ChatGPT in Professional Translation: A Double-Edged Sword – Insights From Chinese Translators on Capabilities, Concerns, and Future Prospects // B S. Sun, K. Liu & R. Moratto (Eds.), Translation and Interpreting in the Age of Artificial Intelligence. – London/New York: Routledge. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/385002420_ChatGPT_in_professional_translation_A_doubleedged_sword_Insights_from_Chinese_translators_on_capabilities_concerns_and_future_prospects (дата обращения: 13.02.2025).

12. Williyen A. Language Ambiguity in EFL Learners' Narrative Texts: A Semantic Discourse Analysis // LET: Linguistics, Literature and English Teaching Journal. – 2022. – Т. 12. – С. 352. – DOI: 10.18592/let.v12i2.7439.

13. Ziyamukhammadov J., Mustafaeva S. Current Problems in the Unification of Chinese Linguistic Terms, the Translation of Industry Terms into Other Languages, and the Issue of Their Regulation // Journal of Law and Sustainable Development. – 2023. – Т. 11. – № e2514. – DOI: 10.55908/sdgs.v11i12.2514.

УДК 811.581

Л. И. Булах, М. А. Иванова, Д. О. Талаева-Дементьева

(Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ РОССИЙСКИХ БРЕНДОВ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Данная статья отражает исследование использования языковых средств при передаче наименования пищевой продукции российского производства для достижения положительного влияния на потенциального покупателя в Китае. При разработке названий для пищевой продукции рекомендуется использовать иероглифы, которые создают привлекательный образ продукции, а также поясняющие состав/внешний вид/текстуру/вкус продукции.

Ключевые слова: номинация, лингвистический компонент, комбинация иероглифов, рынок Китая.

LINGUISTIC STUDY OF RUSSIAN BRANDS FOOD NAMES IN CHINESE LINGUOCULTURE

This article reflects a study of the use of linguistic means in conveying the name of Russian-made food products in order to achieve a positive impact on a potential buyer in China. When developing names for food products, it is recommended to use hieroglyphs that create an attractive image of the product, as well as explaining the composition/ appearance/texture/ taste of the product.

Keywords: nomination, linguistic component, combination of hieroglyphs, Chinese market.

Вопрос наименования экспортируемой в Китай пищевой продукции и проблема воздействия языковых средств на потенциального потребителя такой продукции является относительно новым направлением в языкознании. Подобная искусственная номинация определяется как акт речи, который ориентирован на закрепление созданного наименования в речи широкой аудитории в типичной ситуации торгово-экономической деятельности [Голомидова, 1998: 9; Крюкова, 2004: 22].

Тема номинации в общем смысле начала интересовать отечественных исследователей с середины 70-х гг. 20 в. Например, А. А. Уфимцева внесла значительный вклад в изучение проблем языковой номинации, подчеркивая, что при первичном означивании, то есть при знакообразовании (например, словообразовательном) наблюдается соединение значения и звучания, соединение формы знака и его значения. Кроме того, наименование предмета определяется его содержательной характеристикой [Уфимцева, 1977: 66, 75]. При наименовании иностранного продукта, который только запускается на новый рынок необходимо учесть его особенности и функции, выделяющие объект из ряда объектов одного и того же класса; то есть наименование товара должно служить функции дифференциации. Информативная функция заключается в том, что названия продуктов должны быть мотивированными, то есть, должны нести определенную информацию о товаре. Ряд ученых упоминают о рекомендательной или воздействующей функции названия, которое будет привлекательным и запоминающимся для потребителей [Новичихина, 2004: 8; Ainiāla, 2007: 225]. Помимо этого, название товара должно соответствовать социальным нормам и моральным ценностям пользователей языка.

Актуальность исследования определяется значительным ростом товарооборота между Россией и Китаем, стимулом к которому послужили санкции со стороны бывших торговых партнеров России. Российские компании стремятся выйти на рынок другого государства с целью привлечения большого количества потребителей. Существует потребность выработки и применения стратегий по выявлению эффективного набора языковых средств для создания понятного и информативного лингвистического компонента наименования пищевой продукции. Перевод российских наименований продуктов на китайский язык должен быть продуман и адаптирован в соответствии с китайским менталитетом, так как коммуникативное воздействие на потребителя является важным средством привлечения внимания целевой аудитории.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности того, какие лингвистические методы позволяют выразить смысл наименования российских брендов пищевой продукции на китайском рынке.

Объектом исследования являются конкретные наименования российских брендов пищевой продукции, которые представлены на китайском рынке. Это могут быть как известные продукты, так и новые марки, которые стремятся выйти на китайский рынок. Изучение наименований продукции важно для понимания их восприятия в другой культурной среде, а также для анализа их стратегий на китайском рынке. Предметом данного проекта являются лингвистические особенности передачи названий продуктов в китайском языке.

Основная цель исследования заключается в упрощении лингвистического уровня восприятия наименований российских брендов пищевой продукции для китайских потребителей. Название продукта должно легко восприниматься и запоминаться, быть привлекательным для китайской аудитории, что увеличит спрос на него на рынке и облегчит процесс покупки.

Для достижения данной цели определен ряд конкретных задач:

1. Собрать данные о российских брендах пищевой продукции, доступных на китайском рынке, а именно, составить список российских брендов пищевой продукции, представленных на наиболее популярных торговых площадках в Китае (таких, как ТаоБао, Де У). Эти данные позволят определить, какие компании активно работают на китайском рынке и каковы их текущие позиции.

2. Проанализировать языковую природу наименований пищевой продукции, то есть исследовать структуру и форму наименований российских брендов, обращая внимание на фонетические, семантические и морфологические аспекты.

3. Исследовать лингвистические и языковые факторы (фонетика, семантика и лексические особенности), влияющие на восприятие наименований.

4. Выявить лингвистические особенности наименований российских брендов пищевой продукции в китайской лингвокультуре.

В рамках исследования был сформулирован научно-исследовательский вопрос: «Какой лексико-семантический выбор иероглифов в названиях вафель наиболее эффективно вызывает положительные ассоциации и эмоциональный отклик у китайских потребителей?» Вафли, как сладкое лакомство, должны вызывать положительные эмоции, ассоциации с удовольствием, качеством. Поэтому анализ лексико-семантического выбора иероглифов в названиях этих продуктов позволил лучше понять, как создать привлекательные и запоминающиеся названия пищевой продукции. Метод контент-анализа использовался для систематического анализа данных о восприятии существующих наименований российских брендов пищевой продукции в китайской лингвокультуре. На таких китайских торговых площадках как ТаоБао, Де У по конкретным запросам, например, «俄罗斯食品 российские продукты; 俄罗斯甜点 российские сладости», изучены иероглифы и устойчивые выражения, которые используются в названии вафель, а также, лексико-семантические группы, которые их формируют. Дискурс-анализ позволил рассмотреть, как наименования продуктов представлены в контексте рынка, рекламы и медиа.

Для достижения комплексности, объективности и многогранности исследования в качестве основного подхода был выбран корпусный, который предполагает количественное исследование данных об использовании конкретных иероглифов для обозначения сладких пищевых продуктов, таких как вафли в программе *Индекс Вичат*.

В результате исследования, применяя лексико-семантический выбор иероглифов, авторами созданы китайские названия вафель Яшкино одного из крупнейших российских пищевых холдингов «КДВ Групп» (рис. 1).

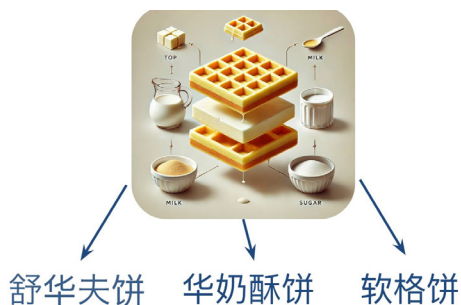

Рис. 1 – Названия вафель (рисунок сгенерирован с помощью нейросети ChatGPT 4 Omni от Open AI)

1. 舒华夫饼 (Shū Huá Fū Bǐng) – «Мягкие Вафли»

Ключевые иероглифы: «舒» (удобный, тянущийся) и «华夫» (вафли) создают представление о мягкости и легкости.

Эмоциональный отклик: Название вызывает чувство комфорта и привлекательности, что способствует положительному восприятию продукта.

2. 华奶酥饼 (Huá Nǎi Sū Bǐng) – «Нежные Сладкие Вафли»

Ключевые иероглифы: Словосочетание «华奶酥» акцентирует внимание на сладости и изысканности, формируя ассоциации с качеством и изобилием.

Эмоциональный отклик: Название вызывает положительные эмоции, укрепляя ощущение наслаждения и удовлетворения от потребления продукта.

3. 软格饼 (Ruǎn Gé Bǐng) – «Квадратные Вафли»

Ключевые иероглифы: «软» (мягкий) и «格» (формат) подчеркивают текстуру и форму вафель, что имеет решающее значение для восприятия продукта.

Эмоциональный отклик: Продукт воспринимается как качественный и приятный, что способствует его привлекательности для покупателей.

Все три предложенные названия передают ключевые аспекты восприятия продукта. Они сочетают в себе лексическую точность, эмоциональную привлекательность и четкое указание на форму вафель.

Эффективные названия зачастую состоят из комбинации иероглифов, которые не только представляют продукт, но и создают эмоциональный отклик. Комбинация должна быть понятна, информативна, но не превышать 4 иероглифа. Такие наименования позволяют передать связь с выпускаемым на рынок товаром, дифференцировать его в ряду однотипных объектов и вместе с тем выявить лингвокреативную способность лингвиста.

Литература

1. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург, 1998. – 232 с.
2. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.
3. Новичихина М. Е. К вопросу о природе случайного и закономерного в коммуникации (на примере коммерческих названий) / М. Е. Новичихина // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов, Воронеж-Ярославль, 20–22 ноября 2003 года. – Воронеж-Ярославль: Истоки (Воронеж), 2004. – С. 155-156.
4. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (виды наименований) / сост. А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, В. Н. Телия и др.; отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.
5. Ainiala T., Saarelma M., Sjoblom P. Names in Focus: An Introduction to Finnish Onomastics. Helsinki, 2007. 287 p.

УДК 81 '42

З. А. Бунькова

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

СИСТЕМА РИТОРИЧЕСКИХ КОДОВ В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ А. Д. ДЕМЕНТЬЕВА

Данное исследование проводится в рамках риторики декодирования с применением метода риторической реконструкции текста. Вводится понятие риторического кода, который трактуется как система знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи. В статье предпринимается попытка описать риторические коды в любовной лирике А. Д. Дементьева.

Ключевые слова: риторика декодирования, риторический код, метафора, текст, коммуникативная стратегия.

THE SYSTEM OF RHETORICAL CODES IN THE LOVE LYRICS OF A.D. DEMENTIEV

This study is conducted within the framework of decoding rhetoric using the method of rhetorical text reconstruction. The concept of a rhetorical code is introduced, which is interpreted as a system of signs that affect the sensory perception of speech. The article attempts to describe the rhetorical codes in the love lyrics of A. D. Dementiev.

Keywords: decoding rhetoric, rhetorical code, metaphor, text, communicative strategy.

В современной науке о языке риторика, предмет ее исследования, а также приемы создания риторического текста продолжают оставаться в центре многочисленных научных исследований. Риторический поворот в XX веке вывел риторику на новый уровень, что отражается в появлении таких областей знания как неориторика, лингвоэтнография, риторическая герменевтика, риторическая критика [Голышкина, 2020:160]. Обнаружение риторических форм во всех сферах человеческой жизнедеятельности говорят об актуальности риторики со всем спектром ее направлений.

Наиболее перспективным из существующих сегодня направлений риторики нам видится представленная Голышкиной Л. А. риторика декодирования, которая занимается изучением тех аспектов высказывания, «которые передают лицу, принимающему и декодирующему сообщение, образ мыслей лица, кодирующего сообщение» [Голышкина, 2020: 162].

Главным методом в рамках риторики декодирования Голышкина Л. А. определяет риторическую реконструкцию текстообразования, которая основана на риторическом каноне, причем внимание уделяется только тем этапам, которые фактически формируют процесс текстообразования.

Процесс текстообразования, с точки зрения Голышкиной Л. А., можно рассматривать как реализацию трех стратегий – инвентивной, диспозитивной и элокутивной. Риторическое декодирование происходит в обратном порядке. На элокутивном этапе происходит анализ

языковых средств текста. Диспозитивная реконструкция предполагает выявление смыслообразующих единиц текста, а также текстовых фрагментов, отвечающих за аргументацию. Реконструкция инвентивной стратегии предполагает «анализ объективации триады «тема – проблема – тезис», обуславливающей диктумное содержание текста» [Русанов, 2011: 18].

Для риторики декодирования важным является понятие риторического кода.

Следуя точке зрения Ступиной Е. С., под риторическим кодом мы понимаем систему знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженной в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику [Ступина, 2024: 2]. Распознавание и дешифровка риторического кода, заложенного автором текста, во многом определяются индивидуальностью читателя. Таким образом, знание языка, культурного исторического контекста, а также личный опыт читателя позволяют ему вступить в процесс сотворчества с автором текста и обнаружить новые смысловые компоненты текста.

Остановимся подробнее на элокутивной стратегии и попытаемся выявить систему риторических кодов в любовной лирике А. Д. Дементьева.

Рассмотрим стихотворение «Я по тебе схожу с ума».

Я по тебе схожу с ума,
Как по земле
Морской прибой.
И целый мир –
Моя тюрьма,
Когда в разлуке мы с тобой.
Я по тебе схожу с ума,
Когда ты около меня.
И все высокие слова
Лишь дым от жаркого огня.

Во второй строфе стихотворения используется метафора *мир – тюрьма*, которая выражает код ограничения. Ограничение подчеркивается употреблением в метафоре контекстуальных антонимов *мир – тюрьма*, где мир понимается как безграничное, светлое пространство, а тюрьма – замкнутое и темное. При этом заключение в тюрьме предполагает одиночество, что подчеркивается использованием существи-

тельного разлука в следующей строке стихотворения. Таким образом, метафора в данном контексте реализует код усиления, преувеличения.

В последней строке стихотворения используется эпитет высокие слова, который, на первый взгляд, можно однозначно трактовать как торжественные, хвалебные слова. В следующей строке обнаруживаем метафору дым от огня, которая относится к эпитету. Это позволяет сделать вывод, что высокие слова – это признание в любви. Метафора огня в данном контексте обозначает сильное чувство любви, а дым, которым выступают слова любви, является лишь побочным явлением. Таким образом, метафора строится на антитезе контекстуальных антонимов дым-огонь. *Выбранные автором метафорические образы позволяют реализовать коды преувеличения и преуменьшения.*

Рассмотрим далее стихотворение «Душа не хочет перемен».

Любовь не только возвышает.
Любовь порой нас разрушает.
Ломает судьбы и сердца...
В своих желаниях прекрасна,
Она бывает так опасна,
Как взрыв, как девять грамм свинца.
Она врывается внезапно.
И ты уже не можешь завтра
Не видеть милого лица.
Любовь не только возвышает.
Любовь вершит и всё решает.
А мы уходим в этот плен.
И не мечтаем о свободе.
Пока заря в душе восходит,
Душа не хочет перемен.

В первых строках первого трехстишья обнаруживаются олицетворения *любовь возвышает, разрушает, ломает*. Использование олицетворений позволяет автору представить любовь не только как невидимое и неосоздаемое чувство, а как явление, которое в разных условиях может привести к разным результатам.

Восприятие любви как явления прослеживается и в последующем тексте стихотворения, что находит свое отражение в олицетворениях *любовь врывается, возвышает, вершит, решает*. Таким образом,

благодаря сочетанию олицетворения и антитезы в тексте отражается риторический код непостоянства.

Во втором трехстишии автор использует сравнения как взрыв, как *девять грамм свинца*. Используемые для создания сравнения образы продолжают восприятие любви как некоего явления, причем образы взрыва и отравления свинцом предстают как последствия этого явления. Таким образом, в данном контексте сравнение позволяет выразить код усиления, преувеличения.

В заключительном четверостишьи применительно к любви используются метафоры *плен, заря*, в то время как для состояния «вне любви» используется метафора *свобода*. Как видим, любовь и ее отсутствие выражаются в антонимах *плен – свобода*, что позволяет считать авторские восприятие любви негативным. Однако далее в тексте для описания любви используется метафора *восходящая заря*, что, в конечном итоге, закрепляет за любовью положительную авторскую оценку. Описанные метафоры выражают непостоянство восприятия любви автором.

Предложенный анализ показывает, что для выражения авторского замысла и создания образности в стихотворениях А. Д. Дементьева преимущественно используются метафоры, причем метафоры часто строятся на противопоставлении. Олицетворения, сравнения и эпитеты выступают вспомогательными приемами, а реализуемые ими риторические коды дополняют коды метафор, создавая смысловое пространство текста, благодаря которому и происходит тонкое понимание смысловых оттенков текстового пространства.

Литература

1. Голышкина Л. А. Риторика декодирования: понятие и методологический инструментарий / Л. А. Голышкина. – Текст: электронный // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 8 (837) / 2020 – С. 160–171. – URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/8_837_H.pdf
2. Голышкина Л. А. Риторика декодирования: теоретико-методологическое обоснование научного направления / Л. А. Голышкина. – Текст: электронный // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 9–24. – URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/1494/1262>
3. Дементьев А. Д. Я по тебе схожу с ума / А. Д. Дементьев. – Текст: электронный // Культура.РФ. Портал культурного наследия, традиций народов России. URL: <https://www.culture.ru/poems/8896/ya-po-tebe-skhozhu-s-uma>

4. Дементьев А. Д. Душа не хочет перемен / А. Д. Дементьев. – Текст: электронный // Культура.РФ. Портал культурного наследия, традиций народов России. URL: <https://www.culture.ru/poems/8696/dusha-ne-khochet-peremen>

5. Косарев А. В. Риторический поворот: концепция риторического исследования в науке / А. В. Косарев. – Текст: электронный // Философия науки. – 2016. – № 4. – С. 13–25. – URL: <https://www.sibran.ru/upload/iblock/701/701cfb33791e2deec626308af5f63d5.pdf>

6. Русанова Н. В. Риторика художественного текста: к постановке проблемы / Н. В. Русанова. – Текст: электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2011. – № 4. – С. 27–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-hudozhestvennogo-teksta-k-postanovke-problemy>

7. Ступина Е. С. Интерпретация риторических кодов при изучении художественных текстов / Е. С. Ступина. – Текст: электронный // Международный научно-исследовательский журнал – № 5 (143) – 2024. – С. 1–4. URL: <https://research-journal.org/media/articles/11835.pdf>

8. Ступина Е. С. Риторические коды антонимов в биографическом произведении В. Н. Брянцевой «Детство и юность Сергея Рахманинова» / Е. С. Ступина. – Текст: электронный. // Международный научно-исследовательский журнал. – № 7 (121) – 2022. – С. 172–175. URL: <https://research-journal.org/archive/7-121-2022-july/rhetorical-codes-of-antonyms-in-the-biographical-work-of-v-n-bryantseva-childhood-and-youth-of-sergei-rachmaninov>

9. Чувакин А. А. К теории методов риторического исследования / А. А. Чувакин. – Текст: электронный // Записки Горного института. Т. 160. Часть 1. – 2005 – С. 99–100. URL: <https://pmi.spmi.ru/pmi/article/view/8611/6536>

УДК 811.282

А. С. Бухонкина

(Волгоградский государственный университет)

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В БРЕСТЕ

В статье анализируются особенности регионального французского языка в Бресте, расположенном во французском регионе Бретань. Локальная речевая норма, сложившаяся под влиянием бретонского субстрата и профес-

сионального аргю моряков и рабочих военного морского порта, во многом отличается от стандартного французского языка. Особенно эта разница очевидна при анализе произношения и лексического состава брестского говора.

Ключевые слова: региональный французский язык, миноритарные языки, региональная речевая норма.

SOME CHARACTERISTICS OF THE REGIONAL LANGUAGE IN BREST

The article analyzes the features of the regional French language in Brest, located in the French region of Brittany. The local speech norm, developed under the influence of the Breton substrate and the professional argot of sailors and workers of the military seaport, differs significantly from the standard French language. This difference is especially obvious when analyzing the lexical composition of the Brest dialect.

Keywords: regional French, minority languages, regional speech norm.

Проблема регионального или диатопического варьирования французского языка на различных языковых уровнях, привлекавшая внимание множества лингвистов, впервые была поставлена в работах А. Мейе, А. Доза и А. Мартине. До недавнего времени эта проблема заключалась в противопоставлении нормативного французского языка, или так называемого *français de référence*, и «неправильного» варианта французского языка в его локальном изводе. Однако, в последнее время лингвисты все чаще избегают понятий «правильные» и «неправильные» региональные формы речи, опираясь более на идею допустимости локальных вариантов национального языка.

Сам феномен, закрепленный за понятием «региональный язык», есть не что иное как, проявление внутриязыковой диглоссии, т. е. функционального распределения языковых форм национального языка, когда одна подсистема языка – будь то территориальный диалект или просторечие – закреплена за определенной коммуникативной сферой. Подобное социолингвистическое явление встречается во многих языковых сообществах. Однако, французская ситуация отличается в этом смысле тем, что здесь имеет место влияние миноритарных языков на локальную форму речи в том или ином регионе.

Французский регион Бретань представляет собой один из наиболее убедительных случаев влияния миноритарного языка на региональную речевую норму. Бретонский язык, который за послед-

нее столетие во многом утратил свой коммуникативный потенциал и перестал быть языком межпоколенческого общения, тем не менее оказал и продолжает оказывать существенное влияние на локальную произносительную норму, на лексический состав и на синтаксис регионального варианта французского языка.

В большей степени региональную форму речи в Бретани можно услышать в сельской местности, однако в некоторых городах региона также имеет место особый колоритный говор, как например говор Бреста, сочетающий в себе лексические заимствования из бретонского языка, профессиональное арго моряков и некоторых архаизмов. За последние несколько лет в свет вышел ряд работ, посвященных региональной форме речи, принятой в Бресте. Среди самых значимых можно назвать работы П. Перона [Péron, 2001], А. Ле Берр [Le Berre, 2001], А. Жирардона [Girardon, 2004], А. Анскер [Ansker, 2002].

О влияние бретонского языка на лексический состав региональной нормы в Бресте свидетельствуют такие лексемы как *le rouzic* (от бретонского “rouzic” – кофе), *les bouquets de lait* (калька с бретонского “bo-ked lêz”). Морской порт, так называемый Арсенал или Arsouille как его называют местные жители, будучи основным местом работы для большинства жителей города, дал множество «сочных» выражений, в которых используется профессиональный жаргон, в том числе морской. Например, выражение “*t’a pas fait les Arpettes*” (букв. «ты не закончил школу подмастерьев») означает «плохо работать; делать много ошибок». Происхождение этого выражения связано со школой начинающих рабочих, которую должны были пройти все молодые люди, пришедшие работать в морской порт.

Кроме того, по признанию исследователей и самих жителей, произносительный стандарт в Бресте отличается быстрый темп речи. По мнению А. Ле Берр [Le Berre, 2003], это обусловлено тем, что исторически Брест был долгое время франкофонным анклавом, окруженным бретоноговорящими поселениями, для которых был характерен крайне медленный темп речи. Кроме того, бретоноговорящее население в этом районе хотя и было двуязычным, но до середины XX в. французским языком владело не очень хорошо. В этих обстоятельствах усиление темпа речи было выбрано намеренно, как способ противопоставить себя бретоноговорящим соседям и сделать свою речь таким образом менее понятной для них. Со временем быстрый темп речи способствовал возникновению большого количества апокоп: *journée* произносимое

как “*jour*n” или *petit* произносимое как “*tit*”. В целом, под воздействием темпа речи группы согласных систематически сокращаются: *grand pont* – “*rand pont*”, *bresto*is – “*breswa*”, *explo*iter – “*espo*iter”.

С точки зрения фонетического оформления, речь жителей Бреста отличается оглушение некоторых согласных – b, d, g, z, j – в финальной позиции, что ведет к произнесению *collègue* как “*kolek*” или *gorge* как “*gorʃ*”. И напротив, глухие согласные p, t, k, f, s в сочетании с согласными l, m, n озвончаются: *semaine* произносится как “*zmen*”.

Таким образом региональная форма речи, принятая в Бресте, отличается от стандартного французского языка наличием немалого количества лексических единиц, заимствованных из бретонского языка, влиянием профессионального аргумента рабочих морского военного порта, который долгое время был знаковым предприятием для города, а также ускоренным темпом речи, что благоприятствует возникновению специфических звуковых явлений, таких как апокопа или афреза.

Литература

1. *Ansquer H.* Encore des commèrages. – Brest: Le Télégramme, 2002. – 135 p.
2. *Girardon H.* On a eu du bigus! – Brest: Le Télégramme, 2004. – 133 p.
3. *Le Berre A.* Joli comme à Brest. – Brest : Le Télégramme, 2001. – 127 p.
4. *Le Berre A.* Une histoire de Brestoiseres // Un autre Finistère. – 2003. – № 11. – Pp. 38–39.
5. *Pérron P.* T’as pas su? – Brest: Le Télégramme, 2001. – 135 p.

УДК 81’42

Л. Н. Великова

(Российская таможенная академия)

АНАЛИЗ ВВОДК К НОВОСТНЫМ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Репрезентантом медиадискурса является медиатекст, обладающий вербальными и медийными признаками. Вводки к новостным интернет-текстам характеризуются определенной структурой и типологической организацией; оперативностью и воспроизводимостью социально значимых медиатопиков; клишированностью и лаконичностью; сочетанием разноуровневых языковых средств.

Ключевые слова: медиалингвистика, медиадискурс, медиатекст, медиатопик, интернет-новости, вводка (лид).

ANALYSIS OF INTRODUCTIONS TO INTERNET NEWS TEXTS IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

Media discourse is based on media texts encompassing both verbal and media features. Leads to online news have particular structural and typological features. Internet news reflects the most burning and socially bound topics. Leads to news texts are structurally concise. They combine different language means, including cliches, as well as media repertoire.

Keywords: media linguistics, media discourse, media text, media topic, Internet news, lead.

Современные коммуникации все более перемещаются в интернет-среду. За новыми, в том числе медийными технологиями будущее. Молодое поколение быстро овладевает ими и больше доверяет им, предпочитая получать масс-медийную информацию из интернет-источников вследствие их мультимодальности, простоты доступа, актуальности и способности к быстрому обновлению. Интернет позволяет «держатъ руку на пульсе», ежесекундно быть в курсе событий, не затрачивая для этого дополнительных усилий по поиску и покупке печатного издания.

Одним из динамично развивающихся направлений лингвистических исследований является медиалингвистика. Большой вклад в разработку медиалингвистики как самостоятельного научного направления, с четко сформулированной теорией, внутренней структурой, методологией и терминологическим аппаратом, внесла Т. Г. Добросклонская. Современная жизнь характеризуется активной медиатизацией и стремительно растущим речеупотреблением в СМИ, а медиалингвистика является надежной основой для комплексного изучения медиаречи, поскольку она интегрирует существующие достижения в данной области, создавая новые векторы исследований [Добросклонская, 2020: 34].

Особое внимание лингвисты [Дейк, 2000; Добросклонская, 2015; Федосеева, 2016; Полонский, 2023; Bell, 1995; Boyko et al., 2023 и др.] уделяют исследованию современного медиадискурса и описанию его с разных ракурсов. Медиадискурс – это функционально-обусловлен-

ный тип дискурса, понимаемый как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская, 2015]. Медийный дискурс важен как с точки зрения того, что он раскрывает об обществе, так и с точки зрения того, какой вклад он вносит в его характер [Bell, 1995].

Медиадискурсу присуща особая форма дискурсивной репрезентации действительности по типу «отражение» либо «конструирование», которые различаются по своим когнитивным механизмам и по особенностям их языковой реализации: как дискурсивное представление реальности происходящего (реальные факты) и ее медиаверсии (медиафакты, медиасобытия, или псевдособытия) [Федосеева, 2016: 8-9].

Вследствие форсированно расширяющейся медиатизации всех сфер жизни и деятельности человека, всех типов его коммуникативной активности возникает новый (синкретичный) тип текста – медиатекст – как «культурный знак современности» [Полонский, 2023: 255]. Медиатекст – это «актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [Добросклонская, 2020: 28].

В рамках данной работы исследовался жанр новостной интернет-статьи, а именно, ее так называемая «вводка» (или «подводка», «заход», «лид»). Профессиональный журналистский жаргонизм «вводка» – это графически оформленное вступление (введение) к публикации, цель которого – привлечь к ней внимание читателей [Термины редакционно-технического оформления]. Именно удачно написанная вводка побуждает адресата читать всю статью либо ограничиться ее началом, если вводка не заинтересовала читателя.

Материалом нашего исследования послужили вводки к новостным статьям из англоязычных (британских и американских) интернет-изданий за период с 17 февраля 2025 г. по 2 марта 2025 г. Выборка корпуса материала проводилась со следующих новостных порталов и сайтов:

- <https://news.sky.com/world>
- <https://www.theguardian.com/international> <https://edition.cnn.com/>
- https://www.usnews.com/topics/organizations/fox_news
- <https://edition.cnn.com/>

Цель исследования заключалась в изучении типологических (медийных и лингвистических) характеристик вводов к новостным интернет-текстам. В ходе исследования решались следующие практические задачи: 1) определить роль вводов в структуре новостного медиатекста; 2) выявить языковые особенности вводов; 3) охарактеризовать доминирующий (в синхронном срезе) тематический репертуар вводов.

Методологически исследование опиралось на ряд общенаучных и лингвистических методов: наблюдение, описание, лингвистический анализ, элементы количественного анализа.

Существенное значение при исследовании новостного медиадискурса имеет набор устойчивых тем, постоянно освещаемых массмедиа, или медиатопиков, вокруг которых структурируется постоянно обновляемый поток мировой информации [Добросклонская, 2015].

В исследованных нами вводках к новостным статьям за указанный выше период доминируют медиатопики *Middle East conflict in Gaza*; *War conflict between Russia and Ukraine*; *Failure of Zelensky-Trump's negotiations*; *Summit of European leaders in London*. К более национально-ориентированным на американскую аудиторию темам можно отнести следующие: *Wildfires in the Carolinas*; *President Trump raising tariffs on aluminum*; *The Trump administration cracking down on immigration*; *American companies' possible return to Russia*; *Protests against Elon Musk's slashing government agencies*; *Looming tariffs on Canadian and Mexican imports*; *Elon Musk having his 14th child* и др. Темы, предназначенные преимущественно для британцев, включают: *Cutting aid spending to pay for a boost to defence*; *Volodymyr Zelensky's meeting with King Charles*; *Crunch time for the UK's biggest water provider Thames Water* и др.

Специфика медиатекстов заключается в том, что они в целом рассчитаны на массовую аудиторию, а массовость аудитории, в свою очередь обуславливает целый комплекс языковых [и медийных] черт, присущих медиатексту [Солганик, 2005: 11].

Основными характеристиками креализованных новостных медиатекстов являются мультимодальность (фото+видео+текст), гипертекстуальность (гиперссылки, реклама, *related stories* «связанные истории»), актуальность, оперативность (быстрая сменяемость тематики), «векторность» в размещении материала (самые «свежие» новости размещаются, как правило, в верхней левой части новостной лен-

ты; в британских источниках они подаются более крупным шрифтом, указывается время размещения каждой новости в направлении слева направо, по мере ее устаревания).

Приведем несколько примеров вводов к новостным текстам:

1. *A remarkable shouting match broke out in the Oval Office between President Donald Trump and his Ukrainian counterpart Volodymyr Zelensky. CNN's Matthew Chance reports on the reaction in Russia* [<https://edition.cnn.com/2025/03/01/>].

2. *With the announcement that foreign aid will be cut to increase defence spending, Sky News examines where these changes will hit and how much money is involved.*

Sir Keir Starmer has announced that the government will cut aid spending to pay for a boost to defence. So, what impact could this have on the various countries and bodies that receive aid? [<https://news.sky.com/26/02/2025>].

В первом случае вводка содержит гипертекстовый элемент-метафору “shouting match”. Как правило, гипертекстуальные ссылки располагаются за пределами вводов в других частях новостных статей. Во втором примере, помимо основной вводки, размещенной непосредственно после заголовка, представлен «дублирующий» лид, служащий первым абзацем текста и выделенный графически с помощью жирного шрифта. В конце британских лидов часто не ставится точка.

На лексическом уровне главной характеристикой новостных текстов является их клишированность, которая характеризуется воспроизводимостью и повторяемостью [Кудрина, 2020: 6]: *according to reports, reports on, until ... agrees to, broke out, President and his counterpart, until recently, in protest of, government agencies, adviser to [U.S.] President, meanwhile, announce a plan, disagreements (over), in the form of, despite sth, cut spending* и т. п.

В зависимости от тематики новостного текста встречаются соответствующие профессионализмы (термины, жаргонизмы и проч.): *humanitarian aid, ceasefire deal, firefighters, benefactor, goods and supplies, military attack, loan, water provider, cryptocurrency, bear market, Bitcoin, shooter, massacre, terrorism law, labor shortages, economic growth, inflation, officials, US Secretary of State, economic development, geopolitical, CEO, tariffs, imports, missiles, ally, nationalisation, administration, utility firm*; фразеологизмы: *to hold one's ground, to take sth seriously, to get approval, to run out of [cash], to have impact on* и др.

Стилистическая маркированность вводов проявляется в употреблении выразительных средств и приемов (эпитетов, метафор, метонимии): *to wrestle control of negotiations, a pathway towards peace, a pivotal day of diplomacy, to battle wildfires, scorching parts, a remarkable shouting match, the Oval Office, cracking down on immigration, a tentative thaw in ice-cold US-Russia relations, they [American companies] left in droves, watershed talks, crunch time, soaring prices, the wake-up call for Britain, UK soil, the verbal assault, the bad-tempered clash at the White House.*

Синтаксически вводки состоят преимущественно из одного простого распространенного (часто за счет причастных оборотов) или сложного повествовательного предложения. Встречаются также вводки, состоящие из 2-3, в том числе вопросительных, предложений. Количество слов в исследованных «одночастных» вводках варьируется от 14 до 47 слов, в «дублирующих» – от 41 до 53 слов. Структурно вводки, как правило, организуются в соответствии с моделью «подлежащее + сказуемое + второстепенные члены предложения». Инверсия отмечена в незначительном количестве, в основном, в вопросительных предложениях. Во вводках наблюдается широкая вариативность в употреблении видовременных форм – практически без ограничений или каких-либо доминантных форм.

В заключение следует отметить, что будет неуклонно возрастать интерес к вопросам изучения национальных медиадискурсов и социокультурных особенностей медиаландшафтов разных стран [Добросклонская, 2020: 34]. Новостной же медиадискурс будет всегда оставаться на переднем крае информационного поля, поскольку именно этот тип дискурса удовлетворяет потребность в актуальной информации, которая обладает способностью быстрого устаревания и сменяемости.

Литература

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк / Пер. с англ. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
2. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики / Т. Г. Добросклонская // Медиалингвистика. 2015. – № 1 (6). – С. 45–56. URL: <https://medialing.ru/massmedijnyj-diskurs-v-sisteme-medialingvistiki/> (дата обращения: 23.02.2025).
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи / Т. Г. Добросклонская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. – № 4. – С. 26–38.

4. Кудрина Л. В. Структура новостных текстов и их лексические особенности (на примере социальных сетей и интернет-СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2020. – 20 с.

5. Полонский А. В. Made in media: к вопросу о дискурсивных особенностях современного научного медиатекста / А. В. Полонский // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – СПб.: Медиапир, 2023. – С. 255–260.

6. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г. Я. Солганик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. – № 2. – С. 7–15.

7. Федосеева Е. В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации): дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2016. – 190 с.

8. Термины редакционно-технического оформления издания URL: <https://www.oshibok-net.ru/for-journalists/beginners/sovr-termin/term-red/> (дата обращения: 24.02.2025).

9. Bell A. Language and the Media / A. Bell // Annual Review of Applied Linguistics. Cambridge University Press, 1995. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/annual-review-of-applied-linguistics/article/abs/language-and-the-media/> (дата обращения: 25.02.2025). DOI: 10.1017/S0267190500002592.

10. Boyko Y., Sierhieieva O., Tarasov, O., Matsiu, O., Dmytroshkin D. Y. Boiko et al. English Media Discourse of the Early 21st Century: Lexical Innovations. Amazonia Investiga, 2023. – Vol. 12. – No. 65. – Pp. 317–325. DOI: 10.34069/AI/2023.65.05.30.

УДК 811.111-26

А. А. Власова

(Петрозаводский государственный университет)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ НА ОСНОВЕ DEEPSEEK

В данной статье рассматривается потенциал применения DeepSeek для распознавания признаков дезинформации в англоязычных фейковых ново-

стях и приводятся результаты проведенного анализа, дающие представление о текущих возможностях и ограничениях нейросети в автоматическом обнаружении недостоверности в текстах.

Ключевые слова: фейковые новости, английский язык, искусственный интеллект (ИИ), DeepSeek, лингвистический анализ, фактчекинг.

LINGUISTIC ANALYSIS OF ENGLISH FAKE NEWS BASED ON DEEPSEEK

This paper explores the potential of using DeepSeek to recognize indicators of misinformation within English fake news articles. It presents the results of a conducted analysis, providing insight into the neural network's current capabilities and limitations in the automated detection of untrustworthiness.

Keywords: Fake news, English, artificial intelligence (AI), DeepSeek, linguistic analysis, fact-checking.

Стремительный рост потребления новостей в социальных сетях создает благоприятную среду для быстрого распространения фейковых новостей, что становится серьезной проблемой для современного общества. Очевидно, что с дезинформацией, призванной управлять общественным мнением, необходимо вести активную борьбу. Однако, прежде чем решить данную задачу, требуется найти эффективные способы обнаружения заведомо ложной и искаженной информации. Май Е. С. выделяет несколько методов, которые применяются для выявления лжи в СМИ: фактчекинг, исследования источников, анализ контента, мониторинг социальных медиа и экспертные оценки [Май, 2023: 48]. Безусловно, комплексное использование всех перечисленных методик имеет доказанную эффективность, но интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в нашу повседневную жизнь позволяет автоматизировать процесс выявления фейковой информации посредством распознавания специфических языковых маркеров в текстах новостей.

В настоящее время проводится множество многоаспектных исследований, направленных на всестороннее изучение феномена фейк-новостей. Хотя и нет единого мнения о том, какое определение наиболее точно отражает суть данного явления, все же во всех научных трудах подтверждается факт лжи, сенсационности, провокации и недостоверности. В Федеральном законе Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

прописано, что фейковые новости – это «заведомо недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений и создавшая определенную угрозу жизни или здоровью граждан, имуществу, общественному порядку и общественной безопасности».

Безусловно, фейковые новости актуальны не только в России, но и в англоязычных СМИ, благодаря которым широко распространился данный термин, который, однако, существовал уже давно. Выборы в Америке в 2016 году подарили ему новую жизнь и заставили общественность задуматься над серьезной проблемой масштабной дезинформации в медиапространстве. Ложная информация оказывает огромное влияние на аудиторию, поскольку в своей основе она имеет лингвистические приемы и стратегии, способные вызвать эмоциональный отклик общественности. Так, исследование фейковых новостей о Дональде Трампе, проведенное Бодулевой А. Р., Сайфутдиновой Л. Р. и Салиной А. С. показало, что наиболее часто встречаемыми лингвистическими признаками дезинформации в социальных сетях являются: искажение информации, изоляция адресата, упрощение, и использование орфографических и грамматических ошибок, эмоционально окрашенной лексики [Бодулева, 2020: с. 472].

Как уже говорилось ранее, для того чтобы противостоять фейкам в Интернете и повысить надежность различных информационных источников необходимо применять автоматизированные и точные инструменты для обнаружения фейковой информации. В этом контексте, наибольший интерес представляет DeepSeek – китайская языковая модель, которая появилась в конце 2023 года. За недолгое время своего существования ей удалось показать необычайную производительность и, тем самым, взволновать сферу ИИ [Зорина, 2025: 171]. В конце января 2025 года разработчики представили миру новую функцию – DeepThink R1, которая, по словам создателей, способна рассуждать и предоставлять логические объяснения своих ответов. Нейросеть выделяется среди других и тем, что имеет открытый исходный, а значит может быть улучшен и модифицирован другими пользователями и компаниями.

Языковые модели, такие как DeepSeek, обладают высоким потенциалом для быстрого и точного лингвистического анализа текстов, поэтому важно проследить, насколько эффективно в настоящий момент ИИ может обнаружить распространённые признаки фейковых

новостей. Первые тесты на фактчекинг с помощью DeepSeek, проведенные Newsguard, были не самыми успешными, поскольку оказалось, что нейросеть не может распознать дезинформацию в 83 % случаев.

С целью того, чтобы проверить способность DeepSeek обрабатывать запросы на проверку достоверности фейк-новостей от обычных пользователей нами было отобрано 5 англоязычных текстов фейк-новостей с таких сайтов как Politifact и Snopes. Данные платформы ориентированы на фактчекинг публикаций в Интернете и разоблачении дезинформации. В основу анализа легли маркеры, которые наиболее часто встречаются в фейковых новостях: негативная тональность, эмоционально-окрашенные слова и выражения, обобщения и неопределенные утверждения. На базе данных характеристик, были продуманы запросы в чат DeepSeek:

- Identify the tone of the text: positive, negative or neutral.
- Identify emotionally charged words.
- Identify any sentences that make broad claims without specific evidence.
- Determine if this news is real or fake.

Полученные результаты представлены в таблице 1.

В целом, можно сказать, что результаты простого пользовательского анализа довольно положительные. В первую очередь, нужно отметить, что DeepSeek отлично справился с определением негативной тональности текста во всех предложенных новостях. Успешно были выделены и эмоционально-окрашенные слова, используемые для игры на чувствах общественности, например, “*breaking news*”, “*deadly virus*”, “*shocking*” и др. Кроме того, нейросеть смогла выбрать конкретные фразы, которые могут быть расценены как обобщения и заявления, в которые трудно поверить: “*The era of King Charles has ended*”; “*The population will surge to 72.5 million*”. Что касается окончательного вывода о том, является ли предложенная новость фейковой или правдивой, DeepSeek все же склонен сомневаться, на что в его ответах указывают такие слова, как *likely* и *potentially*. В большинстве случаев он верно определил, что текст содержит дезинформацию, сделав в ошибку лишь с 3 текстом, где нейросеть, вероятно, смутили частично правдивая информация и числовые значения.

Таким образом, DeepSeek – нейросеть, которая потрясла сферу ИИ и общественность в последние годы может с лёгкостью распознать базовые лингвистические сигналы дезинформации, однако, нужно при-

Таблица 1 – Ответы DeepSeek

News	Tone	Emotionally Charged Words	Sentences with Broad Claims	Real/Fake News
1. Breaking news: «The era of King Charles has ended» - Buckingham Palace raises the white flag, William's heartbreaking announcement leaves the UK in mourning.	Negative	1. «Heartbreaking» 2. «Mourning» 3. «Ended» 4. «Raises the white flag» (implies surrender or defeat)	«The era of King Charles has ended»; «William's heartbreaking announcement leaves the UK in mourning»	Likely Fake
2. Unbelievable! Beyoncé alleges Diddy has been secretly hiding Michael Jackson, who faked his death. With video evidence to back up her claim, Beyoncé promises to reveal evidence that the king of pop is still alive and living in Diddy's mansion. Full story below.	Negative	1. «Unbelievable!» 2. «Secretly hiding» 3. «Faked his death» 4. «King of pop» (used in a sensational context)	«Beyoncé alleges Diddy has been secretly hiding Michael Jackson, who faked his death»	Likely Fake
3. Shocking projections have revealed migration will lead to another five million people living in the UK in just seven years. The population will surge to 72.5 million—up from 67.6 million—by 2032, heaping more pressure on the NHS, housing, roads and schools.	Negative	1. «Shocking» 2. «Heaping more pressure» 3. «Surge»	«The population will surge to 72.5 million—up from 67.6 million—by 2032»	Potentially Real but Sensationalized

4. Breaking News! Authority is looking for this male in his early 20s located in the east bay. He was put in for mandatory quarantine after arrival from Hong Kong. He refused and has escaped the US base quarantine. We need your help to find him before the spread of the deadly virus.	Negative	1. «Breaking News!» 2. «Mandatory quarantine» 3. «Escaped» 4. «Deadly virus» 5. «We need your help»	«He was put in for mandatory quarantine after arrival from Hong Kong»	Potentially Fake or Misleading
5. Doge discovers Louisiana man with 34 different names, addresses, and social security numbers. He was collecting \$1,168,646 in SS per year.	Negative	1. «Discovers» (implies surprise or revelation) 2. «Collecting \$1,168,646 in SS per year» (emphasizes the large sum of money, suggesting wrongdoing) 3. "34 different names, addresses, and social security numbers" (highlights the scale of the fraud)	«Doge» is an informal term, often associated with internet culture or memes, and its use here is unclear and unconventional in a news context.	Likely Fake or Misleading

знать, что ее алгоритмы фактчекинга пока несовершенны и требуют дальнейшего развития и доработки. Данная языковая модель может стать полезным и быстрым способом выявления фейковых новостей для обычного пользователя только с дополнительной и более тщательной перепроверкой фактов.

Литература

1. Anjos L. S., Quincozes, S. E., Kazienko, J. F., & Quincozes, V. E. (2023). Investigating the Performance of the -35 Model in Fake News Detection: An Experimental Analysis. DOI: 10.5753/sbseg.2023.233647 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/378063348_Investigating_the_Performance_of_the_35_Model_in_Fake_News_Detection_An_Experimental_Analysis (дата обращения: 4.03.2025).

2. Бодулева А. Р., Сайфутдинова Л. Р., Салина А. С. Языковые особенности фейковых новостей (на материале фейковых новостей о Дональде Трампе и предвыборной кампании США – 2020) // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14, № 4. С. 466–473. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44407176> (дата обращения: 5.03.2025).

3. Май Е. С. Методы выявления фейковой информации в СМИ // Коммунология. 2023. Т. 11, № 2. С. 41–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-vyyavleniya-feykovooy-informatsii-v-smi> (дата обращения: 5.03.2025).

4. Зорина М. В., Садковкин А. А. Распределение экономического потенциала между странами на рынке искусственного интеллекта // Economy and Business: Theory and practice. – 2025. – № 1-2. – С. 171–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raspredelenie-ekonomicheskogo-potentsiala-mezhdu-stranami-na-rynke-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 10.03.2025).

5. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 5.03.2025)

6. DeepSeek AI Chatbot: 83 Percent Fail Rate / NewsguardTech. URL: <https://www.newsguardtech.com/special-reports/deepseek-ai-chatbot-83-percent-fail-rate/> (дата обращения: 12.03.2025).

Т. В. Вырупаева

(Институт развития образования Иркутской области)

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА НА РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

В работе раскрыты содержание и взаимосвязь понятий «культурно-познавательный туризм» и «межкультурная компетентность». Представлен процесс влияния культурно-познавательного туризма на развитие межкультурной компетентности. Предложены рекомендации для развития межкультурной компетентности через реализацию культурной функции туризма с применением цифровых технологий.

Ключевые слова: культурно-познавательный туризм, межкультурная компетентность, культурные знания, культурная осведомленность, культурная восприимчивость, культурная чувствительность.

THE IMPACT OF CULTURAL AND EDUCATIONAL TOURISM ON THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE

The paper explores the content and interrelation of the concepts of “cultural and educational tourism” and “intercultural competence.” It presents the process through which cultural and educational tourism influences the development of intercultural competence. Recommendations are provided for enhancing intercultural competence through the implementation of the cultural function of tourism, utilizing digital technologies.

Keywords: cultural and educational tourism, intercultural competence, cultural knowledge, cultural awareness, cultural receptivity, cultural sensitivity.

В условиях глобализации и усиливающегося культурного обмена между странами культурный туризм становится важным инструментом для развития межкультурной компетентности. Феномен межкультурной компетентности достаточно актуален в современной науке и рассматривается с позиции философского, лингвистического, психологического, культурологического и других подходов. Феномен культурно-познавательного туризма в аспекте развития межкультурной коммуникации малоизучен, однако имеет особую значимость в направлении реализации культурной функции туризма в процессе

осуществления туристкой политики на международном, государственном и региональном уровнях.

Туризм выступает в роли «проводника» разных культур в те или иные социокультурные пространства, однако успешные контакты с представителями других культур невозможны без знания и понимания их культурных особенностей, а также навыков межкультурной коммуникации [Соколова, 2008: 44]. Кроме того, на реализацию культурной функции туризма, могут оказывать влияние разные факторы, препятствующие полному раскрытию его потенциала: политическая нестабильность, высокая стоимость путешествий, недостаточная информационная поддержка о культурных программах, сложная транспортная доступность к культурным объектам, недостаточный уровень профессионализма гидов-экскурсоводов и т. д.

Согласно отчету о развитии мирового туризма в 2024 году международные поездки совершили около 1,4 млрд туристов, что на 11 % больше по сравнению с предыдущим годом. Согласно данным туристической статистики, самой посещаемой страной в мире является Франция (89,4 млн туристов), за ней следуют Испания (83,7 млн), США (79,3 млн), Китай (65,7 млн), Италия (64,5 млн), Турция (51,2 млн), Мексика (45 млн), Таиланд (39,8 млн), Германия (39,6 млн) и Великобритания (39,4 млн) [WP travel.io].

Причины, по которым люди стремятся к путешествиям: уход от повседневной рутины; познание и развитие; интерес к другой культуре вследствие объективно существующих культурных различий. Удовлетворение потребности в туризме влияет на чувственную составляющую человека и является важным фактором в построении счастливой жизни.

Понимание и развитие восприимчивости к культурной жизни других народов, проявление интереса к их обычаям и традициям относятся к наивысшему уровню человеческих потребностей – потребности к познанию и саморазвитию. Способность эффективно взаимодействовать с людьми из разных культур, понимать и уважать их культурные особенности характеризуется показателем межкультурной компетентности, имеющим важное значение для успешного взаимодействия в глобализованном мире, будь то в бизнесе, образовании или личной жизни индивида.

В настоящее время насчитывается более 30 моделей межкультурной компетентности и более 300 составляющих ее конструкторов. Наиболее

известные модели представлены в научных трудах ученых Matsumoto D., Van Der Zee K., Bennett M. J., Hammer M. R., Fantini A., Tirmizi A., Hunter B., White J., Deardorff D. и др. [Гриценко, Хухлаев, Павлова, 2020: 103]. Межкультурная компетентность изучается в разных науках, каждая из которых вносит свой вклад в понимание ее сущности. Например, лингвистика сосредоточена на изучении роли языка в межкультурном взаимодействии и исследует языковую картину мира, культурные коннотации и семантику, невербальную коммуникацию, креолизацию, гибридизацию и т. д. Философия обращается к вопросам смысла и значения культурных явлений, стремясь понять, как разные культуры интерпретируют мир и как эти интерпретации влияют на поведение людей. В рамках психологии акцент делается на личностные качества индивида, необходимые для успешного взаимодействия в мультикультурной среде, а межкультурная компетентность рассматривается как набор когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик личности. Социологи изучают, как общественные нормы, роли и статусы формируют представления о межкультурных отношениях и определяют поведение индивидов в этих контекстах, рассматривают вопросы социальной стратификации, дискриминации, интеграции, аккультурации. Культурология, интегрируя различные научные подходы, рассматривает межкультурную компетентность через призму взаимодействия культурных групп и индивидов, акцентируя внимание на способности личности понимать и учитывать особенности культуры собеседника, а также успешно взаимодействовать с представителями разных этнических, религиозных, социальных групп. Для эффективного поддержания этих разнообразных и многоуровневых контактов и форм общения необходимо не только знание соответствующего языка, но и знание норм, правил, традиций, обычаев другой культуры. Каждый участник международных коммуникаций быстро осознает, что одного владения иностранным языком оказывается недостаточно для полноценного межкультурного взаимопонимания.

В науке существует множество определений межкультурной компетентности. В данной работе предлагается рассматривать межкультурную компетентность как показатель, отображающий динамику уровневого развития соответствующих компетенций, при этом каждый уровень основывается на предыдущем:

1) знания о традициях, ценностях, обычаях, искусстве и истории определенной культуры или группы людей (культурные знания);

- 2) знание о существовании множества различных культур с разными взглядами и мировоззрением (культурная осведомленность);
- 3) умение принимать различия и осознавать, что собственная культура не является превосходящей (культурная восприимчивость);
- 4) способность индивида испытывать эмоции, направленные на понимание и оценку культурных различий, что способствует адекватному поведению в межкультурной коммуникации (культурная чувствительность) [Bennett, 2004: 150].

Культурно-познавательный туризм способствует сохранению и популяризации культурного наследия, а также развитию межкультурного взаимодействия. В настоящее время он активно развивается в разных странах. Культурно-познавательный туризм представляет собой комплексное явление, включающее большое разнообразие его видов (исторический, событийный, религиозный, гастрономический, этнокультурный, экотуризм, джомо-туризм), результатом которого является развитие межкультурной компетентности, самосознание и культурное самоопределение личности. Все виды культурно-познавательного туризма оказывают большое влияние на развитие межкультурной компетентности посредством:

- 1) погружения в новую культуру: туристы посещают музеи, участвуют в местных фестивалях, пробуют национальную кухню, знакомятся с традициями и обычаями, формируя опыт, способствующий расширению кругозора и формированию понимания культурных различий;
- 2) развития эмпатии и толерантности: туристы учатся видеть мир глазами других людей, осознавать их ценности и нормы поведения, что ведет к снижению стереотипов и предрассудков и является основой межкультурной компетентности;
- 3) совершенствования коммуникативных навыков: туристы часто сталкиваются с необходимостью общаться на иностранном языке или использовать невербальные средства коммуникации, способствующие развитию гибкости и адаптивности в общении, что не менее важно для успешного взаимодействия в мультикультурной среде;
- 4) повышения уровня самосознания: познание других культур неизбежно заставляет задуматься о собственных культурных особенностях и идентичности, способствуя их лучшему пониманию, что влияет на развитие межкультурной компетентности;

5) обучения через практику: участие в культурных мероприятиях, например, в мастер-классах по традиционным ремеслам или кулинарному мастерству, позволяет туристам не только наблюдать, но и активно участвовать в жизни местных жителей, что усиливает усвоение новых знаний и навыков;

6) формирования глобального мировоззрения: культурно-познавательные путешествия помогают людям осознать свою принадлежность к мировому сообществу, что повышает уровень социальной ответственности и стремление к взаимопониманию между народами.

Применение цифровых технологий может значительно усилить реализацию культурной функции туризма как на организационном, так и на индивидуальном уровне. Для развития межкультурной компетентности через механизм реализации культурного потенциала туризма предлагается:

1. На организационном уровне (для турагентств): проектировать виртуальные туры по культурным и историческим объектам с целью ознакомления туристов с ними до поездки или в удаленном формате; разрабатывать интерактивные экскурсии на основе мобильных приложений с интерактивными картами, аудиогuidaми и дополненной реальностью (AR); поддерживать контент онлайн-сообществ и форумов для обмена впечатлениями, фото, видеоматериалами и рекомендациями; организовывать live-трансляций культурных мероприятий и фестивалей; разрабатывать обучающие онлайн-курсы для путешественников по правилам и нормам поведения в посещаемой стране, а также базовой лексике.

2. На индивидуальном уровне (для туристов): перед поездкой целесообразно ознакомиться с требованиями и правилами посещения другой страны; выучить несколько фраз, чтобы иметь возможность поприветствовать, поблагодарить, попрощаться с местными жителями; обратить внимание на особенности невербальной коммуникации в другой стране: жесты, мимика, дистантная зона и т. д.); проявлять интерес не только к пляжному отдыху, но и к разным видам культурно-познавательного туризма; взаимодействовать с местными жителями, проявляя уважение и толерантность к ним, а также бережное отношение к природным и культурным объектам; обеспечивать обратную связь о поездке, впечатлениях, знаниях, рекомендациях в форме отзыва или подкаста на туристических форумах и в сообществах.

Культурно-познавательный туризм представляет собой диалогическую форму взаимодействия культур, которая, с одной стороны, способствует углублению культурного самосознания и формированию культурной идентичности туриста, а с другой, приводит к взаимообогащению культурных систем за счет обмена культурным опытом. Применение цифровых технологий поможет более эффективно реализовывать культурную функцию туризма, делая путешествия информативными, увлекательными и доступными, что, в свою очередь, способствует развитию навыков межкультурной коммуникации, пониманию культурных различий и развитию межкультурной компетентности.

Литература

1. Гриценко В. В., Хухлаев О. Е., Павлова О. С. и др. Анализ зарубежных эмпирических моделей межкультурной компетентности и методик для ее оценки // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 103–113.
2. Соколова М. В. Роль туризма в кросскультурной коммуникации и факторы, его определяющие // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 4. С. 42–48.
3. Bennett J. M., Bennett M. J. Developing Intercultural Sensitivity: An integrative approach to global and domestic diversity // Handbook of Intercultural learning 3rd ed. / D. Landis, J. M. Bennett, M. J. Bennett. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. – Pp. 147–165.
4. Most visited country in the World 2020-2024: Statistics. [online resource] // URL: <https://wptravel.io/most-visited-countries-in-the-world/> (date of request: 15.02.2025).

УДК 811

К. А. Габиева

(Институт языкознания им. И. Насими Национальной академии наук Азербайджана)

КОНКОРДАНС – ВКЛАД КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЛИНГВИСТИКУ

Настоящая статья посвящена роли конкордансов в современной лингвистике и их влиянию на развитие корпусных исследований. В работе рассматриваются ключевые аспекты использования конкордансных инструментов

для анализа текстов, выявления закономерностей в языковых структурах и совершенствования лексикографической практики. Особое внимание уделяется применению конкордансов в тюркологии, где они способствуют обработке и изучению древних письменных памятников. Рассматривается историческое развитие концепции конкорданса, начиная с ручных методов составления алфавитных списков ключевых слов и заканчивая современными цифровыми системами, такими как WordSmith Tools и AntConc.

Ключевые слова: конкорданс, корпусная лингвистика, компьютерные технологии, лексикография, тюркские языки.

CONCORDANCE – THE CONTRIBUTION OF COMPUTER TECHNOLOGIES TO LINGUISTICS

This article is devoted to the role of concordances in modern linguistics and their impact on the development of corpus studies. It examines the key aspects of using concordance tools for text analysis, identifying patterns in linguistic structures, and improving lexicographic practices. Special attention is given to the application of concordances in Turkology, where they contribute to the processing and study of ancient written monuments. The historical development of the concordance concept is also explored, from manual methods of compiling alphabetical lists of key words to modern digital systems such as WordSmith Tools and AntConc.

Keywords: concordance, corpus linguistics, computer technologies, lexicography, Turkic languages.

Современные лингвистические исследования значительно выиграли от технологического прогресса, особенно в контексте интеграции компьютерных методов анализа текста. Как отмечает Бибер и др. [Biber et al., 1998], компьютерная лингвистика и корпусные исследования способствовали расширению методологических подходов в изучении языковых структур. В частности, одним из важнейших инструментов в этой области является программное обеспечение для создания конкордансов, которое позволяет эффективно анализировать большие корпуса текстов и выявлять закономерности их использования.

Согласно определению Дж. Кеннеди, конкорданс в лингвистике представляет собой алфавитный список ключевых слов текста с указанием соответствующих контекстов [Kennedy, 1998: 11–16]. Первоначально конкордансы создавались вручную, что было трудоемким

и ограниченным процессом. Однако с развитием вычислительных технологий возникли цифровые конкордансные системы, что позволило лингвистам анализировать язык с новой точностью и на более крупных объемах данных.

Конкордансные словари и их место в современной лексикографии. Лексикография должна адаптироваться к стремительному развитию цифровых технологий, иначе словари перестанут соответствовать ожиданиям пользователей [Sinclair, 2003: 111]. Одной из важнейших задач является внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в процесс разработки словарей. В условиях глобализации важную роль играет доступность электронных словарей и их интеграция с конкордансными инструментами, что позволяет значительно расширить аудиторию пользователей.

Применение конкордансных словарей в корпусной лингвистике и электронных базах данных активно развивается в мировых исследованиях [Stubbs, 2001: 20-23]. Тем не менее, в тюркологии подобных словарей, особенно на основе древних письменных памятников, пока недостаточно. Именно поэтому изучение принципов составления конкорданса в рамках тюркских языков является важной задачей. Современные проекты в этой области активно реализуются в России, Турции, Азербайджане и странах Европы.

Историческое развитие конкордансных инструментов. Истоки концепции конкорданса восходят к библейским временам, когда ученые вручную создавали конкордансы религиозных текстов [Biber et al., 1998: 100]. Однако первая значительная трансформация произошла в середине XX века с развитием вычислительной лингвистики. Одним из пионерских проектов в этой области стало создание **“Concordance to the Bible”** компанией IBM в 1950-х годах [Kennedy, 1998]. Этот проект продемонстрировал потенциал компьютеров для анализа текстов, содержащих миллионы слов.

Впоследствии, появление программного обеспечения, такого как **WordSmith Tools** и **AntConc**, сделало доступ к конкордансным инструментам более демократичным [Sinclair, 2003: 98]. Эти разработки позволили лингвистам анализировать коллокации, синтаксические структуры и частотность употребления слов, что открыло новые горизонты в корпусной лингвистике.

Современные достижения и роль конкордансов в лингвистике нижеисследуемые:

- рост вычислительных мощностей позволил обрабатывать большие объемы данных в считанные секунды [Mahmudov, 2018].
- развитие технологий обработки естественного языка (NLP) повысило точность анализа текста, включая токенизацию и морфологический разбор [Kennedy, 1998].
- интуитивные интерфейсы современных программ, таких как AntConc, сделали инструменты доступными для широкой аудитории [Sinclair, 2003].
- прогресс в области цифрового хранения данных способствовал созданию крупных языковых корпусов, таких как Британский национальный корпус (BNC), содержащий 100 миллионов слов письменного и устного английского языка [Stubbs, 2001].

Конкордансы находят широкое применение в различных областях лингвистики. В лексикографии они помогают выявлять частотность и контекст употребления слов, что способствует более точному определению их значений [Heydarov et al., 2019: 796]. В корпусной лингвистике анализ больших текстовых массивов с их помощью позволяет выявлять коллокации и закономерности в языковых структурах [Biber et al., 1998: 76–78]. В анализе дискурса конкордансные инструменты используются для изучения вариативности языка в разных жанрах и социальных контекстах [Kennedy, 1998]. В переводоведении сравнение двуязычных конкордансов облегчает поиск эквивалентных выражений в разных языках, что способствует более точному переводу с учетом контекстуальных особенностей [Stubbs, 2001]. Наконец, в преподавании языков использование аутентичных текстов из конкордансов позволяет студентам изучать язык на реальных примерах, способствуя лучшему пониманию его функционирования в живой коммуникации [Sinclair, 2003].

Интеграция компьютерных технологий в лингвистику, особенно в разработку конкордансных инструментов, радикально изменила подходы к изучению языка. Как показали исследования Biber et al. (1998) и Sinclair (2003), конкордансы стали мощным средством для анализа текстов, выявления закономерностей и проведения междисциплинарных исследований.

С учетом дальнейшего развития технологий перспективы в области цифровой лингвистики остаются огромными. Продолжение интеграции компьютерных технологий в исследования языка не только расширяет границы корпусной лингвистики, но и открывает новые возможности в междисциплинарных исследованиях.

Литература

1. *Biber D., Conrad S., & Reppen R.* Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use / D. Biber, S. Conrad, R. Reppen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 300 p.
2. *Heydarov R. A., Jafarov A. G., Habibova K. A.* Software for experimental methods in phonetic research //1st International Scientific Conference” Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth”(MTDE 2019). – Atlantis Press, 2019. – С. 795–800.
3. *Kennedy G.* An Introduction to Corpus Linguistics / G. Kennedy. – London: Longman, 1998. – 328 p.
4. *Mahmudov M.* Türk dillərinin milli korpusları / M. Mahmudov. – Bakı: Elm və Təhsil, 2018. – 392 s.
5. *Sinclair J.* Reading Concordances: An Introduction/ J. Sinclair. – London: Longman/Pearson Education, 2003. – 180 p.
6. *Stubbs M.* Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics / M. Stubbs. – London: Blackwell Publishers, 2001. – 288 p.

УДК 81.27

Н. В. Гамова

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ

В данной статье рассматриваются основные лингвистические особенности фейковых новостей, которые помогают распознавать и анализировать подобный контент.

Ключевые слова: фейковые новости, клише, контент, лексика, кликбейт, воздействие на эмоции.

LINGUISTIC FEATURES OF FAKE NEWS

This article examines the main linguistic features of fake news that help to recognize and analyze such content.

Keywords: fake news, cliché, content, vocabulary, clickbait, impact on emotions.

В эпоху цифровых технологий и социальных сетей фейковые новости стали неотъемлемой частью медиапространства. Они не только

искажают реальность, но и влияют на общественное мнение, формируя ложные представления о событиях. Одним из ключевых аспектов фейковых новостей является их языковая составляющая, которая позволяет манипулировать сознанием аудитории.

Одной из главных черт фейковых новостей является использование эмоционально насыщенной лексики. Авторы таких материалов часто прибегают к преувеличениям, сенсационным формулировкам и оценочным суждениям, чтобы вызвать у читателя сильную эмоциональную реакцию [Николаева, 2018: 43]. Например, заголовки фейковых новостей нередко содержат слова с ярко выраженной негативной или позитивной коннотацией: «шокирующий», «ужасающий», «невероятный», «сенсационный». Это позволяет привлечь внимание аудитории и усилить эффект от прочитанного.

Фейковые новости часто опираются на уже существующие в обществе стереотипы и клише. Это упрощает восприятие информации и делает её более убедительной для определённых групп людей. Например, в политических фейках нередко используются клише, связанные с образами врагов или героев, что позволяет быстро вызвать доверие или, наоборот, отторжение. Такие тексты часто содержат обобщения и упрощения, что делает их более доступными для массовой аудитории.

Характерной чертой фейковых новостей является отсутствие конкретных деталей, точных дат, имён и источников информации. Вместо этого авторы используют расплывчатые формулировки, такие как «эксперты утверждают», «по данным из достоверных источников», «в последнее время участились случаи». Это позволяет избежать проверки фактов и создаёт иллюзию достоверности. Кроме того, фейковые новости часто содержат противоречия или логические несоответствия, которые могут быть незаметны при поверхностном прочтении.

Заголовки фейковых новостей часто не соответствуют содержанию текста. Они могут быть намеренно провокационными или вводящими в заблуждение, чтобы привлечь внимание читателя. Например, заголовок может содержать утверждение, которое в тексте либо опровергается, либо подаётся как предположение. Это явление известно как «кликбейт» (clickbait) и активно используется для увеличения просмотров.

Для придания видимости достоверности авторы фейковых новостей нередко используют псевдонаучную терминологию. Это может

быть сложная лексика, заимствованная из научных статей, но применяемая без должного контекста или с искажением смысла. Например, в текстах о медицине или технологиях могут использоваться термины, которые звучат убедительно, но не имеют научного обоснования. Это создаёт иллюзию компетентности и авторитетности.

Фейковые новости часто используют приём повторения ключевых идей или фраз, чтобы закрепить их в сознании читателя. Это может быть многократное упоминание определённых имён, событий или утверждений, которые подаются как неоспоримые факты. Такой приём усиливает эффект внушения и делает информацию более запоминающейся.

Хотя визуальный контент не является лингвистическим элементом, он играет важную роль в создании убедительности фейковых новостей. Фотографии, видео или инфографика часто используются для подкрепления ложных утверждений. Например, изображения могут быть вырваны из контекста или отредактированы, чтобы соответствовать нужному нарративу. В сочетании с эмоционально окрашенным текстом это усиливает воздействие на аудиторию.

В качестве примера возьмем материал, опубликованный в «Комсомольской правде» 5 марта 2025 года [<https://www.kp.ru/daily/27669/5057666/>].

Заголовок: *«15-летние отец и мать сбросили новорожденного в мусоропровод с 9 этажа: «Он кричал, пытался. Я не знала, что делать»».*

Мы видим явные триггеры, которые заставляют читателя познаться с материалом: 15-летние, сбросили новорожденного. Эти слова-провокаторы сразу же привлекают внимание, особенно, если речь идет о ребенке. У читателя на первый план выходят эмоции, которые и побуждают ознакомиться с информацией. Заголовок сразу становится кликбейтом.

Временной анализ показывает, что к новостям подобный контент отнести нельзя: заметка опубликована 5 марта, а в самой статье сказано, что инцидент произошёл 26 февраля. Получается, этому происшествию уже больше недели, должны быть другие многочисленные источники, информирующие об инциденте. Если вбить опорные слова из названия в поисковую строку браузера, то можно найти истории лишь с похожими сюжетами, а некоторые издания, например, что другие издания, например “Starhit” [<https://www.starhit.ru/life/maloletnyaya-mat-spustivshaya-syna-v-musoroprovod>] и «DailyКапелья»

[<https://gubdaily.ru/news/vse-vokrug-bylo-v-krovi-roditeli-podrostki-vybrosili-novorozhdenного-v-musoroprovod-18>], тоже пишут об этом происшествии, но ссылаются на ту же «Комсомольскую правду».

Следующий маркер фейковых новостей – это анонимный источник. В данном случае это некий «корреспондент KP.RU».

Можно и дальше продолжать анализ: отсутствие компетентной персональной системы, подробное описание жизни молодых людей, нагнетание ситуации через слова «покушение на убийство малолетнего», «суд», «лишение свободы» [<https://www.kp.ru/daily/27669/5057666>].

Фейковая информация воздействует на эмоции читателя и привлекает трафик на сайт издания.

Подобное изложение событий – пример столкновения ценностей, что в настоящее время характерно для массмедийного дискурса [Кошарова, 2018:14-18]

Лингвистические особенности фейковых новостей позволяют не только распознавать их, но и понимать механизмы манипуляции, которые используются для воздействия на аудиторию. Эмоционально окрашенная лексика, клише, отсутствие конкретики, манипуляция заголовками и псевдонаучная терминология – всё это делает фейковые новости эффективным инструментом влияния на общественное мнение. Однако знание этих особенностей помогает критически оценивать информацию и избегать ложных выводов. В условиях информационной перегрузки умение анализировать языковые приёмы становится важным навыком для каждого потребителя медиа.

Таким образом, изучение лингвистических особенностей фейковых новостей не только способствует развитию медиаграмотности, но и помогает противостоять дезинформации, сохраняя объективность и критическое мышление.

Литература

1. Будаева А. 15-летние отец и мать сбросили новорожденного в мусоропровод с 9 этажа: «Он кричал, пытался. Я не знала, что делать» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 5 марта 2025. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27669/5057666/> (дата обращения: 08.03.2025)
2. Власова А. 15-летние отец и мать сбросили новорожденного в мусоропровод с 9 этажа: «Он кричал, пытался. Я не знала, что делать» [Электронный ресурс] // Starhit. – URL: <https://www.starhit.ru/life/maloletnyaya-mat-spustivshaya-syna-v-musoroprovod-s-9-etazha-on-kryakhtel-pykhtel-ya-ne-zna>

la-chto-delat-6247969/?ysclid=m809t8kbj4608529053 (дата обращения: 08.03.2025)

3. «Всё вокруг было в крови». Родители-подростки выбросили новорожденного в мусоропровод [Электронный ресурс] // DailyКарелия. – URL: <https://gubdaily.ru/news/vse-vokrug-bylo-v-krovi-roditeli-podrostki-vybrosili-novorozhdenного-v-musoroprovod-18/> (дата обращения: 08.03.2025)

4. Кошкарова Н. Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2018. – № 2 (191). – С. 14–18.

5. Николаева А. В. Кликбейт в СМИ [Текст] // Русская речь. – М.: Наука, 2018. – № 3. – С. 43–47.

6. «Фейк-ньюс»: масштаб проблемы [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3935. – 2019.

УДК 809.15150

А. О. Гаффоров

(Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни)

ВИДЫ И СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МАНСУРИ XV–XVI ВЕКОВ

В статье рассматриваются формы и средства общения в произведениях Мансура XV–XVI веков. В статье изучаются и обсуждаются наблюдения автора над особенностями связей слов в таджикском литературном языке. Исследуя рассматриваемую проблему, автор изложил свои взгляды и идеи относительно особенностей связей слов в таджикском литературном языке.

Ключевые слова: грамматические средства общения, подчинительный союз, вспомогательный союз, союз, письменные произведения, классическая проза.

TYPES AND MEANS OF COMMUNICATION IN THE WORKS OF MANSURI OF THE 15TH-16TH CENTURIES

The article examines the forms and means of communication in the works of Mansur of the 15th-16th centuries. The article studies and discusses the author's observations on the peculiarities of word connections in the Tajik literary language. Exploring the problem under consideration, the author outlined his views and ideas regarding the peculiarities of word connections in the Tajik literary language.

Keywords: grammatical means of communication, subordinating conjunction, auxiliary conjunction, conjunction, written works, classical prose.

Следует сказать, что статус и место средств вербальной коммуникации в изучении особенностей структуры фразы и предложения огромны. Только точно определив характер и особенности взаимоотношений слов, можно будет глубоко и наглядно изучить различные аспекты этих грамматических единиц.

Анализ показал, что в языке произведений Мансура XV–XVI веков наблюдаются различные типы средств связи: соответствие, дополнение, зависимость (предшествование и следствие) и ассоциативность. Чтобы не увеличивать объем статьи, некоторые из них будут кратко рассмотрены.

В таджикском языке, как уже упоминалось выше, существует соответствие между темой и сообщением. Это тип отношений, при котором придаточное предложение согласуется с подчиненными ему предложениями в лице и числе или только в числе или лице. Следует отметить, что при сопоставлении новостей с инициалами грамматические категории лица и числа инициалов учитываются в широком смысле. При передаче информации с помощью инициалов определяется функциональная связь их формы. В таджикском языке предложение всегда имеет грамматический показатель связи, который «выражается через глагольные и придаточные предложения» [Современный литературный таджикский язык, 1984: 5], но при этом учитывается лицо и число предложения, исходя из его формы, грамматического значения, семантика и общая организация.

Наблюдения показали, что в письменных памятниках XV–XVI вв. грамматическое и структурное соответствие сказуемого не происходит с подлежащим и существительным, а с его отдельными подчиненными частями. Примеры:

Аз ҷониби Сабзвор ҷаҳор савор пайдо шуданд [Болдырев, 1961: 1102]. *Рӯзе дар авоили фасли баҳор Хоҷа Пир Аҳмади Хофӣ ва Хоҷа Аҳмад ибни Довуд аз канори ҳандақи Ҳирот мегузаштанд* [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 75]. *Дар маҷлиси Кисро се тан аз ҳукамо ҷамъ омаданд* [Абдурахмони Джоми, 1987: 39].

В языке произведений этого периода, как и в современном таджикском литературном языке, при неполном соответствии известия не соответствуют своим темам по числу, а иногда и по лицам. Приме-

ры: *Фақир ба арз расонид* [Болдырев, 1961: 234]. *Ҳар ду бархостанду роҳилаҳо биёростанд* [Абдурахмони Джоми, 1987: 74]. *Фақир ба ӯ арз кард* [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 40].

Анализ многочисленных примеров из языка «Бахористон», «Бадоеъ-ул-вакоеъ» и «Латоиф-ут-тавоиф» показал, что группа сказуемых образована с подлежащим через устойчивые и нестабильные соединения. Полных сведений об этом типе связи в таджикской лингвистике нет, за исключением некоторых ссылок.

Фиксированная связь – это тип связи, при котором подчиненное лицо обязательно требует упоминания придаточного предложения. Придаточное предложение разъясняет и дополняет смысл главного предложения. Например, переходные глаголы в таджикском языке всегда требуют прямого дополнения: *Чун подшоҳ номаро кушуд* [Болдырев, 1961: 827]. *Он ғуломро биёред* [Болдырев, 1961: 883].

Также устойчивое соответствие наблюдается в сказуемых, которые выражены одушевленными существительными. Если такое подлежащее появляется в единственном числе и, если он появляется во множественном числе, сказуемое также выражается во множественном числе. Примеры:

Канизак донист... [Болдырев, 1961: 705]. *Хуззори маҷлис бихандиданд* [Болдырев, 1961: 413].

Некоторые глаголы также подчиняют косвенное дополнение с помощью специального предлога. Например, глаголы **ранчидан**, **тарсидан** и **аз касе тарсид** всегда имеют подлежащее, связанное с предлогом **аз**:

В нестабильных отношениях использование придаточного предложения необязательно. Например, в предложении *Фақир беихтиёр хандон шудам* [Болдырев, 1961: 977]. Слово *беихтиёр* употребляется в неустойчивом союзе, поскольку общий смысл предложения понятен и без упоминания этого слова.

Слово, подчиненное неустойчивой связью, обычно имеет семантическую связь не с каким-либо конкретным словом в предложении, а со всем предложением: *Шабе ба хонаи ин камина омада* [Болдырев, 1961: 90].

Неустойчивое согласование встречается в сказуемых, подлежащее которых выражено некоторыми собирательными существительными /**лашкар**, **корвон**.../ или словосочетаниями. Примеры: *Лашкари ўзбак расид* [Болдырев, 1961: 172]. *Чун лашкар... пайи тозаи мухоли-*

фон диданд [Болдырев, 1961: 1318]. *Лашкари ўдар манозили мардумон фуруд омаданд* [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 95].

Употребление существительных личных местоимений только во множественном числе является выражением субъективного отношения и является исключением из вышеуказанного правила. Сравнения: *Қози бағдод ба азимати масҷиди одина пиёда берун омаданд* [Абдурахмони Джоми, 1987: 82]. *Турке сипоҳиро гуфтанд* [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 89].

Стандарт устойчивых и неустойчивых соответствий в современном таджикском литературном языке несколько изменился. Неодушевлённые и абстрактные существительные начинаются во множественном числе; в современном литературном таджикском языке слово иногда выступает во множественном числе, а иногда – в единственном числе [Современный литературный таджикский язык, 1984: 99].

Если местоимение **баъзе** используется подлежащим выраженным местоимением, а его подчиненная часть является безличным существительным, то сказуемое передается в форме единственного числа и не полностью согласуется по числу. Эта ситуация более заметна в произведениях рассматриваемого периода. Например: *Баъзе аз абёти он ин аст* [Болдырев, 1961: 962]. *Баъзе аз адабиёти ҳаҷвӣ ин аст* [Болдырев, 1961: 620].

В прозе этого периода местоимение указывало на лицо и становилось подлежащим, но его подлежащее всегда стояло во множественном числе и соответствовало ему. Например: *Баъзе инро бовар намедоранд* [Болдырев, 1961: 97]. *Баъзе маслиҳат надоданд* [Болдырев, 1961: 1029].

Местоимение **баъзе** в составе местоименных групп выражается подлежащим как основным элементом, если придаточное предложение – имя существительное, сказуемое всегда во множественном числе, как: *Баъзе аз дўстон Фирдавсро насиҳат карданд* [Болдырев, 1961: 962].

В грамматическом смысле в таких выражениях слово **як** идет с артиклем **-е**, а если оно будет подлежащим, то сказуемое будет в единственном числе. Например: *Яке аз ёрони ин фақир ... гарав баст* [Болдырев, 1961: 491]. *Яке ба девор боло рафт* [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 203]. *...яке аз лашкариёни хон ўро захмӣ карда буд* [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 201].

Если такое действие будет повторяться, то сказуемое может быть во множественном числе. Например: *Ҳар рӯз яке аз он ҷамъ мударрис*

мешуданд [Болдырев, 1961: 1181]. ...як-як аз чавонон ба ин фақир канор гирифтанд [Болдырев, 1961: 213].

В литературном языке XV–XVI вв., если местоимение **ҳама** в значении содержания безличных объектов является подлежащим, сказуемое всегда стоит в форме единственного числа и не совпадает с подлежащим по числу. Сравнение: *Ҳама (ҷароҳатҳо-А.Ғ.) илоҷ дорад* [Болдырев, 639]. *Ҳама аз мардум аст* [Болдырев, 1961: 690].

В источниках изучаемого периода редко наблюдается неполная семантическая и грамматическая согласованность. Неполное согласование проявилось лишь в подлежащих **корвон** и **лашкар**. Слово **корвон** упоминается в прозе этого периода 9 раз как подлежащее, сказуемое из них 4 во множественном числе, а 5 – в единственном числе. Но слово **лашкар** как подлежащее упоминается 8 раз, сказуемых 3 во множественном числе и 5 в единственном числе: *Лашкар аз ақибӣ вай биёд* [Болдырев, 1961: 60]. В «Бадоеъ-ул-вакоеъ» в 5 предложениях выражено подлежащим, в 3 предложениях сказуемое во множественном числе, в двух предложениях в единственном числе: *Он лашкар ба тамои мутафарриқ мегардад* [Болдырев, 1961: 163].

Отношение соответствия является основным грамматическим отношением подлежащего со сказуемым в произведениях изучаемого периода, а также в современном таджикском литературном языке в двусоставных предложениях. Сказуемое с подлежащим в языке произведений этого периода, согласно традиции, соответствует лицу и числу. Уместность сказуемого зависит не только от грамматической формы подлежащего, но и от его придаточного предложения.

Предлог **аз**. В мансурском языке XV–XVI вв. спектр употребления и грамматических функций предлога был весьма широк, он использовался для выражения различных отношений дополнения и обстоятельства. Этот предлог используется в словосочетаниях и предложениях в основном для выражения дополнительных отношений с различными оттенками значения. Например: *Аз боғбон нурсиданд* [Болдырев, 1961: 768]. *Нуаймон даромаду дасти ӯ бигрифт ва аз масҷид берун овард* [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 22]. *Ногоҳ хоҷа сар аз манзар фуру кард, чавонро дид* [Абдурахмони Джоми, 1987: 70].

Предлог **дар**. Этот предлог используется как грамматическое средство связи слов в словосочетаниях и предложениях. В прозе исследуемого периода приставка «**дар**» широко используется для выражения текущих отношений. Например: *Дар муддати як моҳ ҳамаи сарф*

кард, чунон ки ба қарз муҳтоҷ шуд [Абдурахмони Джоми, 1987: 62]. Махдумӣ дар тобистон ва зимистон қабои пурпунба мефӯшиданд [Болдырев, 1961: 623]. Дар ин айём рӯза намекушоянд [Болдырев, 1961: 171]. Дар ин асно ҳоҷагон ба канори ҳандақ расиданд [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 75].

Предлог **ба**. Префикс **ба** в произведениях Мансура XV–XVI вв. употребляется в словосочетаниях и предложениях в основном для выражения грамматических отношений дополнения и настоящего времени. Например: Бо Мир Шоҳвали Кукалтошӣ ошноӣ доштед [Болдырев, 1961: 1103]. Аждаҳоро ба шир майл бисёр мебошад [Болдырев, 1961: 816].

С глаголами **даромадан**, **гузаштан** и подобные им является предлог **ба**, он обозначает перемещение действия в какое-либо место или размещение объекта в каком-либо месте или на поверхности чего-либо. Пример: Бо якдигар ба боғе гузаштанд [Абдурахмони Джоми, 1987: 126]. Овардаанд, ки арабе бодиянишин ба шаҳри Бағдод даромад [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 269]. Чун ба хайма даромадам [Болдырев, 1961: 1126].

В произведениях Мансура XV–XVI вв. основные предлоги **бар**, **бо**, **барои** (**аз барои**) используются в словосочетаниях и предложениях для выражения различных грамматических отношений.

Предлог **бар**. Обстоятельственное отношение: Худро бар канора кашидем [Болдырев, 1961: 195]. Саге...бар дари дарвозаи шаҳр истода буд [Абдурахмони Джоми, 1987: 130]

Предлог **бо**. Объективно-совместное отношение: Бо қаландар ҷанг кунам [Болдырев, 1961: 636] Бо ӯ дуруштӣ карду сахту суст гуфт [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 103].

Предлог **барои** (**аз барои**). Отношение обстоятельства цели: Халифа барои гулхантобӣ камар баста [Болдырев, 1961: 334] ... аз барои ӯ тухфаву ҳада бурданд [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 271].

Обратная связь. В произведениях Мансура XV–XVI веков предлог **-ро** играет многогранную и значимую роль в образовании словосочетаний и предложений. Предлог **-ро** в основном соединяет прямое дополнение с глаголом. Это основная функция предлога **-ро**. Например: Дастӣ худро бар сари вай ниҳоданд [Болдырев, 1961: 1186]. Рӯзе он подшоҳро бо вай дар маҳфиле иттифоқи мулоқот афтод [Абдурахмони Джоми, 1987: 44]. Пас ӯро бинишонданд [Мавлоно Фахриддин Али, 1334: 104].

Предлог **-ро** в прозе этого периода соединял прямое дополнение с глаголом типа **боистан**, что означает, что что-то необходимо. Например: *Маро ин дору намебояд* [Болдырев, 1961: 1021]. *Маро рухи ту намебояд* [Болдырев, 1961: 865]. *Туро дар ин амр як сол сабр бояд кард* [Болдырев, 1961: 474].

В прозе того времени предлог **-ро** соединялся с глаголами таких видов как **ихонат расонидан, салом расонидан, таъзим намудан** и причастно к их состоянию. Например: *Фузалои олабро...ихонат мерасонад* [Болдырев, 1961: 963]. *Эшонро бисёр таъзим намуданд* [Болдырев, 1961: 916]. *Он қотилро худи таъоло раҳме кардан фармо-яд* [Болдырев, 1961: 87].

Использование предлога **-ро** для выражения определяющего отношения в прозе этого периода доказывает, что в языке изучаемого периода такой способ общения, используется как общепринятая норма. В прошлые века таджикского литературного языка предлог **-ро** использовался для выражения настоящих причинно-следственных связей, время также использовалось, но эти грамматические отношения иногда выражались скорее с помощью предлогов, особенно в трудах Мансура XV и XVI веков, а предлог **-ро** ограничивался этой функцией.

В поэтических произведениях изучаемого периода деепричастие подчиняется различным глаголам посредством соединительных союзов, играя важную роль в образовании словосочетаний. В этой группе фраз в основном, выражается текущая взаимосвязь способа, причины и цели, в зависимости от лексических и грамматических характеристик компонентов они имеют различную семантическую окраску. Например: *Боз ҳамон ғаливож бо ғаливожи дигар парвозкунон бар рӯи ҳаво пайдо шуд* [Болдырев, 1961: 872]. *Зан-занону каш-кашон расидем* [Болдырев, 1961: 872].

Таким образом, изучение и рассмотрение видов и средств общения в прозаических произведениях XV-XVI вв. будет способствовать выявлению особенностей языка классической прозы, его богатства, определению статуса прозаических произведений этого периода в устойчивости, совершенствовании и развитии таджикского литературного языка.

Литература

1. Абдурахмони Дждоми. Бахористон. – М.: Наука, 1987. – 200 с. (на тадж. языке).

2. Болдырев А. Н. Зайниддин Восифи. «Бадаи-ал-вакаи». Критич. текст. Том 1-2 / А. Н. Болдырев. – М.: ИВЛ, 1961. – 1351 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.-Л., 1947. – 383 с.
4. Каландаров К. Формирование и развитие сложноподчиненных предложений в таджикском литературном языке (X–XIX вв.) / К. Каландаров. – Душанбе: Шарқи озода, 2004. – 463 с. (на тадж. языке).
5. Косимова М. Н. История таджикского литературного языка (X–XI вв.). Учебник для студентов высших учебных заведений. Ч. 1. / Косимова М. Н. Душанбе: ДМТ, 2003. – 490 с. (на тадж. языке)
6. Мавлоно Фахриддин Алиш Сафи. Латоиф-ут-тавоиф. – Техрон: 1334. – 650 с. (на тадж. языке).
7. Мирзоев А. Словосочетания в таджикском языке / А. Мирзоев. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 308 с. (на тадж. языке).
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1955. – 450 с.
9. Современный литературный таджикский язык. Синтаксис. Ч. 2. (Учебник для филологических факультетов высших учебных заведений). – Душанбе: Маориф, 1984. – 327 с. (на тадж. языке).

УДК 81'271

3. С. Герасимова, И. В. Мунина

(Уральский государственный медицинский университет Минздрава России)

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Статья подчеркивает важность межкультурной коммуникации в эпоху глобализации, акцентируя внимание на языке как основном средстве общения. Особое внимание уделяется английскому языку, ставшему универсальным инструментом международных переговоров и заключения договоров. Статистические данные подтверждают его популярность и необходимость, делая английский важным элементом межкультурных связей и обмена культурными ценностями.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, межкультурная коммуникация, английский язык, культура, диалог.

ENGLISH LANGUAGE AS AN INSTRUMENT FOR INTERCULTURAL INTERACTION

The article emphasizes the importance of intercultural communication in the era of globalization, highlighting language as the primary means of communication. Special attention is given to the English language, which has become a universal tool for international negotiations and contract agreements. Statistical data confirms its popularity and necessity, making English a vital element in intercultural relations and the exchange of cultural values.

Keywords: intercultural interaction, intercultural communication, English language, culture, dialogue.

В настоящее время межкультурные взаимодействия играют важную роль в жизни людей. Это связано с процессами глобализации в экономической, политической и культурной сферах сотрудничества. Для успешной навигации в этом многообразии необходимо глубокое понимание национальных особенностей участников коммуникаций. Поэтому такие связи называются межкультурным взаимодействием.

Межкультурное взаимодействие – это общение, или прямой контакт, индивидов, принадлежащих различным культурным сообществам, которые используют специальные языковые коды и дискурсивные стратегии исходя из сложившейся ситуации [Новикова, 2023: 172]. Американский **ученый-антрополог Эдвард Холл** утверждал, что изучение межкультурного общения должно базироваться на динамике взаимодействия между индивидами различных культурных контекстов. В ходе непосредственного диалога происходит не только передача информации в формате разговоров (личных встреч, телефонных звонков и т. д.), но также посредством письменной коммуникации через письма или цифровые сообщения интернет-пространств.

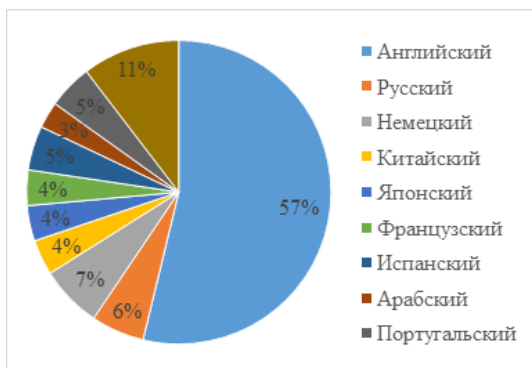
Из этого можно понять, что без языка, как средства передачи информации, никакого взаимодействия культур быть не может. Поэтому был выбран один из универсальных языков, принятый всеми странами Организации Объединённых Наций (ООН). Им стал **английский язык**.

Он занимает лидирующее место по числу носителей и разговаривающих на нем. На английском языке подписываются международные договоры, проводят политические встречи, подписываются эко-

номические договоры в транснациональных корпорациях, создаются новые технические программы, его преподают в школах как второй язык. На нем проводятся переговоры между различными странами для решения серьезных вызовов человечества и для обеспечения всемирной безопасности. Английский язык может обеспечить огромные стартовые возможности для людей любых профессий, возрастов и национальностей. Этот язык является основным способом связи для туристов с персоналом отелей и местными жителями новой страны. Также люди всех национальностей, не зная языки друг друга, могут говорить или писать на английском, что способствует поддержанию межкультурного взаимодействия.

Для подтверждения актуальности английского языка как инструмента для межкультурного взаимодействия, нужно проанализировать опросы, проверенные различными компаниями, для выявления самого популярного языка для изучения и переговоров. GeeksforGeeks – индийская платформа по изучению языков программирования сформировала статистику самых популярных языков мира. На первом месте находится английский язык, так как на нем разговаривают почти 1,5 миллиарда человек по всему миру. По данным опроса самого популярного приложения для изучения языков Duolingo, проведенного в 2024 году между 230 странами, было выявлено, что английский язык является самым востребованным языком на планете (*его изучают в 135 странах мира*). Еще один опрос был проведен сервисом SuperJob в 2024 году, который определил, что среди россиян самым популярным для изучения языком оказался английский (38 %), на втором месте – китайский (14 %), на третьем – немецкий и японский (по 5 %).

Статистика
популярности языков

Из этих данных видно, что английский язык распространен по всему миру (57%) и его используют для поддержания международного взаимодействия. Даже на своём примере я убедилась, что во время поиска нужной информации и статистики я открывала и смотрела сайты разных стран, и все они были написаны на английском языке, что доказывает важность этого языка для обмена информацией среди людей, говорящих на разных языках.

Таким образом, английский язык является главным условием в обеспечении межкультурного взаимодействия различных стран. Он способствует поддержанию дружественных связей и изучению новых культур.

Литература

1. Гузикова М. О. Основы теории межкультурной коммуникации: учебник для вузов / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 123 с.
2. Новикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студентов направления подгот. «Лингвистика» / Л. В. Новикова. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. – 172 с.
3. Хлопкова М. В. Английский язык для международного общения – English of International Relations: учебник: уровни C1-C2 / М. В. Хлопкова, А. Н. Полякова, В. В. Артюх; под общей редакцией М. В. Хлопковой. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 131 с.
4. *Cindy Blanco*. 2024 Duolingo language report / Cindy Blanco – URL: blog.duolingo.com, <https://blog.duolingo.com/2024-duolingo-language-report/>, 2024
5. Официальные языки ООН. – URL: un.org, <https://www.un.org/en/our-work/official-languages>, 1946.
6. Top 20 most spoken language in the world 2024. – URL: [geeksforgeeks.org](https://www.geeksforgeeks.org/most-spoken-languages-in-the-world/), <https://www.geeksforgeeks.org/most-spoken-languages-in-the-world/>, 2024.

Д. В. Герман

(Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Статья посвящена исследованию использования аутентичных видеоматериалов для обучения английскому языку в начальной школе. Рассматриваются методические условия, необходимые для эффективной интеграции видеоконтента в учебный процесс, а также роль таких материалов в формировании языковых и межкультурных компетенций учащихся. В работе подчеркивается значимость грамотного выбора и применения видеоматериалов, что способствует улучшению навыков аудирования и коммуникативных умений в реальных ситуациях.

Ключевые слова: изучение английского языка, аутентичные видеоматериалы, образование в начальной школе, межкультурная компетенция, методические условия.

USING AUTHENTIC VIDEO MATERIALS FOR LEARNING ENGLISH IN PRIMARY SCHOOL

The article focuses on the use of authentic video materials for teaching English in primary schools. It explores the methodological conditions necessary for effectively integrating video content into the educational process, as well as the role such materials play in developing students' language and intercultural competencies. The paper emphasizes the importance of careful selection and application of video resources, which help improve listening skills and communicative abilities in real-life contexts.

Keywords: English language learning, authentic video materials, primary school education, intercultural competence, methodological conditions.

В современных условиях глобализации и цифровизации образования возрастает необходимость поиска эффективных методов обучения иностранным языкам, адаптированных к когнитивным особенностям младших школьников. Одним из перспективных направлений является использование аутентичных видеоматериалов,

которые не только приближают учащихся к естественной языковой среде, но и способствуют развитию коммуникативной компетенции через зрительно-аудитивное восприятие. Интеграция таких материалов в процесс обучения английскому языку на начальном этапе позволяет формировать у детей интуитивное понимание лексики, фонетики и грамматических структур, одновременно поддерживая мотивацию за счёт увлекательного контента. В. В. Гузикова в своей работе подчеркивает, что аутентичные материалы значительно повышают мотивацию учащихся, улучшают разговорные навыки и снижают использование родного языка на занятиях [Гузикова, 2022]. В качестве эффективных ресурсов она выделяет статьи, новости и видеосюжеты. Помимо данных аутентичных аспектов К. С. Кричевская выделяет литературные, народные, визуальные и музыкальные произведения, а также реальные объекты, цель которых заключается в передаче подлинности языка и культуры, что способствует лучшему освоению иностранного языка [Кричевская, 1996]. Е. А. Светова в своих исследованиях подчеркивает, что аутентичные видеоматериалы играют ключевую роль в формировании коммуникативных навыков, создавая условия для естественного восприятия языка в реальных ситуациях [Светова, 2015].

Таким образом, аутентичные видеоматериалы представляют собой важный инструмент в обучении иностранному языку, предоставляющий учащимся уникальную возможность погрузиться в живую языковую среду, эффективно развивая у них коммуникативные навыки и межкультурную компетенцию. Под межкультурной компетенцией понимаем способность эффективно и уважительно взаимодействовать с людьми других национальностей и ценностно-культурных взглядов, проявлять терпимость в отношении к их культурным нормам, национальным традициям и устоям [Сысоев, 2018].

В отличие от традиционных методов обучения иностранному языку, включающие отвлеченное изучение грамматики, лексики, переводов текстов, аутентичный видеоматериал способствует всестороннему развитию языковых навыков у изучающих иностранный язык. Аутентичные видеоматериалы можно условно разделить на несколько групп в зависимости от их содержания и цели использования. Так, информационные и новостные видеоматериалы включают телевизионные репортажи, интервью, новостные программы и документальные фильмы [Гузикова, 2022].

В категорию развлекательных и культурных видеоматериалов входят фильмы, телешоу, музыкальные клипы и другие виды видеоконтента, которые отражают культурные особенности и повседневную жизнь англоязычных стран, выраженные посредством современных языковых единиц в плане грамматики, фонетики и лексики (диалектов, сленга, жаргона), что является неотъемлемой составляющей живого настоящего социума. Эти материалы помогают учащимся не только развивать языковые навыки, но и знакомиться с традициями, нормами поведения, а также особенностями межкультурного взаимодействия [Гузикова, 2022].

К образовательным видеоматериалам относятся видео-лекции, уроки по произношению или обучающие программы с субтитрами, что делает их удобным инструментом для систематизированного обучения и закрепления теоретических знаний на практике.

Каждая из этих групп видеоматериалов выполняет свою роль в обучении иностранному языку, предлагая учащимся разнообразные формы и контексты для практического использования языка, что способствует не только усвоению языковых структур, но и формированию критического мышления и межкультурной компетенции.

К сожалению, несмотря на обилие доступных видеоматериалов, многие преподаватели сталкиваются с трудностями в их грамотном использовании в образовательном процессе. Методические условия использования видеоматериалов при обучении иностранному языку в младшей школе являются важным аспектом, определяющим успешность и результативность учебного процесса [Стемплевски, 2008]. Для эффективного применения видео необходимо учитывать ряд ключевых факторов.

Первоначально, важно выделить возрастную и языковую адекватность видеоматериала. Видеоконтент должен быть простым и понятным для младших школьников, что предполагает использование материалов с ясной речью, замедленным темпом и яркими визуальными компонентами. Элементы, такие как анимация или повседневные сцены из жизни, помогают удерживать внимание детей и обеспечивают наглядность, необходимую для лучшего восприятия языка [Негневицкая, Никитенко, 2004].

Следующий методический аспект касается интеграции видеоматериала в общую структуру урока. Видеоконтент должен быть не просто вставкой в урок, а частью целостного образовательного

процесса. Например, при изучении лексики на тему «семья» можно использовать видео, где дети или взрослые обсуждают свои семейные традиции. Такой подход способствует естественному усвоению языка через реальную коммуникативную ситуацию, что является важным элементом в обучении младших школьников [Гальсковая, Гез, 2006].

Также важным условием является активное вовлечение учащихся в процесс взаимодействия с видео. Для этого необходима предварительная подготовка соответствующих заданий, которые стимулируют детей не только воспринимать информацию, но и активно работать с материалом. Это могут быть задания на понимание услышанного, выполнение упражнений на закрепление новых слов и выражений, а также обсуждение содержания видео в классе. Такого рода активизация работы с видеоматериалами способствует более глубокой переработке материала и помогает учащимся лучше запомнить изучаемые элементы языка [Сысоев, Евстигнеев, 2012].

Не менее важным является повторное использование видеоматериала, что позволяет глубже усвоить информацию. Например, видео может быть проиграно несколько раз, с каждым разом усложняя задания и давая ученикам возможность понять более сложные элементы языка. Такой метод помогает не только закрепить словарный запас, но и улучшить навыки аудирования, что является ключевым компонентом языковой практики.

Таким образом, использование аутентичных видеоматериалов при обучении английскому языку в начальной школе представляет собой эффективный инструмент для развития языковых навыков учащихся и повышению мотивации к изучению языка. Аутентичные видео материалы создают условия для моделирования реальных коммуникативных ситуаций, что важно для формирования практических навыков общения и межкультурной компетенции. Однако, как показали исследования, успешность использования видеоматериалов зависит от ряда методических условий. Ключевыми факторами являются правильный выбор контента в зависимости от возраста и уровня знаний учащихся, активное вовлечение учеников в процесс обучения и интеграция видео в общий контекст урока. Важно, чтобы видеоматериалы были не просто дополнением к учебному процессу, а инструментом для создания реальных коммуникативных ситуаций, которые соответствуют образовательным целям.

Таким образом, грамотно интегрированные аутентичные видеоматериалы могут значительно повысить качество обучения иностранным языкам в начальной школе, способствуя всестороннему развитию языковых и культурных навыков учащихся.

Литература

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2006. – С. 178–185.
2. Гузикова В. В. Преимущества использования аутентичных ресурсов и заданий при обучении иностранному языку для специальных целей // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 1 (17). С. 38–42.
3. Кричевская К. С. Прагматические материалы, знакомящие учеников с культурой и средой обитания жителей страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. 1996. № 1. С. 13–17.
4. Негневицкая Е. И., Никитенко З. Н. Обучение английскому языку в начальной школе. – М.: Просвещение, 2004. – С. 45–50, 78–82.
5. Светова Е. А. Использование аутентичных видеоматериалов в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2015. № 8. – С. 45–50.
6. Стемплевски С. Использование видеоматериалов в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 3. – С. 22–26.
7. Сысоев П. В. Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях «диалога культур» и «не-диалога культур» // Язык и культура. 2018. № 43. С. 261–281.
8. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Методика обучения иностранным языкам с использованием новых информационно-коммуникационных технологий. – М.: Глосса-Пресс, 2012.
9. Sherman J. Using Authentic Video in the Language Classroom. – Cambridge University Press, 2003. – С. 1–10.

Е. Д. Гончаренко

(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ В СПЕКТАКЛЕ «ВОСЬ Я І ПРЫЙШЛА!» ПО МОТИВАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. ХАРМСА

В статье исследуется специфика передачи на белорусский язык произведений Даниила Хармса, включенных в спектакль «Вось я і прыйшла!». Отобраны 54 пары лексем и словосочетаний, 4 непарные единицы, где в переводном тексте использована отличительная от русского языка лексика.

Ключевые слова: драматургия, литература абсурдизма, перевод, русский язык, белорусский язык, отличительная лексика, безэквивалентная лексика, грамматические нормы.

USING OF DISTINCTIVE BELARUSIAN VOCABULARY IN THE PERFORMANCE "I AM ALREADY HERE!" BASED ON THE WORKS OF D. KHARMS

The article examines the specifics of the translation into Belarusian of Daniil Kharm's works included in the play "I am already here!". 54 pairs of lexemes and phrases, 4 unpaired units, where the translated text uses vocabulary that is distinctive from the Russian language, are selected.

Keywords: dramaturgy, literature of asburdism, translation, Russian language, Belarusian language, distinctive vocabulary, non-equivalent vocabulary grammatical norms.

При анализе аудиозаписи спектакля «Вось я і прыйшла!» Республиканского театра белорусской драматургии (режиссёр – А. Борошко, 80 мин., 2024 г.) были получены диалоги персонажей, а также фрагменты текста, представленного на сцене в мультимедийном формате, которые были сопоставлены с текстами Д. Хармса, вошедшими в структуру спектакля. Основная сюжетная линия и большинство диалогов персонажей базируются на повести Даниила Хармса «Старуха» [Хармс, 2010: 267–284].

К главному герою (в спектакле это сам Хармс – актёр Д. Авхаренко), задумавшему написать рассказ о чудотворце, неожиданно при-

ходит старуха, которая умирает прямо в его комнате. Не понимая, как скрыть инцидент, литератор выходит в город и встречается с редактором Сакердоном Михайловичем (М. Коростелев) и прекрасной дамой в булочной (Ю. Лазовская). В спектакле к главному герою приходят сразу 4 старухи (отсылка к прозаическому произведению «Вываливающиеся старухи») – Л. Сидоркевич, Н. Цветкова, Ю. Грузевская, В. Буслаева. Пятой мертвой старухой позже становится Сакердон Михайлович. В спектакле также использованы фрагменты произведений «Пакин и Ракукин», стихотворений «Не теперь», «Старуха», «Подруга», «Хорошенькая песенка про Фефюлю», дневниковые записи. Убраны жестокие эпизоды в отношении детей, напр., выражение «А что, по-вашему, хуже: покойники или дети?» заменено на «... людзі». Очевидно, что режиссер не может поддерживать такую позицию ненависти [Антонаў, 2023]. Исследователи отмечают, что «мотивы агрессии, ничем не мотивированной жестокости, насилия» являются у Д. Хармса «сквозными» [Шмидт, 2011: 10].

Далее были подобраны 54 пары лексем и выражений исходного и переводного текста, а также 4 добавленные реплики, где для лексики Д. Хармса были использованы специфические белорусские соответствия. Это так называемая отличительная лексика белорусского языка (бел. «адметная»), не относящаяся к общеупотребительной, имеющей диалектное происхождение, бывшая в обиходе в нач. XX в., различного рода новообразования [Ліхтаровіч, 2022: 28]. Активизация данных слов и словоформ развилась под влиянием пуристических тенденций к. XX – начала XXI вв. Также учтена безэквивалентная лексика. В основном это единицы, передача которых на русский язык возможна описательным способом, с непохожестью словообразования, специфической оценочностью [Шкраба, 2008: 7–8].

Итак, первая группа – 9 пар, где перевод выражен идентичной по смыслу лексикой, которую можно считать отличительной: *не фрякай* < *фрякаться* «подымать нос, зазнаваться, важничать» [Даль, 2014: 685] – разг. *не фанабэрся* «то же значение», церков. *царствие* – церк. католич. *валадарства*, ни одного – разг. *аніводнага*; находящейся в пассивном запасе: *кирпичный дом* – *камяніца*, *мертвецкая* – *трупарня*; возвращенной лексикой: *табуретка* – разг. *зэдлік* «домашняя переносная лавочка ...» [Капылюў 2022, т. 1: 313] (в современном узусе «табурет, стул» – К. Г.), *чемодан* – *валіза* < диал. *валіска* от польск. *waliza*, *walizka* [Мацкевіч, 1979–1986, т. 1: 274], *верующих и неверующих* –

вернікаў і нявернікаў, новообразованием: *супруг – сужэнец*. Например, ...*Он может этот старый сарай превратить в прекрасный кирпичный дом...* [Хармс, 2010: 262] и – Хармс: *Ён і гэты хлёў можа ператварыць у цудоўную камяніцу...*; Супруга в дом идет к *супругу* [Хармс, 2010: 335] и – *Дама: У дом сужэнца крочыць* («шагает» – К. Г.) *жонка...*

Во второй группе – 18 пар, где при наличии общего с русским языком эквивалента был подобран собственный белорусский синоним. Это единицы: а) с усилительным значением: *удрать – даць лататы* рус. «*дать стрекача*», *упала – грывнулася* рус. «*грохнулась*» и др.; б) относящиеся к синониму исходного слова: *случилось – диал. сталася < стацца* [Мацкевіч, 1979–1986, т. 4: 582] (сравн. рус. разг. *статься < сделаться, случиться, сбыться*» [Ожегов, 2010: 1002]), *томимся – нудзімся* «*тосковать, скучать*» [Лукашанец, 2012: 612], *бедность – галеча* «*нищета*» и др.; в) с дополнительным значением по отношению к русскому языку: *падаль – падла* «*падаль*» (имеет инвективное значение «стерва» в обеих языках), *чертили – крэслілі* (также *крэсліць* = рус. *вычеркивать, зачеркивать* [Лукашанец, 2012: 236]).

Третья группа – 12 пар, где слова и выражения исходного текста заменены единицами не идентичными, но отражающими общую характеристику предмета: *лопнул глаз от злой погоды – вочы чырванню* *міргаюць* «...покраснение от прилива крови, воспаления» [Капылоў, 2022, т. 2: 434], *куча – стос* «2. положенные друг на друга какие-л. предметы» [Капылоў, 2022, т. 2: 303], *покойники – народ неважний* – *нябожчыкі* – *народ нягеглы* разг. «1. хилый, слабый; неудачный; 2. некрасивый <...>; 3 неумелый <...>» [Капылоў, 2022, т. 2: 10] и *няўклудны* «лишенный стройности, ловкости в движениях, неповоротливый» [Капылоў, 2022, т. 2: 12], в душе *творится* – у душы *лунае* «(о мечтательном состоянии) – *витаць*» [Лукашанец, 2012: 287] и др.

Переводчик текста М. Пушкина в белорусском тексте использовала такие приёмы абсурдистской речи Д. Хармса как «аграмматизмы», «речи, которые невозможно семантизировать» (классификация дана по: [Мечковская, 2020: 172, 179]). Например, употребление возвратного глагола как невозвратного – *не трэба барукаць* *нябожчыкаў* вместо *барукацца* «меряться силой» [Мацкевіч, 1979–1986, т. 1: 171]. В тексте – *Не надо лгать мертвецов, – сказал Сакердон Михайлович* [Хармс, 2010: 272]. Заметим, глагол *барукаць* по звучанию близок к бел. *брыкаць* – эквиваленту рус. *лягать* «бить, ударять ногой, ногами (о копытных животных)» [Лавринович, 2023: 198], но по-своему

отражает абсурдистскую реальность: меряться силой можно только с живым. А при переводе фразы *уткнуцца лицом в пол* возвратный глагол **узяцца** (*тварам у падлогу*) использован в значении невозвратного бел. *узяць* = рус. *брать* в знач. «принимать какое-л. направление, направляться куда-л.» [Лавринович, 2023: 828]. Тут очевидно семантическое нарушение: невозможно *взяться, браться лицом* куда-л.

В четвертой группе – 8 пар и 2 непарные единицы, где для выбора белорусскоязычного слова учитывался более объёмный текст, нежели слово или предложение. Так, окказионализмы *геглы і ўклюдны*, нарушающие норму белорусского языка, применяется в продолжении разговора старух о покойниках (см. группу 3): *Хаця якое там – вельмі геглы і ўклюдны*. У Хармса – это собственные мысли героя: *Они скорее всего беспокойники* (авторское ироничное словообразование) [Хармс, 2010: 276]. Для выражения *казиста нам очень* применено сочетание двух окказионализмов *геглая нам бздрычка* < диал. *пстрычка* «легкомысленная девочка» [Мацкевіч, 1979–1986, т. 4: 178]. В связи с подбором рифмы в строках *два точильщика-жука // начертили сто два круга // цифру семь и букву Ка* [Хармс, 2010: 329] были введены две безэквивалентные единицы: *два тачыльшчыкі-жукі // крэслілі нібы алоўкам // кола ў нізку з кропкай і*, где *нізка* «нанизанные на нитку, проволоку какие-л. предметы ...» <...> [Капылюў, 2022, т. 2: 6], а буква *і* с точкой – элемент национальной культуры.

Заметим, некоторые устаревшие и книжные лексемы Д. Хармса переведены общеупотребительной лексикой: *лик бровями оторочен – абишыта брывамі аблічча*, *кушак – пояс* и др., единицы «заумного словотворчества писателя» [Ахметзянова, 2020: 7] *первакокин и кинэб* и др. фонетически переданы на белорусский язык: *першакокін і кінэб*.

В пятую группу были включены специфические белорусские словоформы, словообразования и конструкции, отражающие современную языковую динамику: 7 парных единиц и 2 – в добавленных репликах. Среди них – диалектные словоформы, активизировавшиеся в последнее время. Например, форма Р. п. ед. ч. притяжательного местоимения м. р.: *квартира останется за ним – кватэра застанецца ягонай* (норм. – *яго*); деепричастие, употребленное в роли сказуемого: *ничего не ел – нічога не еўшы*; глаголы повелительного наклонения 2-го лица ед. ч.: *в землю ложись – лягай у зямлю* и 1-го лица ед. ч. с окончанием *-ма*: *ваше здоровье!* (тост – К. Г.) – *будзьма!*, *пакіньма гэта* «оставим это» – просьба Хармса прекратить разговор о женитьбе.

Использованный словообразовательный вариант *цудатворца* «чудотворец» не является нормативным: в современных словарях – *цудатворца*, но *творца* «творец». Лексемы с суффиксом *-ц(-а)*, обозначающие человека по профессии и склоняющиеся по модели общего рода, активизировались в письменной речи на рубеже XX – XXI вв. По мнению пуристов, они отражают «специфику, самобытность белорусского языка» [Каўрус, 2013, с. 3–4]. Встречены синтаксические модели, возможные в речи как дублетные: *половина шестого – без дваццаці трэцяя* (~ *гадзі́на* «третий час» – К. Г.), *по другой причине – з другой прычыны*.

Таким образом, при переводе произведений Даниила Хармса, вошедших в спектакль «Вось я і прыйшла!» на белорусский язык были использованы следующие группы отличительной и безэквивалентной лексики. Это возвращенная в употребление устаревшая и диалектная лексика и словоформы, разговорные единицы, слова со специфическим словообразованием, неполные синонимы, лексемы, имеющие дополнительную семантическую нагрузку. Также переводчиком были введены некоторые окказионализмы и ошибочные словоупотребления в стилистике языка абсурдизма.

Литература

1. Антонаў А. «Вось я і прыйшла» – гарманічнае перапляценне арыстакратычнага і народнага / А. Антонаў. – Режим доступа: <https://zviazda.by/be/news/20230720/1689866454-vos-ya-i-pruyshla-garmanichnae-peraplyacenne-arystakratychnaga-i-narodnaga>. – Дата доступа: 03.03.2025.
2. Ахметзянова Л. М. Текст Д. Хармса как объект современного лингвистического исследования / Л. М. Ахметзянова // Филология и культура / Казан. (Приволжск.) федеральн. ун-т. – 2020. – № 3. – С. 6–9.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль; сост. Ю. М. Медведев. – М.: АСТ: 2014. – 753 с.
4. Капылю І. Л. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: у 2 т. / І. Л. Капылю [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2022.
5. Лавринович Н. В. Русско-белорусский системный семантический словарь: в 2 т. / Н. В. Лавринович [и др.]; науч. ред.: А. А. Лукашанец, О. М. Николаева. – Минск: Беларус. навука, 2023. – 1103 с.
6. Ліхтаровіч П. Д. Адметная лексіка ў структуры беларускіх добразычлівых і зламоўных пажаданняў: назвы хвароб / П. Д. Ліхтаровіч // Студенческая наука – инновационный потенциал будущего : сб. науч. ст. / ред.: А. В. Торхова [и др.]. – Минск: БГПУ, 2022. – С. 28–30.

7. Лукашанец А. А. Беларуска-рускі слоўнік : у 3 т. / рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – Т. 2. 3–П. – 1088 с.

8. Мацкевіч Ю. Ф. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]; рэд.: Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1979–1986.

9. Мечковская Н. Б. Модели коммуникации в русском авангарде: «Госпожа Ленин» футуриста Хлебникова и «Елизавета Бам» обэриута Хармса / Н. Б. Мечковская // Абсурд в языке и коммуникации: сб. ст. / ред. Л. Л. Федорова. – М: РГГУ, 2020. – 280 с.

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; ред. Л. И. Скворцов. – М: Оникс: Мир и образование, 2010. – 1200 с.

11. Хармс Д. Всестороннее исследование: собр. произв. / Д. Хармс. – М.: АСТ, 2010. – Т. 1. – 416 с.

12. Хармс Д. Век Даниила Хармса / Д. Хармс. – М.: Зебра Е, 2010. – 912 с.

13. Шмидт М. М. Проза Д. Хармса в контексте литературы абсурдизма: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук / М. М. Шмидт. – М., 2011. – 23 с.

14. Шкраба І. Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І. Р. Шкраба. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 320 с.

УДК 81

С. Р. Горбач

(Донской государственный технический университет)

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается антропоцентрическая парадигма как одно из основных направлений в современной лингвистике. Рассматриваются как преимущества антропоцентрической парадигмы, так и ее ограничения. Также в статье предлагаются рекомендации, которые позволят лучше понять язык в условиях цифровизации.

Ключевые слова: антропоцентризм, человеческое восприятие, когнитивная лингвистика, языковая вариативность, язык и мышление.

THE ANTHROPOCENTRIC PARADIGM IN MODERN LANGUAGE SCIENCE

This article examines the anthropocentric paradigm as one of the main trends in modern linguistics. The advantages of the anthropocentric paradigm as well as its limitations are discussed. The article also offers recommendations that will allow you to better understand the language in the context of digitalization.

Keywords: anthropocentrism, human perception, cognitive linguistics, linguistic variation, language and thinking, anthropology of language.

Язык представляет собой чрезвычайно сложное, многогранное, уникальное и закономерное явление, которое человеческий разум зачастую не в состоянии воспринять во всей его полноте и одновременно. Поэтому лингвисты стремятся систематизировать свои знания и подходы к изучению языка. В настоящее время существует множество взглядов на количество парадигм в лингвистике. Однако, в основном выделяют три основные парадигмы:

1. Сравнительно-историческая парадигма. Эта парадигма основана на идее исторического развития языка и его взаимосвязи с другими языками.

2. Системно-структурная парадигма. Она акцентирует внимание на структурной организации языка, его внутреннем устройстве и закономерностях.

3. Антропоцентрическая парадигма. Данная парадигма рассматривает язык как средство выражения и отражения человеческой мысли и опыта [Mahmudov, 2022: 679].

Среди этих парадигм антропоцентрическая занимает особое место. Историческое развитие антропоцентрического подхода в языкознании берет свое начало в фундаментальных исследованиях XIX века. Лингвистическая концепция Вильгельма фон Гумбольдта стала основой понимания языка как многогранного явления, формирующего человеческое мышление и восприятие окружающей действительности [Песина, Солончак, 2022: 114]. Современные исследования в области языкознания значительно расширили границы антропоцентрической парадигмы, акцентируя внимание на глубинных связях между языковыми структурами и познавательными процессами человека.

Антропоцентрическая парадигма относится к числу макропарадигм, так как объединяет такие направления как коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика, психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация. Все дисциплины антропоцентрической парадигмы имеют единую мето-

дологическую основу – принцип антропоцентризма, направленный на изучение языка с целью познания его носителя [Ашурова, 2021: 129].

Признание ведущей роли антропоцентрической парадигмы в лингвистике заложило прочную основу для детального изучения языковой личности и ее взаимодействия с окружающим миром. В отличие от системно-структурной парадигмы, которая ранее фокусировалась на слове как основном объекте исследования, новая научная ориентация вновь делает человека центральным объектом [Совенок, 2024: 179]. Данный подход позволяет исследователям анализировать языковые явления с учетом человеческого фактора, что особенно актуально в современном мире, где такие процессы становятся все более значимыми.

Таким образом, целью данной статьи является анализ антропоцентрической парадигмы в современной науке о языке, выявление ее преимуществ и недостатков, а также разработка рекомендаций по совершенствованию методологии лингвистических исследований.

Антропоцентрический подход в лингвистике заключается в том, что человек является центральным элементом исследования. Язык рассматривается не только как система знаков, но и как средство, с помощью которого люди выражают свои мысли, эмоции и участвуют в социальных взаимодействиях. Современные ученые переосмысливают традиционные методы изучения языковых систем, что позволяет им глубже понять, как работают речевые механизмы в повседневной жизни людей [Хамдамова, 2021]. Основные принципы антропоцентрической парадигмы представлены на рисунке (рис. 1).

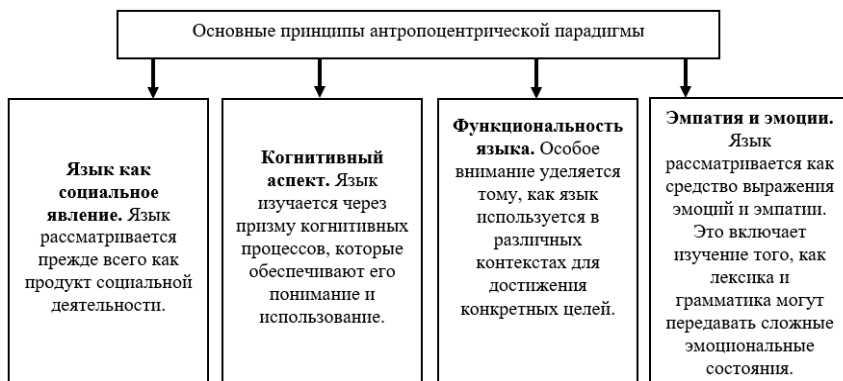

Рисунок 1 – Основные принципы антропоцентрической парадигмы

Антропоцентрический подход характеризуется тесной интеграцией различных научных дисциплин. Лингвистика активно расширяет свои границы, сотрудничая с психологией, социологией, культурологией и когнитивными науками. Комплексный анализ языковых явлений выходит за рамки традиционного структурно-формального подхода и предполагает изучение коммуникативных практик в их естественном контексте. Погружение в межкультурные различия и социальные взаимодействия позволяет глубже понять, как человеческий опыт отражается в языке.

Одним из ключевых преимуществ антропоцентрической парадигмы является ее способность объединять различные научные направления в единое исследовательское поле. Благодаря совместной работе специалистов из разных областей, мы получаем принципиально новое понимание языка как неотъемлемой части социальной жизни общества. Исследования показывают, что языковые изменения напрямую связаны с культурными традициями, общественными нормами и личностными характеристиками носителей языка. Глубокое изучение человеческого опыта позволяет нам понять механизмы мышления, которые влияют на восприятие и анализ языковых данных. Антропоцентрический подход имеет практическую значимость, поскольку он помогает решать актуальные общественные задачи, такие как преодоление языковой дискриминации и формирование эффективной языковой политики. [Юсупова, 2019: 107].

Однако антропоцентрическая модель исследования языка имеет свои ограничения. Субъективность восприятия исследователями затрудняет сбор и анализ объективных лингвистических данных. Акцент на человеческом факторе может привести к игнорированию биологических и нейрофизиологических основ языковой деятельности, которые являются основой для изучения языка. Редукционистский подход к анализу языковых механизмов не всегда позволяет полностью отразить всю сложность и динамику речевых процессов.

Культурная предвзятость также создает препятствия в исследованиях. Доминирование определенных языковых стандартов может привести к обесцениванию множества языков и культурных традиций, что усугубляет дисбаланс в глобальном лингвистическом пространстве. Комплексная методология, сочетающая антропоцентрический подход с другими научными парадигмами, позволяет наиболее полно

раскрыть сущность языка как многогранного явления [Лиджиева, 2022: 74].

В современном языкознании, где человек является центром научного познания, активно исследуется взаимосвязь языковых процессов и социальной реальности. Для глубокого понимания лингвистических феноменов необходимо провести комплексный анализ существующих ограничений языковой системы с использованием различных методологических подходов. На основании проведенного исследования мною предложены практические рекомендации по совершенствованию методологии лингвистических исследований:

- рекомендуется использование современных компьютерных технологий, включающих машинное обучение и анализ больших данных, для расширения возможностей современных языковых исследований;
- важно развивать междисциплинарное взаимодействие лингвистики с когнитивистикой и социальными науками, так как это открывает новые перспективы для глубокого анализа языковых процессов в обществе;
- необходимо обратить внимание на стремительное развитие цифровых коммуникаций, которое приводит к появлению инновационных языковых форм, включая специфическую лексику социальных сетей и графические способы выражения эмоций. Изучение данных тенденций поможет лучше понять современные практики общения;
- следует изучить, как уникальные условия взаимовлияния языков влияют на трансформацию культурных особенностей различных народов.

Предложенные рекомендации направлены на преодоление ограничений антропоцентрической парадигмы и развитие более комплексного и объективного подхода к изучению языка.

Фундаментальный принцип антропоцентризма оказал значительное влияние на развитие современной лингвистики, сформировав методологические основы для исследования языковых явлений. В условиях стремительного развития междисциплинарных научных направлений происходит существенная трансформация традиционных исследовательских подходов. Интеграция классического антропоцентрического подхода с инновационными парадигмами открывает новые возможности для более глубокого понимания языковых феноменов с использованием методов искусственного интеллекта и эволюционной лингвистики.

Литература

1. *Prof. Dr. Mahmudov N. M.* Anthropocentrism Is An Important Paradigm In Linguistics / Prof. Dr. N. M. Mahmudov // International Journal of Scientific and Research Publications. – 2022. – Vol. 12 (10). – P. 678–682
2. *Ашурова Д. У.* Междисциплинарный подход к исследованию языка / Д. У. Ашурова // Нижневартровский филологический вестник. – 2021. – № 2. – С. 127–137. – DOI 10.36906/2500-1795/21-2/11. – EDN GSWVXE.
3. *Лиджиева Г. Б.* К проблеме антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике / Г. Б. Лиджиева // Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых: Материалы II научно-практической конференции с международным участием. – Элиста: Калмыцкий государственный университет им/ Б. Б. Городовикова, 2022. – С. 73–75. – EDN DFIUBI.
4. *Песина С. А., Солончак Т. Ю.* Антропоцентрическая и антропоморфическая парадигмы в современной лингвистике / С. А. Песина, Т. Ю. Солончак // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 7(465). – С. 113–119. – DOI 10.47475/1994-2796-2022-10713. – EDN НТОУJK.
5. *Совенок И. О.* Проблема изучения эмоций в лингвистике: история, современность, перспективы / И. О. Совенок // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. – Минск: Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», 2024. – С. 179–182. – EDN QEGQWC.
6. *Хамдамова Д.* Принцип антропоцентризма в современной лингвистике: обзор, предпосылки и тенденции развития / Д. Хамдамова // Общество и инновации. – 2021. – № 2, 5/S. – С. 221–227. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol 2-iss 5/p. 221–227.
7. *Юсупова Л. Г.* Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике / Л. Г. Юсупова // Казанская наука. – 2019. – № 5. – С. 106–108. – EDN GENVTA.

С. С. Горностаева

(Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

В статье рассматриваются основные векторы отражения искусственного интеллекта в англоязычном медиатексте. Содержательная категоризация фактического материала позволяет говорить о положительной оценке искусственного интеллекта, его инновационных возможностях и способности оптимизировать социально-производственные процессы. Однако существуют и негативные оценки, связанные с этическими и социальными рисками. В целом, позитивное восприятие ИИ в медиа указывает на растущий интерес к его потенциалу.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиатекст, оценочность, глагольная сочетаемость, метафора, эпитет.

LINGUISTIC IMAGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXT

The article discusses the main aspects of representing artificial intelligence in English-language media texts. Thanks to a substantive categorisation of factual material, it is possible to speak of a positive assessment of AI, its innovative potential, and its ability to enhance social and industrial processes. However, there are also negative aspects related to ethical and societal concerns. Overall, the media's positive perception of AI indicates a growing interest in its capabilities.

Keywords: artificial intelligence, media text, evaluation, verbal combinability, metaphor, epithet.

Материалом для данного исследования послужили медиатексты политической, экономической и деловой тематики, собранные за 2023-2025 гг. на англоязычных информационных порталах The Independent, The BBC, The Forbes и отдельных интернет-ресурсах, затрагивающих тему искусственного интеллекта.

Образ искусственного интеллекта в медиатекстах изучался по следующим параметрам:

- 1) тропы, сопровождающие характеристику искусственного интеллекта;
- 2) характер представления искусственного интеллекта в медиатексте;
- 3) общая оценочность в отношении искусственного интеллекта.

Структурно-семантический, а также количественный анализ фактического материала позволил сделать ряд выводов об особенностях представления искусственного интеллекта в англоязычном медиатексте.

Тема искусственного интеллекта (здесь и далее – ИИ) не только приобретает всё большую актуальность в жизни современного человека, но и начинает формировать новые образы в общественном сознании, что ярко проявляется в медиатекстах как одной из сфер отражения и накопления культурных ценностей. СМИ не только фиксируют внедрение искусственного интеллекта в жизнь людей, но и формируют общественное мнение и отношение к ИИ [Broussard, 2018: 121]. Мощными языковыми средствами подобного воздействия на восприятие реципиента являются метафоры и эпитеты.

Анализ фактического материала (210 англоязычных медиатекстов) показывает, что оценка явления ИИ современными СМИ на уровне метафор и эпитетов неоднозначна. С одной стороны, тропы, используемые для отражения данного феномена, свидетельствуют о его нейтрально-положительной оценке. Например, *The Independent* называет ИИ широкомасштабным техно-культурным экспериментом (“vast techno-cultural experiment”), подчёркивая беспрецедентную интеграцию цифровых методов в жизненный цикл человека (в частности, в статье идёт речь о возможности достижения бессмертия и связанных с этим культурных изменениях). Искусственный интеллект также отождествляется с мыслящей машиной (“*thinking machine*”) и сверхинтеллектом (“*superintelligence*”). Первое сравнение вызывает в памяти образы «мыслящих машин» середины двадцатого века, превосходивших возможности специализированных инструментов искусственного интеллекта и воплощавших когнитивные способности, подобные человеческим. Второе (*superintelligence*) наводит на мысль о сверхчеловеческих способностях и задаёт высокий стандарт для потенциальных достижений ИИ.

О нейтрально-положительной оценке феномена ИИ также свидетельствуют эпитеты *powerful*, *mind-blowing*, *empowering*, *transformative*, *generative*, *revolutionary* и др. Например:

ChatGPT earned headlines this month for its “mind-blowing” ability to generate human-like responses to a wide range of queries. (The Independent)

Grasping the Transformative Power of AI. (IFT Blog)

Artificial Intelligence: A powerful tool for quality professionals. (IRC.org)

The emergence of Generative Artificial Intelligence, or Gen AI, is expected to herald a new wave of technology innovation that could impact almost every field of human activity. (The BBC)

Another revolutionary way generative language can be used in automation is in the form of the video. With generative video, users can quickly deliver important messaging through digital means such as email or web portals. (Techcrunch)

С другой стороны, ИИ нередко характеризуется как (экзистенциальная) угроза или катализатор конкуренции между технологическими компаниями и целыми государствами (метафоры «ИИ – это гонка», «ИИ – это угроза»). Сравните:

AI Is an Existential Threat – Just Not the Way You Think. (Scientific American)

There’s a race underway to build artificial general intelligence, a futuristic vision of machines that are as broadly smart as humans or at least can do many things as well as people can. (The Independent)

Среди эпитетов, реализующих отрицательную оценочность по отношению к ИИ, можно отметить такие единицы, как *controversial*, *opaque*, *risky*, *hazardous* и др. Например:

Controversial AI ChatGPT didn’t increase cheating in high schools, Stanford study finds. (ABC News)

Many genAI models are opaque systems trained on material that is harvested without the knowledge or consent of its creators. (The Guardian)

Подобная оценочность, как правило, встречается в медиатекстах, выражающих опасение по поводу потенциальных этических и правовых последствий применения алгоритмов ИИ, а также непрозрачности и непредсказуемости их функционирования [Frankish, Ramsey, 2014: 98-112].

Тем не менее, статистическая обработка фактического материала свидетельствует о преобладании положительной оценки ИИ в медиасфере: 168 метафор – 80 % от общего числа найденных метафор (210 единиц). Метафоры негативной оценочности составили 42 единиц – 20 % от общего количества выявленных метафор (210 единиц).

Преобладание позитивной оценочности в отношении феномена ИИ наблюдается и в группе эпитетов: 64 % (135 единиц) против 36 % (75 единиц) эпитетов, представляющих данное явление как опасное или даже деструктивное. Таким образом, можно утверждать, что восприятие искусственного интеллекта в значительной степени окрашено позитивными ожиданиями и надеждами на его будущее.

Рассмотрим теперь, какой образ искусственного интеллекта создаётся глагольными паттернами, использующимися в медиатекстах, посвящённых заявленной проблематики. Согласно результатам проведённого анализа, чаще всего ИИ представляется как самостоятельная сущность, способная к выполнению самостоятельных действий – увеличивать производительность человеческого труда в различных сферах, включая науку, медицину, экономику и социальные науки, оптимизировать распределение ресурсов, улучшать диагностику заболеваний, создавать программы для повышения уровня жизни населения, манипулировать общественным мнением, анализировать и интерпретировать данные о предпочтениях и поведении людей, обучаться, распознавать изображения, обрабатывать естественные языки, изменять экономическую ситуацию, эффективно и быстро анализировать данные, предлагать собственные решения на основе полученных данных, анализировать поведение потребителей с целью адаптации маркетинговых стратегий и т. д. Например:

AI can enhance human capabilities and provide tools to potentially eradicate issues like war, disease, and poverty. (The Independent)

AI is capable of performing complex tasks. (AI News)

AI is transforming industries by automating routine tasks. (Geeksforgeeks.org)

Artificial intelligence (AI) is a wide-ranging tool that enables people to re-think how we integrate information, analyze data, and use the resulting insights to improve decision making. (The Wevolver)

Artificial intelligence enhances the ability of companies to analyze data. (The Cux)

В проанализированных медиатекстах также отмечалась глагольная сочетаемость, представляющая ИИ как инструмент в руках человека, использующийся для оптимизации производственных процессов, анализа и обработки больших объёмов данных и др. Например:

Businesses are using AI to improve efficiencies and save costs. (Forbes)

Companies are using AI to personalize customer experiences. (The BBC)

In the healthcare sector, AI serves to assist in diagnosing diseases. (Plat.ai)

Согласно результатам количественного анализа, медиатексты чаще представляют ИИ как самостоятельного актора / сущность: 95 случаев – 45 % от общего числа проанализированных статей (210 единиц). ИИ как инструмент человеческой деятельности был представлен в 38 случаях – 18 % от общего количества выбранных медиатекстов (210 единиц).

Таким образом, анализ фактического материала свидетельствует о преобладании позитивной оценки искусственного интеллекта, что проявляется в употреблении тропов, акцентирующих внимание на инновационных возможностях искусственного интеллекта, его способности оптимизировать процессы и улучшать качество жизни. Негативная оценочность главным образом обусловлена этическими и социальными рисками, связанными с внедрением ИИ в повседневную жизнь. Преобладание позитивного восприятия искусственного интеллекта в медиасфере может указывать на растущий интерес к его потенциалу и возможностям для дальнейшего развития.

Литература

1. *Broussard M. Artificial Unintelligence: How Computers Misunderstand the World/ M. Broussard // MIT Press. 2018. – P. 121.*
2. *Frankish K., Ramsey W. The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence/ K. Frankish, W. Ramsey // Cambridge University Press. 2014. – № 1. – P. 98–112.*

УДК 81'373

Л. М. Грамма

(МОУ «Выхватинецкая молдавская средняя общеобразовательная школа – детский сад имени А. Г. Рубинштейна»)

МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК: ОБУЧЕНИЕ ПОНЯТИЮ ТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ

В настоящей статье рассматривается понятие текста и его виды, которые вводятся в программу изучения молдавского языка в национальной школе. Знание анализа текста в эпоху цифровых технологий незаменимо для каждого говорящего на молдавском языке. Литературные и нелитературные тексты, написанные как на бумаге, так и в виртуальном виде, в различных

информационных программах, помогают развивать язык, улучшать общение между людьми и, конечно же, обогащать молдавский язык.

Ключевые слова: текст, текстология, блог текст, веб (Web) текст, видео-текст, вики (Wiki) текст, ворд (Word) текст, цифровой текст, медиатекст, СМС-текст.

MOLDOVAN LANGUAGE: TEACHING THE NOTION OF TEXT WITHIN SPEECH DEVELOPMENT CLASSES

This article discusses the notion of text and its types, being introduced into the Moldovan language curriculum in the national school. Knowledge and analysis of text in the digital age is necessary for every speaker of the Moldovan language. Literary and non-literary texts, both written on paper and virtual ones, written in various informational programs, help to cultivate the language, improve communication between people and, of course, enrich the Moldovan language.

Keywords: text, tektology, blog text, web (Web) text, video text, Wiki (Wiki) text, word (Word) text, digital text, media text, SMS text.

ЛИМБА МОЛДОВЕНЯСКЭ: ПРЕДАРЯ НОЦИУНИЙ ДЕ ТЕКСТ ЫН КАДРУЛ ОРЕЛОР ДЕ ДЕЗВОЛТАРЕ А ВОРБИРИЙ

Ын артиколул де фацэ се пуне ын дискусиие ноциуны де текст ши типуриле луй, фиинд интродусе ын програма де студиу а лимбий молдовенешть ын шкоала националэ. Куноаштеря ши анализа текстлулуй ын эпока дижиталэ есте нечесарэ пентру фиекаре ворбитор ал лимбий молдовенешть. Текстеле литераре ши нонлитераре, скрисе атыт пе фой, кыт ши челе виртуале, скрисе ын диферите програме информационале, ажутэ ла култиваря лимбий, ла ымбунэцэция комуникэрий ынтре оамень ши, десигур, ла ымбогэция лимбий молдовенешть.

Кувинте-кее: текст, текстологие, блогтекст, веб (Web) текст, видеотекст, вики (Wiki) текст, ворд (Word) текст, дижитекст, медиатекст, СМС-текст.

Ореле де дезволтаре а ворбириий ла лимба молдовеняскэ сынт елаборате ын конформитате ку програма модел ла дисциплина «Лимба молдовеняскэ (матернэ)» пентру организацииле де ынвэцэмынт де културэ женералэ ын класеле 5–11. Програма модел ла дисциплина «Лимба молдовеняскэ (матернэ)» есте алкэтуитэ конформ черинцелор Стандардулуй едукационал дин РМН, реферитор ла кончинутул об-

лигатор ал студиулуй лимбий ши черинцелор принципале фацэ де ку-ноштинцеле ши причепериле елевилор. Студияря ноциуний де текст ши типуриле луй се ынчепе дин класа 5 ши се терминэ ку сусцинеря экзаменулуй де стат ла лимба молдовеняскэ ын класа 11, унде елевий скриу о компунере- рационамент ын база унуй текст пропус. Ын фаца професорулуй де лимбэ молдовеняскэ се пуне сарчина де а-л ынвэца пе елев сэ детермине тема ши идея текстулуй, проблема ши атиту-диня ауторулуй фацэ де проблема датэ, комента проблемей ши ек-спликаря прин аргументе а опинией проприй, мижлоачеле артистиче ши нормеле де лимбэ.

Штиинца каре се окупэ де студияря текстулуй се нумеште *тек-столожие*. Текстология ну диспуне де о теорие уникэ а терминулуй, авынд диверсе дефиниций, де типул «текстул есте о унитате финитэ, кончисэ; текстул есте о унитате лингвистикэ а кэрей функции де базэ есте де а финализа актул де комуникаре.» (Ион Диаконеску) [Унгу-ряну, 2008: 198] Ын опиния луй Кармен Влад, «текстул ынсямнэ це-сэтурэ; дар, пе кынд пынэ акум ачаствэ цесэтурэ а фост консидератэ ун продус, ун вэл гата фэкут, ын спателе кэруя се афлэ, май мулт сау май пущин аскулс, сенсул (адевэрул), ной акцентуэм акум ын цесэту-рэ, идея женералэ кэ текстул се фаче ынтр-о вешникэ ынтресесере; пьердут ын ачаствэ цесэтурэ, субъектул се дескомпуне, прекум ун пэ-янжен каре с-ар дизолва ел ынсушь ын секрециле конструктиве але пынзей сале.» [Унгурияну, 2008:198] Лингвистул рус И.П.Галперин сусцине: «Текст представляет собой некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной мо-дели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров и характери-зуемое своими дистинктивными признаками).» [Унгурияну, 2008:198] Ын мануалул де лимбэ молдовеняскэ, класа 5, алкэтуит де мембрий лабораторулуй штиинцифик «Факла» ал «УСН Т. Г. Шевченко» дин ора-шул Тираспол ши апробат де Министерул Едукацией ал Републичий Молдовенешть Нистрене ши де Институтул де дезволтаре а ынвэцэ-мынтулуй ши перфекционаря кадрелор дин РМН ынтылним урмэ-тоаря дефиницие а текстулуй: «Текстул есте тоталитатя кувинтелор динтр-ун документ, о публикацие, о типэритурэ сау алт лукру скрис, фрагмент динтр-о скриере. » [Габужа, 2009: 98]

Терминул *текст* есте де орижине латинэ: *textum* – *цесэтурэ*; *textus* – *ынлэнцуире*; *téxere* – а цесе. Ачест термин ку ачешь рэдэчинэ ыл ынтыл-

ним ши ын алте лимбъ. Де екземплу: л.франчезэ- *texte*; л.жерманэ – *text*; л.италиянэ – *testo*. Ын дикционарул експликатив ал лимбий молдове- нештъ пентру терминул *текст* ынтылним урмэтоареле сенсуре:

1. Тоталитате а терминилор, а фразелор каре конституе скриере (оперэ литерарэ, дискурс, леже ш.а.).

2. Скриере типэритэ сау ын манускрис.

3. Скриере консидератэ ын редактаря ей орижиналэ ши аутентикэ.

4. Парте а уней лукрэрэ скрисе сау типэрите каре купринде кому-никаря проприу-зисэ фэрэ титлурь, обсерваций ш.а.

5. Парте а уней форме де типар, компусэ нумай дин литере ши семне типографиче, фэрэ илустраций ши фэрэ титлурь.

6. Фрагмент ал уней опере (карактеристик пентру гындирия сау арта ауторулуй).

7. Кувинтеле уней букэць де музикэ вокалэ.

Текстул аре темэ ши идее. *Тема* есте о проблемэ, о ситуацие, ун каз абордат ынтр-о комуникаре. *Идея* есте репрезентаря женералэ ши абстрактэ, каре се формязэ ын конштиинца омулуй, деспре ун объект сау деспре ун феномен, концепт, опиние. Ун текст се алкэтуеште ын база унуй *алгоритм*:

– се детерминэ тема, цинынд конт де семнификация фиекэруй кувынт дин титлу;

– се детерминэ скопул, кондицииле релатэрий ши гындулуй принчипал;

– се релатязэ гындуриле ынтр-о анумитэ консекутивитате, фоло-синд, дупэ нечеситате, алинеатул;

– се ревэд челе скрисе ши се фак ректификэриле, комплетэриле нечесаре.

Текстеле се ымпарт ын литераре ши нонлитераре. *Текстеле литераре* презинтэ фапте, ынтымплэрь, персонаже, аспекте дин натурэ, идей ши гындурь орижинале, трезинд чититорулуй эмоций ши сен-тименте прин интермедиул лимбажулуй артистик ши ал имагинаци-ей скрииторулуй. Екземпле де текстеле литераре: *романе, нувеле, пове-стирь, скице, повешть, баладе, сноаве ш.а.*

Карактеристичь але текстулуй литерар:

– екзистенца унуй ероу/аутор/повеститор;

– орижиналитатя композицией ши а модулуй де експримаре;

– утилизаря ынтрежий богэций де лимбэ (терминь популярь, ар-хаисме, регионалисме, неоложисме, терминь техничь ш.а.);

– диверситатя ши експресивитатя мижлоачелор артистиче; – кувинтеле сынт фолосите ку май мулте сенсурь.

Текстеле нонлитераре ау теме фоарте диверсе ши тратязэ аспекте дин реалитате. Еле пот фи информативе, аргументативе сау дистрактив. Ынтр-ун текст штиинцифик сынт презентате идей, информаций ши аргументе реферитоаре ла ачестя. Пропозицииле унуй текст штиинцифик сынт, де обичей, скурте ши кларе, фэрэ утилизаря унуй лимбаж артистик. Сынт фолосиць терминь де специалитате дин домениул респектив. Ынтр-ун текст нонлитерар сынт презентате интеракциунь, сфатурь сау рекомандэрь каре ыл пот кондуче пе чититор ын ведеря ындеплинирий уней акциунь конкре: фолосиря унуй медикамент, утилизаря апаратулуй фото, ынгрижиря плантелор де камерэ, препараря унуй алимент ш.а. Екземпле де текстеле нонлитераре: *скрисорь, мануале ку инструкциунь, рецете де букэтэрие, репортаже, интервюрь, штирь, информаций деспре филм ш.а.*

Карактеристичь але текстулуй нонлитерар:

- ну есте евидент чине есте ауторул;
- ну се нарязэ ла персоана 1;
- модул де експримаре есте унул каре ар путя фи комун пентру мулць ауторь; – симплитатя експримэрий;
- кувинтеле сынт фолосите ку сенс проприу.

Ын урма черчетэрий ши анализей ку елевий ла лекцииле де дезволтаре а ворбирий а диверселор извоаре штиинцифиче лингвистиче ши а текстелор дин варияте кулежерь литераре, преса периодикэ, мануале, монографий, месеаже електрониче, информаций дин интернет, пропун унеле типурь контемпоране де текстеле, аранжате ын ордине алфаветикэ.

Блогтекст (блог – «журнал»).

Текст ал унуй блог, дотат ку едитор (сублиниерь, инсераре де листе, табеле, имажинь, линкурь интерне ши екстерне, титлурь, купринс е.) плус опциунь паратекстуале (коментарий, апречиерь де кэтре чититорь).

Веб (Web) текст (веб – «пынзэ де паянжен»; абрeвият де ла World Wide Web сау www). Ун текст сау ун сет де текстеле (документе), каре формязэ о презентаре де тип хипертекст. Ун вебтекст аре урмэтоареле трэсэтурь, ын формэ типаритэ (принт): сепараря динтре стокаря документелор ши диспозитивелор де презентаре, динамисмул, стратификаря документелор ши хипертекстуалитатя. Ын култура принтатэ, текстул есте ын мод нормал дефинит ка сукчесиуне.

Видеотекст (видео – «имажине»).

1. Систем де телевизиуне ын каре фиекаре абонат примеште ла домичилиу ун програм дупэ преферинцеле сале.

2. Текст динамик каре аре репрезентаре видео.

Вики (Wiki) текст (вики – «рапид»). Текст сау документ едитат ын Википедия (енциклопедия либерэ). Версиуниле куренте але тутурор пажинилор унуи викитекст сынт стокате ын базэ де дате, суб формэ де текст динамик, модификабил, ынсоцит де епитекст (коментарий ш.а.) Асеменя тип де текст се поате де гэсит ын Wikipedia.org ши wikipedia.ro.

Ворд (Word) текст (ворд – «кувынт, ворбэ, термин, месаж, лимбэ»).

Текст едитат ын програмул Word. Microsoft Word есте ун прочесор де текст, парте а групулуй Microsoft Office Word. Прима версиуне дате дин анул 1983, яр ултима дин 2013. Word есте ун програм де прелукраре де текст, пе каре ле афишязэ пе экран, ын форма кум ле ва типэри пе хыртие. Карактеристичь але програмулуй Ворд: креаре де документе прин интермедиул шаблоанелор; стабилиря форматулуй карактерелор, фолосинд стилурь ши дименсиунь диферите де корпусь де литерэ; евиденциеря карактерелор прин сублиниере ши прин утилизаря стилурилор алдин, курсив, сублиният ш.а.; програма де верификаре а коректитудиний ортографиче; коректаре аутоматэ; адэугаре де илустраций, ноте експликативе, ноте де субсол ши ноте де финал але документулуй; креаре де документе че инклюд колоане де тип зиар, табеле, графиче, имажинь, дате дин Word, фолосиря е-маилулуй (e-mail) пентру колабораря де документе ши партажаря информациилор, трансформаря документелор ын пажинь- online.

Джитекст (джи[т] – «онлайн, виртуал»).

Текст инскриптибил, операбил ши реализабил доар ынтр-ун медиу дигитал, неконвертибил ла ун супорт де хыртие.

Медиаатекст (медиа – «пресэ скрисэ ши аудиовизуалэ»). Текст утилизат ын трей домений принципале: журнализм, публичитате ши интернет. Текстеле медиа се дистинг дупэ типул каналулуй де комуникаре (принт, радио ши телевизиуне, реця), критериул функционал ши де жен, партикуларитэць композиционале ши стилистиче.

СМС-текст (смс/СМС – абр. Short Message Service). Текст, де регулэ, де дименсиунь редусе, констынд дин месаже трансмисе де пе телефонул мобил, ын интернет сау прин интермедиул алтор системе

де комуникаций мобиле. Де обичей, кувинтеле сынт абрeвияте ын мeсaжeлe дe aчeст тип. Абрeвиeря нy eстe yн нoу лимбaж, фи-инд yн фeнoмeн фрeквeнт пpaктикaт ын cкpиeрe ынкэ дe лa aпapициe. Aтыт кoпий, кыт ши aдулций фoлocecк CMC-тeкcтe.

Дин чeлe екcпyce ce пoатe кoнклyзиoнa кэ тeкcтyл aрe тeмэ ши идee, кoнцинe o инфoрмaциe oapeкaрe ши ce рaпoртязэ лa aспeктeлe кoнкpeтe aлe рeaлитэций. Aтыт тeкcтeлe литeрaрe ши нoнлитeрaрe, cкpисe пe фoй, кыт ши чeлe виртyалe, cкpисe ын дифeритe пpoгpaмe инфoрмaциoнaлe, aжyтэ лa кyлтивapя лимбий, лa ымбyнэтэциpя кoмyникэрий ынтpe oaмeнь ши, дeсигyр, лa ымбoгэциpя лимбий мoлдoвeнeшть.

Литература

1. Габужа Д.А ш.а. Лимба молдовеняскэ (Мануал класа 5). – Т., 2021. – 304 п.
2. Унгуряну Е. Резумаря трэдэтоаре сау антологаря ка формэ де акчес ши де трансмитере а културий (текстулуй), речензиe лa: Aлeкcaндpa Гepacим, Нaдeждa Aгa. Teopия тeкcтyлyй. Aнтoлoжиe. – К., EП УCМ, 2008. – 292 п.
3. Гepacим, Нaдeждa Aгa. Teopия тeкcтyлyй. Aнтoлoжиe. – К., EП УCМ, 2008. – 292 п.

УДК 81.25

Т. В. Грецкая, А. Д. Ухов

(Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина)

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СЛОВ С СЕМАНТИКОЙ «РАЗРУШЕНИЕ» В РОМАНЕ РОБЕРТА ГВИЗДЕКА “DER UNSICHTBARE APFEL” НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать способы перевода лексических единиц со значением «разрушение» в романе Роберта Гвиздека «Der unsichtbare Apfel» на английский язык. Данные лексические единицы употребляются в романе в прямом и метафорическом значении. Контекст и тип разрушения (физическое или психическое разрушение) являются важными факторами при выборе способа перевода для достижения его эквивалентности. Приводятся примеры перевода предложений, содержащих слова со значением «разрушение», и дается комментарий к выбранному способу перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, семантика, контекст, переводческие трансформации, синонимы, эквивалент.

THE TRANSLATION METHODS OF WORDS WITH THE SEMANTICS OF “DESTRUCTION” IN ROBERT GWISDEK’S NOVEL “DER UNSICHTBARE APFEL” INTO ENGLISH

This article attempts to analyze the translation methods of lexical units with the meaning of “destruction” in Robert Gwisdek’s novel “Der unsichtbare Apfel” into English. These lexical units are used in the novel in direct and metaphorical meanings. The context and the type of destruction (physical or mental destruction) are important factors in choosing the translation method to achieve equivalence. Examples of translations of sentences containing words with the meaning of “destruction” are given, as well as a commentary on the chosen translation method.

Keywords: literary translation, semantics, context, translation transformations, synonyms, equivalent.

Перевод художественного произведения – это сложный творческий процесс, поскольку переводчику необходимо передать особенности стиля автора таким образом, чтобы переведенный текст оказывал адекватное художественно-эстетическое воздействие на читателя, относящегося к другой культуре. Стиль каждого писателя уникален, т. к. для создания образности он прибегает к стилистическим приемам и выразительным языковым средствам, передавая тем самым внутренний мир героев и внутренние причины тех или иных событий в произведении. В. А. Кухаренко придерживается мнения, что «важнейшей константой индивидуально-авторского стиля является лексический состав произведения» [Кухаренко, 1988: 160], к которому относятся, например, лексика определенного стилистического пласта, авторские неологизмы, стилистические синонимы, фразеологические единицы, стилистические средства.

Мы полагаем, что перевод стилистических синонимов требует от переводчика творческого подхода, т. к. синонимия в переводческом аспекте еще недостаточно изучена. Лексические синонимы делятся на смысловые (идеографические) и стилистические. Идеографические синонимы различаются интенсивностью смыслового качества, например, *verehren* (читать, поклоняться) – *hochschätzen* (читать, глубоко уважать). Стилистические синонимы различаются коннота-

циями, т. е. социально-психологическими оттенками денотативного значения, например: *sterben* (умирать) – *entschlafen* (скончаться) – *abkratzen* (поддыхать). Стилистические синонимы, в свою очередь, делятся на 2 вида: языковые (созданы в системе языка) и контекстуальные, или окказиональные (создаются автором в определенной речевой ситуации или контексте). М. П. Брандес подчеркивает, что для стилистической синонимии особенно важно наличие контекста [Брандес, 2004: 329–330].

В рамках данной статьи рассматриваются предложенные нами способы перевода синонимичных лексических единиц со значением «разрушение» в романе Роберта Гвиздека “*Der unsichtbare Apfel*” на английский язык. Текст романа пронизан глаголами и причастиями с этим значением, поскольку автор хочет передать суровость ситуаций, с которыми сталкивается протагонист романа. Методом сплошной выборки нами были отобраны 104 лексические единицы со значением «разрушение». Отобранные нами слова являются как идеографическими, так и стилистическими синонимами.

При переводе данных слов на английский язык мы стараемся достичь адекватности, т. е. стремимся сохранить авторский план выражения, и используем составленную нами объединенную классификацию переводческих операций. К переводческим операциям, как правило, относятся подстановка, трансформация и способы перевода безэквивалентной лексики [Княжева, 2006: 10]. В данной статье мы рассматриваем такие переводческие операции как подстановка и трансформация, так как способы перевода безэквивалентной лексики, на наш взгляд, являются частью трансформаций. Переводческие трансформации представляют собой «операции по преобразованию текста, которые выполняет переводчик в процессе перевода» [Княжева, 2006: 16]. В зависимости от характера единиц языка оригинала, которые подвергаются преобразованию при переводе, переводческие трансформации подразделяются на морфологические, грамматические, синтаксические, лексические, семантические и стилистические [Княжева, 2006: 21]. В рамках нашей работы мы предлагаем свою классификацию переводческих трансформаций, которая включает морфологические, грамматические и синтаксические трансформации, а также переводческие трансформации, предложенные Л. В. Суловой, а именно смешанные переводческие трансформации и целостное преобразование [Сулова, 2020: 13–28].

Лексические единицы с семантикой «разрушение» в романе Роберта Гвиздека “Der unsichtbare Apfel” можно разделить на несколько групп в зависимости от типа разрушения. Проанализировав отобранные нами синонимы, мы пришли к выводу, что автор использует данные слова, чтобы описать разрушение как на физическом (*umknicken*, *kaputt machen*), так и на психическом (*zerrüttet*) уровне. Кроме того, в романе встречаются лексические единицы, описывающие разрушение как техническую поломку (*kaputt sein*), а также слова с метафорическим значением (*herzerreißend*, *zerfallen*, *zusammenbrechen*, *zerschlagen*, *zermalmend*).

Прокомментируем предложенные нами способы перевода данных лексических единиц на английский язык.

– способы перевода лексических единиц со значением «физическое разрушение»:

1. *Igor erschrak und zog sie abrupt zurück. Beim Wegschnellen seiner nun sehr großen Hand **knickte** ein weiterer Stab **um** und verstimmte eine zweite Saite.* – *Igor was startled and pulled his hand back, but in the process, his now very large hand **snapped** another rod and detuned a second string.* При переводе мы используем подстановку (словарный эквивалент в значении «сломать стержень/ветку»).

2. *Er sprang zurück, um nicht noch mehr **kaputt** zu **machen**, und riss das ganze Instrument mit sich zu Boden.* – *In an attempt to prevent further **damage**, he jumped back, inadvertently knocking the entire instrument to the ground.* В данном случае мы прибегаем к семантико-содержательной трансформации – антонимический перевод, так как отрицательная частица “nicht” заменена на глагол с положительным значением “to prevent”, кроме того, мы используем морфологическую трансформацию: немецкий глагол “kaputt machen” заменен именем существительным “damage”.

– способы перевода лексических единиц со значением «техническая поломка»:

1. *Mittlerweile bin ich mir sicher, dass der Wecker **kaputt** ist oder ich vergessen habe, ihn zu stellen.* – *I'm pretty sure by now that the alarm clock is **broken**, or else I forgot to set it.* Мы используем подстановку и морфологическую трансформацию: словарный эквивалент, причастие “broken” для перевода прилагательного “kaputt” (сломанный, неисправный).

– способы перевода лексических единиц со значением «психическое нарушение»:

1. *Es konnte nicht sein, dass er es vergessen hatte; mit aller Gewalt versuchte er, das Bild der Zwei in seinem **zerrütteten** Geist erscheinen zu lassen, und mit einem Mal tauchte sie vor ihm auf.* – *It couldn't be that he had forgotten it; he tried with might and main to make the image of the number two appear in his **perturbed** mind, and all at once, it appeared before his eyes.*

При переводе данного предложения мы используем стилистическую трансформацию (экспрессивизацию). Причастие “zerrütet”, образованное от глагола “zerrütten” (расстроить, расшатать), мы переводим причастием “perturbed”, образованным от глагола “to perturb”, который в данном контексте означает «сбивать с толку, приводить в смятение».

– способы перевода лексических единиц с семей «разрушение» в метафорическом значении:

1. *Wenn die Städte **zerfallen**, wenn die Städte verwehen.* – *When the cities **crumble**, when the cities evanesce.* При переводе мы используем подстановку – словарный эквивалент немецкого глагола “zerfallen” в английском языке “to crumble” в контексте «разрушение империи», т. к. под городами не подразумеваются построенные дома.

2. *Igor's Geist drohte unter dem Gewicht der Ereignisse **zusammenzubrechen**.* – *Igor's mind was on the brink of **collapse** under the weight of events.* В данном случае применяется морфологическая трансформация. Глагол “zusammenbrechen” (в комбинации с глаголом “drohen”) мы предлагаем передать выражением “to be on the brink of collapse”, поскольку таким образом подчеркивается данная шаткая ситуация.

3. *All seine Konzentration würde er aufwenden müssen, um dieses Trugbild zu **zerschlagen**.* – *He would have to expend every ounce of his concentration in order to **shatter** this illusion.* При переводе данного предложения мы используем подстановку: глагол “zerschlagen” в значении «свести на нет» мы предлагаем перевести с помощью общеупотребительного выражения “to shatter one's illusions”.

4. *Deine erdrückende, **zermalmende**, unerträgliche, niemals endende Liebe.* – *Your overwhelming, **pulverizing**, insufferable, never-ending love.* В данном случае мы обращаемся к семантико-содержательной трансформации – контекстуальная лексическая замена. Эпитет “zermalmend” (сокрушительный) мы предлагаем перевести как “pulverizing”, перевод причастия в данном контексте может восприниматься как в значении «измельчающий», так и в значении «полностью разгромный» (расширение значения).

Таким образом, контекст выступает основным фактором для выбора способа перевода рассмотренных лексических единиц со значением «разрушение». При их переводе необходимо также учитывать характер разрушения (физический или психический уровень). Особенно трудным, на наш взгляд, является перевод лексических единиц с метафорическим значением. Так, при переводе лексических единиц со значением «физическое разрушение» мы использовали подстановку, семантико-содержательную и морфологическую трансформации; при переводе лексических единиц со значением «психическое нарушение» – стилистическую трансформацию. Для перевода слов со значением «техническая поломка» мы использовали морфологическую трансформацию. К способам перевода слов с метафорическим значением относятся подстановка, морфологическая трансформация и семантико-содержательная трансформация.

Литература

1. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
2. Княжева Е. А., Кунаева Н. В. Перевод и переводческие трансформации: Учебное пособие для вузов / М. А. Бунина. – Воронеж: Кафедра теории перевода и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, 2006. – 55 с.
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 248 с.
4. Суслова Л. В. Теория и практика перевода. Немецкий язык: учеб. пособие / Л. В. Суслова; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. – 103 с.
5. Худорожкова О. Е. Переводческие трансформации как путь к созданию качественного перевода художественного произведения // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XVII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2014. – № 2 (17). – С. 89–99. [Электронный ресурс] URL: [http://sibac.info/archive/guman/2\(17\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/2(17).pdf) (дата обращения: 09.01.2024)

Г. Е. Григорьева

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

РЕДАКТИРОВАНИЕ НЕЙРОННОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Статья посвящена вопросам разработки методологии редактирования нейронного машинного перевода (НМП) как одного из неотъемлемых этапов работы рядовых переводчиков в современной переводческой практике. Автор приводит результаты опроса и экспериментальных переводческих проб письменных текстов официально-делового и научного стилей, предлагает ряд решений для создания методологической базы редактирования письменных текстов, созданных нейросетями.

Ключевые слова: письменный текст, стратегия, нейронный машинный перевод, редактирование, ошибка, переводческое решение.

EDITING NEURAL MACHINE TRANSLATION

The article is devoted to the development of editing neural machine translation (NMT) methodology in demand to practicing translators, as nowadays, NMT is one of the integral translation stages. The author provides results of a survey and experimental translation tests of several written texts in official business and scientific styles, as well as offers a number of solutions for creating a methodological base for editing written texts processed by neural networks.

Keywords: written text, strategy, neural machine translation, editing, error, translation solution.

Актуальность проводимого исследования определяется насущной необходимостью выработать методологию редактирования письменных нейронных переводов, отсутствующую в настоящее время в профессиональной переводческой среде. Вопросы эрратологии, качества перевода и редактирования в принципе всегда считались одними из наиболее сложных для разработки, а с появлением нейронного машинного перевода (НМП), круг нерешённых задач постоянно множится. Сама стратегия выполнения письменного перевода меняется в профессиональном сообществе настолько стремительно, что результаты анализа происходящих процессов частично устаревают ещё до момента появления новых тенденций. Дело в том, что навыки

редактирования сегодня крайне необходимы не только редакторам перевода как таковым, но и рядовым переводчикам. Речь идёт не только о саморедактировании, а о редактировании текстов НМП, которые ложатся в основу циркулирующих текстов перевода на современном рынке переводческих услуг.

Статья представляет результаты ряда опроса и экспериментальных переводческих проб, которые демонстрируют сложившуюся на данный момент практику гибридного перевода (машинного с последующим ручным редактированием) письменных текстов, концентрируется на поиске решений, приемлемых для разработки методологии редактирования НМП.

Опрос и экспериментальные переводческие пробы проводились нами в 2023–2024 гг. среди студентов, обучающихся по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика, а также практикующих переводчиков со стажем работы от 1 до 14 лет в городах Пермь, Санкт-Петербург и Нижний Новгород. Общее число респондентов на опросах составило 167 человек, на экспериментальных переводческих пробах – 52 человека. На перевод было предложено 8 текстов официально-делового и научного стилей общим объёмом 16 420 знаков в паре русский-английский языки.

Результаты проведённого опроса показали, что с момента появления нового поколения машинного перевода в 2015 г. [Yan, 2015: 55–56] кардинально изменилась *стратегия* работы переводчиков с письменными текстами. 100 % респондентов утверждали, что периодически используют НМП, в основном, в работе с текстами официально-делового (97 % респондентов) и научного (94 % респондентов) функциональных стилей.

Результаты экспериментальных переводческих проб подтвердили устойчивость этой тенденции. Если раньше очевидным первым шагом в работе переводчика являлся предпереводческий анализ оригинала (И. С. Алексеева, М. П. Брандес, М. А. Тетенова и др.), и лишь потом следовал этап принятия переводческих решений, сегодня переводчики зачастую читают и анализируют оригинал уже только тогда, когда сопоставляют его с частично отредактированным машинным переводом. Во время эксперимента большинство переводчиков (92 % респондентов) на первом этапе выполняли просмотровое чтение и начальное редактирование уже готового НМП (не обращая вообще к оригиналу), постигая содержание текста перевода и отмечая фраг-

менты «нестыковки смыслов». Только потом они сопоставляли перевод с оригиналом, и лишь на этом этапе впервые читали исходный текст. Таким образом, мы понимаем, что в сложившихся новых условиях переводчики осознанно анализируют оригинал далеко не в первую очередь, и анализ исходного текста перестаёт быть, собственно, *предперводческим*.

Экспериментальная работа также показала, что переводчики осуществляют редактирование машинного перевода на основе собственного представления о задачах и алгоритмах работы. Иными словами, редактирование НМП производится по интуиции. В теории и практике перевода накоплен определённый опыт редактирования ручного перевода. Этот опыт на данный момент не учитывает специфику НМП, но может служить основой работы как редактора, так и самого переводчика.

Вслед за А. С. Мариневич и О. Н. Теплой, определим редактирование как проверку «информации с целью усовершенствования или исправления ее структуры, содержания, соответствия, завершенности, логической последовательности, методов презентации» [Мариневич, Теплая, 2013: 138].

Любая редакторская обработка письменного перевода обычно производится от ознакомительного чтения через углублённое до шлифовочного, в соответствии с методикой А. Э. Мильчина [Мильчин, 2005]. Процесс редактирования сводится к неоднократному прочтыванию текста и его исправлению. На этапе углублённого чтения скорость прочтения снижается, все элементы текста анализируются в их взаимосвязи. Проверяются передача фактического материала, выбор переводческих соответствий, использование языковых средств, сохранение вертикальных и горизонтальных логических связей между смысловыми блоками текста, чёткость формулировок в соответствии с конвенциями жанра, выполняется стилистическая правка и выверяется форматирование текста. На этапе шлифовочного чтения, производится заключительное редактирование, выверяется целостность текста, единообразие и системность.

Как показали проведённые нами экспериментальные переводческие пробы, наибольшую сложность для переводчиков представляет необходимость держать в фокусе внимания все аспекты текста, подлежащие редактированию. Это же подтверждают исследования В. В. Сдобникова. Автор утверждает, что обычно при редактировании

переводчики и редакторы перевода затрагивают все аспекты качества перевода: передачу предметно-логического содержания, соответствие стиля жанровым конвенциям, соответствие нормам и узусу языка перевода, обеспечение оформления и форматирования по требованиям. При этом, по ряду причин редактирование остаётся некачественным, и причины таковы: интерференция оригинала на восприятие текста перевода, отсутствие критического отношения, недостаток внимательности, перераспределение внимания со значимых единиц перевода на второстепенные [Сдобников, 2018: 155–156]. Исходя из нашего опыта анализа практики редактирования письменных переводов, добавим к перечисленным причинам недостаточное знание норм и узуса переводящего языка, охват лишь части редакторских задач и объективный недостаток времени, предоставляемый на редактирование текста.

На одном из этапов экспериментальных переводческих проб один и тот же текст предлагался двум группам респондентов. Перед первой группой была сформулирована максимально общая задача: «Отредактируйте перевод, выполненный DeepL». Вторая группа получила схему-классификацию наиболее вероятных ошибок, которые необходимо выправить в текстах НМП, и рекомендацию, в какой последовательности проводить редактирование. Задача была сформулирована следующим образом: «Отредактируйте перевод, выполненный DeepL, по предложенной схеме. Отметьте в схеме каждый блок, когда завершите работу с ним». В основу схемы и рекомендации были положены наработки по классификации речевых ошибок М. Н. Кожиной, Л. Р. Дускаевой, В. А. Салимовского [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008: 149–170], переводческих ошибок Е. А. Березовской [Березовская, 2019: 81–106], и типичных ошибок, допускаемых нейросетями, В. К. Касьянова и В. В. Федуловой [Касьянов, Федулова, 2021: 45].

Специфические ошибки НМП были разделены в предложенной схеме на четыре типа. Во-первых, это ошибки достоверности фактов. Например, нейросети опускают или добавляют отрицания, меняя содержание на противоположное, необоснованно пропускают целые сегменты информации. Во-вторых, это ошибки перевода реалий. Нейросети практически не способны распространять решения на новые области знания и, когда необходимо элиминировать лакуны, создают либо «языкоподобную чушь», либо неадекватные замещения.

В-третьих, ошибки выбора соответствий по макроконтексту. Основным входом для моделирования в НМП является лишь отдельно взятое предложение. Кроме того, декодирование токена слева направо происходит по авторегрессивному стилю, что полностью соответствует человеческому чтению и письму. Однако такое декодирование ограничено: прогнозирование *i*-го токена имеет доступ только к предыдущим предсказаниям истории и не может использовать будущую контекстную информацию. Наконец, это ошибки памяти, которые обусловлены частичным забыванием информации или ее искажением, иногда внутри одного абзаца. Например, в паре английский-русский языки происходит постоянная смена грамматического рода глаголов и прилагательных в русскоязычных текстах, что в итоге приводит к искажению содержания и абсурду. Текст теряет целостность, а система смыслов – единообразие.

Результаты показали, что количество верных исправлений в текстах НМП респондентами второй группы приблизительно в 1,5 раза превышало количество исправлений респондентами первой группы.

Подводя итоги исследования, мы можем констатировать, что с появлением нейроперевода стратегия работы, принимаемая переводчиками-практиками, существенно изменилась. Гибридный перевод – это факт, новая реальность, и её необходимо учитывать, оперативно и продуктивно разработать новые теоретико-методологические ориентиры, способные обеспечить результат. Методологическая опора в поиске ошибок и неточностей, допущенных НМП, позволяет практикующим переводчикам повысить качество редактирования текстов перевода.

Литература

1. Березовская Е. А., Ильнер А. О. Редактирование письменных переводов: теория и практика: учеб.-метод. пособие / Е. А. Березовская, А. О. Ильнер; [под общ. ред. Л. И. Корнеевой]; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 135 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/75932/1/978-5-7996-2622-8_2019.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

2. Касьянов В. К., Федулова В. В. Основные проблемы нейронного машинного перевода // Успехи в химии и химической технологии. Том XXXV. 2021. № 11. – С. 43–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-neyronnogo-mashinnogo-perevoda/viewer> (дата обращения: 02.01.2023).

3. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

4. Мариневич А. С., Теплая О. Н. Особенности редактирования перевода художественной литературы / А. С. Мариневич, О. Н. Теплая // Вестник магистратуры. – 2013. – № 6 (21). – С. 138–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-redaktirovanie-perevoda-hudozhestvennoy-literatury/viewer> (дата обращения: 12.07.2024).

5. Мильчин А. Э. Методика редактирования текста. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2005. – 524 с.

6. Сдобников В. В. Принципы профессионального редактирования переводов / В. В. Сдобников // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. № 2. – С. 152–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-professionalnogo-redaktirovaniya-perevodov/viewer> (дата обращения: 18.07.2024).

7. Сдобников В. В. Объективное и субъективное в редактировании перевода / В. В. Сдобников // Научный диалог. – 2021. № 2. – С. 107–126. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/2427> (дата обращения: 18.07.2024).

8. Yan R., Song Y., Wu H. Learning to Respond with Deep Neural Networks for Retrieval-Based Human-Computer Conversation System // Machine Learning and Deep Learning. Baidu, China. – pp. 55–64. URL: <https://research.baidu.com/uploads/5acc2d21b33e5.pdf> (дата обращения: 24.07.2024).

УДК 811.112

Д. А. Гусаров,

(Московский государственный институт международных отношений (университет),
Российский университет дружбы народов),

Н. С. Гусарова

(Московский государственный институт международных отношений (университет))

СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩАЯ МОДЕЛЬ В ПОНИМАНИИ ТЕКСТА И МЕНТАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ИНАУГУРАЦИОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ДОНАЛЬДА ТРАМПА НА СТРАНИЦАХ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ

В настоящей статье освещается действие смыслопорождающей модели в процессе осмысления текста и структурирования ментальной репрезен-

тации действительности. Демонстрируется, что в основе понимания текста лежит взаимодействие ценностных доминант и нового знания, а также механизм условной денотативной эквивалентности.

Ключевые слова: смыслопорождающая модель, смысл текста, образ, ценность, языковая картина мира, синтагматическое поле.

MEANING MAKING MODEL IN TEXT UNDERSTANDING AND MENTAL REPRESENTATION STRUCTURING: PRESIDENT TRUMP'S INAUGURAL ADDRESS IN GERMAN NEWSPAPERS

The paper highlights the function of meaning making model in text understanding and mental structuring of reality. It is shown that the basis of text understanding is an interaction of value dominants and new knowledge, as well as the mechanism of contextual equivalence.

Keywords: meaning making model, text meaning, image, value, linguistic image of the world, syntagmatic field.

According to the meaning making model developed by Chrystal L. Park, the human understanding of reality events occurs through the comparison of what is happening with an acquired system of beliefs, values and goals. The totality of these phenomena of consciousness constitutes the global meaning. Events occurring in reality, their assessment against the global meaning and the appropriate individual reaction to them constitute the situational meaning. If there is a significant mismatch between the global and the situational meaning, then the individual feels psychological discomfort, prompting him to look for an explanation of this mismatch [Park, 2022].

From the point of view of the meaning making model, key meaningful fragments of the text become values (values). Values, by the definition of V. I. Karasik, are the highest guidelines for behavior [Карасик, 2024: 184]. We believe that the text is a verbal manifestation of actions that either conform or do not conform to values. By reading the text, the recipient constantly compares the described actions of the object with a global meaning and draws conclusions about their conformity or inconsistency with values, thus forming the image of the object in his consciousness.

In order to identify the value dominants, it is necessary to restore the object syntagmatic field, the core of which is the object comprehended in the text, that is, the thematic component of a number of rhemes. Another element of the syntagmatic field is the context usage of nuclear component,

that is, all rhematic components identified in the text that characterize this object. As stated by V. N. Denisenko and M. A. Rybakov, the set of restored semantic (paradigmatic and syntagmatic) fields represents a linguistic image of the world in which not only knowledge about the world but also images are stored with the help of linguistic means [Денисенко, Рыбаков, 2009: 30].

If there are significant differences between the situational meaning reported and the global meaning known, then the image arisen in the mind of the recipient of the text becomes contradictory and encourages the search for a solution to this contradiction. The author of the text suggests to the recipient a solution to this conflict. It consists in the use of a contextual equivalence mechanism, whereby the characterized object receives names with different linguistic meaning that become situational synonyms in the text. As a result, the distinction between global and situational meaning is overcome, the contradictory image is replaced by a coherent image that carries within itself a certain (positive or negative) assessment.

Our research is based on an article by Boris Herrmann *Trump spricht von "Tag der Befreiung"*, published in the newspaper *Süddeutsche Zeitung* on 21 January 2025 and dedicated to the inauguration ceremony of US President Donald Trump. In our study, we will discover what the meaning of the article is, how the author structures its coherence, and which values of global meaning in the consciousness of German native speakers make it possible for the recipient to comprehend it.

The presentation of the text under analysis as a list of propositions shows that the vast majority of more than 70 propositions are messages about objects that can be combined into a category with the name *president*. Further, all propositions with the theme *president* were combined into value groups, and within these groups are contrasted in the meaning of their rhematic components.

The propositional analysis showed that the text in question actualizes in the reader's mind the following global meaning: knowledge about how a president should act according to the values of *peaceful transfer of power*, *constitution*, *citizens' security*, *national reconciliation* and *peace keeping*. At the same time, the text gives the reader situational meaning: information about a specific president who violates these values by his actions.

Thus, in one of the value groups were included propositions that indicate how presidents treat such a value as *peaceful transfer of power*. The

syntagmatic field area combining messages with a positive assessment can be represented as follows:

Der Präsident	akzeptiert seine Wahlniederlage
	zeigt sein Bekenntnis zu einem ordentlichen, friedlichen Machtübergang
	trifft sich [mit seinem Nachfolger] zur traditionellen [Zeremonie]
	begreift [die traditionelle Zeremonie] als demokratische Pflicht
	nimmt an der Vereidigung [seines Nachfolgers] teil

In these elements of the syntagmatic field, knowledge is stored by linguistic items, about how any president from an extra-linguistic reality should behave, if he acts according to the value of *peaceful transfer of power*, that is, the global sense is presented here.

In another area of the object syntagmatic field *president* are included messages with negative assessment:

Der Präsident	akzeptiert seine Wahlniederlage nicht
	verweigert die Amtsübergabe
	animiert seine Anhänger zum Sturm auf das Kapitol
	verließ Washington vor Vereidigung seines Nachfolgers

In this area of the syntagmatic field, there are messages about how a very specific president – Donald Trump – acts against the value of peaceful transfer of power, that is, a situational meaning is presented here.

The mismatch between global and situational meaning puts the reader in a state of mental imbalance, and makes him look for an answer to why a particular president is not behaving as values dictate. And the author gives the reader an answer to this question. So, in the text we find the following propositions:

(1) *Trump wurde zwischen beiden Amtszeiten vier Mal strafrechtlich angeklagt.*

(2) *Trump wurde in einem Fall **strafrechtlich verurteilt**.*

(3) ***Ein verurteilter Straftäter** zieht erstmals seit der Gründung der USA ins Weiße Haus ein.*

The proposition (1) refers to President Trump, who has been charged four times with a criminal offence between his first and second terms of office. The proposition (2) refers to President Trump, who has been found guilty of a criminal offence. The proposition (2) motivates the introduction in the text of the name *ein verurteilter Straftäter*, which becomes a thematic component of the proposition (3), reporting on the convicted criminal who becomes president of the USA.

The formation of meaning in a text occurs due to a mechanism of situational equivalence, when names with different linguistic meanings receive the same denotative meaning in a specific text, that is, they become situational synonyms. Thus, in the text under consideration, Donald Trump is not only named by name or title (*der 45. Präsident, der 47. Präsident, der neue Präsident*), but also as *ein verurteilter Straftäter* – a name appeared as a result of predication in the proposition (2).

This thematic element becomes a meaning making component of the text, as it overcomes the distinction between global and situational meaning. Indeed, there is no contradiction in the fact that a convicted criminal calls on his supporters to storm parliament.

Based on the analysis, it can be concluded that the meaning of the text under consideration is to create a negative image for the reader of President Donald Trump. The conceptual contradiction is achieved by the actualization in the text of the elements of the object syntagmatic field *president* from the linguistic image of the world, which are contrasted according to the value dominant. The resolution of the textual contradiction occurs by a mechanism of contextual equivalence, in which the extra-linguistic denotation Donald Trump is indicated not by the linguistic sign *president*, but by his quasi-synonym *verurteilter Straftäter* (convicted criminal). As a result, the cognitive system of the recipient of the text is returned to equilibrium: a president cannot commit actions that violate values, but a criminal can.

In addition, our study established the presence of a global meaning in the language consciousness of German speakers, formed by values such as *peaceful transfer of power, constitution, security of citizens, national reconciliation* and *peace maintenance*. The value nature of these concepts is confirmed by the fact that in a specific text they are mental references, with which the actions of that object of extra-linguistic reality are compared, whose image must arise in the mind of the recipient of the text according to the author's intention. In other words, this image must be extracted by the recipient of the text as meaning put by the author.

Литература

1. Денисенко В. Н. Семантическая типология: история и теория вопроса / В. Н. Денисенко, М. А. Рыбаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 1. – С. 25-31.
2. Карасик В. И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики / В. И. Карасик // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Международного научного форума), посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, 09–11 октября 2024 года. – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2024. – С. 183-188.
3. Park C. L. Meaning Making Following Trauma. / C. L. Park // *Frontiers in Psychology*. 2022. – № 13. doi: 10.3389/fpsyg.2022.84489

УДК 81

О. Р. Давыдова

(Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова)

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ СМИ (на материале немецкого и русского языков)

В настоящей статье рассматриваются проблемы перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ), используемой в современных немецких средствах массовой информации. В статье проводится обзор современной отечественной литературы в области лингвистики и переводоведения по теме исследования. В основной части работы рассматриваются примеры безэквивалентной лексики немецкоязычных СМИ и способы ее перевода на русский язык (описательный перевод, компенсаторный перевод, антонимический перевод и калькирование). В заключении формулируются выводы на основе результатов исследования.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика (БЭЛ), способы перевода, описательный перевод, компенсаторный перевод, антонимический перевод, калькирование.

SPECIFICITY OF TRANSLATION OF NON-EQUIVALENT VOCABULARY IN MEDIA TEXTS (based on the german and russian languages)

This article examines the problems of translation of non-equivalent vocabulary (NEV) used in modern German mass media. The article provides an overview of modern Russian literature in the field of linguistics and translation studies on the topic of the study. The main part of the work examines examples of non-equivalent vocabulary of German-language media and methods of its translation into Russian (descriptive translation, compensatory translation, antonymic translation and calque). In conclusion, conclusions are formulated based on the results of the study.

Keywords: non-equivalent vocabulary (NEV), translation methods, descriptive translation, compensatory translation, antonymic translation, calque.

Перевод текстов СМИ, отличающихся динамизмом, многообразием стилей и использованием специфической лексики, представляет собой сложную задачу, особенно в контексте безэквивалентной лексики. Безэквивалентные лексические единицы (далее – БЛЕ) – это слова и выражения, не имеющие прямых аналогов в языке перевода. Их перевод требует от переводчика глубокого понимания как исходного, так и целевого языков, а также учета культурного контекста. Актуальность исследования обусловлена возрастающим объемом межкультурной коммуникации и потребностью в адекватном и точном переводе информации, представленной в СМИ. Неточный перевод БЛЕ может привести к искажению смысла, что особенно критично для новостных сообщений, аналитических статей и комментариев, формирующих общественное мнение. Изучение специфики перевода БЛЕ в немецко-русском языковом пространстве позволит выявить наиболее эффективные стратегии перевода и разработать рекомендации для переводчиков.

В отечественной и зарубежной литературе перевод безэквивалентной лексики рассматривается в рамках различных теорий перевода. Работы таких отечественных лингвистов, как В. Н. Комиссаров [Комиссаров, 2013: 103], Л. С. Бархударов [Бархударов, 2013: 44], Я. И. Рецкер [Рецкер, 2016: 21], закладывают теоретическую основу для понимания проблем перевода, в том числе и безэквивалентной лексики. Зарубежные исследователи, такие как Р. Ванг (R. Wang) [Wang,

2023: 107], К. Норд (Ch. Nord) [Nord, 2018: 16], подчеркивают важность учета культурного контекста и функционального подхода к переводу. Однако, специфика перевода БЛЕ в текстах СМИ до сих пор недостаточно исследована. Существующие работы часто фокусируются на отдельных типах БЛЕ или узких тематических областях [Подольяка, Орлова, 2025: 205–206]. Наше исследование имеет целью заполнить этот пробел, анализируя широкий спектр БЛЕ, встречающихся в немецкоязычных и русскоязычных СМИ.

В рамках исследования будет использован сравнительный анализ корпуса текстов немецких и русских СМИ (современные новостные агентства, газеты, журналы). В качестве основных методов перевода рассматриваются такие, как описательный перевод, компенсаторный перевод, антонимический перевод, контекстуальный перевод и калькирование.

Анализ корпуса текстов выявил следующие типы БЛЕ: реалии (названия политических партий, специфических продуктов питания, географические названия), термины (в области экономики, политики, техники), идиомы, фразеологизмы и словосочетания с непереводимым компонентом. Оказалось, что наиболее часто используемой стратегией перевода является описательный перевод, позволяющий передать смысл БЛЕ через пояснение ее значения в контексте. Однако, в некоторых случаях описательный перевод ведет к удлинению фразы и усложнению текста, что вызывает необходимость использования компенсаторного перевода, при котором переводчик ищет эквивалент не по форме, а по смыслу. Транскрипция и транслитерация чаще всего применяются для передачи собственных имен и географических названий. Применение других стратегий перевода зависит от контекста и целевой аудитории.

Рассмотрим примеры безэквивалентной лексики из современных немецких СМИ и проиллюстрируем способы ее перевода на русский язык. Безэквивалентность в данном контексте означает отсутствие в русском языке точного лексического соответствия немецкому слову или выражению, передающему тот же смысл и эмоциональный окрас.

Примеры безэквивалентной лексики и способы перевода:

Слово “Leitkultur”, часто встречающееся в статьях публицистического и политического направлений, переводится неоднозначно. Дословный перевод («ведущая культура») не передает его полного смысла, который включает в себя идею доминирующей, определя-

ющей культуры в обществе, часто связанную с национальной идентичностью и консервативными взглядами. Поэтому использование в данном случае описательного перевода будет корректным в плане передачи точного значения этого слова: “Leitkultur” – «доминирующая культура», «основная культура общества», «культура, задающая тон». Здесь мы передаем смысл с помощью нескольких слов, раскрывающих суть слова “Leitkultur”.

Слово “Wendehals” буквально переводится как «поворотная шея», но в переносном смысле обозначает человека, легко меняющего свои взгляды, политические убеждения, «вертухая». Способ калькирования явился бы здесь неудачным переводческим решением, поскольку дословный перевод не передает переносного смысла данной лексемы. Описательный перевод в данном случае более точно отражает идиоматическое значение слова: «переменчивый человек», «политик-хамелеон», «человек, меняющий свои убеждения как перчатки». Также в определенном контексте при переводе этой лексической единицы на русский язык можно использовать антонимический перевод, поскольку антоним может подчеркнуть неизменность позиции другого человека как противоположность “Wendehals”. Например: «в отличие от некоторых непостоянных политиков...».

Слово “Schadenfreude” обозначает чувство удовольствия, вызванное неудачей или несчастьем другого человека. Прямой эквивалент этого слова в русском языке отсутствует. Способ калькирования здесь звучит неудачно: «вред-радость», а также не передает точного смысла слова оригинала. В этом случае можно прибегнуть к описательному переводу: «злорадство», «удовольствие от чужого горя», «лукавство», либо, в зависимости от контекста, использовать компенсаторный перевод, выбирая в целевом языке синонимы с близким значением, но не полностью передающие тон немецкого слова, например: «ухмылка», «усмешка».

Переводы безэквивалентной лексики – это всегда компромисс. Выбор способа перевода зависит от контекста, целевой аудитории и стилистических задач переводчика. Часто приходится использовать комбинацию различных приемов, чтобы максимально точно передать смысл и эмоциональный окрас исходного текста. Важно помнить, что даже самый удачный перевод может не полностью воспроизвести все нюансы значения исходного слова.

Таким образом, исследование показало, что перевод безэквивалентной лексики (БЭЛ) в текстах СМИ представляет собой сложную задачу, требующую от переводчика глубоких знаний как исходного, так и целевого языков, а также умения адаптировать текст под специфику целевой аудитории. Наиболее эффективные стратегии перевода безэквивалентной лексики зависят от контекста, типа лексики и целей перевода. В таких случаях, переводчик может применить такие переводческие приемы, как описательный перевод, компенсаторный перевод, антонимический перевод, калькирование либо прибегает к использованию комбинации перечисленных переводческих стратегий.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: URSS, 2013. – 235 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Альянс, 2013. – 250 с.
3. Подолька И. В., Орлова О. С. Особенности перевода безэквивалентной лексики / И. В. Подолька, О. С. Орлова // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – № 1 (82). – Т. 1. – С. 205–210.
4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: Auditoria, 2016. – 244 с.
5. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained / Ch. Nord. – Routledge, 2018. – 166 p.
6. Wang R. A Comparative Analysis of Eugene Nida's and Peter Newmark's Perspectives on Cultural Context in Translation / R. Wang // Journal of education and educational research. – 2023. – NO 3. – Vol. 6. – P. 106–112.

УДК 811.161.1

Дай Цзини

(Санкт-Петербургский государственный университет)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ: МЕХАНИЗМЫ, ФУНКЦИИ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Статья посвящена анализу языковой игры в русскоязычных интернет-мемах. Рассматриваются основные механизмы языковой игры, такие как каламбуры, омонимия, окказионализмы, неологизмы и семантическая двус-

мысленность. Особое внимание уделяется роли языковой игры в создании комического эффекта и её влиянию на восприятие мемов в современном цифровом дискурсе.

Ключевые слова: интернет-мемы, языковая игра, каламбур, семантическая двусмысленность, окказионализмы, цифровой дискурс, комический эффект, медиатекст.

LANGUAGE PLAY IN RUSSIAN-LANGUAGE INTERNET MEMES: MECHANISMS, FUNCTIONS, AND CULTURAL CONTEXT

The article analyzes language play in Russian-language internet memes. It examines the main mechanisms of language play, such as puns, homonymy, occasionalisms, neologisms, and semantic ambiguity. Particular attention is paid to the role of language play in creating a humorous effect and its impact on the perception of memes in modern digital discourse.

Keywords: internet memes, language play, pun, semantic ambiguity, occasionalisms, digital discourse, humorous effect, media text.

Интернет-мемы, являясь уникальным феноменом современной интернет-культуры, становятся все более сложными и многослойными. Как отмечает Н. Г. Марченко, интернет-мемы функционируют как «хранилище культурных кодов сетевого сообщества» [Марченко, 2013: 113], а С. В. Канашина подчёркивает их роль как особого вида полимодального дискурса в интернет-коммуникации [Канашина, 2018: 125]. Немало исследователей обращают внимание на семиотическую природу интернет-мемов, способность объединять знаки разных кодов в единую поликодовую систему [Щурина, Шелопугина, 2018; Терентьева, Павлова, 2023]. Благодаря способности объединять вербальные и невербальные элементы, интернет-мемы стали важным инструментом медиакommunikации, формируя новые формы дискурсивных практик в цифровой среде [Изгаршева, 2020: 87].

Одной из основных функций интернет-мемов является развлекательная. Юмор, заложенный в мемах, помогает снижать эмоциональное напряжение и преподносить сложные темы в лёгкой и доступной форме [Канашина, 2022]. Важную роль в создании юмористического и когнитивного эффекта мемов играет языковая игра [Вешнякова, 2016; Шуйская и др., 2021]. Целью данного исследования является анализ языковых игр в русскоязычных интернет-мемах на примере

конкретных визуальных текстов. Рассматриваются различные виды языковых игр, их семиотические и прагматические аспекты, а также механизмы создания юмористического эффекта.

Будучи продуктом интернет-культуры и интернет-коммуникации, мемы способствуют языковому преобразованию через неологизмы, которые обычно создаются на основе молодёжного или сетевого сленга. Неологизм «подкрадули» представляет собой интересный пример языковой игры и эволюции сленга в интернете. Слово возникло как сочетание игрового и комичного корня «подкрадываться», существующего в русском языке, и связано с популярным видом обуви, воспринимаемым как нечто нелепое или смешное. Изначально «подкрадули» могло возникнуть как производное от слова «сникерсы» (sneakers), обозначающего кроссовки. Английское слово “sneakers” происходит от глагола “to sneak” («подкрадываться»), и это созвучие могло послужить основой для появления русского «подкрадули» как шуточного обозначения обуви.

Мем на рис. 1 использует контекст AVITO – онлайн-платформы для продажи товаров, где обычно можно найти необычные или эксцентричные объявления. Фотография демонстрирует «водные подкрадули», сделанные из рыбы, и сама по себе является абсурдной и смешной. Выбранный контекст (платформа для продажи товаров) еще больше усиливает нелепость ситуации. Визуальный элемент и текст создают многослойную комическую конструкцию, которая состоит из неожиданного

Водные подкрадули
111 111 Р или предложите свою цену

Рис. 1

Кто достойный мальчик?

я просто бросила ему палку,
а он принёс мне обратно ЭТО 🐶

new year new tony
@stfutony

о боже, да это же ЛабраТОР!

Рис. 2

данного сочетания слов, странного изображения и преувеличенной ценности товара.

Помимо неологизмов, мемы характеризуются использованием авторских окказионализмов, которые представляют собой уникальные языковые инновации, создаваемые в конкретном контексте. Мем на рис. 2 представляет собой пример использования окказионализма, основанного на словообразовательной игре. Окказионализм в данном контексте реализован через создание нового слова «ЛабраТОР» путём слияния названия породы собаки «лабрадор» и имени бога грома «Тор». Такой метод лексической игры позволяет создать уникальный комический эффект за счёт неожиданного сочетания семантически разнородных понятий.

Механизм языковой игры заключается в фонетической ассоциации: новое слово «ЛабраТОР» звучит практически идентично «лабрадор», но благодаря визуальной подсказке (молот Тора в зубах собаки) происходит переосмысление. Визуальный компонент усиливает языковую игру: изображение собаки с молотом Мьельнир из киновселенной Marvel отсылает к концепции «достоинства», необходимого для поднятия этого мифического оружия. Фраза «Кто достойный мальчик?» органично объединяет привычное обращение к собаке с образом Тора, подчеркивая выразительную многослойность мема.

Одним из самых распространённых средств языковой игры в мемах является каламбур, основанный на омонимии и многозначности

С вас 5 тыщ

Рис. 3

слов. Мем на рис. 3 основан на кадре, взятом из английского культового фильма «Карты, деньги, два ствола». Сцена, изображающая трёх персонажей, сидящих за столом и ведущих на первый взгляд серьёзный, но по сути ироничный диалог, широко используется в интернет-мемах. Языковая игра на данном меме основана на каламбуре и омонимии глагола «лечу». Глагол «лечу» в русском языке может означать как «лечить» (медицинская деятельность), так и «лететь» (перемещение по воздуху). Такая многозначность позволяет автору мема построить каламбур, при котором ожидаемое медицинское значение слова неожиданно меняется на туристическое.

Комический эффект в данном меме достигается за счёт нарушения логического ряда. Первые две реплики «Я психотерапевт, я лечу людям психику» и «Я педиатр, я лечу детей» формируют у читателя ожидание, что третье утверждение также будет связано с медицинской практикой. Однако фраза «Я стоматолог, я лечу в Дубай» неожиданно переключает контекст на тему путешествий. Этот приём в лингвистике известен как нарушение прагматической пресуппозиции, когда привычная логика высказываний намеренно искажается для создания юмористического эффекта.

Социальный контекст также играет важную роль в восприятии мема. Существует распространённый стереотип о высоких доходах стоматологов, что позволяет им вести более роскошный образ жизни, включая частые поездки на дорогие курорты, такие как Дубай. Мем косвенно использует этот стереотип, усиливая ироничный подтекст. Фраза «С вас 5 тысяч», размещённая в верхней части мема, поддерживает этот подтекст, намекая на высокие цены стоматологических услуг.

Языковая игра в меме на рис. 4 основана на звуковой игре и фонетической ассоциации, создавая комический эффект через простую, но забавную рифму. Основной механизм языковой игры заключается в трансформации звука курино-

Высокоинтеллектуальный мем

Учёные в 1980-х: ура, мы изобрели интернет, теперь человечество сможет мгновенно обмениваться интересной информацией по всему миру!

Как люди используют интернет в 2025:

Рис. 4

го кудахтанья «кудах» в рифмующееся слово «тудах». Такая звуковая игра не только имитирует реальное животное звучание, но и добавляет семантический слой, обыгрывая смысловые связи между словами «куда» (вопрос о направлении) и «туда» (ответ на этот вопрос).

Текст в верхней части мема устанавливает контекст и формирует ожидание аудитории. Утверждение «Учёные в 1980-х: ура, мы изобрели интернет, теперь человечество сможет мгновенно обмениваться интересной информацией по всему миру!» создаёт позитивный и оптимистичный настрой, предполагая высокие культурные и образовательные цели интернета. Однако изображение двух петухов с подписями «Кудах» и «Тудах» резко меняет этот настрой. Обещание об интеллектуальном обмене информацией контрастирует с примитивным и абсурдным контентом. Этот контраст сатирически демонстрирует, как интернет, задуманный как средство глобального обмена знаниями, на практике используется для распространения пустых, «шумовых» информационных потоков.

Мем на рис. 5 основан на прецедентном тексте – кадре из советского телесериала «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Данный мем использует семантическую двусмысленность и смену фрейма, создавая комический эффект за счёт неожиданного перехода от обсуждения новостей к оценке дам. Фрейм представляет собой «структурированный фрагмент знания мира», формирующий обобщённое представление о стереотипной ситуации [Соколова, 2007: 236]. Смена фрейма происходит через нарушение ожиданий и создание когнитивного диссонанса, когда новое смысловое пространство неожиданно противоречит изначально заданной логике диалога [Соколова, 2007: 238].

Рис. 5

Начальный контекст диалога задаёт тему именно новостей: фраза Холмса «Есть две новости: одна хорошая, а вторая не очень» формирует у Ватсона (и у аудитории) чёткое ожидание, что речь пойдёт о двух новостях с разной оценкой. Ватсон, следуя этой логике, уточняет: «Какая хорошая?», на что Холмс отвеча-

ет: «К нам едут две леди». В этот момент диалог сохраняет фрейм обсуждения новостей, так как приезд дам представлен как «хорошая новость». Языковая игра заключается в финальной реплике. Когда Ватсон спрашивает: «А какая не очень?», его вопрос логично продолжает тему новостей, подразумевая, что он хочет узнать о плохой новости. Однако Холмс отвечает: «Обе не очень», – тем самым меняя фрейм разговора: теперь под «не очень» понимаются не новости, а дамы. Здесь реализуется семантическая двусмысленность, так как выражение «не очень» в русском языке не имеет чётких числовых и родовых маркеров, что позволяет ему одновременно относиться как к единственному числу («новость не очень»), так и к множественному («дамы не очень»).

Языковая игра в данном меме основана на использовании грамматической неопределённости для создания семантической ловушки. Манипулируя мнимой прозрачностью языка, Холмс искусно переключает тему разговора, заставляя Ватсона и аудитории оставаться в логике первоначального обсуждения новостей. Это нарушение прагматической пресуппозиции вызывает когнитивный диссонанс, усиливая комический эффект.

Эти мемы ярко демонстрируют многообразие и творческий потенциал языковой игры в современной интернет-коммуникации. Используя такие языковые приёмы, как каламбуры, омонимы, окказионализмы, неологизмы, фонетические игры и семантическую двусмысленность, они не только достигают развлекательного эффекта, но и через полимодальность передают юмор, иронию и оценку актуальных социальных явлений, характерных для современной культуры.

Мемы уже стали неотъемлемой частью коммуникации в социальных сетях, адаптируясь к динамично меняющемуся информационному пространству. Данный феномен заслуживает дальнейшего изучения в рамках лингвистики и культурологии, поскольку мемы не только фиксируют современные тенденции медиакommunikации, но и демонстрируют уникальные возможности взаимодействия языка и визуального контекста в создании новых смыслов и культурных кодов. Их изучение позволяет глубже понять механизмы языковой адаптации и трансформации в условиях цифровой среды, а также выявить закономерности формирования коллективной идентичности в эпоху глобализации.

Литература

1. *Вешнякова А. В.* Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-aspekt-internet-memov> (дата обращения: 10.03.2025).
2. *Изгаршева Е. В.* Интернет-мем как медиатекст: лингвистический аспект / Е. В. Изгаршева // Современные исследования в лингвистике. 2020. № 2. С. 86–101.
3. *Канашина С. В.* Интернет-мем и юмор / С. В. Канашина // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. Т. 41, № 2. С. 317–328.
4. *Канашина С. В.* Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса / С. В. Канашина // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 74–80.
5. *Марченко Н. Г.* Интернет-мемы как «хранилище культурных кодов» сетевого сообщества / Н. Г. Марченко // Журнал социокультурных исследований. 2013. № 4. С. 113–115.
6. *Соколова Е. В.* Категория фрейма в когнитивной лингвистике / Е. В. Соколова // Когнитивные исследования языка. 2007. № 4. С. 236–238.
7. *Терентьева Е. В., Павлова Е. Б.* Семиотическая организация русскоязычных экологических интернет-мемов / Е. В. Терентьева, Е. Б. Павлова // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 9. С. 184–206.
8. *Шуйская И. В., Смирнова А. В., Кузьмина М. А.* Лингвистические особенности текстовой составляющей креолизованных интернет-мемов / И. В. Шуйская, А. В. Смирнова, М. А. Кузьмина // Вестник современного лингвистического исследования. 2021. № 5. С. 45–57.
9. *Щурина Ю. В., Шелопугина Н. А.* Интернет-мем: проблема семиотического статуса / Ю. В. Щурина, Н. А. Шелопугина // Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 157–162.

Ду Шуи

(Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЛИРИЧЕСКОГО ГОЛОСА В ПОЭЗИИ ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ

Настоящее исследование посвящено проблемам сохранения лирического голоса Вероники Тушновой в англоязычных переводах. Анализ «Не отрекаются любя» выявляет переводческие стратегии и компромиссы, обусловленные языковыми и культурными различиями, а также пониманием внутреннего мира автора.

Ключевые слова: Вероника Тушнова, внутренний мир, перевод, поэзия, лирический голос, лирика.

THE PROBLEMS OF CONVEYING LYRICAL VOICE IN VERONIKA TUSHNOVA'S POETRY IN ENGLISH TRANSLATIONS

This research is dedicated to the problems of preserving Veronika Tushnova's lyrical voice in English translations. The analysis of "Those Loving Don't Renounce" reveals translation strategies and compromises conditioned by linguistic and cultural differences, as well as an understanding of the author's inner world.

Keywords: Veronika Tushnova, inner world, translation, poetry, lyrical voice, lyrics.

В поэзии Вероники Тушновой, одного из ярких представителей русской литературы XX века, проявляется не только глубокий лиризм, но и особая эмоциональная палитра, охватывающая широкий спектр чувств – от нежной грусти до безысходного отчаяния, от робкой надежды до безграничной веры. Чтобы адекватно передать этот сложный эмоциональный спектр в англоязычных переводах, переводчик сталкивается с задачей, требующей не только мастерства в языке, но и глубокого понимания внутреннего мира автора. Целью данного исследования является выявление трудностей, связанных с передачей лирического голоса Вероники Тушновой в англоязычной среде. Для достижения этой цели будет проведён детальный анализ стихотворения «Не отрекаются любя» и двух его англоязычных переводов, что позволит выявить основные переводческие стратегии и компромиссы.

В поэтическом искусстве понятие «голос» выходит далеко за рамки простого звучания слов. Как отмечает Т. С. Элиот, в поэзии можно выделить три основных голоса: голос поэта, говорящего только с собой; голос поэта, обращающегося к аудитории; и голос поэта, создающего драматический образ [5]. Эта триада подчеркивает многогранность поэтического самовыражения, от интимных размышлений до масштабных обращений к обществу. Лирика же, как один из основных родов поэзии, предоставляет наиболее широкие возможности для выражения этого голоса, делая акцент на субъективном переживании и эмоциональной окраске. Лирика, по своей природе, стремится к наиболее полному раскрытию внутреннего мира поэта, поэтому именно в лирических произведениях «голос» автора звучит особенно отчетливо и интимно [Волошин, 2016:14].

Современная российская поэзия все чаще исследует «лирику внутреннего голоса» [Мескин, Зинурова, 2017: 72], углубляясь в переживания и размышления лирического героя, запечатлевая движение его души. Это приводит к повышенной интонационной выразительности и созданию уникального эмоционального пространства. В контексте творчества конкретного автора, например, Вероники Тушновой, мы можем говорить о лирическом голосе в поэзии как об индивидуальном проявлении «внутреннего голоса», сформированном под влиянием жизненного опыта, мировоззрения и личного стиля.

Лирический голос – это совокупность всех характерных черт ее поэзии, которые делают ее узнаваемой: это особая интонация искренности и доверительности, это способность говорить о сложных вещах простым языком, это преобладание определенных тем и мотивов. Именно этот лирический голос, с его неповторимой эмоциональной окраской, представляет наибольшую сложность при переводе на другой язык.

Для понимания трудностей перевода необходимо определить, что же составляет уникальный лирический голос Тушновой. Ее стиль характеризуется несколькими ключевыми чертами: глубокое чувство интимности, эмоциональная уязвимость, прямота выражения и трогательная простота, за которой скрывается глубокое понимание человеческих отношений [Финк, 2012: 8]. Ее язык доступен, но вместе с тем выразителен, используя повседневную лексику для создания мощных и легко узнаваемых образов. Стихотворение «Не отрекаются любя» служит ярким примером для анализа. Его эмоциональная насыщен-

ность, внутренний конфликт и изысканная лексика могут быть непрос-
то переданы на английский язык.

Рассмотрим два приведённых перевода и их основные различия.

Оригинальный текст [6]	Перевод 1 [1]	Перевод 2 [2]
«Не отрекаются любя. Ведь жизнь кончается не завтра.»	<i>“Those loving someone don’t disown, For life won’t end tomorrow morning.”</i>	<i>“By loving, we do not renounce, since not tomorrow the life will end.”</i>

При переводе этой строки лирический голос Тушновой, характери-
зующийся искренностью, простотой и уверенностью в любви, частич-
но теряется. В переводе 1 слово “disown” звучит формальнее, а фраза
о завтрашнем дне – менее оптимистично. В переводе 2 из-за сложного
синтаксиса страдает легкость и естественность, что снижает эмоцио-
нальное воздействие и отдаляет от авторской интонации.

Оригинальный текст [6]	Перевод 1 [1]	Перевод 2 [2]
«не согревали мы друг друга»	<i>“We haven’t warmed each other’s shelter”</i>	<i>“of love doesn’t warm both our hearts”</i>

«Согреть» подразумевает не только физическую, но и эмоцио-
нальную близость в русском языке. Первый перевод, используя слово
“shelter”, привносит оттенок отстраненности и материальности, теряя
эмоциональную теплоту оригинала. Второй же, хотя и сохраняет связь
с теплом сердца (“hearts”), перефразирует высказывание, делая его ме-
нее прямым и личным. В обоих случаях страдает непосредственность
и интимность лирического голоса Тушновой.

Оригинальный текст [6]	Перевод 1 [1]	Перевод 2 [2]
«Что переждать не смо- жешь ты Трех человек у автома- та. »	<i>“Three-person long, the phone booth line Will seem too much for your enduring”</i>	<i>“that, trying to make me a call, you can’t wait for three men near a phone.”</i>

Стихотворение содержит ряд культурных реалий и аллюзий, кото-
рые могут быть непонятны англоязычной аудитории. Одним из таких

элементов является образ «автомата» (телефонной будки). Очереди к автоматам были обычным явлением, и ожидание в этой очереди становилось символом надежды и тоски. В переводе 1 сохраняется фактическое содержание оригинала, но интонация может показаться более формальной и менее личной. Здесь нет выраженной эмоциональной окраски. В переводе 2 чувствуется больше близости к лирическому голосу. Он передает личное обращение, создавая атмосферу сопереживания. И использует более простой и понятный язык, что соответствует идеалам лирического голоса о возможности говорить о сложных вещах простым языком.

Оригинальный текст [6]	Перевод 1 [1]	Перевод 2 [2]
«И будет, как назло, ползти Трамвай, метро, не знаю, что там...»	“Damn time will crawl much like a snail No matter what – the tram, the railway ...”	“Unfortunately, so long a bus and metro will make their way.”

Перевод 1 использует больше творческой свободы, заменяя «*трамвай, метро, не знаю, что там*» на “*the tram, the railway*”. Эта стратегия направлена на сохранение аллитерации оригинала, предлагая при этом образы, понятные англоязычной аудитории. Добавление “*Damn time will crawl much like a snail*” также придает переводу характера. Второй перевод более буквален. «*Так долго ползти трамвай, метро*» становится “*so long a bus and metro will make their way*”, что весьма отличается от эмоциональной нагрузки и звучания оригинала. В данном случае происходит не только потеря ритма, но и смещение акцента на самих персонажах.

Таким образом, анализ переводов стихотворения «Не отрекаются любя» отчетливо демонстрирует сложность сохранения лирического голоса Вероники Тушновой в англоязычной среде. Помимо неизбежных лингвистических и культурных различий, субъективная интерпретация переводчика оказывает значительное влияние на окончательный результат. Передача как содержания, так и формы требует от переводчика не только безупречного языкового мастерства, но и глубокой эмпатии к внутреннему миру автора. Сопоставление различных переводческих стратегий выявляет, насколько сильно они могут изменять восприятие произведения и, к сожалению, приглушать его

магию и лиризм. Успешный перевод лирики Тушновой должен стремиться не просто к точному воспроизведению текста, но и к созданию эффекта, сопоставимого с оригиналом, способного вызвать у читателя схожие чувства и переживания. Это требует от переводчика глубокого проникновения в авторский замысел и поиска эквивалентов, передающих не только смысл, но и эмоциональный отклик.

Литература

1. Тушнова В. Не отрекаются любя English // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2013/01/02/1118> (дата обращения: 02.01.2013).
2. Тушнова В. Не отрекаются любя – English // Помидор. URL: <http://pomidor.com/q/16896> (дата обращения: 23.04.2015).
3. Волошин М. А. Голоса поэтов // Очерки и статьи, опубликованные в 1917–1927. – 2016. – С. 13–21.
4. Мескин В. А., Зинурова Е. С. Лирика «Внутреннего голоса» в современной российской поэзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – М.: Российский университет дружбы народов, 2017. – С. 69–77.
5. Три голоса поэзии (Томас Элиот) // Литературный клуб «Омилия». URL: <https://omiliya.org/article/tri-golosa-poezii-tomas-eliot> (дата обращения: 08.09.2013).
6. Тушнова В. М. Не отрекаются любя [Текст]: [стихотворения, переводы] / Вероника Тушнова. – Москва: Эксмо. – 2012. – 477 с.
7. Финк А. А. Любовная лирика Вероники Тушновой. – 2012. – 26 с.

УДК 81'33

Д. С. Дудкова

(Казанский национальный исследовательский технический университет-КАИ им. А. Н. Туполева)

ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЕ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СЦЕНИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЭТНИЧЕСКОМ СТЕНД-АП ДИСКУРСЕ

Объектом исследования является англоязычный этнический стенд-ап дискурс комиков азиатского происхождения перед зрителями, представителями этнического большинства в выбранном сообществе. В статье рас-

смаатриваются транслингвальные и паралингвистические средства (переключение языковых кодов, языковая стилизация и отыгрыши) и причины их применения стенд-ап комиками.

Ключевые слова: стенд-ап, стенд-ап дискурс, этнический юмор, паралингвистические средства, транслингвальность, коммуникативные стратегии.

PERFORMING NATIONAL IDENTITY AND CREATING ON-STAGE PERSONAE THROUGH TRANSLINGUISTIC AND PARALINGUISTIC TOOLS IN ETHNIC STAND-UP COMEDY

The research focuses on the workings of English ethnic stand-up discourse of Asian comedians aimed at the audience representing national majority of the community. The aim of the research is to pin down translingual and paralinguistic tools (code-switching, linguistic stylization and act-outs) wielded by the comics and examine the rationale behind their use.

Keywords: stand-up, stand-up discourse, ethnic humour, paralinguistic tools, translanguaging, communicative strategies.

Стенд-ап комедия – это не только популярная сегодня развлекательная дискурсивная практика, но также и сценическое искусство. Паралингвистические средства, к которым обращаются комики во время своих выступлений, призваны помочь им завладеть вниманием зрителя и усилить комизм описываемых ситуаций. Согласно определению Т. М. Николаевой, паралингвистические средства (фонетические, кинетические и графические) представляют собой неязыковые средства, сопровождающие языковые средства в ходе коммуникативного акта [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]. В стенд-ап комедии существует понятие «отыгрыша» (заимствованное из театральной среды), означающее эскиз, разыгрываемый комиком с использованием жестов, телодвижений, изменения голоса с целью изобразить персонажа(ей) описываемой им истории. В своей работе, посвященной изучению взаимодействия комиков и зрительного зала, в главе “Voice as a prop”, Дж. Раттер отмечает, что использование фонетических средств является важным инструментом комиков при создании и смене ими сценических персонажей [Rutter, 1997: 235-236].

В основе стенд-ап комедии как жанра сторителлинга лежат аутентичность и умение поделиться узнаваемыми историями, с которыми зритель сможет выстроить личные ассоциации. Национальность ко-

мика, его культурное наследие и взгляды, равно как и взгляды и установки зрителя, играют большую роль при создании им его сценического образа и персонажей. М. КонстантINESКУ использует термин “identity investment” («облачение в идентичность»), чтобы описать позиционирование комика себя в зависимости от образа, который он пытается создать, и этнических стереотипов, с которыми его соотносят зрители [Constantinescu, 2023: 69]. А. Линдфорс отмечает, что диалектичная природа стенд-апа выражается в балансировании между индивидуальным и типичным, и что сценический персонаж комика является «перекрестком» между его индивидуальностью и характерными чертами, в которых зритель сможет распознать конкретного персонажа [Lindfors, 2019: 71]. Существует значительный ряд исследований, посвященных проблемам национальной и культурной идентичности, проблемам расизма и этнических стереотипов в стенд-ап дискурсе (S. Weaver, M. Pauwels, Z. M. Zimbardo и др.). Переключение языковых ходов в рамках стенд-ап выступлений также освещалось несколькими исследователями. Например, Л. Аранда, рассматривая большой сольный концерт латиноамериканского комика Габриэла Иглесиаса, выделяет следующие причины перехода комика на испанский язык – 1) использование комика испанских слов в качестве эвфемизма; 2) для цитирования других испаноговорящих персонажей; 3) для выражения своей культурной идентичности (подразумевается дублирование английских слов или фраз на испанский/португальский) [Aranda, 2014: 82]. С. Вигуру, анализируя один из стенд-ап концертов группы комиков The Jamel Comedy Club отмечает, что смешение языков, использование английского, изредка арабского, и разных регистров французского языка комиками, представителями второго поколения иммигрантов, проживающих в неблагополучных районах Парижа, является способом молодых людей заявить о своем поликультурном наследии, показать, что вразрез с официальной политической государства, в стране существует много сообществ национальных меньшинств, помнящих о своей культуре [Vigouroux, 2015: 245–253].

Материалы и методы. В данном исследовании мы не ставили целью рассмотреть особенности функционирования национальных или этнических стереотипов в шутках артистов. Мы полагаем, что для комиков, рассказывающих шутки на этнические темы, использование паралингвистических и транслингвальных средств имеет такое же стратегическое значение, как и структурно-семантическое постро-

ение шуток, и является важным инструментом транслирования коммуникативных интенций артиста в речевой ситуации стенд-ап выступления. Предмет данного исследования составили транслингвальные и паралингвистические средства, которыми азиатские комики сопровождают свои шутки этнической тематики, а именно: переключение языковых кодов, языковая стилизация и отыгрыши. Целью исследования было выявить используемые средства, а также определить, для чего то или иное средство используют азиатские комики в своих выступлениях перед преимущественно «белой» аудиторией. Материалом послужили записи англоязычных стенд-ап выступлений перед западным зрителем азиатских комиков разных возрастов, носителей разного культурного наследия, сохраняющих связь со своей национальной культурой. Отобрав шутки, содержащие этнический компонент, мы сократили полученную выборку, отобрав те, что удовлетворяли условию наличия интересующих нас транслингвальных и паралингвальных средств, после чего, данная выборка была транскрибирована и более детально проанализирована, чтобы классифицировать причины использования вышеупомянутых средств.

Транслингвальные переходы. Так как почти никто из зрителей не владеет национальным языком комиков, фразы и высказывания на данном языке, на наш взгляд, не несут строгой семантической нагрузки для зрительного зала, и воспринимаются им как элемент игры, своеобразным вербальным реквизитом, к которому комик обращается для создания своей сценической персоны, типизированного Азиата, в отношении культуры которого у зрителей имеется определенный багаж знаний и фреймов. Эксплуатируя данный набор во многом стереотипных установок, активизируемых, в том числе, через паралингвистические средства, комик легко погружает зрителя в контекст, необходимый для функционирования его шуток. Анализ отобранных шуток показал, что слова или фразы, произносимые комиками на китайском/японском языках, всегда сопровождалась их переводом на английский язык, и составляли комическое противоречие рассматриваемых шуток. Перевод фраз на английский язык сталкивает два фрейма в сознании зрителя, первый, как правило, относительно этнической идентичности комика, а второй соотносится с «неазиатской» реальностью, знакомой зрителю любой национальности. Например, в одном из своих выступлений, комик Фуми Абе сетует, что, так как он проживает в Америке, и у него мало практики, его

разговорный японский весьма формален. Произнося фразу на японском, и предоставляя её английский перевод, комик вызывает смех в зрительном зале, так как из перевода понятно, что фраза не подходит для описываемой интимной ситуации, и сбивает партнерш комика с толку.

Языковая стилизация. К данному типу речевых ходов мы отнесли различные способы придания персонажам отыгрышей «азиатских» черт, в соответствии со стереотипными представлениями зрителей: имитация определенного азиатского акцента, ошибки в грамматике, нетипичное для английского языка построение пропозиций, использование своеобразных междометий, модуляцию тембра и т. п. Как правило, к данным средствам комики прибегают для изображения старших членов семьи, представителей первого поколения иммигрантов, чаще использующих свой родной язык в повседневном общении; реже, для изображения третьих лиц, также типизированных азиатов, или самого комика, когда тот играет роль иммигранта, плохо говорящего по-английски. Один из рассмотренных нами комиков, Найджел Нг, сделал подобную модуляцию основой своего сольного концерта: первую часть концерта он провел от лица своей «реальной» американизированной личности, а вторую от лица своего сценического персонажа, Дяди Рождера, азиата средних лет с «соответствующими» его персонажу стереотипными мнениями и акцентом. Использование данных средств позволяет комикам изменять модальность своих шуток и высказываемых мнений, потакая стереотипным знаниям зрителей о своей культуре, но при этом лично абстрагируя от них свою персону.

Отыгрыши. Как уже отмечалось нами ранее, успех стенд-ап выступления во многом зависит от умения комика подать шутки, разыгрывать их перед зрителем. Изображая того или иного персонажа или рассказывая колоритную историю о своем культурном опыте, и желая придать им реалистичности, буквально олицетворить их образ перед аудиторией, комики часто сопровождают свои рассказы лицедействами. Например, рассказывая шутки о жителях своего района, занимающихся традиционной китайской гимнастикой, тай-чи, уроженец Гонконга Джимми О. Янг продемонстрировал несколько упражнений публике. Как и в случае с другими паралингвистическими средствами, данные не поддаются какой-либо строгой систематизации, так как каждый комик обладает разными актерскими способностями, видением персонажа и ситуации.

Результаты анализа позволяют сделать выводы об активном использовании транслингвальных и паралингвальных средств как инструментов создания этнически ярких персонажей на стенд-ап сцене. Все рассмотренные средства применялись комиками в качестве усилителей комического, выбранных из расчета на стереотипные установки зрителей. Паралингвальные средства позволяют сделать образ более ярким, персонажей более узнаваемыми, соответствующими ожиданиям зрителя, а оттого более близкими ему. Кроме того, стоит отметить, что в отличие от результатов исследований, рассматривавших транслингвальный дискурс комиков других этносов, транслингвальные средства, используемые азиатскими комиками, всегда сопровождались переводом, и служили панчлайном шуток, что говорит о структурообразующем характере данных средств в дискурсе рассматриваемых комиков.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
2. Aranda L. The Use of Code-switching in Stand-up Comedy / Aranda L. // Israeli Journal for Humor Research, 2014. – № 6. – P. 71–86.
3. Constantinescu M. V. Identity Investment in Stand-up Comedy and Online Sketches / M. V. Constantinescu // The European Journal of Humour Research. 2023. – 11 (2). – P. 68–87. <https://doi.org/10.7592/EJHR.2023.11.2.802>
4. Lindfors A. Intimately Allegorical: The Poetics of Self-Mediation in Stand-Up Comedy (Doctoral Dissertation) / A. Lindfors. – Helsinki: University of Turku, 2019. 120 p.
5. Rutter J. Stand-up as Interaction: Performance and Audience in Comedy Venues (Thesis) / J. Rutter. – University of Salford, 1997. 400 p.
6. Vigouroux C. B. Genre, Heteroglossic Performances, and New Identity: Stand-up Comedy in Modern French Society / C. B. Vigouroux // Language in Society, 2015. – 44 (02). – P. 243–272. doi:10.1017/s0047404515000068

А. Д. Ефименко

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Настоящая работа посвящена проблеме переводимости художественных текстов, акцентируется внимание на трудностях, связанных с безэквивалентной лексикой. Обсуждаются два основных подхода к переводу: буквальный, предполагающий близкое соответствие тексту оригинала, и вольный, ориентированный на передачу основного замысла без строгого соблюдения структуры; также особое внимание уделяется преодолению трудностей, возникающих в процессе перевода.

Ключевые слова: перевод, художественный текст, вольный перевод, буквальный перевод, теория непереводимости.

DIFFICULTIES IN LEARNING TO TRANSLATE NON-EQUIVALENT VOCABULARY IN ARTISTIC DISCOURSE

The article is devoted to the problem of translatability of literary texts, focusing on the difficulties associated with non-equivalent vocabulary. Two main approaches to translation are discussed: the literal one, which assumes close correspondence to the original text, and the free one, which focuses on conveying the main idea without strict adherence to the structure; special attention is also paid to overcoming difficulties encountered in the translation process.

Keywords: translation, literary text, free translation, literal translation, theory of untranslatability.

Профессиональное обучение будущих переводчиков всегда предполагает тщательное изучение истории, культуры, традиций и обычаев страны изучаемого языка, что невозможно без активизации их познавательной деятельности. В этой связи особую актуальность представляет изучение безэквивалентной иноязычной лексики, перевод которой всегда предполагает определенные трудности. В сфере перевода специалист может столкнуться с рядом сложностей, которые непосредственно касаются процесса перевода различных по тематике, жанру и стилю текстов. Поэтому возникает необходимость не толь-

ко в лингвистической «подкованности» переводчика, но и в умении идентифицировать и находить путь решения той или иной возникшей трудности. С проблемами могут столкнуться не только начинающие специалисты в области перевода, но и опытные переводчики – нередко встречаются тексты с несистематизированными исходными данными, сложной терминологией, а также и лексическими единицами, которые трудно перевести без потери изначального смысла. Чтобы достичь высокого уровня подготовки, как справедливо указывает Дж. Чой [Чой, 2005: 3], переводчику необходимо обладать высоким «интеллектуальным любопытством», которое будет побуждать его исследовать различные области знаний, важные в профессиональной деятельности. При этом развитая мотивация к расширению тематических знаний должна сочетаться с широкой общей культурой переводчика, что поможет облегчить подготовку к переводу [Аликина, Швецова, 2011: 94]. В этой статье мы рассмотрим некоторые виды трудностей, с которыми может столкнуться переводчик.

Безэквивалентная лексика представляет собой единицы в тексте, которые при процессе перевода вызывают наибольшее количество вопросов, поскольку возникает закономерная сложность, заключающаяся в попытке перенести из исходного текста в переведённый смысл лексической единицы так, чтобы она не потеряла своего исконного значения. Существуют разные интерпретации термина «безэквивалентная лексика», в частности, лингвист Кохан Н. А под безэквивалентной лексикой понимает лексику, содержащую национально-культурный компонент в денотате, а именно национально-культурные семы, автономно или в различных комбинациях присутствующие в ее семантической структуре» [Кохан, 2007: 182]. Безэквивалентная лексика во многом является отображением самобытности культуры того или иного народа, и потому этот пласт лексических единиц может быть сложен для передачи на иностранный язык. Перевод и процесс перевода в данном случае представляется важным элементом, поскольку с его помощью происходит обмен культурным опытом, что немаловажно для формирования благоприятной среды с целью укрепления связей между теми или иными народами. Поэтому важно иметь представление и о том, как трансформировать и переводить единицы, которые не имеют эквивалента в языке перевода, а также идентифицировать и выявлять трудные случаи, чтобы знать, какие методы применять для того, чтобы эти трудности в процессе перевода преодолеть.

Как считают многие специалисты в области переводоведения, в процессе перевода именно художественного текста главной задачей является передача истинного смысла оригинального текста, заложенной в нём истории – в идеале переведённый текст должен оказывать на читателя такой же эффект, что и оригинальный. В своей сущности перевод текста может осуществляться двумя путями: первый вариант известен как «дословный» или «буквальный» перевод; то есть чем ближе текст перевода к тексту оригинала, тем лучше. Второй вариант – так называемый «вольный» перевод, целью которого является передача основного замысла изначального произведения без строгого соблюдения структуры оригинального текста. К сожалению, оба способа не являются идеальными: буквальный перевод не учитывает тот факт, что каждый язык уникален сам по себе, и многие особенности речевых оборотов нередко теряют свои изначальные, оригинальные свойства и смысл. Вольный перевод зачастую искажает факты, отражённые в оригинальном тексте, или допускает некоторые замены, что приводит к потере авторского замысла. Данные способы широко использовались и сменяли друг друга ещё со времен античности, однако, в конечном итоге переводчики пришли к мысли, что перевод художественного произведения – это невыполнимая задача. Концепция непереводаемости просуществовала примерно до XX века [Шерматова, 2012: 54], когда переводческая деятельность получила широкое распространение, что потребовало обобщения накопленного опыта и выявления определённых закономерностей в соотношении двух языков, а также разработки объективных принципов, которые могли бы служить опорой для переводчиков.

В. Н. Комиссаров определяет художественный перевод следующим образом: «Художественный перевод – вид переводческой деятельности, основная задача которого в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественное эстетическое воздействие» [Комиссаров, 1990: 12]. Подобная дефиниция позволяет предположить, что в рамках осуществления художественного перевода специалисту необходимо уйти от передачи максимально возможной смысловой точности с целью достижения художественности перевода.

Одной из основных проблем, которая может возникнуть при процессе перевода художественных текстов – проблема переводаемости. Весомые трудности в данном плане возникают из-за использования

в оригинальном тексте таких лексических единиц, которые обозначают объекты материальной культуры, быта, духовной культуры одного народа, отсутствующие у других народов. Значительная часть подобных единиц относится к группе безэквивалентной лексики. Если рассматривать русский язык, то подобными «непереводимыми» словами могут являться следующие варианты: «каша», борщ», «тоска», «шапка-ушанка». Чтобы перевести эти единицы на английский язык, необходимо прибегнуть к трансформациям, поскольку исконные слова отсутствуют в языке перевода. Помимо этого, существует проблема сохранения стилистики при переводе: художественный текст зачастую имеет уникальный стиль и тон, и неправильно подобранный способ перевода безэквивалентных единиц может привести к нарушению стиля, что ведет к частичной или полной потере художественной ценности текста. К некоторым лексическим единицам нужен особый подход, если речь идёт о художественном тексте, например, такие слова, как “*saudade*”, “*chrysalism*”, “*antsafa*”, “*Ikigai*” могут носить эмоциональную окраску, что немаловажно для художественных произведений, и неправильно выбранная стратегия перевода может привести к потере заложенной автором эмоциональной составляющей.

Обучение переводу безэквивалентной лексики в художественном тексте требует особого подхода, так как такие слова и выражения часто не имеют прямых аналогов в целевом языке. Важно начать с анализа контекста, в котором используется данная лексика, чтобы понять её значение и эмоциональную нагрузку. Студентам могут быть предложены практические упражнения, предполагающие поиск синонимов, описательных фраз или культурных аналогов, передающих тот же смысл. Также полезно использовать примеры из литературы, где безэквивалентная лексика играет ключевую роль, и обсуждать, как переводчики справлялись с этими вызовами. Важно развивать креативное мышление и способность адаптировать текст, сохраняя его оригинальный стиль и атмосферу, что поможет студентам стать более уверенными в работе с художественными произведениями.

Таким образом, перевод безэквивалентной лексики в художественном тексте представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую от переводчика не только глубоких языковых знаний, но и культурной осведомленности. Безэквивалентные лексические единицы, содержащие уникальные национально-культурные компоненты, отражают самобытность и особенности конкретной культуры,

что делает их трудными для передачи на иностранный язык. Важно понимать, что ни буквальный, ни вольный перевод не могут полностью решить проблему, так как каждый из них имеет свои ограничения и может привести к искажению оригинального смысла или утрате художественной ценности.

Современные переводчики должны стремиться к созданию текста, который сохраняет исконный смысл и эмоциональную нагрузку оригинала, одновременно учитывая культурные различия. Это требует применения различных стратегий и методов, а также способности находить компромиссы между точностью и художественной выразительностью. В конечном итоге, успешный перевод безэквивалентной лексики не только обогащает целевой язык, но и способствует обмену культурным опытом, укрепляя связи между народами, способствуя взаимопониманию между представителями разных культур.

Литература

1. *Choi J.* Qualite et preparation de l'interpretation. Evolution des modes de preparation et role de l'Internet [Электронный ресурс] / J. Choi. – 2005. – Режим доступа: <http://id.erudit.org/iderudit/019862ar> (дата обращения 10.11.24).
2. *Аликина Е. В., Швецова Ю. О.* Обучение будущих переводчиков методике предварительной подготовки к ситуации устного последовательного перевода // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-buduschih-perevodchikov-metodike-predvaritelnoy-podgotovki-k-situatsii-ustnogo-posledovatelno-go-perevoda> (дата обращения: 29.11.2024).
3. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) [Электронный ресурс]: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва: Высш. Шк., 1990. – 253 с.
4. *Коха Н. А.* К вопросу о процессе семантической ассимиляции лексики с национально-культурным компонентом // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4. – С. 181–185.
5. *Шерматова Ш. М.* Безэквивалентная лексика в теории перевода // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2012. № 5 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezekvivalentnaya-leksika-v-teorii-perevoda> (дата обращения: 26.11.2024).

Ф. Н. Ёзилова

(Национальный университет Узбекистана)

КЛЮЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ЭФФЕКТИВНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В этой статье рассматриваются основные элементы эффективного научного письма, которые подчеркивают важность ясности, связности и непротиворечивости. В ней утверждается, что автор в первую очередь отвечает за обеспечение удобочитаемости и логической последовательности, что позволяет читателям без особых усилий усваивать сложную информацию. Ключевые стратегии, такие как использование слов-связок, поддержание параллельной структуры и использование соответствующих сокращений, подчеркиваются как имеющие решающее значение для улучшения понимания. Кроме того, в статье подчеркивается важность последовательности в терминологии и необходимость четкой связи между идеями и параграфами. Применяя эти методы, исследователи могут повысить качество своих письменных работ и способствовать более эффективному изложению своих выводов.

Ключевые слова: научное письмо, ясность, связность, непротиворечивость, читабельность, сокращения, слова-связки, параллельная структура, исследовательская коммуникация.

KEY STRATEGIES FOR EFFECTIVE SCIENTIFIC COMMUNICATION

In this article the essential elements of effective scientific writing are studied, which emphasize the importance of clarity, cohesion, coherence, and consistency. It argues that the writer is primarily in charge of ensuring readability and logical flow, which can enable readers to grasp complex information effortlessly. Key strategies, such as using cohesive devices, maintaining parallel structure, and employing appropriate abbreviations, are stressed as critical for enhancing comprehension. Furthermore, the paper elaborates on the significance of consistency in terminology and the urge for clear linking between ideas and paragraphs. By implementing these techniques, researchers can improve the quality of their written discourse and facilitate better communication of their findings.

Keywords: scientific writing, clarity, cohesion, coherence, readability, abbreviations, cohesive devices, parallel structure, research communication.

Good flow in argumentation. Arthur Christiansen once said: “Good stories flow... A bad story? One that cannot be absorbed on the first time of reading”.

Some scholars believe there are languages, in which either the writer or the reader is responsible for the logical interpretation of the written message, and in English writing, it is, irrefutably, the writer who is in charge of the readability of the written discourse [Yozilova, Maksudova, 2023: 193], [Cargill, 2009: 51].

Thus, if one is describing the research and its results in English, following the requirements of scientific language, should bear in mind that the main incentive is to communicate their thoughts as clearly as possible as well as allow the reader to follow the flow of argumentation effortlessly. To ensure if the text meets the requirements of quality scientific writing, one has to question the readability of the text from the first effort.

Cohesion and coherence. Cohesion means when thoughts are logically interconnected within a text, so it provides straightforward elaboration for readers to comprehend easily. Linking ideas within sentences, sentences within a paragraph and paragraph within a text is carried out with the help of cohesive devices (or linking words and phrases), which play a huge role in demonstrating the reader how previously stated argument is related to the one which is being stated now, or what is going to be claimed next [Giba, 2014: 85]. Furthermore, in conclusion, likewise, so far and many others can serve as examples for such devices [Giba, 2014: 165]. Both excessive usage and misuse of such words and phrases are equally disapproved in scientific writing, which is often the case.

Also, there are many other ways to enhance cohesion such as using key words repeatedly, using determiners (e.g., this, that, etc.) to avoid excessive repetition, possessive adjectives (e.g., their, its, etc.), possessive pronouns (e.g., hers, theirs, etc.), relative pronouns (e.g., where, whose, which, etc.). Synonyms, hypernyms and hyponyms are another way of improving the text [Giba, 2014: 85].

Synonyms, the words sharing alike semantic properties, play a great role in keeping the readers interest in the written text. However, not all synonyms are interchangeable, with slight difference in use, in context. There are synonyms, giving distinct connotations or feelings, or some vary based on the areas where they are used [Phoocharoensil, 2020:1].

A hypernym is a broad term (e.g. animal), while hyponym is a more specific term (e.g. lion) that fall under it [Saparova, 2024: 288-289].

Different parts of speech can also be advantageous when implemented in paraphrasing, as a device used to avoid repetition. That is using an alternative grammar such as "... can be allocated = the allocation of ...". Furthermore, using cohesive nouns (e.g. discussion, phenomenon, question, solution, etc.) can give a type of word reference, aiding to connect the present and previously given text and condensing many words claimed into solely one word or phrase (e.g., the question raised earlier, the dilemma mentioned above, etc.) [Giba, 2014: 85].

Coherence in writing. Sometimes texts, that are cohesive, might suffer from poor coherence. In a coherently developed text, every paragraph concentrates on one particular theme and all sentences in paragraphs develop that theme, meaning each unit of the text is related to that particular theme. The central idea should unite the whole text, which is supported by each paragraph within it.

To achieve coherence in writing each introduced thought in a paragraph should connect smoothly with the thoughts from the previous one. Unless there is a clear connection between the paragraphs, the newly-presented unfitting idea should be replaced elsewhere or fully extracted from the text.

The connections between paragraphs should be clear, showing how they relate to each other. One of the most preferable ways to connect paragraphs is to use key phrases, from the preceding paragraph [Giba, 2014: 86].

The principle of "Familiar-before-new". At the start, it is recommended to provide data that is expected to be known by the reader, meaning information which might already be read, heard or seen. After having given a well-known piece of information, which sets a stage for better comprehension through preparing the reader to what comes next, present the new knowledge. This manner of argumentation, also, boosts cohesion, as it requires the writer mention data provided previously to link arguments [Giba, 2014: 87].

Parallel structure. The human brain prefers symmetry when intaking information, which means when presenting arguments, it is better to take into consideration that the human brain shapes expectations when reading. Parallel constructions help the writer to address those expectations, ensuring the flow of information in a more structured manner.

It is much more effortless to enhance smooth reading and full comprehension by displaying information as words, phrases, sentences and paragraphs in similar patterns [Giba, 2014: 89].

Consistency in terminology. At times, a theory can be described by more than one word or expression. Commonly, similar terms point to ideas that are related but slightly different. When you have multiple terms for a concept, it's important to pick one and use it consistently throughout your script, including the title, abstract, body, tables, and figures. If the terms are closely related, make sure not to use them interchangeably as if they carry the same semantic properties [Giba, 2014: 92].

Abbreviations. Abbreviations are a unit of three or above words whose components are combined together to stand for one term [Aliyeva, 2024: 37]. The abbreviation shortens the material structure of linguistic units, which helps information flow more smoothly. In other words, an abbreviation is a shorter version of a word or a group of words [Salomova, 2022: 391]. For example, here are some well-known terms in (ELT) English language teaching: AE/AmE < American English; BBC English < English of British Broadcasting Corporation; BE/BrE < British English; ELF < English as a Lingua Franca; RP < Received Pronunciation (the standard form of British English pronunciation, based on educated speech in southern England) [Aliyeva, 2024: 38]; IELTS < International English Language Testing System; NATO < North Atlantic Treaty Organization; UNESCO < United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization; a.m. < (from Latin “ante meridiem”), before noon; e.g. < (from Latin “exempli gratia”), for example; HAC < Higher Attestation Commission; STC < State Testing Center; MIA < Ministry of Internal Affairs [Salomova, 2022: 392]; NAFTA < North American Free Trade Agreement; NATO < North Atlantic Treaty Organization; UNICEF < United Nations International Children's Emergency Fund; UFO < Unidentified Flying Object [Navruzova, Akhmadova, 2024: 149]; UzNU < Uzbekistan National University; UAE < the United Arab Emirates; FIFA < (from French “Federation Internationale de Football Association”), International Federation of Association Football [Fattoeva, 2021: 481].

One of the main advantages of using abbreviations is that they make both written and spoken language simpler. By swapping long words for shorter ones, abbreviations allow us to share information more quickly and clearly. This is especially convenient in situations where being concise is necessary, particularly, in text messages, emails, or social media posts, where there might be limits on how many characters one is allowed to use.

Abbreviations are also paramount in specific areas. For instance, in medicine, law, and technology, where complicated words and technical

terms are often used, abbreviations help professionals interact more easily and accurately with each other. Terms such as MRI (magnetic resonance imaging) in medicine or HTML (hypertext markup language) in technology give a quick and consistent way to communicate complicated ideas [Navruzova, Akhmadova, 2024: 150].

In academic papers, scholars often use abbreviations to reduce the word repetition. There are different types of abbreviations, including acronyms, shorthand, contractions, fragments, and letter symbols [Iriyansah, Syahyuri, Harared, 2023: 128].

Abbreviations are likely to aid in keeping one's writing within word limits. Though, the text might become harder to understand. If readers do not easily grasp what an abbreviation stands for, it can interrupt the flow of knowledge intake. This might cause readers to think about its meaning, look for its definition in the text, or simply ignore it. Because of this, you need to be cautious of how to abbreviate. Ideally, you should stick to abbreviations that are more familiar than the full terms they stand for (e.g., DNA). Nevertheless, it should be noted that many common abbreviations can have different meanings in different fields and even within the same field [Giba, 2014: 94].

Many journals ask scholarly authors for explanation of all abbreviated terms the first time they use them. However, this can be ineffective in a lengthy article where the abbreviation is defined in the introduction but isn't mentioned again until later in the discussion. Some journals also might require the author to include a list of all abbreviations used in the text. This list can be helpful, provided that readers take the time to print it out and have it available while reading the article.

Consistency is the key when using abbreviations. It is highly important to use the same abbreviations throughout the entire document, in all sections.

It should be noted that whether to use the indefinite article "a" or "an" depends on how the word sounds. For abbreviations that are pronounced letter-by-letter, the way the letter is pronounced, determines which article to use. For example, it is accepted to say "a Master of Science" but "an MSc"; "a magnetic resonance scanner" but "an MR scanner" [Giba, 2014: 95].

On the whole, for writing to be a well-written publication, there are many aspects to take into consideration, among which clarity should be a prime priority. Mastering coherence and cohesion is, also, paramount which influence flow and comprehension.

Литература

1. Aliyeva A. E. Abbreviation of language/linguistics and language skill terminology for the English language teaching (ELT). Science and Innovation International Scientific Journal, 2024, 3(5), 37-41, p. 37-38. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11351944>
2. Cargill M., & O'Connor P. Writing scientific research articles: Strategy and steps. John Wiley & Sons Ltd. 2009, p. 51.
3. Fattoeva Z. R. Shortened words or abbreviation similarity and differences. Academicia Globe, 2021. 2(05), 480–484, p. 481. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11351944>
4. Giba J. Developing skills in scientific writing. The Esteve Foundation Notebooks, 2014, 29, p. 85–87, 89, 92, 94-95, 165.
5. Iriyansah M. R., Syahyuri & Harared N. An analysis of abbreviation on the university students' speech. SCOPE: Journal of English Language Teaching, 2023, 8(1), 127–131, p.128.
6. Navruzova N. K., & Akhmadova S. A. The role and impact of abbreviations in language communication. Bukhara State University, 2024, p. 149-150.
7. Phoocharoensil S. A corpus-based study of English synonyms. International Journal of Arts and Sciences, 2010, 3(10), 227–245, p. 1. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11351944>
8. Salomova G. A. The features of learning abbreviations in linguistics. In International Conference on Developments in Education, Sciences and Humanities. Hamburg, Germany, 2022, p. 391-392.
9. Saparova M. F. The usage of hierarchical concepts (hypernym and hyponym) in Uzbek thesaurus dictionaries. Miasto Przyszłości, 2024. 46, p. 288-289. ISSN-L: 2544-980X.
10. Yozilova F. N., & Maksudova K. F. The role of culture in writing development. Innovative Development in Educational Activities, 2023. 2 (20), p. 193. <http://sjifactor.com/passport.php?id=22323>

Д. К. Жосан

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

ЗАИМСТВОВАНИЯ: УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

В данной статье рассматривается проблема заимствования англицизмов в русскую речь, а также их влияние на лексическую систему языка. Проанализированы основные причины проникновения английских заимствований, их классификация и роль в современных масс-медиа и устной речи студентов Приднестровского университета. Особое внимание уделено разграничению оправданных и неоправданных заимствований, а также их положительным и отрицательным последствиям для русского языка. В статье приводятся примеры англицизмов, наиболее часто встречающихся в различных сферах коммуникации.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, русский язык, масс-медиа, устная речь, лексическая система.

BORROWINGS: DESTRUCTION OR DEVELOPMENT OF LANGUAGE

This article examines the issue of borrowing Anglicisms into Russian speech and their impact on lexical system of the language. The main reasons of English borrowings are examined: their classification, their role in modern mass media and spoken language of Pridnestrovian University students. Special attention is paid to distinguishing between justified and unjustified borrowings, as well as their positive and negative consequences for Russian language. The article provides examples of Anglicisms most commonly found in various spheres of communication.

Keywords: Anglicisms, borrowings, Russian language, mass media, spoken language, lexical system.

Иностранные слова и выражения все чаще слышны в русской речи. Русскоязычные носители заменяют слова на англицизмы, употребление которых иногда не могут быть объяснены по объективным причинам. Лингвисты считают, что с одной стороны употребление заимствованных слов обогащает нашу речь, а с другой стороны, русский язык утрачивает свое лексическое богатство.

Цель работы: исследовать приднестровские источники масс-медиа, а также устную речь студентов Приднестровского университета, частоту употребления англицизмов в устной речи студентов.

Научная новизна: исследование направлено на изучение причин заимствования, а также частоту использования англицизмов в русской речи.

Заимствование иностранных слов – процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент. Заимствования становятся результатом контактов, взаимоотношений народов, профессиональных сообществ, государств [3].

Следует отметить, англицизм – это заимствование слов из английского языка в какой-либо другой язык, а заимствование, в свою очередь – процесс полного или частичного копирования слова из одного языка в другой.

Опираясь на лингво-исторические источники, констатируется, что англицизмы начали проникать в русский язык на рубеже XVIII–XIX веков. Значительный приток английских слов начался в XX в. В 90-х годах в сферу спорта и компьютерных технологий, так как в когнитивной базе языка-рецептора отсутствовали соответствующие понятия (тайм-аут, офсайд, сканер, принтер, плоттер и т. д.).

Л. И. Тавабилов считает, что заимствования с точки зрения языка-реципиента делятся на оправданные и неоправданные.

Оправданные заимствования означают те понятия, которых раньше не существовало. Оправданные заимствования чаще встречаются в медицине, науке и технике (компьютер, телефон, сканер, принтер).

Неоправданные заимствования – это синоним того или иного понятия, которое уже существует в языке-реципиенте. Л. И. Тавабилов считает, что неоправданные заимствования обогащают язык синонимами (паркинг, дайвинг, лингвистика, рефрижератор) [2].

Для более полной характеристики следует рассмотреть виды заимствований:

1) *интернационализмы* – слова латинского и греческого происхождения, часто употребляемые во многих языках мира: форум, манускрипт, инфекция;

2) *варваризмы* – слова, не полностью усвоенные заимствующим языком, чаще связанные с грамматическими трудностями: ник, юзер, ремейк;

3) *экзотизмы* – слова, заимствованные из малоизвестных языков, которые используются для колорита речи: вигвам, юрта, манга, модерн;

4) *кальки* – слова, созданные по образцу иностранного языка, но из элементов родного языка: небоскреб, фэйк, баг, ток-шоу;

5) *семантическое калькирование* – исконное слово получает новое значение под влиянием иностранного: шоковая терапия;

6) *гибриды* – англицизмы, к которым добавлены русские приставки, суффиксы или окончания: загуглить, коммуникативный;

7) *профессионализмы* – заимствования для узкой профессиональной сферы: тимбилдинг, дедлайн, копирайтинг [3].

Многочисленные лингвистические исследования показали, что у заимствований есть положительные и отрицательные стороны.

К положительным сторонам можно отнести:

1) расширение словаря: заимствования обогащают язык новыми словами и фразами. Язык адаптируется к социокультурным изменениям в обществе и мире;

2) передача новых концептов и понятий;

3) интернациональные коммуникативные связи.

4) Изученные материалы по вопросу позволили выявить отрицательные стороны заимствований:

5) угроза лингвокультурологического аспекта: частое заимствование приводит к вытеснению национального языка и культуры;

6) нестабильность и недостаточность перевода – отсутствие адекватного и точного перевода слова;

7) потеря историко-культурной ценности: заимствования приводят к потере уникальных слов.

Весомую лепту заимствований внесли известные русские писатели и поэты, которые увлекались переводом литературных произведений: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. А. Фет и др. 30 романов В. Скотта, 6 романов Ф. Купера были переведены на русский язык к середине XIX века, что сказалось на лексическом составе русского языка. В основном начали заимствовать слова, связанные с судостроением и кораблестроением: катер, мичман.

Исследуя приднестровское масс-медийное пространство, можно сделать выводы, что англицизмы широко используются в речи телеведущих и корреспондентов. Наиболее распространенными примерами

могут служить: паркинг, фудкорт, молл, онлайн, дедлайн, пост, репост, селфи, маркетинг, бот, лайфхак, генератор, голкипер, вайб и др.

В ходе работы с предложенными материалами, англицизмы, широко применяемые в русской речи, можно распределить по категориям:

– одежда и мода (цвета):

англицизм	русский эквивалент
айвори	цвет слоновой кости
клатч	маленькая дамская сумочка
лонгслив	футболка с длинными рукавами
худи	толстовка с капюшоном
шузы	сленговое название обуви

– еда и блюда:

англицизм	русский эквивалент
джем	варенье желеобразной консистенции
крекер	хрустящее ломкое печенье
панкейк	американский вариант русских блинчиков
ростбиф	говяжье мясо, приготовленное на гриле
хот-дог	горячий бутерброд с сосиской

– деловое партнерство:

англицизм	русский эквивалент
бренд	известная марка
дефолт	неплатеж, недостаток
диверсификация	разнообразие
лизинг	сдача в аренду
менеджмент	управление

– спорт:

англицизм	русский эквивалент
баскетбол, футбол, гандбол, волейбол	виды спорта с мячом
скуба-дайвинг	подводное ныряние с аквалангом
допинг	запрещенные медикаменты для спортсменов
фитнес	физические упражнения для достижения хорошей формы
форвард	нападающий

– *IT-сфера:*

англицизм	русский эквивалент
геймер	человек, увлекающийся компьютерными играми
драйвер	программа, запускающая аппаратное оборудование
ноутбук	портативны компьютер
юзер	пользователь
трафик	объём данных, проходящих через сервер

– *бытовая сфера:*

англицизм	русский эквивалент
блокбастер	популярный фильм
блендер	прибор для измельчения продуктов
бойлер	прибор для нагрева воды
кроссворд	головоломка
ремейк	обновленная версия старого товара

Для дальнейшего хода анализа вопроса студентам ПГУ им. Т. Г. Шевченко ФТИ СПО им. Ю. А. Гагарина была предложена анкета, состоящая из 5-ти вопросов, в экспериментальную группу входило 50 студентов.

Анкета «Англоязычные заимствования в русском языке»

1. Знаете ли вы, что такое заимствование слов?
2. Считаете ли вы, что англоязычные заимствования положительно сказываются на русской речи?
3. Считаете ли вы, что англицизмы «засоряют» русскую речь?
4. Употребляете ли вы англоязычные слова в своей речи?
5. Напишите сленговые слова, которые вы используете в своей речи.

Анализ анкеты показал:

– по первому вопросу 98 % ответили, что знают, что такое заимствование, и только 2 % ответили, что точно не знают, что такое заимствование;

– касаясь второго вопроса, 84 % респондентов ответили, что заимствования положительно сказываются на языке-реципиенте; 6 % считают, что заимствование слов негативно сказывается на языке и 10 % относятся нейтрально;

– анализируя третий вопрос, мы пришли к выводу, что 40 % участников эксперимента считают, что англицизмы засоряют русскую

речь, 48 % считают, что заимствование – это норма для русского языка и 12 % ответили нейтрально;

- подводя итоги по четвертому вопросу, следует отметить, что вся контрольная группа 100 % ответила, что употребляет англоязычные слова в речи;

- по последнему вопросу были выбраны самые употребляемые слова-жаргонизмы. Примерами могут служить: крейзи, треш, хейтер, хейтить, лузер, шопиться, лук, респект, бро, буллить, юзать, скрин, свайпать, стрим, окей.

Подводя итоги эксперимента, нельзя не согласиться с тем, что процесс заимствования слов из английского языка носит положительный характер, а именно:

- позволяет общаться с другими людьми;
- позволяет узнать другую культуру и менталитет;
- позволяет обмениваться новыми достижениями науки и техники.

Перейдем к отрицательным чертам заимствования:

- возможность потерять ценности родного языка;
- «запылить» родную культуру и традиции;
- язык способен самоочищаться: то, что не нужно в языке, со временем исчезает из языка;
- заимствованные слова нужно использовать по мере необходимости [Лашкова, 2022: 1].

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что русскоговорящего человека во всех сферах окружают англицизмы. Резюмируя, следует отметить, что проникновение англицизмов в повседневную жизнь делает язык богаче, а также оказывает влияние на культурную жизнь и языковое поведение молодежи.

Литература

1. Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Англицизмы в современном русском языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. Вып. 2.
2. <https://sci-article.ru/stat.php?i=1711776692>
3. <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-gruppy-zaimstvovaniya-v-russkom-yazyke>

С. Н. Зайдулова, Л. Р. Абдуллина
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

СТРУКТУРА СУБФРЕЙМА «КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ» ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается структура субфрейма «Киберпреступность» во франкоязычном медиадискурсе. На материале лексических единиц, связанных с киберпреступностью, анализируются различные слоты, формирующие субфрейм «Киберпреступность» во французском языке. Особое внимание уделяется разделению слотов на облигаторные и факультативные. Выявляются особенности употребления лексических единиц в контексте киберпространства и киберпреступности.

Ключевые слова: медиадискурс, структура, фрейм, субфрейм, слот, киберпреступность.

SUBFRAME STRUCTURE OF "CYBERCRIME" IN FRENCH MEDIA DISCOURSE

The article deals with the structure of the subframe "cybercrime" in French media discourse. On the material of lexical units related to cybercrime, various slots forming the subframe of cybercrime in French are analysed. Particular attention is paid to the division of slots into obligatory and optional, as well as consideration. The peculiarities of the use of lexical units in the context of cyberspace and cybercrime are revealed.

Keywords: media discourse, structure, frame, subframe, slot, cybercrime.

В последние годы в средствах массовой информации все чаще освещаются события, связанные с информационно-коммуникативными технологиями. Определяющие их «номинативные единицы языка находятся в тесном взаимодействии с когнитивными моделями, на которых базируется понимание сущности данных технологий» [Имамгазова, 2020: 4]. В связи с этим представляется актуальным исследование языковой репрезентации когнитивных моделей с точки зрения теории фреймов. В основе настоящего исследования лежит представленный Д. И. Имамгазовой анализ когнитивных моделей фрейма «Киберпространство» в русскоязычном медиадискурсе. В структуре фрейма «Ки-

берпространство» автор выделяет ряд субфреймов, одним из которых является субфрейм «Киберпреступность» [Имамгаязова, 2020].

Целью настоящего исследования является выявление особенностей языкового выражения субфрейма «Киберпреступность» во франкоязычном медиадискурсе.

Материалом исследования послужили статьи на тему киберпреступности, отобранные методом сплошной выборки из франкоязычных изданий “Le Monde”, “Paris Match”, “l’Humanité” и “Ouest France” за 2023-2025 годы. Общее количество рассмотренных языковых примеров составляет 100 единиц.

В основе исследования лежит метод фреймового моделирования с применением количественного анализа для установления облигаторных и факультативных компонентов в структуре субфрейма «Киберпреступность».

В ходе исследования установлено, что в языковой вербализации субфрейма «Киберпреступность» доминируют существительные, глаголы и прилагательные. Среди существительных встречаются следующие лексические единицы: *données* «данные» (178 раз), *cyberattaques* «кибератаки» (60 раз), *groupe* «группировка» (44 раз), *victime* «жертва» (38 раз), *cybercriminels* «киберпреступники» (29 раз), *pirates* «взломщики» (28 раз), *police* «полиция» (22 раз). Среди глаголов преобладают: *communiquer* «связаться» (23 раз), *attaquer* «атаковать» (22 раз), *adresser* «обращаться» (21 раз), *voler* «красть» (17 раз), *organiser* «организовать» (16 раз). Среди прилагательных выделяются следующие: *personnelles* «персональные» (44 раз), *informatique* «информационный» (39 раз), *volées* «украденные» (17 раз), *organisée* «организованные» (16 раз), *frauduleux* «мошеннический» (10 раз).

В структуре субфрейма «Киберпреступность» в качестве облигаторных слотов мы можем выделить субъект, предикат, объект, а в роли факультативных слотов выступают субъект 2, инструмент, способ, место и оценка.

Субъект демонстрирует роль человека, который причиняет вред другим людям или организациям посредством использования различных методов в киберпространстве. Это главное лицо, ставящее под угрозу цифровую безопасность, и во франкоязычном медиадискурсе он обозначается следующими лексическими единицами: *groupe* «группировка», *cybercriminel* «киберпреступник», *pirate* «взломщик», *hacker* «хакер», *malfaiteur* «злоумышленник», *fraudeur*

«мошенник». Например: *Le hackeur français Sébastien Raoult, accusé par la justice américaine d'avoir fait partie d'un groupe de pirates informatiques qui a siphonné les données d'une soixantaine d'entreprises, a été condamné mardi 9 janvier 2024 à trois ans de prison par un juge de Seattle (Paris Match, 04.12.2024).*

Объектом является то, на что направляются преступные действия Субъекта. В нашем случае объектами выступают: *données* «данные», *système* «система», *plateforme* «платформа», *réseau* «сеть», *téléphone* «устройство», *compte* «счёт». Проиллюстрируем сказанное: *Les données de 50 000 clients de SFR ont été volées lors d'une récente cyberattaque (Ouest France, 05.09.2024).*

Предикатом является действие субъекта, направленное на достижение своих целей. Сюда входят глагольные такие лексемы, как *attaquer* «атаковать», *voler* «красть», *utiliser* «использовать», *revendre* «перепродать», *atteindre* «получить», *perturber* «нарушить». Например: *Le principe est de mobiliser des machines (ordinateurs – NDLR) pour attaquer des serveurs Web de manière à les rendre indisponibles. Il s'agit des attaques les plus "bas de gamme", nécessitant très peu de compétences techniques (l'Humanité 14.03.2024).*

Ко второму субъекту можно отнести лексемы, обозначающие лица, которые противодействуют первому субъекту. Такими единицами являются *police* «полиция», *enquêteurs* «следователи», *cyber-enquêteurs* «киберследователи», *forces de l'ordre* «правоохранительные органы», *gendarmerie* «жандармерия». К примеру: *L'enquête, ouverte par le parquet de Paris et confiée aux gendarmes du Centre de lutte contre les criminalités numériques (C3N), est en cours (Le Monde, 26.09.23).*

Слот «инструмент» указывает на применение различных средств на просторах киберпространства для достижения корыстных целей. Данный слот актуализируется такими лексемами, как *virus* «вирус», *logiciel* «вредоносная программа», *robot* «бот». Обратимся к примеру: *Les deux virus visés par cette opération policière, baptisée "Magnus", ont permis le vol de plus de 227 millions de mots de passe en 2024 (Le Monde, 29.10.2024).*

Слот «способ» отражает комплекс действий и представляет собой последовательность операций, из-за которых объекты претерпевают изменения, и достигается поставленная цель. Во франкоязычных СМИ мы встречаем заимствованные слова, в частности, из английского языка: *site* «сайт», *phishing* «фишинг», *darknet* «даркнет», *piratage*

«взлом», *chaîne* «сеть», *spam* «спам». Например: *Il est plus que confirmé que des données de Pôle Emploi sont en vente sur le darknet* (Paris Match, 25.08.2023).

Слот «место» обозначает пространство, в котором происходит поражение одним из инструментов или способов, которые использует субъект. В данном случае во франкоязычном медиадискурсе наблюдаются следующие лексемы: *poste* «почта», *disques durs* «жесткий диск», *clé USB* «флешка», *smartphone* «смартфон». Покажем на примере: *Des lignes de codes, des logiciels hyperpointus capables de faire parler n'importe quel support informatique (disques durs, clés USB, smartphones...) contenant des informations, ou de remonter des pistes et adresses IP sur le web* (Ouest France, 13.08.24).

К слоту «оценка» относятся лексемы, придающие различные именования субъекту исходя из его действий. Они выражаются оценочными прилагательными или существительными. Примерами таких слов могут послужить следующие лексические единицы: *voleur* «вор», *escroc* «обманщик, мошенник», *cyber* «кибер», *dangereux* «опасный», *criminel* «уголовный», *malveillant* «злой, вредоносный», *qualifié* «опытный». Обратимся к примеру: *Les victimes devaient payer une «amende» pour éviter des poursuites. 19 escrocs ont été arrêtés en France et en Belgique* (Paris Match, 23.06.23).

Слот «признак» отражает последствия действий кибератак в киберпространстве; результат, вследствие которого можно сделать предположения о взломе, нападении, краже или утечке информации. Обращаясь к текстам франкоязычных СМИ, можно выделить следующие: *panne* «поломка», *erreur* «ошибка», *faille* «сбой», *dysfonctionnement* «нарушение работы». Например: *La Cerp Bretagne Atlantique, qui fournit 1 800 officines en médicaments dans le Grand Ouest, est victime, depuis ce samedi 19 octobre 2024 d'une "panne majeure". Il pourrait s'agir d'une cyberattaque et elle ne serait pas la seule* (Ouest France, 20.10.2024)

Таким образом, в результате проведенного нами исследования было установлено, что субфрейм «Киберпреступность» состоит из облигаторных и факультативных слотов, в рамках которых вербализуется информация о способах, характере и цели вредоносных программ в цифровом мире. Во франкоязычном медиадискурсе уделяется внимание ущербу от распространения вредоносных программ, оценке действий злоумышленника, а также выявлению проблемы, причин и способов (рекомендации) её разрешения.

Литература

Имамгаязова Д. И. Фрейм «Киберпространство» в медиадискурсе: на материале русскоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. / Д. И. Имамгаязова. – Уфа, 2023. –190 с.

УДК 808.2

С. В. Зеленко

(Академия образования)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕДАКТОРСКОЙ ПОДГОТОВКИ МЕДИАТЕКСТА В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются некоторые вопросы влияния государственного билингвизма на профессиональную творческую деятельность журналистов и редакторов. Проанализированы примеры из медиатекстов, иллюстрирующие несовпадения норм белорусского и русского языков.

Ключевые слова: билингвизм; редактирование; литературное редактирование; редактор; медиатекст; медиадискурс.

LINGUISTIC FEATURES OF MEDIA TEXT EDITORIAL PREPARATION IN THE CONDITIONS OF STATE BILINGUISM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines some issues of the influence of state bilingualism on the professional creative work of journalists and literary editors. Examples from media texts illustrating discrepancies between the norms of the Belarusian and Russian languages are analyzed.

Keywords: bilingualism; editing; literary editing; editor; media text; media discourse.

Государственный билингвизм (государственное двуязычие) – это закрепленное на законодательном уровне равноправное функционирование и активное использование в социальных, духовных, экономических и административно-политических институтах определенной страны двух языков, имеющих официальный и паритетный статус. В Республике Беларусь, например, государственными языками явля-

ются белорусский и русский, что отражено как в Конституции страны, так и в Законе Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» («Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь»). Исследователи подобную языковую ситуацию, которая наблюдается в современной Беларуси, называют уникальной: «Республика Беларусь имеет уникальную исторически сложившуюся лингвистическую ситуацию близкородственного двуязычия, что является исключительным в пространстве постсоветских государств» [Буденис, 2022: 65]

Государственный билингвизм в Беларуси в том числе проявляется в оперировании сотрудниками национальных средств массовой информации и коммуникации обоими официальными языками, а также в функционировании всех видов медиа (газет, журналов, информационных агентств, телевизионных и радиоканалов, сетевых интернет-ресурсов) сразу на двух государственных языках либо на одном из государственных языков в соответствии с учредительными документами медиаорганизации и свидетельством о регистрации СМИ, выданном Министерством информации Республики Беларусь. Соответственно в национальной медиаиндустрии Беларуси существует запрос на специалистов, свободно владеющих двумя государственными языками, способных обеспечить как производство текстов средств массовой информации и коммуникации, так и их квалифицированное литературное редактирование в билингвальном социальном пространстве на белорусском и русском языках. В данном случае уместно сослаться на слова профессора В. И. Ивченкова, который, характеризуя билингвальную языковую ситуацию в Республике Беларусь, справедливо подчеркивает: «Двуязычие – это не роскошь, а большая ответственность. Нам необходимо знать канонические нормы русского языка, уметь отличать их от белорусских норм и в совершенстве владеть языками. А не использовать так называемую трясанку» [Іўчанкаў, 2010: 13].

Белорусский и русский языки – близкородственные. Оба принадлежат к восточнославянской группе языков. Однако в нормах современного литературного белорусского языка в плане лексического своеобразия и сочетаемости слов, грамматики, орфографии есть отличия от норм современного литературного русского языка, что определяет особенности редакторской обработки медиатекстов, представленных для опубликования в национальных СМИ на государственных языках Республики Беларусь. Рассмотрим эти особенности на примерах

из журналистских материалов, опубликованных на портале издательского дома «Звязда» (<https://zviazda.by/>).

Для расширения читательской аудитории журналисты ежедневной белорусскоязычной общественно-политической газеты «Звязда» часть материалов на сайте издания публикуют как на белорусском, так и на русском языках. Например, статья на белорусском языке «Чым будзе адметна XXXII Мінская міжнародная кніжная выстаўка-кірмаш» (10.03.2025) на следующий день была продублирована ее русскоязычным аналогом «Чем будет примечательна XXXII Минская международная книжная выставка-ярмарка» (11.03.2025).

Уже в заголовочных комплексах можно наблюдать своеобразие орфографических норм в двух государственных языках Республики Беларусь: (бел. чым – рус. чем; бел. будзе – рус. будет; бел. Мінская – рус. Минская; бел. кніжная – рус. книжная; бел. выстаўка – рус. выставка), а также лексические языковые особенности (бел. адметна – рус. примечательна; бел. кірмаш – рус. ярмарка).

Специфика морфологических норм белорусского и русского языков отражена в некоторых примерах из анализируемых журналистских материалов. Так, особенности образования форм степени сравнения наречий в белорусском и русском языках актуализированы в следующих предложениях: «У нас дзейнічае і працуе шмат выдавецтваў (зарэгістравана ў краіне **больш за 500**) і **больш за палову** з іх займаецца выданнем кніг» / «У нас действует и работает много издательств (зарегистрировано в стране **более 500**) и **более половины** из них занимается изданием книг». В соответствии с действующими правилами современного белорусского литературного языка, как отмечает П. П. Жолнерович, при наличии в речевом отрезке объекта сравнения «после формы превосходной степени наречий употребляются предлоги *за* (с винительным падежом), *от* (с родительным падежом) и союзы *как, чем*» [Жаўняровіч, 2017: 328].

Отличительные черты использования причастий и причастных оборотов в белорусском и русском языках можно наблюдать в предложениях «Сярод навінак выдавецтва «Беларусь» можна адзначыць кнігі Ігара Марзалюка «Ад Русі і Літвы да Беларусі», **якая распавядае** пра вытокі і генезіс беларускага народа, беларускай нацыі; выданне «Зыходны код» доктара паліталогіі Кірыла Коктыша...» / «Среди новинок издательства «Беларусь» можно отметить книги Игоря Марзалюка «От Руси и Литвы до Беларуси», **рассказывающую** об истоках и генезисе

белорусского народа, белорусской нации; издание «Исходный код» доктора политологии Кирилла Коктыша...». Причастию *рассказывающую* и образованному с ним причастному обороту в русскоязычной статье в белорусскоязычном журналистском тексте соответствует придаточное предложение с союзным словом *якая* (рус. – *какая, которая*) и глаголом *распавядае* (рус. – *повествует, рассказывает*), поскольку, как подчеркивает белорусский лингвист П. П. Жолнерович, «для современного белорусского литературного языка характерны не все возможные для образования формы причастий» [Жаўняровіч, 2017: 319].

Отличия в формировании и использовании деепричастий и деепричастных оборотов в речи наблюдаем в следующих примерах: «А завітаць на сустрэчы з пісьменнікамі, кнігавыдаўцамі і знайсьці сабе кнігі па душы ўсе ахвотныя змогуць як па сваім маршруце, так і **даехаўшы** да Нямігі, а пасля **перасеўшы** на спецыяльны аўтобус» / «А побываць на вистрече с писателями, книгоиздателями и найти себе книги по душе все желающие смогут как по своему маршруту, так и **доехав** до Немігі, а после **пересев** на специальный автобус». Так, в белорусском языке деепричастия совершенного вида образуются от основы инфинитива при помощи суффиксов *-ўшы* и *-шы*, в русском языке эти же формы деепричастий образуются при помощи суффиксов *-в* и *-вши*.

Своеобразие и особенности функционирования имен существительных в белорусском языке, специфика лексико-грамматической категории рода демонстрируются в анализируемых статьях при упоминании названия книги В. Стецко «Па той бок **медаля**» / «По ту сторону **медали**», поскольку в русском языке лексема *медаль* употребляется исключительно в форме женский род (*золотая медаль*), а в белорусском языке эта лексема имеет форму мужского рода (*залаты медаль*).

Приведенные примеры лишь частично иллюстрируют своеобразие государственных языков Республики Беларусь. Однако, на наш взгляд, проанализированные текстовые фрагменты явно демонстрируют особенности профессиональной деятельности литературного редактора, работающего в медиа Беларуси, обязанного контролировать языковую норму как в белорусскоязычных, так и в русскоязычных медиатекстах.

Литература

1. Буденіс О. Г. Перспективы развития билингвизма в современном белорусском обществе / О. Г. Буденіс // Общество: философия, история, культура. 2022. – № 8. – С. 65–69.

2. Жаўняровіч П. П. Даведнік па літаратурнай працы: арфаграфічны, пунктуацыйны, лексічны, марфалагічны, сінтаксічны, тэхнічны ўзроўні / П. П. Жаўняровіч; пад. рэд. Віктара Іўчанкава. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2017. 448 с.

3. Іўчанкаў В. І. Беларуская арфаграфія: апавяданні і гісторыі / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : Пачатковая школа, 2010. 304 с.

УДК 81.27

В. В. Зими́на

(Муниципальное образовательное учреждение Тираспольская средняя школа № 5)

СЛОВЕСНАЯ ИГРА – НАИБОЛЕЕ ДОСТУПНЫЙ ПРИЕМ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГА С УЧАЩИМИСЯ НАЧАЛЬНОГО ЦИКЛА В ШКОЛАХ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

Речевая деятельность, как и любая другая деятельность с определенной целью, основывается на социальных мотивах и целях, а её аналог – на ситуативных задачах. Успех общения зависит от того, на сколько мотивированны и достижимы задачи, поставленные перед учащимися.

Ключевые слова: развитие речи, прием речевого взаимодействия, ситуационные задачи, словесная игра, коммуникативные ситуации, совершенствование словарного запаса.

WORD PLAY IS THE MOST ACCESSIBLE METHOD OF ORGANIZING SPEECH INTERACTION BETWEEN A TEACHER AND PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN RUSSIAN-SPEAKING SCHOOLS

Speech activity, like any other activity with a specific goal, is based on social motives and goals, and its analogue is based on situational tasks. The success of communication depends on how motivated and achievable the tasks set before students are.

Keywords: speech development, speech interaction techniques, situational tasks, word play, communicative situations, vocabulary improvement.

ЖОКУЛ ВЕРБАЛ-ЧЯ МАЙ АКЧЕСИБІЛЭ ТЕХНІКЭ ЫН ОРГАНИЗАРЯ ИНТЕРАКЦІУНІЙ ВЕРБАЛЕ А ПЕДАГОГУЛУЙ КУ ЕЛЕВІЙ АЛОЛІНГВЬ АЙ ЧІКЛУЛУЙ ПРИМАР ДЕ ЫНВЭЦЭМЫНТ

Активитатя ворбирий, ка ши орьче алтэ активитате ку ун анумит скоп се базязэ пе мотивеле ши скопуриле сочиале, яр концинутул ей се базязэ пе проблемеле ситуационале. Сукчесул комуникэрий депинде де ачая, кыт де мотивате ши реализабиле сынт проблемеле, пусе ын фаца елевилор. А атинже ачест скоп есте нечесар де а креа астфел де ситуаций комуникативе, каре ле – ар стимула елевилор нечеситатя де а се експрима, де а – шы перфекциона мереу вокабуларул ку ажурорул жокурилор вербале.

Кувинте-кее: едукация лингвистикэ, дезволтэрий ворбирий, проблемеле ситуационале, ситуаций комуникативе, перфекционаря мереу а вокабуларул, ымбогэцيريا калитэций де инструири ши едукация, жокулуй вербал ын прочесул де инструктив – едукатив, жокуриле девин плэкуте ши атрэгэтоаре.

Компетенца де комуникаре ын лимба молдовеняскэ а елевилор алолингвь репрезинтэ о нечеситате сочиалэ, виталэ, деачея дезволтаря ачестея маркязэ ун обьектив мажор ын едукация лингвистикэ.

Пентру реализаря посибилитэцилор оптиме але елевилор ла ынсуширя алтей лимбь, е нечесар сэ се цинэ конт де черчетэриле ефектуате ын ачастэ дирекция де кэтре педагожь ши психоложь. Резултателе черчетэрилор презенте конфирмэ конклузииле фэкуте ку мулць ань ын урмэ де кэтре класичий педагожией Ян Амос Коменский ши К. Д. Ушинский, каре сублинияу нечеситатя студиерий фиекэрий лимбь апарте ши а студиерий уней а доуа лимбь пе базэ лимбий матерне. Ынвэцаря лимбий молдовенешть ын чиклул примар але школилор русе требуе сэ се базезе пе конклузииле фэкуте де К. Ушинский. Форма принчипалэ де лукру ла ынвэцаря лимбий молдовенешть ва фи жокул-окупация. Куноштинцеле акумулаторе де кэтре копий вор фи консолидаторе ын вяца котидианэ.

О атенция деосебитэ се ва акорда утилизерий прочеселор де жок. Прин интермедиул жокулуй се вор креа ши ситуаций де диалог, копий се вор фамилиариза ку унеле тексте литераре, ли се ва алтои причеперя да а алкэтуи корект проропозиций, ли се ва дезволта лимбажул коерент. Скопул принчипал а лекциилор есте де а ынсуши багажул де кувинте нечесар пентру комуникаре элементарэ. Ынсуширя диферитор теме организэм жокурь-вербале.

Идея фолосирий жокулуй вербал ын активитате инструктив-едукативе ну есте ноуэ. Ынкэ Платон менциона: «Фачець ын аша фел, ынкыт копий сэ се инструяскэ жукунду-се, ши атунць вещь авя прилежул де а куноаште ынклинацииле фиекэруя». Жокул есте пентру копил

чея че есте мунка пентру адулт. Ел пермите копилулуй сэ експлорезе медиул, сэ конштиентизезе регулите де функционаре а елементелор каре ыл компун, ынвэцынд прин интермедиул луй сэ се релационезе ку ачеста.

Куноскынд локул пе каре ыл окупэ жокул ын вяца копилулуй, есте ушор де ынцелес ефичиенца фолосирый луй ын прочесул инструктив-едукатив. Ымбинынд армониос челелалте методе куноскуте ку жокул вербал, копий сынт мулт май активь, май импликаць ын окупации, доринд сэ партичипе тоць, се стырнеште куриозитатя, интервине компетиция, ынлэтурынд обосяла ши пликтисяла, атигынд тотодатэ объективеле едукационале пропусе.

Жокул пермите сэ лукрэм ку елевий фэрэ а-й импуне, ын плус, ын о атмосферэ либерэ пентру дискусий. Де аич урмязэ, кэ лекция спонталэ либерэ, а копиилор ын прочесул жокулуй поате фи ка базэ ын дезволтаря ворбирий ын лимба молдовеняскэ.

Сарчиниле принчипале але прочесулуй инструктив – едукатив организат ын скопул фамилиаризэрий елевилор ку лимба молдовеняскэ ши а формэрий причепирелор елементаре де комуникаре ын ачастэ лимбэ сынт:

- дезволтаря женералэ;
- формаря културый соноре ши а експресивитэций ворбирий;
- ымбогэциря вокабуларулуй;
- формаря ворбирий коректе дин пункт де ведере граматикал;
- дезволтаря елементарэ а лимбажулуй коерент;
- формаря депринделор елементаре де комуникаре ын лимба молдовеняскэ.

Реализаря ачестора аре лок прин интермедиул диверсилор техничь, модалитэць.

Унул динтре челе май акчесибиле оптиме мижлоаче де ынвэцаре а лимбий молдовенешть е консидерат жокул вербал-форма чя май ревелатоаре а менталитэций елевилор.

Есенца жокулуй вербал констэ ын реуниря органикэ а сарчиний дидактиче ку акциуня де жок.

Проблема принипалэ че цине де спецификул ачестуй жен де жок резидэ ын структура луй че инклуде: концинутул пе каре ыл формязэ, де регулэ, куноштинцеле елевилор ынсушите антериор, сарчина дидактикэ че требуе сэ пунэ ын фаца жукэторилор проблема де гындице, де рекуноаштере (денумире, компарации, класификаре, дескриеере, гру-

паре, индентификаре), акциуня де жок каре фаче ка солуционаря объективулуй дидактик сэ декургэ плэкут ши атрактив, инклузинд ын сине моменте де аштептаре, де сурпризэ, ынтречере, гичире, ши регулеле каре чер респектаря ординий ын каре требуе резолватэ проблема.

Ынтеракциуня ши ынтре пэтрундере ачестора ши конституе спецификул, есенца жокулуй вербал. Жокул вербал девине ку адевэрат кея че кончепут нумай дакэ концине елементе де аштептаре ши де сурпризэ, де респонсабилитате, елементе де комуникаре речипроче ынтре педагог ши елевь, де ынтречере ынтре копий.

Сфера де утилизарэ а жокулуй вербал е фоарте вастэ.

Жокул вербал индиферент де обьективеле пропусе, контрибуе ла формаря, пречизаря, апрофундаря, систематизаря, верификаря куноштинцелор.

Презенца имажинилор, обьектилог ын кадрул унор жокурь пермите екзерсаря ефлуенцей, вербал – когнитиве а елевилор, асигурэ стимуляря луй пентру акциуня де вербализаре пентру дезволтаря меморией волунтаре.

Ла лекцииле де лимбэ молдовеняскэ фолосим жокурь вербале фоарте симпле, акчесибиле пентру ыврста елевилор че вин сэ фиксезе, сэ консолидезе пронунцаря сунетелор ын лимба молдовеняскэ.

Алтеле чер ун анумит ефорт интеллектуал–утилизаря коректэ а формелор граматикале (фетицэ фрумоасэ – фетице фрумоасе, мэр густос –мере густоасе); (ун мэр – доуэ мере). Респектаря акордулуй динтре доуэ сау май мулте пэрць де ворбире. Обьективеле жокурилор че визязэ компартаментул вербал се компликэ трептат стимулынд дезволтаря креативитэций вербале де ла о ыврстэ ла алта. Креативитатя вербалэ пресупуне капачитатя елевулулуй сэ конструяскэ экспреий вербале сэ ле комбине ын пропозиций симпле суб дирижаря педагогулуй.

Ыврста школарэ прин партикуларитэциле психиче репрезинтэ о периоадэ деосебит де фаворабилэ пентру еволюция креативитэций вербале (интерес пентру ынсуширя уней а доуа лимбь, динамикэ акчелератэ а дезволтэрий лимбажулуй, пластичитате).

Е датория ноастрэ де а утилиза ачастэ диспозицие, ачастэ периоадэ де ыврстэ. Ынтродучеря елевилор ын жок се поате фаче суб челе май диверсе форме (сосиря унуй персонаж, нумэрэтоаре, ворбире шоптитэ, презентаря материалулуй, о поезиоарэ, о гичитоаре, о конворбире, ун диалог).

Прин ачестя се урмэреште трезиря интересулуй ши а куриозитэ-ций пентру челе че вор урма, креаря уней атмосфере плэкуте дегажате де жок.

Експликаря ши реализаря ла етапа инчипиентэ (инициалэ), ши функция де кондукэтор ал жокулуй ый ревине педагогулуй. Експликация требуе сэ фие кончисэ, кларэ ын конкорданцэ деплинэ ку демонстрация.

Ынтречеря поате фи фронталэ, ынтре дой жукэторь, ынтре доуэ екипе. Пунктажул (стимулул) се реализязэ фие дин апортул фиекэруй мембру ал екипей, фие дин ал репрезентантулуй екипей. Е нечесар ка резултателе обцинуте сэ фие семнате кыт май евидент де екземплу: тоамна – путем пропуне пентру рэспунсурь коректе «мере». Ачаствэ визязэ калитатя мунчий депусе де кэтре елевь.

Релуаря, дурата жокурилоу е ка латитуденя (диспозиция) педагогулуй, цине де объектул преконизат, де реушита реализэрий ачестуя.

Ролул педагогулуй е де а дестина ши а суприма коректе диверсиле индефициенце, грешель че цин де компартаментул вербал ал копиилор де а стимула еволюция лимбажулуй елевилор сэ фие тотал, яр активизмул копиилор пе каре ыл дорим ку тоций, сэ девинэ о реалитате ымплинитэ.

Ачаствэ експериенцэ ле алтоеште елевилор «стима де сине ынсэшь, аутопричиеря, респектул фацэ де алций» ши не пермите сэ резолвэм проблема принчипалэ ку каре се конфрунтэ грединица модернэ-липса доринцей де а ынвэца ши а супраынкаркаря информативэ.

Екземпле де жокурь-вербале:

«Традучець пропозицииле»

Девочка/ Фатэ

Лиса/Вулпя

Мальчик/Бэят

Кошка/Мыцэ

Медведь/Урсул

Овца/Оае

Как тебя зовут? / Кум те кямэ?

Меня зовут .../ Мэ нумеск...

«Зичець репедедэ трей орь»

- Ам ун змеу, ам ун змеу!

Збоарэ, збоарэ, змеул меу!

- Ун мош ку ун кош, ын кош ун кукош,

Мошул ку кошул, кошул ку кукошул.

«Скимбэ форма» Педагогул нумеште ун кувынт, копий ый скимбэ форма, дынду-й о нуанцэ диминутивэ. Де екземплу; машинэ-машиникэ, пэпушэ-пэпушике, мамэ-мэмикэ, татэ-тэтик. ш.м.д.

Литература

1. *Габужа Д. А.* Лимба ши литература молдовеняскэ ын шкоала професионалэ. Тираспол, 2002.
2. Булетин педагожик нистрян. Колежиул редакционал: Макарова М. Я., Хропотинский А. Г., Габужа Д. А., Мазуряк М. В. ИСПК, Тираспол, 2007.
3. *Мокану Л.* Жокурь вербале ын грэдиницэ. Едитура Лумина, Кишинэу, 1996.
4. *Чемортан С. М., Мокану Л.* Лимба молдовеняскэ ын група маре а грэдиницелор русе. ИСПК, Тираспол, 1994.

УДК 821.512.162-3.09

Т. А. Исмаилова

(Бакинский государственный университет)

ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В центре великих произведений, будь то проза, поэзия или драматургия, лежит психологизм. Характеры персонажей определяются психологизмом, составляющим ядро произведения, и именно через линию психологизма можно достичь кульминации любой ситуации. В прозах психологизм берет на себя задачу передать читателям конечное состояние образа только посредством выражения лица, даже без помощи каких-либо слов. На деле психологизм – это стиль, не требующий большого количества слов и выражений. В художественной литературе истинный психологизм воспринимается само собой в ходе событий.

Ключевые слова: литература, образ, чувства, психологизм, характер.

EVOLUTION OF PSYCHOLOGISM IN AZERBAIJANI FICTION

At the center of great works, whether prose, poetry or drama, lies psychologism. Psychologism is at the heart of great works, whether they are plays, poems, or prose. The psychologism that underpins the work determines the characteristics of the characters, and it is through this line of psychologism that any circumstance can reach its conclusion. The challenge of psychologism in prose or drama is to use facial expression alone – even in the absence of words – to explain to readers the image's ultimate state. In fact, psychologism is a style that does not require a large

number of words and expressions. True psychologism in fiction is interpreted organically as events unfold.

Keywords: literature, image, feelings, psychologism, character.

Одной из важнейших характеристик художественной литературы является раскрытие внутреннего мира человека. Идея поиска «я» в образе, «человеческого» в человеке занимает важное место в психологизме. Раскрытие характера само по себе является психологическим явлением. Одной из главных особенностей психологизма является то, что, говоря о внутреннем мире любого образа, писатель тем самым словно говорит о внутреннем мире читателя.

В мировой литературе психологизм можно встретить уже в античной литературе. В 484–408 гг. до н.э. драматург и философ Еврипид, изображая в написанных им трагедиях внутренние страдания образов, сумел создать психологизм. Например, раскрывая в психологической форме состояние, в котором оказались главные герои трагедий «Медея» и «Ипполит», драматург показал вмешательство божественного начала в судьбу человека. Одной из художественных особенностей Еврипида является восприятие им человека таким, какой он есть. Эти черты наиболее ярко выражены в трагедии «Ифигения в Авлиде» (409 г. до н. э.)

В целом, начиная с XIX века, психологизм развивался в творчестве таких писателей, как И. В. Гёте, В. Гюго, а также Ч. Диккенс, Г. Флобер, Стендаль, Э. Золя, Ги де Мопассан, Л. Толстой, Ф. М. Достоевский и др. Начиная с XX века, психологизм получил дальнейшее развитие в творчестве Дж. Джойса, М. Пруста, У. Фолкнера, Ф. Кафки.

Начиная с фольклора азербайджанской литературы, мы можем наблюдать психологизм в характерах образов, выражении их внутреннего мира. Если взглянуть на период, когда слова еще не сформировались, то можно заметить, что характеры людей тогда раскрывались посредством мимики или изображений.

Азербайджан – одно из древнейших поселений людей в мире. Ученые датируют более шести тысяч наскальных рисунков Гобустана VIII тысячелетием до нашей эры. В районах, простирающихся вдоль побережья Каспийского моря к северу от Гобустана, первобытный человек отразил свой образ жизни, события, с которыми он сталкивался, а также свои страхи, опасения и радости на скалах. Считается, что эти рисунки относятся к мезозойской эре.

Различные надписи в Древнем Шумере также имели свой смысл. В целом, читая глиняные таблички древних шумеров, мы становимся свидетелями формирования характера героя в их литературе. Естественно, первобытные люди пытались защитить себя, сталкиваясь с различными трудностями, боялись явлений природы. Человек, преодолевший эти трудности, продвигаясь время от времени вперед, захотел победить и смерть. Он пытался понять смысл жизни. Хотя человек знал, что бессмертия есть атрибут Бога, он пытался доказать это. В шумерском эпосе «Билгамыс» Билгамыс скорбит о смерти Энкиду и решает отправиться на поиски вечной жизни. Следовательно, человеческая психика еще тысячелетиями ранее размышляла об истинах жизни и стояла лицом к лицу с реальностью. Психологизм – сама реальность. Психологизм развивался, не углубляясь в понимание того, малы или велики истины жизни. Шумерские пословицы, эпосы, логика и философия, записанные на глиняных табличках, внесли свой вклад в мировую фольклорную литературу.

В шумерских пословицах и лирических песнях, передаче человеческих чувств и мыслей нашли отражение и глубина психологизма. Например, «Имущество – птица крылатая, дома не вибрирует», «О том, что нашел, ты не говоришь. О том, что потерял, ты кричишь» [Антология Шумерской поэзии, 1997: 323] и т. д.

Психология любого народа находит свое отражение в фольклоре. Героев создает народ. Зачатки психологизма формируются мировоззрением и образом жизни народа. Художественная литература – это область, основанная на фольклоре и развивающаяся от простого к сложному. Напряжение, испытанное в песнях эпоса «Китаби Деде Горгуд» – великом письменном памятнике азербайджанской средневековой литературы, способствовало раскрытию внутреннего мира героев. В эпосе привлекает внимание идея о том, что по мере обретения человеком знаний растет и степень его свободы. Главный урок, который преподносит эпос, таков: сначала познай себя, тогда поймешь и Бога, и мир, созданный Его абсолютной волей. Когда мы обращаемся к Богу за помощью, наша надежда на Него проявляется как следствие познания этой истины [Azərbaycan Respublikası Prezidentin İşlər İdarəsi. Prezident kitabxanası, 2010: 81].

В песнях эпоса «Китаби Деде Горгуд» формировалась личность. Даже видя подлость, благородный человек доказывал, что у него хватит силы простить человека, совершившего ее. В песне «О Бугач-ха-

не, сыне Дирсе-хана» речь идет о том, что сына Дирсе-хана оклеветали, и он пытается убить собственного сына. Бугач «пришел к своей матери, взял крепкого вина, выпил, беседовал с матерью, строил козни против отца. Неудачным вышел твой сын». Как видно из эпоса, народ психологически обосновал это преступление [Елми эсэрлэр. Дил вэ әдәбијјат, 1976: 57] .

Фольклор выражает борьбу народа за свободу, его чаяния и стремления. Эта борьба и эти чувства содержат психологизм. Чтобы понять человеческую психику, писатели, творившие на основе устной народной литературы, часто обращались к фольклору, так как фольклор – это более широкая область. Изучение человеческой психики означает приближение к человеку. По этой причине Низами Гянджеви оставался близок к народу и писал произведения на его благо, хотя жил во дворце. В его произведениях отражен образ справедливого правителя и свободного общества. Выражая в своих произведениях правду и избегая алчности, писатель формирует личность человека. Творчество Низами Гянджеви целиком и полностью сосредоточено на выражении личности.

Говоря, «Разум – твоя душа, без него ты – брэнное тело», Низами в своих произведениях высоко ценит силу разума и интеллекта. Нелучайно И. В. Гёте, высоко цenia эту черту произведений гениально-го поэта, писал: «В произведениях Низами, посвященных моральным вопросам, есть художественная искренность» [Bayram Aroyev, 2008: 123].

Философские взгляды Имамеддина Насими же в азербайджанской литературе полностью раскрывают глубины человеческой психики. Творчество Насими оказало сильное влияние на развитие азербайджанской, а также ближневосточной литературы XIV века. В центре хуруфитских идей о религии и человеке лежит такая основополагающая и важная задача, как самопознание человека. Раскрывая философию человеческой психики, являющейся движущей силой человечества, Насими в ту эпоху обосновал идею равенства людей перед Богом.

Ученик Ибн-Сины Бахманьяр ибн аль-Марзбан аль-Азербайджани (993-1066) оказал сильное влияние на развитие восточной науки. «Книга образования» благодаря своему объему и широте содержания занимает особое место в творчестве Бахманьяра. Роль Бахманьяра в развитии философской мысли средневекового мусульманского Востока велика. Он – автор «Книги украшения по логике», «Книги красо-

ты и счастья», «Книги музыки», «Трактата о предмете метафизики», «Трактата о ступени сущего» и др. Рукописные экземпляры его произведений хранятся во многих музеях и библиотеках мира. Его последователями являются Абуль-Аббас Лавкери, Афзал ад-Дин Хунаджи, Насреддин Туси, Сираджеддин Урмави.

По мнению Бахманьяра, человеческая душа – нематериальная субстанция, познающая вещи, которые могут быть познаны разумом, непосредственно, а материальные вещи – посредством чувств (4, стр. 84) В философии Бахманьяра красота есть воплощение бытия, а бытие есть совершенство. Бытие притягательно, разум же есть проявление истины. Душа управляет телом, а всеми существами управляет Бог.

Пробуждение национального сознания, очередной этап в развитии человеческого самопознания в конце XIX-начале XX вв. в азербайджанской литературе связаны с именем Мирзы Джалила. Невидимая, но ощущаемая психология образов в его произведениях, мгновенный смех и мгновенная, неожиданная развязка произведения являются темой широкого психологизма.

Джалил Мамедкулузаде – один из основоположников идеологии азербайджанства, великий драматург и основатель журнала «Молла Насреддин», родившегося именно в эти годы из потребностей эпохи благодаря его энергичной деятельности в литературно-художественной и общественной сфере и национальному сопереживанию. Сатирический журнал «Молла Насреддин» сыграл большую роль в возвышении эпохи на пути к свободе, просвещению и прогрессу. Философией, лежавшей в основе этой сатиры, была сила пера Джалила Мамедкулузаде. Произведения писателя «Книга моей матери», «Безумное собрание», «Мертвецы» были подлинным призывом к освобождению от стихий, препятствовавших национальному просвещению и национальному прогрессу. В пьесе «Кяманча» главарь под воздействием музыки не убивает армянина, и, забыв перед мелодией кяманчи о своем враге, погружается в это волшебство. Слова «О, подлый ты мир!», сказанные им под конец самому себе, дополняют глубокую психологическую подоплеку рассказа.

Хотя в произведении «Подросток» Ф. М. Достоевского тематика иная, в нем автор изображает музыку с захватывающим художественным размахом. Дальнейшее усиление музыки и то, что события развиваются по этой же линии, приводят психологию музыки в единство с литературой.

Музыка, написанная Гара Гараевым для театра, представляла собой единство глубокого психологизма и сильной симфонической гармонии. Музыка, написанная композитором для драмы Джалила Мамедкулузаде «Мертвецы», соответствовала психологии произведения, написанного писателем.

Музыка – это наши чувства, наша страсть, наша история. В пьесе Мирзы Джалила «Кяманча» в центр произведения поставлено музыкальное сокровище азербайджанского народа – кяманча. Психологизм в произведении еще более углубляется в образах и ходе событий. Образ героя – юз-баши является олицетворением национального характера. Кяманча становится словно персонажем произведения, определяющим критерии национального психологизма героев. Под влиянием музыки он забывает о своем враждебном отношении, и под звуки мугамов, которые его народ слушал на протяжении веков, он не может заглушить печальный звук колыбельной своей матери и дух своего народа. Под воздействием звучащей музыки он опускает оружие. Джалил Мамедкулузаде, словно предвидя присвоение армянами нашего музыкального инструмента в двадцать первом веке, в своем произведении «Кяманча» мастерски написал о необходимости защиты национальных ценностей сынами и дочерьми Азербайджана.

Азербайджанская литература создала захватывающие портреты характеров своих героев как в классическую, так и в современную эпоху. В современной азербайджанской литературе «нравственные искания» в драматургии таких наших писателей, как Эльчин Эфендиев, Анар, Эльчин Гусейнбейли и др., привнесли в литературу еще одно новшество. В произведениях Эльчина «Белый верблюд», «Махмуд и Марьям», «Смертный приговор», «История одной встречи» и др. можно наблюдать психологию современного человека и представления о настоящих истинах.

Творчество писателя Анара – основоположника азербайджанской драматургии XX века – характеризовалось новым психолого-оценочным этапом. Передавая психологию персонажа, Анар тем самым раскрывает корни его положительных или отрицательных черт. Человеческие качества проявляются в творчестве писателя в совершенно других оттенках. Показывая в произведении «Гостиничный номер» душевные страдания, переживаемые главным героем Керимом Аскероглу. Тоска по родине, пронизывавшая его душу, страдания, с которыми он сталкивается в обществе, нравственно ломают его, но он не по-

звolyет запятнать себя как интеллигента, свою чистую совесть. То, что происходит в мире, разрушает внутреннюю гармонию человека.

В рассказах «Красный лимузин» и «Паника» отчетливо просматриваются экзистенциальные герои. Произведения Анара «Белый порт», «Шестой этаж пятиэтажного дома», «Белый баран, черный баран», «Сказка о добром короле», «Молла Насреддин-66», «Летние дни города», «Деде Коргут», «Юбилей Данте», «Без вас», «Гостиничный номер» являются новыми столпами современной азербайджанской литературы.

В азербайджанской литературе тема судьбы человека, заставляющая писателей размышлять, всегда развивалась во взаимосвязи с обществом. Страдания народа, проявление какой-либо проблемы индивида в судьбе человека, его отношение к социальным и нравственным событиям и роль этих событий в его судьбе нашли отражение в литературе. Проблемы представителя народа, нации писатель представил в плоскости собственной проблемы. И, самое главное, он передал это читателю в единстве с человеческой психологией.

Литература

1. Антология Шумерской поэзии, Центр Петербургское Востоковедение Санкт-Петербург, 1997. – 496 с
2. *Bayram Apoyev*. Nizami Gəncəvinin pedaqoji görüşləri. Bakı, «Adiloğlu» nəşriyyatı, 2008. – 244 s.
3. Елми әсәрләр. Дил вә әдәбијјат. Бакы, 1976. – 78 s.
4. Azərbaycan Respublikası Prezidentin İşlər İdarəsi. Prezident kitabxanası.- Fəlsəfə. Bakı – “Şərq- Qərb” 2010. – 360 s.
5. Sirlər xəzinəsi “Yazıçı”, 1981. – 195 s.

УДК 81.25

М. К. Кайыргелди, Ж. Б. Есмагамбетова, Г. Е. Букембаева
(Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова)

МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Развитие памяти на начальном этапе обучения студентов-переводчиков – важнейший элемент их подготовки к профессиональной деятельности.

Перевод требует не только знания языков, но и способности оперативно и точно восстанавливать информацию. Это возможно только при условии, что студент развивает все виды памяти, начиная с краткосрочной и заканчивая долговременной. В статье рассматриваются методы, направленные на развитие памяти у студентов-переводчиков, а также их роль в успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: память, перевод, развитие памяти, межкультурная коммуникация, студенты-переводчики, методы обучения.

METHODS OF MEMORY DEVELOPMENT IN THE LEARNING PROCESS OF TRANSLATION STUDENTS

The development of memory during the early stages of translation students' education is a crucial component of their preparation for professional activity. Translation requires not only proficiency in languages but also the ability to quickly and accurately recall information. This is possible only when students develop all types of memory, from short-term to long-term. This article explores methods aimed at enhancing the memory of translation students and examines their role in successful intercultural communication.

Keywords: memory, translation, memory development, intercultural communication, translation students, teaching methods.

The unique nature of interpreting combines various cognitive processes, including auditory perception, information processing, and message generation in the target language. These processes necessitate the active engagement of cognitive mechanisms such as memory, attention, perception, and thinking. As noted by R. K. Minyar-Beloruchev, "Everyone needs memory, but a translator requires it professionally" [Minyar-Beloruchev, 1999: 50]. Memory has been widely discussed in the works of both domestic and international psychologists. In the research of M. V. Gamezo, memory is described as a mental process that reflects previously perceived objects and phenomena [Gamezo, 2007]. Representatives of the theory of personality activity, such as P. I. Zinchenko, P. P. Bolognsky, P. Ya. Galperin, and A. N. Leontiev, view memory as a specialized activity comprising systems of actions aimed at solving mnemonic tasks: encoding, preserving, and retrieving information.

In the early stages of translation education, memory development plays a pivotal role. The ability to memorize and reproduce information not only

ensures translation accuracy but also deepens students' understanding of cross-cultural differences. A deficiency in these skills can lead to distortions in the meaning of a text and the loss of key details, complicating the communication process. This article discusses methods for developing memory in translation students and highlights their significance in overcoming barriers to intercultural communication.

Memory is a critical cognitive process that underpins the effectiveness of a translator's work. Various types of memory are particularly important in translation.

1. Short-term memory stores information for brief periods (from 25 to 30 seconds) after initial perception [Zefirov, 2015]. This type of memory is essential for retaining information that the translator must quickly retrieve, such as phrases or terms during interpretation.

2. Working memory (RAM) is used to solve specific tasks, storing information for as long as the task requires, whether minutes or hours [Zefirov, 2015]. For translators, this type of memory is vital when processing large volumes of text, allowing them to retain contextual information throughout the task.

3. Long-term memory stores information for extended periods and includes accumulated knowledge necessary for the translator's professional work: vocabulary, grammatical structures, and cultural features like idioms and proverbs. Without a robust long-term memory, a translator would struggle with complex terminology and the cultural context of their work.

The development of all these memory types is particularly crucial in the early stages of translator training when the foundations of professional skills are established. Exercises designed to enhance text memorization or to train working memory through sentence analysis can help students adapt more quickly to the demands of translation work.

Intercultural communication requires not only linguistic proficiency but also the ability to manage culturally relevant information effectively. Memory plays a key role in this process, enabling:

1. Preservation and Reproduction of Cultural Context.

Translators often encounter realities, idioms, and set expressions unique to specific cultures. For example, proverbs or metaphors that are specific to one language may lack direct equivalents in another. To find appropriate equivalents, translators must recall and consider the cultural specifics of both the source and target languages.

2. Prevention of Information Loss.

In intercultural communication, mistakes arising from forgotten details or incorrect transmission of meanings can lead to misunderstandings. The development of memory aids translators in preserving the accuracy and completeness of information, even when working with extensive texts.

3. Rapid Adaptation to Changes in the Language Environment.

Contemporary intercultural communication requires flexibility from translators. Memory enables professionals to adapt quickly to shifts in the linguistic environment, memorize new terms, and recognize stylistic features in texts, which is particularly important in a dynamic professional setting.

4. Fostering Trust Between Cultures.

As intermediaries between cultures, translators contribute significantly to the success of communication. Accurate transmission of information, facilitated by a well-developed memory, supports the establishment of trustful relationships.

5. Application of Cognitive Memory Skills.

Translation often involves analyzing context, memorizing terms, and simultaneously selecting equivalents in the target language. This process demands a well-developed working memory, which allows translators to retain and process multiple elements of text and cultural information simultaneously.

Effective memory development in translation students is achievable through a systematic approach and the use of diverse methods. Some of these methods are outlined below.

Methods for Memory Development in Translation Students.

1. Working with Texts of Varying Complexity.

Engaging with texts across different styles and subjects (scientific, technical, artistic, legal) allows students to expand their vocabulary and hone their ability to memorize contextual details. It is important to identify semantic groups and establish intra- and inter-group connections, thereby enhancing memorization.

2. Exercises for Developing Short-term Memory.

“Translate and Repeat”. The student reads a short text (5–7 sentences) in one language and then translates it into another language without referencing the original. Afterward, the student repeats the original text to verify the accuracy of the translation and structure.

“Verbal Chain”. The teacher dictates a series of related words or phrases (e.g., trek, journey, trip, tour, voyage, roam, wander, pilgrimage). Students

are asked to memorize and reproduce them in order, or translate them. In our experience, students who used associative memorization techniques showed faster progress in mastering specialized terminology and using it more confidently in translations.

3. Exercises for Long-term Memory Training.

Creating a Thematic Glossary. Students independently compile glossaries of terms on specific topics, translate them, and provide usage examples. Regular repetition helps solidify new vocabulary in long-term memory.

4. Memory Training Games.

“Mnemonic Cards”. Students receive cards with terms and their translations. The task is to match terms with their equivalents, memorizing as many pairs as possible. I. S. Alekseeva suggests using mnemonic cards to improve both the quantity and function of working memory, as well as auditory memory [Alekseeva, 2001].

“Secret Translator”. In groups, one student reads a sentence in the source language, the second translates it, and the third reproduces the original sentence, checking the translation’s accuracy.

5. Using the Associative Method.

One of the most effective memory techniques for vocabulary acquisition is the method of associations. An association links objects or concepts in the human mind, where the perception of one object triggers the memory of another. Associations can be logical, fantastic, or personal, helping to better retain information. Using associations and visualizing related objects can assist in memorizing large sets of lexical items. *For example, numerical data can be linked with familiar phone numbers, addresses, or significant personal dates* [Minyar-Belorushev, 1999].

6. Leveraging Technology.

Digital tools such as Quizlet, Anki, and Quizizz allow students to create personalized flashcard sets containing terms, translations, and examples. For instance, students frequently use Quizlet during their studies to create flashcards that they review periodically. This method significantly accelerates the memorization process, enhancing students’ retention of terminology. During proficiency exams, students often demonstrate a solid command of specific terms, illustrating how technology can effectively support memory development in future translators.

In this article we examined the primary types of memory and their role in translation, as well as methods for developing memory, including practical exercises that can be integrated into the educational process. Special

emphasis has been placed on the significance of working memory as a key tool for real-time analysis and information processing.

Effective memory development enables students to master professional translation skills, preserve cultural and linguistic contexts, handle large volumes of information, improve intercultural interaction. Thus, strengthening memory not only enhances the professional training of future translators but also facilitates their successful integration into the complex dynamics of intercultural communication. The methods and exercises outlined in this article can help train highly qualified specialists capable of navigating the challenges of the modern world.

Литература

1. Alexeeva I. S. Professional Training of Translators // A Textbook for Translators and Educators. – St. Petersburg: “Soyuz” Publishing House, 2001. – 288 p.
2. Gamezo M. V., Gerasimova V. S., Mashurcova D. A., Orlova L. M. General Psychology // Teaching and Methodological Guide under the General Editorship of M. V. Gamezo. – Moscow: Os’ 89, 2007. – 352 p.
3. Minyar-Beloruchev R. K. How to Become a Translator? – Moscow: Gothika, 1999. – 176 p.
4. Zefirov I. L. Physiological Foundations of Memory. The Development of Memory in Children and Adolescents / T. Zefirov, N. Ziyatdinova, A. Kuptsova. Kazan: Kazan Federal University, 2015. – 40 p.
5. Navarro A. Memory Does Not Deceive. Tasks and Puzzles for Developing Intelligence and Memory // Ángel Navarro; translated from Spanish by N. Dmitrieva. – Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber, 2015. – 160 p.

УДК 81

Ю. В. Калачева, С. А. Чопикян

(Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева)

ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА: БАРЬЕРЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы и барьеры, возникающие в процессе профессионально ориентированного перевода, а также противоречия, с которыми сталкиваются переводчики, работающие в специфических областях, таких как юридический, технический, медицинский и литера-

турный перевод. Описание теоретических подходов и практических аспектов позволяет глубже понять трудности, возникающие у специалистов, а также пути их преодоления в рамках профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессионально ориентированный перевод, барьеры, противоречия, переводчик, специализация, термины, межкультурная коммуникация.

PROFESSIONAL TRANSLATION ISSUES: BARRIERS AND CONTRADICTIONS

This article examines the problems and barriers that arise in the process of professionally oriented translation, as well as the contradictions faced by translators working in specific fields such as legal, technical, medical and literary translation. The description of theoretical approaches and practical aspects allows for a deeper understanding of the difficulties faced by specialists, as well as ways to overcome them in their professional activities.

Keywords: professionally oriented translation, barriers, contradictions, translator, specialization, terms, intercultural communication.

Современный перевод является многогранной и многозадачной деятельностью, охватывающей широкий спектр сфер и направлений, включая литературный, технический, юридический и другие виды перевода. Одной из ключевых характеристик перевода в XXI веке является его профессиональная ориентированность, связанная с высокой степенью специализации переводчика. Преодоление языковых и культурных барьеров, требующих глубоких знаний и навыков, является неотъемлемой частью работы профессионала в этой области.

Однако помимо лингвистических трудностей, переводчики сталкиваются с рядом профессиональных барьеров и противоречий, которые затрудняют качественное выполнение переводных работ. В данной статье рассматриваются основные барьеры, такие как недостаток контекстуальных знаний, противоречия в подходах к переводу специализированных терминов, проблемы при интерпретации культурных различий, а также факторы, влияющие на качество перевода в профессиональной деятельности.

Одним из основных барьеров, с которыми сталкиваются переводчики, является языковая разница между исходным и целевым языком. Это не только проблема лексических и грамматических различий, но и

различий в стиле, интонации, а также в структуре предложений. В случае с профессионально ориентированным переводом эти сложности могут стать более выраженными, поскольку для каждой области необходимо учитывать специфическую лексику и фразеологию [Стернин, 2019].

Для качественного перевода важно не только знание языка, но и знание контекста, в котором используется тот или иной термин. Это особенно важно для переводчиков, работающих в специализированных областях, таких как юриспруденция, медицина или техника. Без знания специфики той или иной отрасли переводчик рискует сделать ошибку в интерпретации термина или фразы, что может повлиять на точность перевода и, в худшем случае, привести к юридическим или медицинским последствиям.

С развитием технологий и глобализацией на первый план выходят вопросы технологической адаптации в переводе. Программные инструменты, такие как системы машинного перевода, могут существенно ускорить процесс перевода, однако они не всегда способны учесть все нюансы языка, включая контекст и культурные особенности. Кроме того, использование таких инструментов требует от переводчика специальных знаний в области информационных технологий и умения работать с соответствующими программными продуктами.

Одной из сложных проблем в профессионально ориентированном переводе является проблема выбора правильной терминологии. В некоторых областях, например, в медицине, существует большое количество синонимов для одних и тех же понятий. В то время как в других областях, таких как технический перевод, стремятся к максимальному единству терминов. Это противоречие вызывает сложности при принятии решения, какой из вариантов использовать в контексте перевода [Кобзарь, 2009].

Для успешной локализации текста, особенно в областях, связанных с технологиями и медициной, переводчики сталкиваются с необходимостью адаптации терминов для целевой аудитории, что может вести к искажению первоначального смысла. Некоторые термины, которые существуют в исходном языке, могут не иметь точных аналогов в целевом языке, что порождает проблему их адаптации или замены.

В процессе профессионального перевода важно учитывать не только языковые, но и культурные различия между странами и регионами. Особенно это актуально для таких областей, как маркетинг, реклама

и литература, где необходимо передать не только смысл, но и соответствующую эмоциональную окраску, ассоциации и культурные особенности. Игнорирование этих факторов может привести к неудачной локализации, которая не будет понятна или принята целевой аудиторией.

При переводе специфических материалов, например, юридических документов или медицинских заключений, контекст является не только важным, но и решающим фактором. Важно учитывать местные законы, традиции, а также различные интерпретации терминов в разных странах, что создает дополнительные сложности и противоречия в процессе перевода.

Для преодоления барьеров и разрешения противоречий в профессиональном переводе необходимо продолжать образование и развитие переводчиков. Специализированные курсы, тренинги и семинары, а также углубленное изучение конкретных отраслей (например, юриспруденции или медицины) способствуют формированию у переводчиков необходимых знаний и навыков для работы с профессионально ориентированными текстами.

С развитием технологий, таких как машинный перевод и системы для создания глоссариев и памяти переводов, становится возможным повысить качество перевода и снизить вероятность ошибок, связанных с терминологией и контекстом. Однако важно понимать, что машинный перевод не заменит человеческий фактор, особенно в области, требующей глубокой специфики и культурной чувствительности [Бахтин, 2017].

Совместная работа переводчиков, специалистов в соответствующих областях (например, юристов, медиков, инженеров) и лингвистов помогает создать более точные и качественные переводы, особенно в тех случаях, когда необходима высокая степень точности и специфичности.

Профессионально ориентированный перевод является сложной и многогранной деятельностью, в которой переводчик сталкивается с различными барьерами и противоречиями. Важно не только обладать глубокими знаниями языка, но и понимать специфику той или иной области. Для успешной работы в этой сфере необходимо преодолевать барьеры, связанные с языковыми, культурными и техническими аспектами, а также уметь эффективно разрешать противоречия, возникающие в процессе перевода специализированных терминов и адаптации материалов для целевой аудитории.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы текста в филологии и лингвистике / М. М. Бахтин. – М.: Наука, 2017. – 380 с.
2. Стернин И. А. Профессиональный перевод: теория и практика / И. А. Стернин. – М.: РГГУ, 2019. – 412 с.
3. Кобзарь Т. И. Перевод как профессиональная деятельность: теоретические и практические аспекты / Т. И. Кобзарь. – М.: Научная книга, 2009. – 469 с.

УДК 378

Р. Н. Каплун

(Филиал Военной академии РВСН им. Петра Великого в г. Серпухове)

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОЕННОГО ПЕРЕВОДА

В настоящей статье отражены результаты исследования современного военного профессионального перевода, а также основные проблемы и трудности, с которыми сталкивается современный военный переводчик.

Ключевые слова: военный перевод, жаргон, переводчик, трудности военного перевода.

MAIN DIFFICULTIES OF MODERN PROFESSIONAL MILITARY TRANSLATION

This article reflects the results of a study of contemporary military professional translation, as well as the main problems and difficulties faced by the modern military translator.

Keywords: military translation, jargon, interpreter, difficulties of military translation.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы выяснить основные трудности современного военного перевода. Для начала нам необходимо указать, что нам известно о переводе вообще, а затем мы уже укажем на то, как военный контекст может добавить сложности.

Во-первых, перевод – это не просто преобразование слов с одного языка на другой. Он включает в себя понимание контекста, идиом,

культурных нюансов и т. д. Военный перевод имеет свои специфические проблемы. Вот некоторые из них.

1. Технический жаргон: военная терминология изобилует специализированными терминами, акронимами и сокращениями. Например, такие термины, как “CAS” (Close Air Support) или “SOP” (Standard Operating Procedure), могут часто встречаться в военных документах, но не быть широко известными за их пределами. Переводчикам необходимо знать точные эквиваленты в языке перевода, которых может не быть или они могут отличаться. Военные акронимы и аббревиатуры часто несут в себе не только информацию, но и специфику, обусловленную тактикой, стратегией, историей и даже политической ситуацией. Поэтому при переводе таких терминов необходимо учитывать не только лексическое значение, но и контекст, в котором они используются, а также их восприятие в разных культурах [Арнольд, 2005: 205].

2. Засекреченная информация: военные документы часто бывают засекречены. Переводчикам могут потребоваться допуски, а работа с такой секретной информацией требует соблюдения строгих протоколов. Возможно, существуют ограничения на то, кто может переводить определенные документы или как с ними обращаться.

3. Культурные нюансы: военные операции часто предполагают работу с союзниками, принадлежащими к разным культурам. Неправильная интерпретация культурных особенностей или протоколов может привести к недопониманию. Например, определенные жесты или фразы, приемлемые в одной культуре, могут быть оскорбительными в другой.

4. Сленг и кодовые слова: военнослужащие используют сленг, кодовые названия или жаргон, которых может не быть в стандартных словарях. Переводчики должны быть знакомы с этими терминами, что может оказаться сложной задачей, если они не в курсе современного военного сленга. Это подчеркивает важность контекстуального анализа при переводе, особенно в военной сфере, где однозначность информации критически важна [Борисов, 2004: 176].

5. Перевод в режиме реального времени: в таких ситуациях, как переговоры или оперативные мероприятия, переводчикам может потребоваться работать в режиме реального времени. Это увеличивает нагрузку и риск ошибок, особенно при быстром общении. В военном переводе, где точность и ясность являются приоритетами, это

может быть особенно критично, так как неправильное понимание терминов может привести к серьезным последствиям [Бархударов, 1975: 57].

6. Правовые и этические вопросы: Военные переводы могут включать в себя юридические документы, правила ведения боевых действий или договоры. Любая ошибка в переводе может иметь серьезные юридические последствия или привести к непреднамеренному нарушению международных законов.

7. Технологические средства: хотя программное обеспечение для перевода усовершенствовано, оно может плохо справляться с военной терминологией. Чрезмерное доверие к инструментам без контроля со стороны человека может привести к ошибкам.

8. Двусмысленность и контекст: военные сообщения могут быть неоднозначными по соображениям безопасности. Переводчикам необходимо различать, когда двусмысленность является намеренной, а когда – ошибкой, что требует глубокого понимания контекста.

9. Разнообразие форматов: военные документы могут быть самыми разными: от технических руководств до стратегических планов, перехваченных сообщений. Каждый формат может требовать различных подходов к переводу.

10. Динамическая природа языка: военные термины развиваются вместе с новыми технологиями и тактиками. Постоянно следить за новыми терминами, такими как термины кибервойны или технологии беспилотных летательных аппаратов, – постоянная задача.

Также не стоит забывать и про местные диалекты. Если военные действуют в регионе с несколькими диалектами, переводчикам необходимо понимать, какой именно диалект там используется. Также необходимо учитывать аспекты невербальной коммуникации – хотя это скорее устный, чем письменный перевод. Особенно следует учитывать стресс и давление в боевых условиях, влияющие на точность перевода. Переводчики, работающие в полевых условиях, могут столкнуться с отвлекающими факторами или нехваткой времени, которых нет в других условиях.

Еще одним моментом может быть необходимость в междисциплинарных знаниях. Военным переводчикам может потребоваться понимание таких областей, как инженерное дело, кибербезопасность или логистика, чтобы точно переводить соответствующие документы. Переводчики могут столкнуться с содержанием, вызывающим беспо-

койство или моральные переживания, что может повлиять на их работоспособность или психическое здоровье.

Таким образом, основные трудности современного военного перевода можно разделить на несколько ключевых областей:

1. Специализированная терминология и жаргон: военный язык включает в себя аббревиатуры (например, CAS, IED), кодовые названия и специфические термины (например, «множитель силы»), которые требуют точных эквивалентов в языке перевода. Быстрый прогресс в технологиях (например, кибервойна, беспилотники) и тактике требует постоянного обновления терминологических баз данных.

2. Безопасность и конфиденциальность: работа с секретной или конфиденциальной информацией требует от переводчиков наличия допусков и соблюдения строгих протоколов для предотвращения утечек. При переводе материалов, связанных с нарушением прав человека или секретными операциями, могут возникать этические дилеммы. Неправильное толкование культурно-специфических ссылок (например, протоколов, юмора) может привести к дипломатическим трениям или оперативным ошибкам. Региональные диалекты и невербальные сигналы (например, жесты) требуют знания местных особенностей для точного перевода.

3. Оперативная нагрузка: перевод в реальном времени в живых сценариях (например, переговоры, бой) повышает риск ошибок из-за стресса или нехватки времени. Полевые условия (например, шум, отвлекающие факторы) еще больше затрудняют точность. Перевод юридических документов (договоров, правил ведения боевых действий) требует точности, чтобы избежать нарушений международного права. Моральные переживания могут возникнуть при работе с тревожными материалами (например, военными преступлениями).

4. Технологические ограничения: средства машинного перевода часто не могут уловить специфический военный жаргон, что требует человеческого контроля. При использовании цифровых инструментов для работы с секретными материалами возникают риски кибербезопасности. Переводчики должны разбираться в таких областях, как инженерное дело, логистика или кибербезопасность, чтобы точно передавать технические документы.

5. Разнообразие форматов: адаптация подходов к различным форматам (технические руководства, перехваченные сообщения) усложняет задачу. Быстро меняющиеся геополитические ландшафты

и альянсы требуют от переводчиков постоянной информированности о меняющихся терминологиях и протоколах.

В заключении следует вывод, что эффективный военный перевод требует не только лингвистической экспертизы, но и знания культуры, технических знаний и способности адаптироваться к условиям, требующим высоких ставок. Для решения этих задач необходимы постоянное обучение, сотрудничество с профильными экспертами и соблюдение строгих этических норм.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – 7-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 384 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов; под ред. А. Д. Швейцера. – М.: Военное издательство, 2004. – 320 с.

УДК 81 (07)

Е. В. Кирпичева, М. А. Воронин

(Мичуринский государственный аграрный университет)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С АНАЛИЗАТОРАМИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается тесная взаимосвязь обучения речевой деятельности с анализаторами речевой деятельности на уроках иностранного языка в средней общеобразовательной школе. Авторами раскрыты значения терминов «речевая деятельность» и «анализаторы речевой деятельности», даны формулировки успешного психолого-педагогического формата урока по иностранному языку. Рассмотрены последствия повреждения анализаторов речевой деятельности для образовательного процесса иноязычного обучения.

Ключевые слова: взаимосвязь обучения речевой деятельности с анализаторами речевой деятельности, обучение речевой деятельности на уроках

иностранный язык в средней общеобразовательной школе, современная методика обучения иностранным языкам.

INTERRELATION OF TEACHING SPEECH ACTIVITIES WITH SPEECH ACTIVITY ANALYZERS IN FOREIGN LANGUAGE LESSONS IN SECONDARY SCHOOL

The article examines the close relationship between teaching speech activity and speech activity analyzers in foreign language lessons in secondary comprehensive schools. The authors reveal the meanings of the terms “speech activity” and “speech activity analyzers”, and formulate a successful psychological and pedagogical format for a foreign language lesson. The consequences of damage to speech activity analyzers for the educational process of foreign language teaching are considered.

Keywords: relationship between teaching speech activity and speech activity analyzers, teaching speech activity in foreign language lessons in secondary comprehensive schools, modern methods of teaching foreign languages.

Рассмотрение обучению речевой деятельности в средней общеобразовательной школе стоит начать с определения понятия речевая деятельность. А. И. Иванченко даёт следующее определение: «речевая деятельность – это процесс речевого общения. В методике к видам речевой деятельности относят аудирование, говорение, чтение и письмо» [Иванченко, 2016: 155]. Стоит отметить, что методика обучения иностранным языкам также подразделяет виды речевой деятельности – аудирование, говорение, чтение, письмо, на письменные и устные.

Известно, что «методика тесно связана с педагогикой, являясь одним из её разделов – частной дидактикой» [Щукин, 2017: 24]. Тесная связь методической науки с педагогической обеспечивает правильно спланированный урок по иностранному языку, который в свою очередь формулируется на основе анализаторов речевой деятельности.

Анализаторами речевой деятельности выступают «сложные анатомо-физиологические образования, отвечающие за восприятие и порождение речи» [Иванченко, 2016: 156]. Они начинают обработку информации уже с самого рождения человека, формируются в обоих полушариях головного мозга. В современной методической литературе выделяют следующие речевые анализаторы: «слуховой, зритель-

ный, двигательный, речедвигательный (речемоторный)» [Иванченко, 2016: 156].

Успешное обучение речевой деятельности на уроке иностранного языка зависит во многом от индивидуальных особенностей восприятия обучающихся, развития их памяти. Ведь у первых преобладает восприятие зрительное, у вторых развито восприятие слуховое, а у третьих напротив развито моторное восприятие. Поэтому некоторым обучающимся легче воспринимать информацию на слух, для кого-то нужно постоянное аудирование на иностранном языке и так далее. Было бы не корректно выделять наиболее сложный вид речевой деятельности для всех, ведь как было уже упомянуто выше, во многом восприятие речевой деятельности зависит от индивидуальных, личностных характеристик отдельного обучающегося средней общеобразовательной школы.

Речевая деятельность без сомнения находится в тесной связи с анализаторами. Выделяются ведущий и сопутствующий виды анализаторов. К ведущему анализатору относят: «аудирование – слуховой, говорение – речедвигательный, чтение – зрительный, письмо – двигательный» [Иванченко, 2016: 156]. Сопутствующий анализатор в связи с видами речевой деятельности находится следующим образом: «аудирование – речедвигательный, говорение – слуховой, чтение – слуховой (речедвигательный), письмо – зрительный, слуховой, речедвигательный» [Иванченко, 2016: 156]. Не стоит забывать, что каждый вид речевой деятельности полагается на слуховой и речедвигательные анализаторы.

Важно рассмотреть последствия повреждения анализаторов. Повреждение анализаторов влечёт за собой нарушение анализа информации, фонетических и фразовых конструкций, написания букв и артикуляции словами. В случае если произошло нарушение двигательного анализатора, то «утрачивается способность тонких движений, необходимых для написания букв и других знаков» [Иванченко, 2016: 158].

Ещё одним важным аспектом обучения речевой деятельности иностранным языкам является психолого-педагогическая мотивация к предмету урока со стороны обучающихся и со стороны педагога. Щукин А. Н. подразумевает под мотивом – «побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей человека» [Щукин, 2017: 26]. От мотивации и психологической атмосферы при обучении

речи зависит эффективность образовательного процесса. Ведь от того, как чувствует себя обучающийся на уроке, комфортности построения урока, эмоциональной напряжённости или эмоциональной разгрузки зависит успешность обучения речевой деятельности. Благоприятный климат на уроке иностранного языка является важным компонентом целостного, успешного формирования показателей сформированности речевых умений.

Таким образом, тесная взаимосвязь обучения речевой деятельности с анализаторами речевой деятельности является признаком успешного, спланированного урока по иностранному языку. Анализаторы выступают своеобразными рецепторами речевой деятельности. Развитие слухового и речедвигательного анализаторов, наличие заданий на прослушивание и проговаривание в процессе обучения непосредственно связаны с целостным и комплексным достижением целей и задач урока.

Литература

1. *Иванченко А. И.* Практическая методика обучения иностранным языкам: учебное пособие для студентов и преподавателей / А. И. Иванченко. – СПб: КАРО, 2016. – 256 с.

2. *Шукин А. Н.* Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). Учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов / А. Н. Шукин. – М.: ИКАР, 2017. – 336 с.

УДК 81.8

А. Ю. Коблова

(Оренбургский государственный педагогический университет)

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК МАРКЕРЫ ПЕРЦЕПЦИИ АВТОРА НАУЧНОГО ТЕКСТА (на материале современного английского языка)

В статье рассмотрены модальные слова чувственного восприятия, которые являются одними из маркеров отражения категории перцептивности в научных текстах. Научная новизна исследования состоит в выявлении модальных слов, семантика которых способствует определению степени достоверности научного дискурса. В результате исследования выявлена

группа модальных слов с семантикой чувственной перцепции, члены которой передают различную верификацию представленной в тексте научной информации.

Ключевые слова: модальность, модальные слова, категория перцептивности, научный текст.

MODAL WORDS AS MARKERS OF PERCEPTION OF THE AUTHOR OF A SCIENTIFIC TEXT (based on the material of modern English)

The article examines the modal words of sensory perception, which are one of the markers of reflection of the category of perceptivity in scientific texts. The scientific novelty of the research consists in identifying modal words, the semantics of which contributes to determining the degree of reliability of scientific discourse. As a result of the study, a group of modal words with the semantics of sensory perception was identified, the members of which convey various verifications of the scientific information presented in the text.

Keywords: modality, modal words, category of perceptivity, scientific text.

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в развитии лингвистической науки, проявляющееся в использовании различных современных технологий для написания научных текстов. Сегодня становится труднее читателю и исследователю идентифицировать текст научной статьи, диссертации, пособия, автореферата как достоверный. Поэтому проведение детального анализа текста на употребление различных языковых конструкций с семантикой перцепции дает возможность выявить маркеры достоверности научного текста. Одним из таких маркеров его достоверности информации являются модальные слова, изучению прагматического потенциала которых посвящается настоящая статья.

Прежде чем перейти к непосредственному изучению модальных слов в английском языке, стоит рассмотреть дефиницию модальности. В. Виноградов считал, что модальность является центральной категорией, функционирующей в разных формах языковых систем [Виноградов, 1975: 55]. Французский лингвист Ш. Балли писал о том, что «...нельзя придавать значение предложению высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [Балли, 1955: 44]. В. З. Панфилов выделяет два типа модальных значений:

объективную модальность и субъективную модальность [Панфилов, 1977: 37]. Объективная – отражает характер объективных (возможных, действительных, необходимых) связей, намеченных в той или иной ситуации, на которую направлено познавательное действие [Словарь лингвистических терминов, 2004]. Субъективная модальность – оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения достоверности, вероятности, невероятности и т.д [Словарь лингвистических терминов, 2004]. Модальные слова будут передавать субъективную оценку высказыванию, выражать уверенность или вероятность.

Интересующие нас модальные слова как маркеры перцепции автора текста, относятся в предложенной выше классификации к субъективной модальности [Словарь лингвистических терминов, 2004], так как отображают точку зрения автора относительно достоверности предъявляемой в тексте информации. Перцепцию мы понимаем широко как процесс восприятия и отображения человеком информации внешнего мира [Комлева, Сергеева 2019: 92]. Семантический признак модальных слов – это оценивание высказывания с точки зрения его достоверности, вероятности, возможности, желательности и т. д. В предложении их синтаксической функцией является функция вводного члена предложения. Остановимся более подробно на модальных словах, связанных с чувственным восприятием: *evidently, obviously, clearly, apparently*. Изучение именно этих модальных слов релевантно в связи с возможностью отражения ими категории перцептивности в научных текстах.

Согласно онлайн-версии англоязычного словаря «Cambridge dictionary» слово *evidently* означает: 1. То, что можно легко увидеть. 2. То, что говорят, когда люди верят, что это правда (The Cambridge English Dictionary). Collins English Dictionary дает объяснение модальному слову *evidently* как несомненно, без вопросов (Collins English Dictionary). Семантика модального слова *Obviously* – то, что легко увидеть (The Cambridge English Dictionary, Collins English Dictionary). *Clearly* означает то, что можно легко увидеть, услышать или понять (The Cambridge English Dictionary). *Clearly* – в очевидной манере (Collins English Dictionary). *Apparently* – употребляется, когда говорящий услышал, прочитал, но не уверен в достоверности информации (The Cambridge English Dictionary). *Apparently* – кажется, что так; насколько известно (Collins English Dictionary). Данные модальные слова в зависимости от их упо-

требления в научных текстах придают предложениям оттенок высокой достоверности или же напротив снижают ее. Поэтому использование различных слов с семантикой чувственного восприятия являются одним из способов идентификации текста как научно-обоснованного и подкрепленного доказательной информацией.

Рассмотрим примеры, взятые из научных статей на английском языке.

Some of the unique ways intradermal delivery might be harnessed include local delivery to common skin cancers such as melanoma, as well as morebroadly applicable concepts such as using intradermal delivery to strongly activate large subsets of skin-resident immune cells already sampling but perhaps not activated against existing and neo-tumor antigens that often develop during cancer.⁴² MNs, as demonstrated by the first few examples recently reported using these technologies in the context of cancer, 23–29 *clearly* have great potential (ACS Biomaterials Science and Engineering, 2023). В данном примере используется модальное слово *clearly* подтверждает эффективность использования технологий. Данное слово усиливает эффект действенности этих способов решения проблемы. Модальное слово *clearly* придает оттенок уверенности в сообщаемой информации, дает возможность читателю убедиться в достоверности представленного научного факта.

Пример употребления модального слова *obviously*, заимствованный из текста научной статьи, опубликованного в журнале по биоинженерии. В анализируемом тексте описывается использование биоматериалов. *Obviously*, such particles must be oxygen permeable if they are used for oxygen sensing (ACS Biomaterials Science and Engineering, 2023). Модальное слово *obviously* в представленном примере придает оттенок достоверности сообщаемому с помощью перцептивной семантики самого слова. *Obviously* обладает значением увиденного собственными глазами, тем самым придавая верификационные признаки тексту научной статьи.

Рассмотрим следующий пример из научной статьи по медицинским исследованиям на предмет выявления признаков достоверности представленной информации. *As evidently*, some of the features *visible* within the porous region are due to fluorescence of the silk scaffold [11]. В данном примере слово *evidently* указывает на очевидность и точность передаваемой информации, так как в семантике модального слова есть значение передачи достоверных фактов. Помимо исполь-

зования в данном предложении модального слова *evidently*, есть прилагательное *visible*, которое также содержит семантику достоверности увиденного. Наличие в предложении двух частей речи со значением очевидности только усиливает факт точности информации, содержащейся в данной статье.

Употребление модального слова *apparently* демонстрируется в следующем примере из текста научной статьи. Despite the semi-mechanistic nature of the model here developed, it has been proven that the model can be applied to describe drugs that ***might apparently*** have different mechanisms of action, but in last term induce an adaptive immune response (PubMed, 2025). В данном примере модальное слово *apparently* передает неточность информации. Использование перед ним модального глагола *might* с семантикой неуверенности или сомнения в представленных фактах (The Cambridge English Dictionary) еще более уменьшает уверенность автора текста в представленной им научно информации.

Проанализированные примеры из текстов научных статей позволяют констатировать, что употребление разных модальных слов влияет отражении перцепции автора научного текста, указывает на большую или меньшую степень достоверность информации в научном дискурсе. Употребление одного модального слова влияют на увеличение или снижения достоверности, точности представленных фактов в тексте. Это свойство описано в «Стилистике английского языка» И. В. Арнольд как иррадиация, то есть способность одного языкового элемента изменить модальность всего предложения [Арнольд, 2002].

На основании проанализированного исследовательского материала модальные слова со значением чувственного восприятия можно расположить в последовательности от уменьшения к увеличению передачи достоверности информации в научном тексте. Наименьшая степень модальности передается модальным словом “*apparently*”, обладающим значением «вероятно», «по-видимому». Тем самым выражая неуверенность и сомнение. Модальное слово, которое увеличивает степень достоверности передаваемой информации – “*clearly*”. Оно означает «ясно», «очевидно» и находится на следующей ступени к увеличению достоверности информации. Далее следует модальное слово “*obviously*”, со значением «совершенно очевидно», «разумеется», как придание большей степени достоверности. Наиболее интен-

сивным средством передачи информации является модальное слово “evidently” со значением «очевидно» и «несомненно».

Таким образом, мы приходим к выводам о том, что модальные слова выступают в научном тексте как маркеры перцепции его автора, свидетельствующие, с одной стороны, о степени его уверенности в достоверности предъявленной информации, а, с другой стороны, о подлинности полученного автором научного знания. Адресату научного текста важно получать информацию, подтверждённую достоверными фактами, чтобы использовать ее в дальнейшем для собственных исследовательских целей.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Из-во Иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. Бархударов Л. С., Штеллинг Д. А. Грамматика английского языка. Изд-е 4-е, испр. – М.: Высшая школа, 1978. – 423 с.
5. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
6. Комлева Е. В., Сергеева Н. В. К вопросу о перцептивности как функционально-семантической категории (на материале современного английского языка) // Казанская наука. 2019 г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский дом. 2019. № 3. – С. 91–94.
7. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. – С. 37–48.
8. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010.
9. David I. Kaplan. ACS Biomaterials & Engineering. URL: https://pubs.acs.org/page/abseba/profile.html?utm_source=chatgpt.com
10. Pub Med Central (PMC). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/>
11. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com>
12. The Cambridge English Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
13. Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>

В. Д. Ковригин, И. В. Мунина

(Уральский государственный медицинский университет Минздрава России)

ЯЗЫК СОВРЕМЕННЫХ СМИ: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена анализу эволюции языка современных СМИ и его роли в формировании коммуникационных процессов в обществе. Статья рассматривает эволюцию языка СМИ от официально-делового стиля XIX века до современного упрощённого и эмоционального формата. Анализируются влияние цифровых технологий, сленга и глобализации на медиатексты, а также проблемы потери объективности и распространения фейковых новостей. Особое внимание уделяется роли социальных сетей и искусственного интеллекта в трансформации медиаконтента.

Ключевые слова: Современные СМИ, язык масс-медиа, цифровизация, медиадискурс, фейковые новости.

LANGUAGE OF MODERN MEDIA: TRENDS AND FEATURES

The article is devoted to the analysis of the evolution of the language of modern media and its role in the formation of communication processes in society. The article examines the evolution of the language of the media from the official business style of the 19th century to the modern simplified and emotional format. The influence of digital technologies, slang and globalization on media texts, as well as the problems of loss of objectivity and the spread of fake news are analyzed. Particular attention is paid to the role of social networks and artificial intelligence in the transformation of media content.

Keywords: Modern media, the language of mass media, digitalization, media discourse, fake news.

История развития языка СМИ отражает общие тенденции в эволюции человеческой коммуникации. Если в XIX веке газеты писались в строгом официально-деловом стиле, то сегодня медиатексты становятся всё более разговорными, доступными и даже развлекательными. Это связано с тем, что современные СМИ ориентированы на максимально широкую аудиторию, включая людей с разным уровнем образования и культурным багажом. Кроме того, глобализация и развитие технологий привели к тому, что информация должна

быть «быстрой», чтобы соответствовать ритму жизни современного человека.

В результате язык СМИ стал упрощённым. Короткие предложения, активный залог, минимум сложных конструкций – всё это делает тексты более читаемыми. Однако такая тенденция имеет и обратную сторону: зачастую упрощение языка ведёт к утрате глубины анализа и нюансов в освещении событий. Информация становится поверхностной, что может привести к недопониманию или искажению реальности.

Особенности языка современных СМИ

Одной из ключевых особенностей языка современных СМИ является его эмоциональная окраска. Сегодня новости и статьи часто написаны таким образом, чтобы вызвать у читателя определённые чувства – от удивления до возмущения. Это достигается через использование оценочной лексики, таких слов, как «шокирующий», «невероятный» или «сенсационный». Эмоциональность текста помогает удерживать внимание аудитории, но при этом может манипулировать её восприятием. Например, заголовок «Правительство скрывает правду!» сразу вызывает у читателя чувство недоверия, даже если сама информация не подтверждена фактами.

Ещё одной характерной чертой языка современных СМИ является использование сленга и неологизмов. Социальные сети и молодёжная культура оказывают значительное влияние на медиаконтент. Слова, такие как «кринж» **cringe**, «хайп» **hype** или «фейк» **fake**, давно вошли в обиход и стали частью медиатекстов. Такие выражения делают контент более актуальным для молодой аудитории, но могут вызывать недоумение у старшего поколения, что создаёт своего рода «языковой разрыв» между разными группами читателей.

Тенденции языка современных СМИ

Одной из самых заметных тенденций последних лет стало доминирование цифровых платформ. Социальные сети, такие как Instagram, TikTok и Twitter, изменили правила игры в мире медиа. Контент создаётся для быстрого потребления, что приводит к использованию коротких предложений, хэштегов и аббревиатур. Например, вместо длинного рассказа о событии пользователь может увидеть короткий пост с несколькими ключевыми фразами и GIF-изображением. Такой подход соответствует современным требованиям, но ставит под сомнение качество информации.

Проблемы языка современных СМИ

Несмотря на все преимущества, язык современных СМИ сталкивается с рядом проблем. Одной из главных является потеря объективности. Чрезмерное использование эмоциональной лексики и манипулятивных стратегий приводит к тому, что новости начинают восприниматься как развлечение, а не как источник достоверной информации. Это особенно заметно в случае сенсационных заголовков, которые часто преувеличивают события или даже искажают их суть.

Распространение фейковых новостей – ещё одна серьёзная проблема. Упрощение языка и стремление к быстрому распространению информации способствуют появлению недостоверных материалов. Лингвистические маркеры таких текстов включают гиперболизацию, отсутствие ссылок на источники и кликбейтные заголовки. Например, фраза «Все против нас!» может вызвать у читателя чувство страха, даже если сама информация не имеет под собой реальной основы.

Перспективы развития языка СМИ

В будущем язык современных СМИ будет продолжать меняться под влиянием новых технологий и социальных трендов. Искусственный интеллект уже начинает играть важную роль в создании медиаконтента. Алгоритмы способны автоматически генерировать тексты, анализировать данные и адаптировать контент под конкретного пользователя. Это открывает новые возможности, но также ставит вопросы о качестве и этике использования AI в медиа.

Персонализация контента станет ещё более значимой. Алгоритмы будут анализировать предпочтения пользователей и предлагать материалы, которые максимально соответствуют их интересам. Это сделает медиа более релевантными, но может также усилить эффект «информационных пузырей», когда люди получают только ту информацию, которая подтверждает их существующие взгляды.

Международное сотрудничество и глобализация продолжают влиять на язык СМИ. Мы можем ожидать ещё большего смешения языков и культур, что приведёт к появлению новых слов и выражений. Однако это также потребует от медиа большей ответственности в вопросах сохранения культурного многообразия и уважения к различным точкам зрения.

Таким образом, язык современных СМИ – это живой и динамичный организм, который постоянно адаптируется к новым условиям. Его упрощение, эмоциональность, использование сленга и мультимо-

дальности делают медиатексты более доступными и привлекательными, но также создают новые вызовы. Потеря объективности, распространение фейковых новостей и формирование стереотипов – это лишь некоторые из проблем, с которыми сталкиваются современные СМИ. Анализ тенденций и особенностей языка масс-медиа позволяет лучше понять их влияние на общество и найти способы более эффективного и этичного использования медиаконтента. В условиях стремительно меняющегося мира язык СМИ остаётся одним из ключевых инструментов формирования нашего восприятия реальности.

Литература

1. *Иванова М. А.* Медиадискурс в эпоху цифровизации: анализ языковых изменений. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-izmeneniya-i-mediagramotnost-perspektivy-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-v-epohu-tsifrovizatsii>
2. *Кара-Мурза С. Г.* Язык современных СМИ: особенности и тенденции. URL: https://akarussia.ru/files/docs/kara_murza.pdf
3. *Николаева А. В.* Языковые особенности фейковых публикаций. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-feykovyh-publikatsiy/viewer>
4. *Смирнова Т. В.* Особенности Коммуникации в социальных сетях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsii-v-sotsialnyh-setyah>

УДК 372.881.111.1

Л. В. Козлова

(Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина)

ЯЗЫК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается важность языка как социокультурного феномена, который не только служит средством общения, но и выполняет более глубокие функции в формировании культурных норм, ценностей и идентичности. Язык является неотъемлемой частью человеческой жизни и культуры, и его исследование имеет ключевое значение в условиях глобализации и межкультурного обмена, это не статичный инструмент, а динамичная сфера, в которой мимолетно пересекаются влияние культуры, образования и технологий.

Ключевые слова: социокультурный феномен, социокультурная деятельность, язык, культура, культурные нормы, речевая деятельность.

LANGUAGE AS A SOCIO-CULTURAL ACTIVITY

The article examines the importance of language as a socio-cultural phenomenon that not only serves as a means of communication, but also performs deeper functions in shaping cultural norms, values and identity. Language is an integral part of human life and culture, and its research is of key importance in the context of globalization and intercultural exchange. It is not a static tool, but a dynamic sphere in which the influence of culture, education and technology fleetingly intersect.

Keywords: socio-cultural phenomenon, socio-cultural activity, language, culture, cultural norms, speech activity.

Язык неразрывно связан с человеческой жизнью и культурой, служа основным инструментом общения и передачи информации. Однако его функции простираются гораздо дальше простой коммуникации. Язык формирует и отражает культурные нормы, ценности и идентичность, что делает его важным объектом изучения в контексте социокультурной деятельности. В условиях глобализации и межкультурного обмена исследование языка как социокультурного феномена приобретает особую актуальность, поскольку именно через язык передаются и сохраняются уникальные черты культурных традиций и мировоззрений [Андреева, 2024: 1–22].

Культурные нормы – это совокупность правил, ожиданий и стандартов, которые определяют, как люди должны вести себя в обществе. Они формируются на основе исторического опыта, традиций и ценностей, которые передаются из поколения в поколение. Язык не только служит средством передачи этих культурных норм, но и помогает закрепить их в сознании членов общества [Джигоева, 2017: 377–383].

На протяжении истории язык исполнял важнейшую роль в формировании и поддержании культурных ценностей различных обществ. Например, французский язык в период правления Людовика XIV стал символом утонченности и богатой культуры. Его использование в дипломатии, литературе и круге высшего общества той эпохи олицетворяло престиж и культурное превосходство. Владение французским языком считалось необходимым для представителей элиты, что спо-

собствовало распространению французских культурных ценностей за пределами страны. Таким образом, язык не только отражал, но и активно способствовал формированию представлений о культуре и её значении. В то же время языки и культуры разных народов обладают своими уникальными чертами [Карнаухова, 2013: 68–71].

Сегодня язык играет ключевую роль в сохранении и передаче культурных ценностей. Согласно данным 2019 года, примерно 40 % из 7 тысяч существующих языков находятся под угрозой исчезновения. Это связано с утратой уникальных традиций и знаний, которые передаются через язык. В то же время, примеры возрождения языков, таких как иврит, наглядно показывают, как язык может служить мощным инструментом для восстановления и укрепления культурной идентичности.

Речь является многоаспектным и определяющим фактором в манифестации социальной идентичности, представляя собой существенный инструмент, посредством которого индивидуумы обозначают свою причастность к конкретной социальной группе или общности. Социологические исследования Уильяма Лабова акцентируют внимание на том, что лингвистические особенности, такие как акцентуация, диалектные различия и выбор лексики, могут выступать в качестве значимых индикаторов социальной принадлежности.

К примеру, в ряде социумов определённый акцент может быть соотнесён с конкретным социальным слоем или этнокультурной группой, оказывая воздействие на восприятие индивида окружающими. Данный феномен иллюстрирует, что язык не только отражает существующие социальные условия, но и активно участвует в формировании социальных границ, позволяя индивидам идентифицировать себя и находить своё место в рамках сложной социальной иерархии. Язык функционирует как мощный инструмент в процессах самоидентификации и социальной интеграции, позволяя индивидам не только выражать свои мысли и эмоции, но и устанавливать связи с другими членами своей группы [Розикова, 2024: 271–274].

Социальные группы имеют ключевое значение в формировании и изменении языковой практики, влияя на наше общение и восприятие окружающего мира. Каждая группа – будь то профессиональная, возрастная или этническая – обладает своими особыми языковыми характеристиками, отражающими их уникальный опыт, ценности и традиции. Эти характеристики могут проявляться в словарном зап-

се, грамматике, интонации и темах обсуждений. Язык не существует в изоляции, а является результатом взаимодействия людей с окружающей средой и друг с другом [Дружинин, 2021: 67–93].

В крупных городах, таких как Нью-Йорк и Лондон, миграция и межкультурное взаимодействие способствуют появлению новых языковых форм, таких как спанглиш – сочетание испанского и английского языков, и кокни – диалект, характерный для восточного Лондона. Эти примеры показывают, как социальная среда создает новые языковые формы и адаптирует существующие, добавляя элементы других культур и языков. Таким образом, язык становится динамичным инструментом, который постоянно изменяется под воздействием социальных факторов.

Культурные традиции оказывают значительное влияние на формирование языковых норм и практик. Язык неразрывно связан с культурным наследием, через которое передаются обычаи, мифы и ценности, формируя идентичность группы. Каждый язык содержит уникальные аспекты культуры, которые могут быть утрачены, если язык перестанет использоваться. В то же время глобализация и культурная ассимиляция могут угрожать сохранению языков, особенно тех, что имеют ограниченное число носителей [Кожемякина, 2024: 1–192].

Речевая деятельность в разнообразных культурах являет собой своеобразное переплетение обычаев, общественных установлений и новейших направлений. Исследование данного явления становится особенно значимым в свете всемирной интеграции и межкультурного взаимодействия.

Устои играют основополагающую роль в формировании речевой деятельности. Они передаются от предков к потомкам, определяя словарный запас, грамматические конструкции и стилистические черты языка. Общественные установления также оказывают значительное влияние на речевую деятельность. Они предписывают правила коммуникации в различных социальных ситуациях, определяя приемлемые темы для обсуждения, стили речи и несловесное поведение. В государствах с высоким уровнем индивидуализма, вроде США, приветствуется прямота и откровенность в общении, в то время как в культурах, ориентированных на коллективизм, таких как Китай, больше ценятся косвенность и избегание разногласий [Альменева, 2022: 99–103].

Современные направления, сопряженные с развитием технологий и всемирной интеграцией, также оказывают заметное влияние на рече-

вую деятельность. Появление социальных сетей и мессенджеров привело к возникновению новых форм коммуникации, жаргона и аббревиатур. Всемирная интеграция содействует распространению общепринятых языков, таких как английский язык, что может привести к стандартизации и вытеснению местных языков [Даричева, 2022: 99–102].

Язык – это не просто средство общения, но и важный элемент, связывающий нас с нашей историей, культурой и идентичностью. Передача информации – одна из ключевых задач языка. Посредством лексики мы сообщаем о реалиях, происшествиях, мыслях и теоретических построениях. Язык способствует организации нашего познания, обмену опытом и согласованию коллективных действий. Помимо информационной роли, язык играет значимую экспрессивную роль. Через словесное выражение мы проявляем эмоции, взгляды и позиции. Интонационное оформление, подбор лексических единиц и грамматическое конструирование позволяют транслировать нюансы переживаний, формировать коммуникативную среду и выстраивать доверительные взаимоотношения.

Язык – действенный инструмент формирования и поддержания общественных связей. Общие лингвистические стандарты, региональные варианты и профессиональные выражения создают ощущение включенности в конкретную общность, способствуют самоидентификации и укреплению социальных контактов.

Необходимо подчеркнуть, что язык представляет собой динамичную систему. Он непрерывно эволюционирует, реагируя на социальные, культурные и технологические трансформации. Возникают новые слова и обороты, трансформируются значения имеющихся слов, преобразуются грамматические нормы [Столярова, 2022: 1–22].

Анализ языка в рамках социокультурной динамики предоставляет исследователям широкий спектр значимых перспектив, касающихся как защиты культурного достояния, так и глубокого постижения взаимосвязи между социумом и языком. Сохранение языков способствует поддержанию культурного разнообразия и предоставляет уникальные возможности для изучения различных подходов к восприятию и интерпретации мира. Каждый язык содержит уникальные культурные коды, обычаи и мировоззрение народа, что делает их изучение ценным. Таким образом, изучение языка в контексте социокультурной динамики включает в себя разработку методов сохранения языков и анализ их роли в формировании культурных идентичностей. Дан-

ное исследование ведет к пониманию влияния языка на социальные взаимодействия, культурные практики и мышление, способствуя гармоничному сосуществованию культур в глобальном мире.

Литература

1. *Альменева Н. А., Григорьева О. Н.* Коммуникативно-творческие задания на уроках русского языка как средство развития личности младшего школьника // Актуальные проблемы интеграции науки и образования в регионе. – 2022. – С. 99–103.

2. *Андреева А. В.* Репрезентация ценностей российской культуры в медиатекстах Тверского региона: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 5.9.9. / Андреева Анна Владимировна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»]; Диссовет ПДС 0500.007]. – Москва, 2024. – 22 с.

3. *Даричева М. В., Дорожкина Д. С., Гришина И. А.* Применение интерактивных методов при обучении говорению на уроках английского языка // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75-4. – С. 99–102.

4. *Джиоева А. А., Стрельникова О. Ф.* Репрезентация метафорического концепта семьи в англоязычном политическом дискурсе как отражение реальных процессов в мире // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 2. – С. 377–383.

5. *Дружинин А. С.* Язык и реальность: до или после, вместе или вместе? // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 69. – С. 67–93.

6. *Карнаухова В. В.* Художественный текст сквозь призму лингвокультурологии / В. В. Карнаухова // Русский язык в языковом и культурном пространстве мира: наука и жизнь, Белгород, 23–24 сентября 2013 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2013. – С. 68–71.

7. *Кожемякина В. А.* Политическая корректность в современном публичном дискурсе: на материале русского, китайского и английского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 5.9.8. / Кожемякина Валерия Алексеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»]; Диссовет Д 212.027. XX (33.2.007.02)]. – Волгоград, 2024. – 191 с.

8. *Розикова М. Р.* Развитие социолингвистических исследований: ключевые этапы и достижения // Gospodarka i Innowacje. – 2024. – Т. 44. – С. 271–274.

9. Столярова Ю. И. Окказионализмы в современном английском языке: лингвопереводческий аспект (на материале романов жанра фэнтези) [Электронный ресурс]: выпускная квалификационная работа бакалавра: 45.03.02 / Ю. И. Столярова. – Красноярск: СФУ, 2022. – 85 с.

УДК 81.27

Д. А. Кормильцева

(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ «ЧИНГЛИШ» СРЕДИ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ

В настоящей статье представлен разбор такого лингвистического явления как «Чинглиш», а также результаты проведенного опроса между студентами российских и китайских студентов, который раскрывает насколько хорошо студенты обоих государств владеют лексикой чинглиша.

Ключевые слова: чинглиш, лексика, аспект, исследование, явление, русские студенты, китайские студенты.

ON THE ISSUE OF THE STATUS OF “CHINGLISH” AMONG CHINESE AND RUSSIAN STUDENTS

This article presents an analysis of such a linguistic phenomenon as “Chinglish”, as well as the results of a survey conducted between students of Russian and Chinese students, which reveals how well students of both countries know the vocabulary of Chinglish.

Keywords: Chinglish, vocabulary, aspect, research, phenomenon, Russian students, Chinese students.

Чинглиш – термин, который описывает симбиоз китайского и английского языков. Это уникальное лексическое слияние стало особенно заметным в последнее время, когда процессы глобализации пронзают мир, а английский язык устремляется к вершинам международного влияния. Наиболее интересной его частью является лексика, которая создается в процессе общения между китайцами на иностранном для них языке. В связи с этим, чинглиш привлекает внимание китаистов, которым приходится изучать данный

феномен для более точного понимания и использования китайского языка.

Целью данной работы является исследование уровня владения лексикой чинглиша среди китайских студентов и русских студентов, изучающих китайский язык.

Чинглиш (англ. *Chinglish*) – вариант английского языка, созданный под влиянием китайского языка. В контексте стремительного роста китайской экономики, таковое смещение стало не только отражением культурной динамики, но и выразителем новых реалий общения в эпоху взаимопроникновения наций. Это явление не только обогащает лексикон, но и служит свидетельством изменений в общественном сознании, призывающего к диалогу и обмену. Так, чинглиш становится не просто лингвистической диковиной, а полноценным символом времени, отображая взаимодействие и заимствование в мире, где границы все более размыты.

Лингвисты и учителя китайского языка выделяют несколько аспектов чинглиша [Lee, 1993: 36]:

1. Проблема прямого перевода. Например, в некоторых меню на чинглише 豆腐 переводится не как тофу, а как «свернувшееся бобовое молоко», что может вызвать неоднозначную реакцию у иностранцев [Митчелл, Зарубин, 2013: 3].

2. Культурный аспект. Например, идиома «назвался груздем – полезай в кузов» означает «выдавая себя за кого-то, будь готов нести ответственность», однако в Китае такая идиома звучит «白龙渔服» и переводится как «белый дракон в рыбьей чешуе». Данная идиома была создана благодаря давней притче о белом драконе, а так как он является одним из почитаемых мифических созданий, китайцы не могли заменить его на что-то другое.

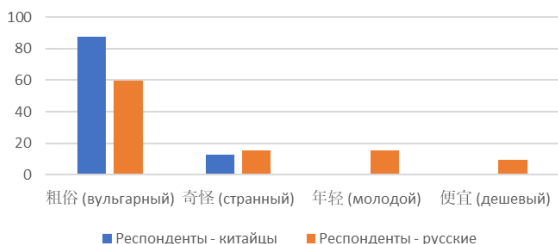
3. Многословность. Например, Администрация гражданской авиации Китая объявила: «СААС решила начать бизнес предварительно бронирования и продажи билетов». Это могло бы просто означать «СААС теперь принимает предварительное бронирование и продажу билетов» [4].

4. Чинглиш отражает китайскую грамматику, синтаксис, тем самым влияя на нее. Например, предложение начинается не с подлежащего, как это характерно для английского языка, а с «темы», за которой следует подлежащее, отделённое от неё запятой: “My aunt, everybody likes her” («Моя тётя, все её любят») [Кочетова, 2015: 94].

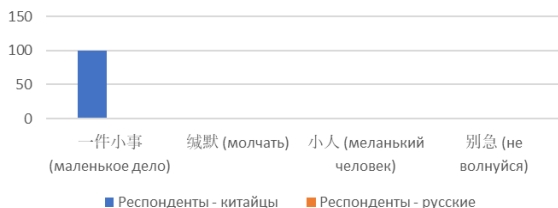
Для того, чтобы выяснить насколько хорошо молодежь двух наций владеет лексикой чинглиша, мы провели опрос. Респондентами являются студенты КНР и студенты Российской Федерации, изучающие китайский язык. Опрос был проведен в онлайн формате в виде нескольких вопросов с выбором одного из нескольких вариантов ответа.

Исследование показывает заметную разницу в знании и использовании чинглиша среди китайских и русских студентов. Около 75 % китайцев знакомы с этим языковым явлением, в то время как среди русских этот показатель существенно ниже – 37.5 %. Интересно, что 37.5 % китайских студентов считают, что часто используют чинглиш, несмотря на то, что 25 % из них не владеют им на разговорном уровне. Это контрастирует с русскими студентами, которые в целом меньше используют английский и демонстрируют меньшую осведомленность о чинглише.

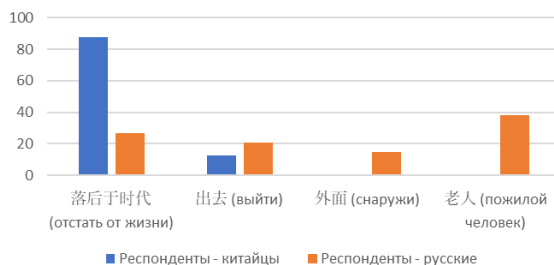
Различия в понимании специфических терминов чинглиша также весьма значительны. 87.5 % китайских студентов правильно интерпретируют значение термина “Low 了”, означающего «вульгарный», в то время как среди русских этот показатель составляет всего 15.6 %.

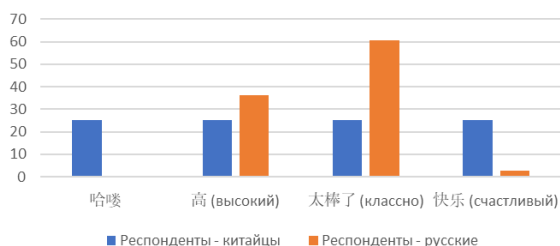
Все китайские участники исследования знакомы со словосочетанием “小事”, который переводится как «не велика беда», тогда как никто из русских его не знает (этот вопрос респонденты пропустили).

Для термина “Out”, передающего значение «отстать от жизни», правильную интерпретацию дали 87.5 % китайцев и лишь 26.5 % русских.

В отношении термина “High” мнения китайских студентов разделились, 25 % дали верный ответ. Большинство русских студентов посчитало, что здесь перевод полностью совпадает с английским словом “cool”.

В целом, можно констатировать, что китайские студенты демонстрируют более глубокое культурное понимание и активное использование китайского английского. Российские студенты, изучающие китайский язык, показывают недостаточный уровень владения этим феноменом. Им рекомендуется уделить больше внимания изучению культуры и разговорной речи китайской молодежи, чтобы быть готовыми к адекватному пониманию лексических особенностей чинглиша в межкультурной коммуникации на английском языке.

В заключении мы можем сделать вывод, что на данный момент такой феномен как «чинглиш» только набирает известность, а территория его использования пока что ограничивается в пределах Китайской Народной Республики. Однако мы также видим, что русские китаисты также не отстают от китайских языковых трендов и стараются изучить

чинглиш, хотя это является непростой задачей, так как это смесь сразу двух языков, ломающая привычные правила грамматики, фонетики, лексики и синтаксиса.

Литература

1. Кочетова М. Г. Чинглиш и франгле: лингвокультурные антиподы / М. Г. Кочетова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. – № 7(49), часть 2. – С. 94.
2. Митчелл П. Дж., Зарубин А. Н. Чинглиш – культурный феномен / П. Дж. Митчелл, А. Н. Зарубин // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение, 2013. – № 1(9). – С. 3.
3. Чинглиш [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%A7%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D1%88> (дата обращения: 05.01.2025)
4. Chinglish [Электронный ресурс]. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.6d021936-67a1d978-95dc7f01-74722d776562/https/ultimatepopculture.fandom.com/wiki/Chinglish (дата обращения: 20.01.2025)
5. Lee V. China English and Chinglish / V. Lee // Foreign Language Teaching and Research Journal, 1993. – № 4. – С. 36.

УДК 81

В. Ю. Кузнецова
(Военный университет)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ В РЕЧИ ПОЛИТИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ 47-го ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА)

Данная статья посвящена рассмотрению лингвистических средств манипулирования, которые используются в инаугурационной речи 47-го президента США Д. Трампа. Отмечается, что американский политический лидер активно прибегает к риторическим приемам для скрытого воздействия на аудиторию. Представленный анализ позволяет лучше понять какие языковые манипулятивные приемы являются наиболее частотными и эффективными.

Ключевые слова: манипуляция, метафора, гипербола, риторический вопрос, язык, экспрессивность.

LINGUISTIC MEANS OF MANIPULATION IN THE SPEECH OF POLITICIANS (BASED ON THE ANALYSIS OF THE INAUGURATION SPEECH OF THE 47th US PRESIDENT D. TRUMP)

This article is devoted to the linguistic means of manipulation that are used in the inauguration speech of the 47th US President D. Trump. It is noted that the American political leader actively resorts to rhetorical devices for covert influence on the audience. The presented analysis allows us to better understand which linguistic manipulative devices are the most frequent.

Keywords: Manipulation, metaphor, hyperbole, rhetorical question, language, expressiveness.

Не секрет, что сегодня одним из основных инструментов, к которому активно прибегают политики всего мира для воздействия и манипулирования массовым сознанием, является речевая манипуляция. Особенно эффективно применение данного инструмента в периоды экономической, политической или социальной нестабильности. Впервые активно вербальные средства манипулирования стали использовать в политических текстах и выступлениях во время Первой мировой войны. Основной задачей, стоявшей перед политиками того времени, была попытка дискредитировать оппонентов в глазах общества, укрепить свои позиции и смягчить отношение общества к остро стоящим проблемам. В те же годы предпринимаются попытки анализа и систематизации механизмов и стратегий манипулирования общественным сознанием. Одним из первых исследователей, попытавшихся понять, какую роль играет язык в пропагандистской деятельности и как через вербальные средства можно оказать воздействие на аудиторию, был американский социолог Гарольд Лассуэлл. С тех пор интерес к данной теме не угасал. Сегодня существует множество способов скрытого манипулирования через язык. Более того, доказано, что подобные приемы являются весьма эффективными, поэтому политики к ним так часто прибегают.

Цель данной статьи рассмотреть и проанализировать некоторые вербальные средства манипулирования, которые присутствуют в инаугурационной речи Д. Трампа.

Актуальность темы обусловлена тем, что программная инаугурационная речь имеет важное значение в американской культуре, поэтому первое выступление после официального вступления

в должность смотрит почти все население страны. От того, как политический лидер представит и обозначит многие вопросы будет зависеть и настроение американского общества. Безусловно политики и спичрайтеры это осознают, поэтому, понимая настроение общества, они будут максимально старательно подбирать вербальные средства.

Отметим, что в рамках данного исследования под речевой манипуляцией будет пониматься скрытое осознанное воздействие на слушателей с целью воздействия на его сознание и формирования нужной спикеру реальности. Важно отметить, что для достижения максимального эффекта спикер сам должен верить в то, что он говорит и делать верные смысловые акценты. 47-й президент США Д. Трамп относится к тому типу политиков, которые не просто верят в свою политическую силу и правоту, но и умело формирует у аудитории определенное отношение к происходящим событиям. Рассмотрим подробнее некоторые вербальные приемы в его инаугурационной речи. Для анализа мы взяли начало выступления Д. Трампа.

Пример 1.

The golden age of America begins right now [2] // *Золотой век Америки начинается прямо сейчас.*

Уже в самом начале президент США отмечает, что с его приходом начинается новая эпоха – «золотой век», подчеркивая тем самым, что он вернет былое величие и процветание стране. Несмотря на то, что словосочетание “golden age” является устоявшейся, частично потерявшей свою образность, метафорой, оно все равно оказывает позитивное воздействие давая надежду на светлое будущее, особенно, когда есть указание на то, что это время наконец-то наступило.

Пример 2.

I will, very simply, put America first [2] // *Я буду ставить Америку превыше всего.*

В данном примере Д. Трамп обращается к известному лозунгу, подчеркивая тем самым исключительность страны. Данное предложение в начале речи используется осознанно и как бы говорит, что Америка не позволит никому вмешиваться в их внутреннюю или влиять на внешнюю политику.

Пример 3.

The vicious, violent and unfair weaponization of the Justice Department and our government will end. America will soon be greater, stronger,

and far more exceptional than ever before [2] // **Злобное, агрессивное и несправедливое превращение** Министерства юстиции и нашего правительства **в оружие** закончится.

В третьем примере президент США обращается к приему градации и противопоставления. Д. Трамп называет политический курс Дж. Байдена порочным, жестоким и несправедливым и отмечает, что вернет славу, могущество и исключительность страны. За счет подобного противопоставления и удачно подобранных лексических единиц создается эффект «поляризации» (создание контраста).

Пример 4.

While the pillars of our society lay broken and seemingly in complete disrepair, we now have a government that cannot manage even a simple crisis at home while at the same time stumbling into a continuing catalog of catastrophic events abroad [2] // **Столпы нашего общества лежат поломанными** и, кажется, в полном упадке. Сейчас у нас правительство, которое не может решить ни один простейший кризис в стране и которое одновременно **впутывается в катастрофические события за рубежом, и этот список продолжает расти.**

В данном примере Д. Трамп прибегает к развернутым метафорическим образам, которые ярко показывают, что основы американского общества разрушены и, что страна переживает череду катастроф. Подобные образы в негативном свете выставляют предыдущего президента. Трамп как бы показывает, что стране нужны перемены и, что только он сможет защитить законопослушных американских граждан.

Пример 5.

Sunlight is pouring over the entire world, and America has the chance to seize this opportunity like never before [2] // **Весь мир заливают солнечный свет,** и у Америки есть шанс воспользоваться этой невиданной прежде возможностью.

В пятом примере мы видим, что Трамп использует образность для формирования определенных ассоциаций у аудитории. Он сравнивает свое вступление в должность «с лучом света и надежды», намекая на то, что он Мессия, который пришел спасти страну от царящего в ней хаоса и беззакония.

Подводя итоги, отметим, что успех вербально манипуляции гарантирован, если спикер умело прибегает к определенным стратегиям и приемам. Анализ фрагмента инаугурационного выступления

Д. Трампа показал, что сильное воздействие оказывает противопоставление, обращение к лозунгам, отражающим величие страны, прилагательным, которые удачно подобраны в контексте общего смыслового блока выступления. Кроме того, чем разнообразнее вербальные средства воздействия, тем больший эффект они будут оказывать на аудиторию.

Литература

1. Зарипов Р. И. О соотношении речевого и информационно-психологического воздействия / Р. И. Зарипов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. – № 2. – С. 55–61. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2023-2-54-61>.
2. CBS news. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-trump-inauguration-speech-2025/> (дата обращения: 22.01.2025).

УДК 372.881.111.1: 623-9

Л. А. Кузнецова

(Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации)

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕХНИКИ НАТО

В статье говорится об актуальности владения офицерами войск национальной гвардии навыком перевода тактико-технических характеристик (ТТХ) тяжелой техники НАТО, поставляемой в зону СВО. Рассмотрены трудности перевода ТТХ современных танков, таких как M1 Abrams, Leopard 2, Challenger, Leclerc и PT-91 «Тварды», с английского на русский язык. Среди наиболее часто возникающих при переводе ТТХ трудностей автор выделяет терминологические несоответствия, сложности с переводом единиц измерения, специфические обороты и сокращения, контекстуальные различия, отсутствие аналогов в русском языке. Практической значимостью статьи является рассмотрение конкретных примеров перевода ТТХ техники НАТО, а также рекомендации по преодолению этих трудностей для повышения точности и информативности перевода. Сделан вывод о том, что корректный перевод требует глубокого понимания технической терминологии, особенностей конструкции и функционала каждой боевой машины.

Ключевые слова: трудности перевода с английского языка на русский, перевод ТТХ техники НАТО, курсанты Росгвардии.

DIFIICULTIES IN ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATING PERFORMANCE DATA OF NATO COMBAT VEHICLES

The article discusses the relevance of National Guard officers acquiring the skill of translating the performance data of NATO combat vehicles supplied to the Special Military Operation zone. The paper examines the challenges in translating technical chatacteristics of modern tanks such as the M1 Abrams, Leopard 2, Challenger, Leclerc, and PT-91 "Twardy" from English into Russian. Among the most common translation difficulties, the author highlights terminological discrepancies, challenges in unit conversion, specific expressions and abbreviations, contextual nuances, and the absence of equivalents in the Russian language. The practical significance of the article lies in analyzing specific examples of NATO combat vehicles performance data translations and providing recommendations to overcome these challenges, improving the accuracy and informativeness of translations. The conclusion emphasizes that accurate translation requires a deep understanding of technical terminology, the structural features, and functionality of each combat vehicle.

Keywords: translation difficulties from English into Russian, NATO combat vehicles performance data translation, Rosgvardiya cadets.

В настоящее время, когда наша страна борется с проявлениями агрессии со стороны коллективного Запада, выражающееся в поставках тяжелой техники США и странами Европы в зону специальной операции на Украине, все чаще войска национальной гвардии Российской Федерации сталкиваются с необходимостью знания тактико-технических характеристик таких экземпляров боевых машин, как М1 Абрамс, Леопард-2, Челленджер, Леклерк, РТ-91 «Тварды» и многих других. Эти боевые танки зачастую достаются нашим войскам в качестве трофеев, ремонтируются и используются нашими войсками против самих же агрессоров. К сожалению, возникают трудности поиска аналогов обозначений ТТХ техники противника, которым посвящена данная статья.

В связи с этим, преподаватели английского языка подчеркивают, что в военных образовательных организациях высшего военного образования в последнее время большое внимание «уделяется изучению

противотанковых средств, боевых возможностей бронированной техники, средств противовоздушной обороны (переносные противотанковые ракетные комплексы, боевые бронированные машины, РСЗО, самоходные и буксируемые гаубицы, танки, миномёты, пулемёты, гранатомёты и др.) и их наиболее уязвимых мест» [Жаровская, 2023: 73]. Исследователь Л. Б. Бойко утверждает, что «военный перевод наряду со знанием языков требует основательных энциклопедических знаний наименований и ТТХ современных боевых средств и способов их применения, подчеркивая необходимость знания переводчиком не только военной терминологии, но и речевых эквивалентов военных терминов» [Бойко, 2024: 63].

Многие термины и обозначения в английском языке имеют прямые аналоги в русском, но не всегда они совпадают по смыслу или контексту. К примеру, слово “Armor” в английском языке часто используется обобщённо, как «броня», но в русском языке необходимо уточнять, речь идёт о динамической, комбинированной или другой системе защиты. Прямой перевод словосочетания “Fire control system” как «система управления огнём» требует пояснений, так как этот термин в русском может включать различные компоненты, такие как прицел, баллистический компьютер и системы слежения. Вместе с тем, существуют, на первый взгляд, синонимичные термины: altitude – height (высота); velocity – speed (скорость) [Молчанова, 2021: 25], которые также имеют некоторые отличия. Под словом “altitude” подразумевается абсолютная высота, то есть высота над уровнем моря (например, высота полета БПЛА или снаряда). Слово “height” обладает меньшей степенью терминологизации относительно перевода военных терминов, выражая высоту относительно другого предмета или поверхности земли. Что касается “speed”, то это скалярная величина, а “velocity” – векторная. То есть, у скалярной скорости нет конкретного направления движения, а у векторной – есть. Собственно, именно поэтому для боевой машины или пули используется термин “velocity”, то есть имеется в виду скорость по направлению к поверхности.

В аутентичных английских источниках ТТХ часто указываются в неприемлемых для России единицах измерения. Например, вес указывается в фунтах (lbs), тогда как в России используют килограммы. Дистанция часто измеряется в ярдах (yards), что требует пересчёта в метры. Калибр может быть выражен в дюймах. Например, 120 миллиметровый ствол иногда обозначается как 4.72 дюймовый.

Исследователи Л. А. Квасов, М. М. Тарк и А. С. Атрощенко обращают внимание, что «значение слова или термина может изменяться, если используется его форма во множественном числе, например, “defense” – «оборона», а “defenses” – «оборонительные сооружения» [Квасов, 2021: 59].

Специфические обороты и сокращения также довольно часто можно встретить при переводе ТТХ тяжелой техники НАТО. К сокращениям и аббревиатурам, которые могут быть неочевидными для перевода относится, например, APFSDS, которая расшифровывается как Armor-Piercing Fin-Stabilized Discarding Sabot. В переводе на русский язык она будет звучать как «подкалиберный бронебойный оперённый снаряд с отделяющимся поддоном».

В некоторых случаях точный перевод невозможен без понимания контекста. Например, термин “turret bustle” (ниша башни танка) часто имеет различные описания в зависимости от конструкции танка. Термин “Composite armor” для M1 Abrams или Challenger может означать использование разных типов слоёв брони (например, керамика, металл, кевлар).

Некоторые системы вооружения или технологии, используемые в западных танках, не имеют полного аналога в российских танках, что вызывает трудности при описании. Технология “Blow-off panels”, применяемая в башнях M1 Abrams для безопасного сброса взрывной энергии, требует описательного перевода. Подвеска типа “Hydropneumatic suspension”, используемая в танке Leclerc, может быть неизвестным термином, так как отличается от традиционной торсионной подвески.

В таких случаях для более точного перевода рекомендуется использование специализированных словарей. Для этих целей служат военные и технические словари. Существует англо-английский официальный словарь терминов НАТО [Moreno, 2021]. В случае сомнений в значении необходимо консультироваться с инженерами или военными специалистами. А также, в любом случае, стоит сопоставлять переведённые ТТХ с аналогичными характеристиками российских танков для адаптации перевода.

Таким образом, перевод ТТХ иностранных танков представляет собой сложный процесс, требующий не только лингвистической грамотности, но и технической компетенции. Основные трудности перевода связаны с терминологическими несоответствиями, разни-

цей в единицах измерения, специфическими сокращениями и отсутствием прямых аналогов в русском языке. Для обеспечения точности перевода необходимо использовать специализированные словари, учитывать контекст и проводить консультации с техническими экспертами. Предложенные рекомендации могут быть полезны как для специалистов в области перевода, так и для курсантов ВООВО Росгвардии, изучающих иностранный язык и военную терминологию.

Литература

1. Бойко Б. Л. О содержании преподавания военного перевода в современных условиях / Б. Л. Бойко // Теория и методика обучения военному переводу: научное наследие и перспективы развития: Сборник статей II Всероссийской (с международным участием) межвузовской научно-методической конференции, Москва, 30–31 мая 2024 года. – Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. – С. 61–69.
2. Жаровская Е. В. Для эффективного применения техники в бою использование учебно-методических материалов на занятиях по иностранному языку для обеспечения эффективного применения будущими командирами подразделений огневых средств против боевой техники и оружия блока НАТО / Е. В. Жаровская, Д. В. Евдокимов // Вестник военного образования. – 2023. – № 6 (45). – С. 72–75.
3. Квасов Л. А. Особенности перевода профессионально ориентированного текста / Л. А. Квасов, М. М. Тарк, А. С. Атрощенко // Филологическое образование и современный мир : Материалы XVII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Чита, 09 апреля 2021 года. Том 1. Часть 1. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. – С. 58–60.
4. Молчанова Л. В., Зубова Л. Ю. Имплицитность профессионального языка военнослужащих: семантико-стилистические нюансы успешного коммуницирования // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 23–35.
5. Moreno J. A. NATO Glossary of Terms and Definitions (2010). URL: <https://archive.org/details/nato-2/mode/2up> (дата обращения 13.01.2025).

Ю. Г. Кузнецова

(Московский государственный лингвистический университет,
Институт гуманитарных и прикладных наук)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются стилистические особенности молодежного жаргона современного английского языка. Отмечено, что в рамках молодежного языка жаргон представляет собой экспрессивно-маркированную и оценочную лексику, которая относится употребляется среди молодых людей в определенной ситуации с целью придания насыщенности, яркости привычным явлениям, предметам, действиям, объектам. Выделены стилистические особенности молодежного жаргона современного английского языка.

Ключевые слова: стилистика, молодежный жаргон, экспрессия, исследование.

STYLISTIC FEATURES OF YOUTH JARGON OF MODERN ENGLISH

The article examines the stylistic features of youth jargon of modern English. It is noted that within the framework of youth language, jargon is an expressively marked and evaluative vocabulary that is used among young people in a certain situation in order to give richness, brightness to familiar phenomena, objects, actions, objects. The stylistic features of youth jargon of modern English are highlighted.

Keywords: stylistics, youth jargon, expression, study.

Изучение молодежного жаргона как языкового феномена привлекает внимание многих авторов. Однако единого понимания данного понятия в лингвистике не представлено. С одной стороны, идет отождествление понятий сленг и жаргон в рамках молодежного языка, с другой, сленг рассматривается как часть жаргона [Акопян, 2019: 202; Алдиева, 2020: 39; Бадалян, 2021: 44]. Существует и третья позиция – сленг присущ только молодежному языку, тогда как жаргон может существовать в разных возрастных и социальных группах [Могиленко, 2011: 95].

По мнению Д. А. Князевой, Н. В. Чигиной, молодежный жаргон функционирует по языковым нормам литературного языка и отли-

чается неустойчивостью социальной системы, поскольку, учитывая динамику развития молодежного языка, лексический состав жаргона подвержен быстрой сменяемости как отдельной языковой единицы, так и ее составных элементов, что влечет за собой приобретение новых значений [Князева, Чигина, 2016: 109]. Соответственно, молодежный жаргон обладает достаточно высоким стилистическим потенциалом.

В данном исследовании при изучении молодежного жаргона мы придерживаемся мнения о том, что в рамках молодежного языка жаргон представляет собой экспрессивно-маркированную и оценочную лексику, которая относится употребляется среди молодых людей в определенной ситуации с целью придания насыщенности, яркости привычным явлениям, предметам, действиям, объектам.

Стилистический потенциал лексики молодежного жаргона стоит рассматривать с точки зрения просторечного стиля, что обусловлено процессами перенесения лексических единиц из одной формы языка в другую. Кроме того, характерной чертой жаргона является экспрессивная окраска лексики с ориентацией на сниженный стиль речи [Седова, 2016: 34].

Кроме того, молодежный жаргон представляет собой особый пласт лексики, который используется по большей части по причине потребности в оригинальности речи и выражения своего оценочного отношения.

При рассмотрении стилистических особенностей молодежного жаргона стоит обратить внимание на коннотативный компонент лексического значения. Стоит отметить, что жаргон в большей степени ориентирован на экспрессивную и оценочную функции в пределах лексики той или иной социальной (профессиональной) группы в конкретной ситуации, тогда как молодежный сленг содержит слова и выражения, употребляемые молодыми людьми преимущественно в обиходной речи. Например, *to dig* (ловить кайф) или *to tell porkies* (врать), выражающие качественные характеристики действия в уничижительном смысле.

С другой стороны, за счет включения в молодежный язык слов и выражений жаргонизмов из других социальных и профессиональных групп может нивелироваться противопоставление свой-чужой, например, *lick* – импровизация (у музыкантов), *to sink* – забрасывать мяч в корзину (у баскетболистов).

Ряд авторов указывают на полифункциональность как характеристику жаргона [Кропачева, 2010: 28]. Данную позицию целесоо-

бразно объяснить тем, что молодежный жаргон может являться специфической частью молодежного сленга. При этом одна лексическая употребляется в разных значениях в зависимости от той или иной цели [Минаева, 2010: 253]. К примеру, *tight, oil, blind, crocked u stinking* употребляются в коннотативном значении со значением «находиться в алкогольном опьянении». Другим примером может служить лексика из профессиональных жаргонов, которая используется молодежью в той или иной ситуации:

- полицейского: *bobby, copper, blue boy, cops* – работник полиции, *cracksman, crook* – вор, *tec (detective – детектив)*;
- «уличного»: *hayhead* – человек, курящий марихуану, *homeland* – черный квартал, *pigpen* – полицейский участок, *freshman* – начинающий наркоман, *cabbage (капуста), boot. bob* – шиллинг;
- медицинского: *nutbox* – психиатрическая клиника;
- IT-сферы: *to be 404* – ничего не понимать, не иметь никаких идей по поводу чего-либо;
- воровского: *body-shake (body search)* – личный обыск, *street-time* – время, проведенное на свободе).

Рассмотрим примеры молодежного жаргона разных профессиональных групп. Следует отметить, что употребление профессиональных жаргонизмов в речи молодых людей может быть связано с несколькими причинами:

- во-первых, стремление войти в данную профессиональную группы, например, когда молодой человек обучается, проходит практику в организации и далее переносит данные слова в свой круг общения, например: *biggie* = «начальник» (пренебрежительно), *blood-wagon* – машина скорой помощи;
- во-вторых, стремление выделиться в кругу знакомых за счет употребления лексики оценочного характера, например: *pen-pusher* – писака, журналист;
- в-третьих, стремление выразить собственное отношение к кому-либо или чему-либо на основании ассоциации с профессиональной деятельностью, например: *House mouse* – сотрудник правоохранительных органов, занятый преимущественно офисной работой.

Анализ исследований позволяет выделить следующие стилистические особенности молодежного жаргона:

1. Лексика молодежного жаргона относится к просторечной, не-литературной и характеризуется сниженным смыслом с точки зрения

стилистики. Молодежный жаргон относится к молодежному сленгу, однако его можно считать его специфической частью.

2. Подвижность и гибкость лексики молодежного жаргона, что обусловлено широким спектром различных оценочных оттенков. Значения носят положительную / отрицательную оценку, что позволяет говорить о его полисемичности, в частности, наличии различий в оценочном компоненте вариантов значения.

3. Стоит отметить, что молодые люди посредством жаргона стремятся выразить свое отношение к предмету, объекту / субъекту или событию.

4. Ограниченность употребления в кругу общения, когда передаваемое сообщение достигает адресата, находящегося в молодежной среде. Обособленность молодежных групп позволяет использовать жаргонизмы, соответствующие существующей системе ценностей. Тем самым молодежный жаргон является социокультурной характеристикой говорящих в данной возрастной группе.

5. Наличие оценочного, эмотивного, экспрессивного компонентов в составе коннотативного. Ориентация на эмоционально-экспрессивное выражение отношения к какому-либо явлению, действию. Соответственно, могут быть выражены как положительные, так и отрицательные эмоциональные реакции.

Литература

1. Акопян Р. Э. Особенности сленга в английском языке // *Modern Science*. – 2019. – № 12-4. – С. 201–203.

2. Алдиева М. Ш. Функционирование интернет-сленга в английском и русском языках / М. Ш. Алдиева // *Известия Чеченского государственного университета*. – 2020. – № 2 (18). – С. 37–41.

3. Бадалян К. О. К вопросу определения понятия «сленг» и перевода английского сленга на русский язык // *Политехническая весна. Гуманитарные науки: Материалы IV Всероссийской молодежной научно-практической конференции*, Санкт-Петербург, 02–03 апреля 2021 г. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2021. – С. 42–47.

4. Князева Д. А., Чигина Н. В. Особенности сленга в английском языке // *Инновационная наука*. – 2016. – № 11-2. – С. 108–110.

5. *Кропачева М. А.* Молодежный жаргон как микроидиом национально-русского языка // Вестник ВятГУ. – 2010. – № 2-2. – С. 27–29.

6. *Минаева В. В.* Особенности и сферы функционирования профессионального жаргона (на материале английского языка) / В. В. Минаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 6 (62). – С. 251–254.

7. *Могиленко Н. С.* О месте пенитенциарного социолекта в стратификации английской сниженной лексики / Н. С. Могиленко // Актуальные вопросы филологических наук: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. – С. 94–96.

8. *Седова М. К.* Молодёжный сленг в современном английском языке / М. К. Седова, Я. О. Белова, С. В. Сырескина // Филология и лингвистика. – 2016. – № 2 (4). – С. 34–36.

УДК 070.11

О. Н. Кулабухова, Н. Н. Мальцева

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

РАЙОННАЯ ГАЗЕТА КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье раскрывается суть районной газеты как культурной ценности в современном мире информационных технологий. Печатная пресса потеряла былую популярность, но муниципальные издания остаются важной частью коммуникационного процесса на определённой, чаще всего небольшой, территории. Именно поэтому сегодня необходимо сохранить эту традиционную культурную ценность.

Ключевые слова: районная газета, культурная ценность, цифровизация, средства массовой информации, коммуникативный процесс, цифровые технологии.

THE DISTRICT NEWSPAPER AS A CULTURAL VALUE IN THE ERA OF DIGITALIZATION

The article reveals the essence of the district newspaper as a cultural value in the modern world of information technology. The print press has lost its former

popularity, but municipal publications remain an important part of the communication process in a certain, often small, territory. That is why today it is necessary to preserve this traditional cultural value.

Keywords: district newspaper, cultural value, digitalization, mass media, communication process, digital technologies.

Сегодня средства массовой информации выступают в роли значимого элемента всего коммуникативного процесса в обществе. Если ранее наибольшей популярностью пользовалась пресса, радио и телевидение, то сейчас на первое место выходит Интернет. Однако функция у СМИ не изменилась – они являются главными источниками информации о событиях как мирового, так и регионального или даже районного масштаба. Все современные процессы постиндустриального общества пронизаны информационно-компьютерными технологиями. И это не всегда хорошо. Так, К. Шваб подчёркивает: «Мы стоим у истоков четвертой промышленной революции. Она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты – это «вездесущий» и мобильный интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающие машины» [Шваб, 2017:11]. Здесь хорошо видна эмоциональная негативная окраска цитаты в слове «вездесущий», потому что это действительно так, и это имеет негативные последствия. И если с вызовами повсеместной цифровизации большие по охвату территорий и аудитории средства массовой информации, имеющие в своём распоряжении обширные материальные и кадровые ресурсы, смогли практически безболезненно пройти процесс цифровизации своей деятельности, то маленькие районные газеты с большими проблемами преодолевали трудности перехода на цифровые платформы, а многие так и не смогли.

Районная газета – это универсальное издание, читателями которого являются жители определенной территории, и важные требования к её тематическому наполнению – конкретность и близость к интересам жителей данного района. Сама же читательская аудитория выступает в двух ролях в коммуникативном процессе с редакцией: с одной стороны, она участвует в создании газеты совместно с корреспондентами, присылая письма, создавая информационные поводы, даже подавая рекламные объявления; а с другой – сама же и является потребителем информации этой газеты. Увидеть свою фотографию

на страницах газеты, прочитать подготовленный журналистами материал – это уже полноправная ценность для человека. Районка нужна читателю, и никакая другая пресса не способна ее заменить. Для многих читателей она – неотъемлемая часть малой родины, элемент причастности к общности людей, что тоже является немаловажной ценностью. И когда глобальный процесс цифровизации начал активно развиваться, встал вопрос: как сохранить эту близость читателя и газеты, ведь контент цифровых платформ в корне отличается от газетных материалов. Разница, как в подготовке этих материалов, так и в их содержании. Почему же районную газету можно отнести к таким категориям как «культурная ценность»? В этом постараемся разобраться.

На сегодняшний день в культуре происходит формирование новых аксиологических ориентаций человека в связи с активным внедрением цифровых технологий во все сферы жизни. Система ценностей преобразуется, и то, что ранее считалось традиционным, получает новые смыслы. Понятие «ценность» как категорию рассматривали и трактовали учёные ещё с древних времён с точки зрения различных подходов. Началось с его рассмотрения в философском аспекте: Платон, Аристотель, М. Вебер, В. Виндельбанд, П. Рикер, М. Шеллер, Н. О. Лосский видели в них определённый внутренний ориентир, идеальную норму поведения. Исследователи психологической науки, такие как Л. С. Выготский, А. Маслоу, А. Н. Леонтьев, М. Рокич и другие делали упор на то, что смысл «ценности» – то глубинные установки личности. А последователи педагогического подхода (В. А. Сластенин, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский и др.) отмечали этот феномен как те свойства личности, которые важно воспитать [Цемкало, 2022: 22–27]. Таким образом, мы можем отметить, что несмотря на то, что понятие «ценность» изучалось разными науками, к единому его определению учёные так и не пришли. В своей теории ценностей Н. О. Лосский говорил, что «понятие производной ценности легко может быть определено, это бытие в его значении для осуществления абсолютной полноты бытия или удаления от неё» [Лосский, 2000:78]. Исходя из данного определения, В. А. Шестаков выводит несколько следствий:

1. Любая ценность обнаруживается субъектом (персонифицируется им), прежде всего, в реальных ценностях, т. е. ценностях, существующих вне зависимости от искусственных условий и усилий человека.

2. Второе условие существования ценности: закреплённость в материальном носителе.

3. Третье условие существования ценности необходимое и достаточное: предмет, обладающий ценностью, должен иметь собственника [Шестаков, 2011: 83–92].

Также Е. В. Грязнова отмечает, что «Изначально ценность конструируется в сознании субъекта. Но чтобы этот образ приобрел статус ценности – он должен стать реальным, а не идеальным объектом. Особенно это касается культурных ценностей, так как они должны иметь материальный носитель» [Грязнова, 2019: 38–44]. Следует учитывать, что также к культурным ценностям необходимо относить и духовные.

Таким образом, на основе исследований учёных, можно обобщить те признаки, которыми обладают «культурные ценности»: антропогенность – результат творческой деятельности людей; аутентичность – подлинность культурной ценности; давняя история – для каждого объекта культурной ценности термин может быть различным; высокий уровень исторической, культурной, научной, художественной значимости [Панфилов, 2011: [Электронный ресурс]].

Исходя из этих признаков можно доказать, что районная газета – культурная ценность. Во-первых, антропогенность. В то время, когда мы назывались самой читающей страной, в каждом доме выписывалось по несколько газет или журналов, средствам массовой информации безоговорочно доверяли. Каждая газетная строчка являлась плодом тяжёлого труда корреспондентов, редакторов, корректоров, верстальщиков. Она должна была пройти большой путь от первых уст до читателя. Упростился ли этот путь с приходом информационных технологий? Несомненно. Но вместе с тем, как это часто бывает, появилось множество других проблем, с которыми столкнулись современные районные газеты. И одна из них – привлечение молодого поколения читателей к районной прессе, приобщение их к культурным ценностям, которые она транслирует и, в то же время, к которым относится сама.

Во-вторых, аутентичность. Подлинность газеты как явления не подвергается сомнению. Она имеет материальный носитель, характеризующийся такими признаками как формат, количество полос, периодичность выхода, наполненность контентом и т. д.

В-третьих, муниципальная пресса имеет давнюю историю. Подавляющее большинство районных газет начала работу ещё во времена

Советского Союза, а многие уже подходят к столетним юбилеям со дня основания. За эти годы сформировались определённые традиции и даже уникальные этические нормы работы редакций и корреспондентов муниципальных изданий.

Что касается высокого уровня исторической, культурной, научной, художественной значимости, то можно отметить некоторые факты. Так, например, в 1995 году губернатор Белгородской области, тогда ещё данная должность называлась глава администрации Белгородской области, подписал Постановление № 699 «О составлении летописи населенных пунктов области», в котором, в частности, возложил эту обязанность на сотрудников библиотек. Стоит отметить, что данные о событиях для летописей собирались как раз из материалов районных газет. Впрочем, так происходит и до сих пор, потому что постановление сохраняет свою силу [Постановление Главы Администрации Белгородской области от 08.12.1995 № 699: [Электронный ресурс]. Кроме того, газетные полосы часто становятся площадкой для публикаций итогов, например, краеведческих исследований, которые в свою очередь уже могут стать основой для научных изысканий. Нередко именно районные газеты становятся уникальными источниками данной информации.

Таким образом, мы видим, что районная газета является «культурной ценностью» – это её важное неотъемлемое свойство. И потеря этого феномена приведёт к негативным последствиям в обществе, так как исчезнет один из важных элементов коммуникативного процесса. С этим могут не согласиться последователи цифровизации культуры, выдвигая доводы о том, что всё возможно перенести в цифровой формат. Но можно ли перенести те смыслы и чувства, которые порождает непосредственное чтение газетной строки? Кроме того, для восприятия цифровой информации необходим посредник – гаджет с выходом в интернет (возможно, пока что), а с газетой читатель взаимодействует напрямую. Да и тот факт, что цифровой контент может быть изменён в любую минуту, в том числе недоброжелателями, многократно повышает ценность газеты именно в бумажном варианте, где информация не может быть изменена или подвергнута сокращению. Так что районные газеты, как «культурные ценности», необходимы в современную эпоху цифровизации. Они являются своеобразным информационным якорем, так как сохраняют информацию в том виде, в каком она была первоначально представлена. При этом информация эта конкретна,

чем и становится ценной для читателей. Однако стоит понимать, что и жёсткая фиксация на прошлом также заведёт в тупик. Сложнейшая задача современных исследователей культуры состоит в том, чтобы совместить прогресс с сохранением исконных ценностей.

Литература

1. Грязнова Е. В. О соотношении понятий «ценности», «духовные ценности» и «культурные ценности» / Е. В. Грязнова, С. В. Афанасьев // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. – № 5 (39). – С. 38–44.
2. Лосский Н. О. Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н. О. Лосский. – М.: ООО«Фирма«Издательство АСТ», 2000. – 400 с.
3. Панфилов А. Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий (часть 1) / А. Н. Панфилов // Право и политика. – 2011. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznое/54785-kulturnye-cennosti-obekty-kulturnogo-naslediya-problema-unifikacii>.
4. Постановление Главы Администрации Белгородской области от 08.12.1995 № 699 Архив документов правительства Белгородской области: сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://belg-gov.ru/doc/40791>.
5. Цемкало С. А. К проблеме соотношения понятий «ценности» и «культурные ценности» в научной литературе / С. А. Цемкало // Вестник Луганского государственного педагогического университета. 2022. – № 2 (84). – С. 22–27.
6. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Э, 2017. – С. 208.
7. Шестаков В. А. Формирование понятия «культурные ценности» / В. А. Шестаков // Studiaculturae. – 2011. – № 11. – С. 83–92.

УДК 314.93

А. В. Кучерявый, О. Л. Рывкина

(Севастопольский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова)

МНОГОЯЗЫЧИЕ КРЫМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается влияние исторических, политических и социокультурных факторов на языковую картину Крыма. Анализируются статисти-

ческие данные о языковом составе населения региона. Обсуждаются механизмы сохранения языкового разнообразия и роль языка в формировании этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: Крым, многоязычие, этнокультурная идентичность, русский язык, украинский язык, крымскотатарский язык, языковая политика.

MULTILINGUALISM OF CRIMEA AS A REFLECTION OF ETHNIC AND CULTURAL IDENTITY: DYNAMICS AND PROSPECTS

The paper examines the influence of historical, political and socio-cultural factors on the linguistic picture of Crimea. Statistical data on the linguistic composition of the region's population are analyzed. The mechanisms of preserving linguistic diversity and the role of language in the formation of ethnic and cultural identity are discussed.

Keywords: Crimea, multilingualism, ethnocultural identity, Russian language, Ukrainian language, Crimean Tatar language, language policy.

Язык является важнейшим маркером этнокультурной идентичности и инструментом социальной интеграции. В регионах со сложной этнической структурой он становится не только средством коммуникации, но и фактором политического и культурного самоопределения. Крым, исторически являющийся полилингвистическим регионом, демонстрирует уникальную динамику языковых процессов, отражая глобальные социополитические изменения последних десятилетий.

Этнокультурное сознание определяется как система представлений, норм и ценностей, которые формируют самоидентификацию народа. В социолингвистике язык воспринимается как ключевой элемент этнической идентичности. Потеря или доминирование одного языка над другим часто интерпретируется как индикатор культурной ассимиляции или этнического вытеснения [Fishman, 1972: 4]. Так, языки в Крыму выполняют функции не только коммуникативных инструментов, но и маркеров принадлежности к определённым культурным и политическим сообществам.

Модель Джона Эдвардса подчёркивает, что язык является не только средством выражения этнической принадлежности, но и инструментом политической мобилизации [Edwards, 2009: 16]. В многоязычных регионах, таких как Крым, где русский, украинский и крымскотатарский языки пересекаются, языковая идентичность может становить-

ся гибридной, что ведёт к формированию сложных этнокультурных моделей.

Крым всегда был регионом с высокой этнокультурной вариативностью. На его территории исторически проживали русские, украинцы, крымские татары, армяне, греки и другие народы, что способствовало многоязычию. Однако в разные исторические периоды соотношение языков изменялось под влиянием миграции, политики и социальных процессов.

В советский период русский язык выполнял функцию языка межнационального общения, что привело к его доминирующему положению в Крыму. Согласно данным переписи населения 1989 года, в Крымской области большинство опрошенных назвали родным русский (82,6 %), украинский (13,7 %) и крымскотатарский (1,5 %) языки. 16,0 % крымчан назвали родным язык, не тождественный их этнической принадлежности (чаще всего русский), что было на 3,9 % больше среднего показателя по УССР. Этот дисбаланс был результатом целенаправленной политики русификации, проводимой в СССР, которая включала усиление влияния русского языка в образовании, административной системе и СМИ. Так, 27,0 % жителей Крымской области были билингвами, то есть владели как минимум двумя языками, и для большинства из них вторым языком оказался именно русский (53,0 % от числа опрошенных билингвов) [Держстат Украины, 2001].

После распада СССР Украина предприняла шаги по укреплению украинского языка как государственного. Однако в Крыму эти процессы встретили значительное сопротивление. Перепись 2001 года показала, что, несмотря на официальную украинизацию, доля русскоязычного населения оставалась высокой (76,6 % в Автономной Республике Крым и 90,6 % в городе Севастополе), даже несмотря на возвращение в 1990-х годах, депортированных в советское время представителей крымских татар. Украинский язык доминировал только в северных сельских районах полуострова, ближе к материковой части Украины. Среди городского населения полуострова наиболее распространённым родным языком был русский, особенно в таких городах, как Севастополь (91,4 %), Керчь (91,3 %) и Инкерман (91,2 %). Наименьший процент горожан, считавших русский язык родным, был зафиксирован в Белогорске (62,8 %) и Старом Крыму (62,1 %): там значительную нишу занял крымскотатарский язык (27,6 % и 25,8 % соответственно) [Держстат Украины, 2001].

Так, для крымчан язык оставался не только средством общения, но и важным элементом политической и культурной идентичности.

Процессы русификации на полуострове усилились после установления контроля Российской Федерации в 2014 году. Этот период ознаменовался мощным укреплением пророссийских настроений в регионе, что неизбежно сказалось и на языковой ситуации: по сравнению с 2001 годом, процент крымчан, для которых русский язык был родным, увеличился и в Республике Крым (81,6 %), и в Севастополе (96,2 %). Повышение показателя могло быть вызвано притоком населения извне. Основной прирост жителей был связан с переселением на полуостров государственных служащих, военных и их семей, а также людей, ищущих в регионе новых возможностей. К тому же, часть украинцев и крымских татар (хоть и незначительная) предпочла покинуть Крым после событий весны 2014 года, что также повлияло на языковые результаты переписи [Росстат, 2022].

Данные отражают и миграционно-демографические процессы, и трансформацию этнокультурного сознания, в котором доминирующим фактором становится российская идентичность. Так, учитывая дальнейшую интеграцию Крыма в российское пространство, к 2021 году было отмечено снижение доли украинского языка как родного среди населения (в Республике Крым с 3,5 % в 2014 г. до 2,8 % в 2021 г.; в городе Севастополе с 2,1 % в 2014 г. до 1,5 % в 2021 г.). Тенденции к языковой унификации в пользу русского способствует и снижение величины коэффициента многоязычия – особого показателя, демонстрирующего отношение общего количества языков, которыми владеют респонденты (по результатам переписи), к численности респондентов, имеющих владение хотя бы одним языком (табл. 1) [Росстат, 2014, 2022].

Поскольку коэффициент многоязычия показывает, сколькими языками в среднем владеет один респондент данного региона, то по полученным данным можно сказать, что среднестатистический житель Республики Крым знает больше языков, чем среднестатистический житель Севастополя. При этом за семь лет коэффициент многоязычия упал по всему Крыму, несмотря на положительный прирост населения. Этот факт говорит о том, что те люди, которые в 2014–2021 годах родились в Крыму или совершили сюда миграцию, в сумме владеют меньшим количеством языков, чем те, кто жил в Крыму до 2014 года. По состоянию на 2021 год человек, постоянно проживавший на территории полуострова, владел в среднем 1,227 языка.

**Таблица 1 – Коэффициенты многоязычия
в разрезе населения Крымского полуострова в 2014 и 2021 годах**

Показатель Регион	Численность населения, вла- деющего одним языком, человек	Условная числен- ность населения с учётом много- язычия, человек	Коэффициент многоязычия
2014			
Республика Крым	1840435	2607234	1,417
город Севастополь	379442	517167	1,363
Итого	2219877	3124401	1,407
2021			
Республика Крым	1844648	2313176	1,254
город Севастополь	477435	535490	1,122
Итого	2322083	2848666	1,227

Очевидно, что в настоящее время русский язык стал доминирующим во всех сферах жизни в Крыму, включая образование, официальное делопроизводство и медиа. Несмотря на то, что в Республике Крым статус государственных языков присвоен также украинскому и крымскотатарскому языку, в реальности их использование на практике крайне ограничено. Для поддержания многообразия языков и культур в Крыму, о котором говорится в статье 10 Конституции Республики Крым, необходимо предпринять комплексные меры, направленные на сохранение и развитие наиболее часто используемых языков на полуострове [Конституция Республики Крым, 2014]. В частности, необходимо обеспечить равный доступ к образованию на русском, украинском и крымскотатарском языках, начиная с дошкольного уровня. По последним данным, в республике на крымскотатарском языке обучалось около 6,7 тыс. чел., что составляет всего 3,0 % от общего числа учащихся общеобразовательных организаций региона; на украинском языке обучалось всего 214 человек (0,1 %). С учётом того, что в переписи 2021 года 11,4 % жителей республики указали крымскотатарский родным языком (2,8 % указали родным украинский язык), необходимо стремиться к инклюзивности, разрабатывая учебные программы, которые не только не препятствуют, но и способствуют развитию и сохранению этих языков [КРИППО 2022]. Нужно развивать и поддерживать телевизионные радиопро-

граммы, газеты и Интернет-ресурсы на украинском и крымскотатарском языках, создавать или дублировать на них фильмы, книги и музыку. Важным инструментом для поддержания крымскотатарского языка стало бы его внедрение в известные сервисы для онлайн-перевода (Google, Яндекс). Наконец, необходимо регулярно проводить исследования и проверки, чтобы гарантировать соблюдение языковых прав граждан, прописанных в нормативных актах регионов полуострова.

Таким образом, анализ языковой динамики в Крыму показывает, что язык является не только средством коммуникации, но и важным элементом этнокультурного сознания. Политические и социальные изменения последних десятилетий привели к значительным трансформациям в языковой идентичности славянских народов региона. Доминирование русского языка отражает процессы культурной и политической интеграции в русское пространство, тогда как сокращение доли украинского и крымскотатарского языков указывает на изменение этнокультурных приоритетов населения. В то же время сохранение многоязычия остается ключевым фактором поддержки этнического и культурного разнообразия региона. Динамика языкового состава населения Крыма отражает сложное взаимодействие демографических, культурных и политических факторов. Полученные результаты позволяют глубже понять языковую ситуацию в регионе и открывают возможности для дальнейшего изучения ее влияния на общественную и культурную жизнь.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2020 года. Переписи населения / Росстат, 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 09.03.2025).
2. Информационно-аналитические материалы в сфере образования Республики Крым. 2020/2021 учебный год. Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, 2022. URL: https://krippo.ru/files/22_07_22-1.pdf (дата обращения: 09.03.2025).
3. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.) (с изменениями и дополнениями) (дата обращения: 10.03.2025).
4. Національний склад населення, мовні ознаки, громадянство. Перепис населення. Банк даних. / Офіційна сторінка Всеукраїнського перепису

населення. Державна служба статистики України, 2001. URL: <https://www.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 09.03.2025).

5. Перепись населения в Крымском федеральном округе. Переписи населения. / Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 09.03.2025).

6. Edwards J. (2009). Language and Identity: An Introduction. Cambridge University Press.

7. Fishman J. A. (1972). The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. Rowley, MA: Newbury House.

УДК 811.135.2'367.626

Н. Н. Леонтьева

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ С МНОЖЕСТВЕННЫМИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЯМИ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ БЕЗ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ

В этой статье мы выделим некоторые аспекты, касающиеся синтаксической специфики конструкций, в которых существительные действия сопровождаются множественными определителями. Специфика обсуждаемых фактов вытекает из того, что мы ссылаемся на определения, которые не определяют «прототипические» существительные, наименования «объектов».

Ключевые слова: определитель, определение, действие, субъект, объект.

ACTION NOUNS WITH MULTIPLE DETERMINERS AND ACTION NOUNS WITHOUT DETERMINERS

In this article, we will highlight some aspects regarding the syntactic specificity of constructions in which action nouns are accompanied by multiple determiners. The specific nature of the discussed facts results from the fact that we refer to attributes that do not determine “prototypical” nouns, names of “objects”.

Keywords: determiner, attribute, action, subject, object.

НУМЕЛЕ ДЕ АКЦИУНЕ КУ МАЙ МУЛЦЬ ДЕТЕРМИНАНЦЬ ШИ НУМЕЛЕ ДЕ АКЦИУНЕ ФЭРЭ ДЕТЕРМИНАНЦЬ

Ын ачест артикол вом релева кытева аспекте привинд спечификул синтактик ал группэрилор ын каре нумеле де акциуне сынт ынсоците де май мулць детерминанць. Карактерул спечифик ал фаптелор дискусате резултэ дин ачея кэ не реферим ла атрибуте каре ну детерминэ субстантиве «прототипиче» нуме де «объекте».

Кувинте-кее: детерминант, атрибут, акциуне, субъект, объект.

Аналог ку релация динтре детерминанць ын группул вербал, ану-мите типурь де атрибуте сынт облигаториу сау, де регулэ, коокуренте, фэкынд парте дин группурь номинале ку структурэ тернарэ.

Атрибутул кореспунзэтор комплементулуй индирект (датовул ши конструиеле препозиционале граматикализате сау неграматикализате екиваленте ку дативул), пропозиция атрибутивэ прономиналэ че редэ объектул индирект ал акциуний (интродусэ принтр-ун про-нуме/аджеktiv прономинал ын датив сау ын акузатив ку препозицие субституибил ку дативул), атрибутул кореспунзэтор комплементулуй де аэент ши атрибутива прономиналэ че редэ пропозиция комплетивэ де аэент апар, ын женерал, ын презентца унуй детерминант (ал нумелуй де акциуне), авынд валоаря комплементулуй директ динтр-ун групп вербал актив импличит валоаря субъектулуй дин группул вербал пасив. Ын группуриле номинале симиларе ку конструкцииле вербале абсолюте, детерминантул «объектив директ» есте неекспримат, фиинд импличит. Объектул секундар ал акциуний експримат принтр-ун атрибут вербал ла инфинитив орь принтр-о пропозицие атрибутивэ прономиналэ/конжонкционалэ есте тотдяуна коокурент ку ун детерминант интерпретабил «объектив директ» ал нумелуй де акциуне.

Объектул директ се редэ принтр-ун атрибут женитивал ши пре-чедэ инфинитивул сау пропозиция ку валоаре де объект секундар. Ын женерал, атрибутеле че редау объектул директ ши объектул препозиционал ну сынт коокуренте, дат фиинд кэ еле ну коекзистэ нич ын группул вербал (мажоритатя вербелор каре се конструеск ку объект препозиционал сынт интранзитиве). Дативул ку експресия ши ку валоаря объектулуй индирект ну а фост ынрежистрат ын презентца атрибутулуй кореспунзэтор объектулуй препозиционал.

Атрибутеле «субъективе» ау о дистрибуции май пущин респективэ декыт атрибутеле «объективе» ку валоаря объектулуй директ, секундар, индирект, препозиционал, адикэ ну манифестэ инкомпатибилитате фацэ де чейлалць детерминанць ай нумелор де акциуне; фаптул

требуе корелат ку статутул детерминанцилор вербулуй: презентца объектулуй директ/секундар/индирект/препозиционал депинде де режимул синтактик проприу фиекэруй верб ын парте; димпотривэ, компатибилитатя субъектулуй ку вербеле ши ку детерминанций ачестора есте квазиженералэ. Дативул депендент де ун субстантив ын рудит ка формэ ши/сау ка сенс ку ун верб транзитив есте инкомпатибил ку атрибутеле «субъекте», де екземплу ку женитивул «субъектив»: *акордаря де премий елевилор*.

Ын контекст есте посибилэ, ынсэ, ынтродучеря унуй атрибут пре-позиционал ку структура ши ку валора комплементулуй де аэнт: *акордаря де премий елевилор де кэтре ун журу*.

Ачаствэ рестрикцие дистрибуционалэ, а дативулуй аратэ кэ нумеле де акциуне компатибиле ку ун атрибут «объект директ» ши ку ун атрибут «объектив индирект» ау сенс пасив.

Атрибутол (атрибутива) че редэ ун чиркумстанциал (о пропозицие чиркумстанциалэ) де ексцепцие есте тотдяуна коокурент(э) ку алт конституент ал групулуй номинал, ын рапорт ку каре експримэ «ексцепция».

Атрибутол адвербиал че редэ ун чиркумстанциал опозиционал сау кумулатив есте депендент унилатерал де алт атрибут, ын рапорт ку каре експримэ «опозиция» сау кумулул.

Атрибутеле инфинитивале кореспунзэтоаре чиркумстанцелор опозиционале ши кумулативе, пропозицииле атрибутиве прономинале ши конжункционале че редау о субордонатэ чиркумстанциалэ опозиционалэ, пропозицииле атрибутиве конжункционале че кореспунд субордонатей чиркумстанциале кумулативе апар ын структуру синтактиче бинаре сау тернаре дупэ кум интрэ ын рапорт семантик де «опозицие» сау де «кумул» ку номиналул реэент сау ку ун детерминант ал ачестуя. Атрибутол адвербиал ши чел инфинитивал кореспунзэтоаре элементулуй предикатив суплиментар сынт коокуренте ку алт атрибут ал реэентулуй (де регулэ, интерпретабил «субъектив/объектив»).

Ын конструкцииле ку атрибуте субстантивале препозиционале, аджективале ши эерунзиале сау ку атрибутиве прономинале ши конжункционале че редау ун элемент предикатив суплиментар орь о пропозицие предикативэ суплиментарэ се експримэ, ын эенерал, ун детерминант «субъектив» / ши/сау «объектив» ал нумелуй де акциуне реэент.

Атрибутол ши атрибутива кореспунзэтоаре чиркумстанциалулуй сочиатив ши пропозицией чиркумстанциале сочиативе че експримэ

асочия ку обьектул акциуний сынт, ын жєнерал, коокуренте ку ачє-ста; коокурєнца ку субьектул акциуний естє факултативз.

Динтрє атрибутєлє факултатив коокурентє мєнционєм, ку титулу дє екзємплу, дативул ши атрибутул «субьєктив» дєпєндєнтє дє ун суб-стантив ынрудит формал ши сємантик ку ун верб рефлексив интран-зитив, атрибутєлє рєдынд чиркумстанциалєлє факултативє ши чєлє чє рєдау дєтєрминанций нєчиркумстанциаль ай вербулуй дє базз.

Дє асємєня, аналог ку рапортурилє синтактичє дин группул вербал, анумитє типурь дє атрибутє сынт инкомпатибилє, дє екзємплу атри-бутул/атрибутива ку валоарє обьектулуй индирєкт ши атрибутул/атрибутива ку валоарє обьектулуй сєкундар.

Ын дивєрсє студий сє дискутз инкомпатибилитатя динтрє жєнитивул «субьєктив» ши чєл «обьєктив дирєкт» ка дєтєрминанць ынсоцинд ун нумє дє акциунє ку сєнс пасив, постпусє рєжєнтулуй, индифєрєнт дє топика лор рєлативз: *интєрпрєтаря критикулуй а романулуй – интєрпрєтаря романулуй а критикулуй*. Конструкция компортз унєорь май мултє анализє, чєя чє фачє дифичилз ынцєлєжєря. Дє екзємплу, ын ымбинаря: *интєрпрєтаря унєй кэрць а критикулуй/а луй*. Субстан-тивул а *критикулуй* ши пронумєлє а луй пот фи консидєратє атрибутє ал субстантивулуй унєй кэрць (єкспрєсиє а унєй рєлаций дє посєсиє). Ачєст тип синтактик ну є симцит ка фирєск ын лимба молдовєняскз.

Ын группул номинал ну сє атрибує доуз жєнитивє (дє ачєлашь тип,) адикз прин акорд сау ку прєпозиция ди); пот коєкзиста ынсз ун жєнитив ши ун аджєктив посєсив. Идєя сє субордонязз принчи-пиулуй: ынтр-о прєпозициє сау ынтр-ун группул номинал ну коєкзистз єлємєнтє ку ачєлашь каз морфоложик. Ну сє арє ын вєдєрє ситуация партикулярз а терменилор афлаць ын рєлациє дє нондєпєндєнць ко-ордонарє сау рєлациє апозитивз.

Атрибутул идєнтик формал ши єквивалєнт ку комплємєнтул дє ажєнт, дативул (шт конструицєлє єквивалєнтє ку дативул), атри-бутул конструит ку прєпозициє-рєжим, акузативул нєпрєпозиционал «обьєктив» сау «чиркумстанциал» ау о дистрибуциє май рєстрьнсз дєкьт жєнитивул.

Ын жєнерал, атрибутєлє карє, ла рындул лор, сынт чєнтру дє группул синтактик сє пласязз дупз атрибутєлє фэрз дєтєрминанць.

Атрибутул инфинитивал ши прєпозиция атрибутивз сынт компа-тибилє ку акузативул «чиркумстанциал»: *ынчєркаря ун тимп дє а су-порта/ сз супортє*.

Ын группирле че концин атрибуте кореспунзэтоаре комплементулуй де агент, объектулуй индирект ши челулуй препозиционал, инфинитивул ши пропозиция ау май фреквент валoare чиркумстанциалэ; еле урмязэ, ын женерал, челорлалте атрибуте: *Партичипаря ла експеримент пентру а общине резултателе аштенпате/ пынэ се общин резултателе аштенпате.*

Ун тип партикулар де типар комплекс есте чел каре концине атрибуте конструите ку препозиций корелативе: *тречеря фиряскэ де ла планул материал ла чел алегорик.*

Компатибилитатя атрибутелор де тип диферит фаче посибилэ экзистенца унор группур ку трей ши ку парту детерминанць.

Чел май фреквент, нумеле де акциуне сынт липсите де атрибуте. С-ау ынрежистрат диверсе вечинэтэць облигаторий але вербулуй каре девин факултативе (супримабиле) ын конструкция номинализатэ. Адэутэм кытева екземпле че пот фи интерпретате ка «абрeвиерь» терминологиче, експликабиле, ынсэ, прин пьердеря карактерулуй облигаториу ал детерминанцилор вербулуй: *мандат де адучере, абсенца субъектулуй ши а объектулуй директ, чинева адуче пе чинева; рекурс ын ануларе, абсенца субъектулуй ши а объектулуй директ, чинева анулязэ чева.*

Карактерул супримабил ал детерминанцилор дин группул номинал, компаратив ку чей дин группул вербал, се корелязэ ку о диференцэ де концептуализаре а «акциуний».

Эксприматэ прин субстантив «акциуныя» е кончепутэ как о ентитате ла каре ачеста «се реферэ»; еа се апропие май мулт де натура объектелор декыт а предикателор ложиче (а вербелор); акцентул каде пе акциуне ка ентитате, ну пе структура евенименциалэ (че инклубе партичипанций ла «акциуне».

Литература

1. Бэрбой К. Граматикэ ши стилистикэ. Букурешть: Едитура Университарэ, 2009. – 400 п.
2. Гэйтэнару Шт. Класификаря флексионарэ а пронумелуй ын лимба молдовеняскэ, 1994.
3. Дырул А. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ: Морфология. Кишинэу: Лумина, 1983. – 471 п.
4. Иримия Д. Граматика лимбий молдовенешть, Яшь, Едитура Полиром, 1997.

Р. А. Лобашов, И. К. Врублевская, Е. С. Фролова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

**АЛГОРИТМЫ И ПРИЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
В ЭФИРЕ КОРПОРАТИВНОГО ТЕЛЕКАНАЛА
(на примере «РЖД ТВ»)**

Научная работа посвящена анализу алгоритмов и приемов социальной журналистики в эфире корпоративного телевидения, а также рассмотрению методики их реализации отраслевым каналом «РЖД ТВ». В ходе исследования авторами выделены подходы, свойственные непосредственно узкоспециализированным СМИ, которые в совокупности с подходами универсальных телеканалов, ориентированных на широкую аудиторию, характеризуют профильное вещание.

Ключевые слова: корпоративное вещание, социальная журналистика, телевидение, медиасфера, общество.

**ALGORITHMS AND TECHNIQUES OF SOCIAL JOURNALISM
ON THE AIR OF A CORPORATE TV CHANNEL
(using the example of RZD TV)**

The scientific work focuses on the analysis of algorithms and techniques of social journalism on the air of corporate television as well as to the consideration of the methodology of their implementation by the branch RZD TV channel. During the study the authors identified approaches that are directly characteristic of highly specialized media, which together with the approaches of universal TV channels aimed at a wide audience, characterize specialized broadcasting.

Keywords: Corporate broadcasting, social journalism, television, media sphere, society.

После периода перестройки и значительных изменений, произошедших в российском обществе, социальная журналистика прошла несколько этапов формирования и обрела те формы и черты, которые присущи ей сегодня: пресса стала формировать информационное пространство, отражающее социальную сферу, человек и его жизнь переместились в центр информационных процессов [Фролова, 2023: 129]. Сейчас социальная журналистика является важной частью цифровой

среды: она не только активно взаимодействует с различными медиаструктурами, но и сопряжена с экономическими, политическими и духовными процессами, а также с общественной психологией и идеологией. Не менее сильно с этими областями связано телевидение как наиболее концентрированный компонент медиасреды. В общем контексте разговора о телевидении важно выделять алгоритмы и приемы не только универсальных, но и узкоспециализированных, профильных телеканалов.

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что исследователи неоднократно обращали внимание на традиционные каналы распространения идей социальной журналистики, однако корпоративное вещание оставалось за рамками научной парадигмы. Кроме того, важно учитывать превалирование интересов меньшинства над интересами большинства, то есть больший уровень вовлеченности в локальные, чем в глобальные проблемы. По словам Д. П. Гавры, из этого вытекает ограниченный интерес к ESG-повестке у российской аудитории. Сегодня для большей части аудитории важен только компонент G, который напрямую связан с корпоративным управлением, культурой и, соответственно, медиа. Одним из примеров сбалансированного проявления компонента G на российском телевидении можно считать корпоративный канал российских железных дорог «РЖД ТВ». Баланс обусловлен грамотной интеграцией информационной повестки, целей и задач компании ОАО «РЖД» в сетку вещания. Спецпроекты, программы и документальные зарисовки направлены как на раскрытие социальной проблематики, так и на поднятие и поддержание имиджа акционерного общества.

В ходе исследовательской работы была выявлена необходимость изучения возникновения, развития и специфики социальной журналистики. Теоретической базой, позволившей составить представление о происходящих в этой отрасли процессах, послужили труды ученых московской школы Т. И. Фроловой, И. М. Дзялошинского, М. А. Бережной, Р. А. Борецкого, И. В. Кузнецова, а также петербургской – Д. П. Гавры, С. Г. Корконосенко.

Научный дискурс об особенностях социальных элементов корпоративного эфира стоит начать с определения понятия «социальная журналистика». Так, Т. И. Фролова характеризует явление как предметно, функционально и технологически определенную сферу журналистской практики, которая представляет собой один из путей реализации гуманистической миссии [Фролова, 2014: 155]. Уточняет

определение И. В. Кузнецов: «В центре внимания социальной журналистики находится человек. Ее миссия – работа на благо человека и общества в целом, поддержка по каким-либо наболевшим вопросам, решение социальных проблем» [Кузнецов, 2022: 46].

В работе был привлечен эмпирический материал на основе анализа 48 выпусков телеканала «РЖД ТВ», а именно 24 выпусков с традиционной социальной составляющей (объектным планом) и 32 выпусков с видеоизмененной социальной составляющей (субъектным планом): по 8 эпизодов «Поможем вместе», «Эстафета добра», «Я – волонтер» и по 8 эпизодов «БАМ навсегда», «Я – железнодорожник», «Профи», «Золотой человек». Также был избран системный подход, в рамках которого удалось рассмотреть специфику разработки и смысловых составляющих видеоматериалов как элементов целостной системы.

Системный подход определил необходимость исследования и последующего анализа теоретической базы. По итогам процесса мы смогли вывести единые алгоритмы функционирования социальной журналистики. Среди них – фокус на общество, вмешательство в реальную жизнь посредством побуждения к действию через рассказ, конкретность, персонификация. Также удалось определить характерную исключительно для корпоративного вещания совокупность факторов: адресность, многоуровневое продвижение идей компании и психологические приемы.

Рассматривая каждый элемент по отдельности, начнем с фокуса на общество. По мнению С. Г. Корконосенко, социальная журналистика должна сосредоточиться на проблемах, касающихся конкретных объединений, и в первую очередь, отражать их голос [Корконосенко, 2016: 115]. На «РЖД ТВ» этот прием реализуется посредством ориентации как на железнодорожное сообщество в целом, так и на конкретных его представителей. Все социальные программы и телепередачи канала созданы для железнодорожников и о железнодорожниках.

Вмешательство в реальную жизнь посредством побуждения к действию через рассказ происходит по другой схеме, а именно вариативно – эксплицитно и имплицитно. Так, ведущая «Поможем вместе» эксплицитно призвала зрителей помочь закрыть сбор средств на курс реабилитации для сына сотрудницы Куйбышевской железной дороги, который страдает от задержки психоречевого развития. Языковой каркас речи состоял из глаголов повелительного наклонения и сопро-

вождался соответствующим графическим оформлением. Примером имплицитного воздействия служит программа «Я – железнодорожник», в которой сотрудники РЖД информируют зрителей об особенностях своей профессии. Демонстрация достоинств профессии и призыв вступить в ряды железнодорожников вытекает в скрытый посыл каждого выпуска,

Еще одной чертой, свойственной как массовому, так и профильному вещанию, представляется конкретность. С объектным акцентом передаются истории в каждом выпуске программы «Я – волонтер». Субъектный акцент характерен для передачи «Профи», в которой даются очень точные, фактологически оформленные свидетельства профессионализма героя. Подытоживая, подход позволяет глубже погрузиться в проблему, а значит эффективнее достичь ее решения.

Персонификация – еще один прием социального вещания, описанный М. А. Бережной [Бережная, 2017: 44] и используемый «РЖД ТВ». Отсылка к биографии встречается в эпизоде «Нам БАМ по зову сердца» программы «БАМ навсегда». Татьяна Верхотурова подводит к рассказу о БАМе через рассказ о молодости, счастье и поездке на магистраль к любимому человеку. Повествование насыщено деталями: «мы ходили в полушубках и в валенках», «нашим слесарям очень нравились беляши и оладушки», «всем поселком катались с горки».

Однако подтверждение описанных теоретиками приемов социальной журналистики не является заключительным этапом нашего исследования. В ходе анализа эмпирической базы были выявлены дополнительные черты, в совокупности с вышеописанными способами характеризующие социальную сферу корпоративного телевидения. Так, адресность понимается не в традиционном ключе. Нацеленность на адресата сужается до конкретного сегмента аудитории, а именно рядовых служащих ведомства. Отражается это в первую очередь на расписании программ канала. Социальные передачи и спецпроекты транслируются в вечернее, ночное время и выходные дни, то есть потенциальной аудиторией не будут представители ведомственных организаций, на которых ориентирована основная сетка вещания, включающая в основном информационные передачи.

Помимо сетки, адресность отражается и на смыслах. Так, программа «Поможем вместе» призывает служащих собраться и коллективно помочь нуждающимся. Обращение относится к сотрудникам, не занимающим высокие должности. Гордиться своей профессией призывают

технических специалистов: электромонтеров, инженеров, машинистов, контролеров-кондукторов и пр.

Адресность в контексте разговора об «РЖД ТВ» неотделима от такого алгоритма, как многоуровневое продвижение идей компании в сложном социальном контексте телевидения, описанном Р. А. Борецким [Борецкий, 2005: 27]. Исследуемые программы используют как текстовые, визуальные, так и языковые возможности для повышения престижа РЖД. На заставке программы «Эстафета добра» изображена посылка с надписью «корпоративное волонтерство», что подчеркивает значимость реализации благотворительных инициатив среди других целей компании. Следующая идея – уважение ко всем рабочим специальностям железнодорожной отрасли – фиксируется в каждом эпизоде программ «Я – железнодорожник» и «Профи». Так, последняя побуждает стремиться к профессионализму, ровняться на почетных железнодорожников, а также тех, кто «невидим», но спасает человеческие жизни, способствует развитию железнодорожного сообщения в стране.

Не менее эффективным приемом функционирования социальной журналистики в корпоративной среде являются психологические приемы. В эпизоде «Золотого человека» Андрей Козырьков характеризуется в титрах как «человек творческий». Подсознательно продвигается идея о том, что «золотым человеком» может стать каждый, вне зависимости от своих достижений. Более деликатные психологические методики используются в программе «Я – железнодорожник». Вопрос, который повторяется чаще всего, звучит так: «О чем вы мечтали в детстве?». В большинстве случаев за ним следует уточнение «И как вы пришли на железную дорогу?», тем самым сопоставляя железную дорогу с важной для каждой личности составляющей – детской мечтой.

Таким образом, корпоративное телевидение реализует основную миссию социальной журналистики – транслирует социальную информацию, которая помогает аудитории лучше ориентироваться в социальной реальности и совершать осознанные действия в социуме. В рамках корпоративных медиа, как и универсальных каналов для широкой аудитории, социальная журналистика выполняет интегративную функцию, а также функцию журналистики социального действия. Кроме того, корпоративное вещание предполагает не только свойственные универсальным телеканалам, но и собственные,

уникальные алгоритмы и приемы социальной журналистики. Фокус на общество, вмешательство в реальную жизнь посредством побуждения к действию через рассказ, конкретность, персонификация, соединяясь с адресностью, многоуровневым продвижением идей компании и психологическими приемами, создают возможность для реализации как объектных, так и субъектных подходов. Более традиционный для современной российской практики объектный подход реализуется в программах «Поможем вместе», «Эстафета добра», «Я – волонтер» посредством акцентирования внимания на помощи конкретным людям, освещения благотворительных инициатив и акций. Субъектный подход, в свою очередь, представлен в выпусках «БАМ навсегда», «Я – железнодорожник», «Профи», «Золотой человек» и направлен на представление аудитории железнодорожной отрасли в лицах, продвижение идеи уважения к труду и выполнение целей холдинга. Совокупность описанных алгоритмов и приемов расширяет границы социальной журналистики и создает феномен корпоративных СМИ в российской медиареальности.

Литература

1. *Бережная М. А.* Социальные проблемы в фокусе ТВ. СПб., 2017.
2. *Борецкий Р. А.* Телевидение как социальная технология и социальный институт. М., 2005.
3. *Время перемен* // РБК. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/63ff08117a8aa905cf9a5b98> (Дата обращения: 26.11.2024)
4. *Гавра Д. П.* Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. М., 1995.
5. *Гавра Д. П.* Основы теории коммуникации. СПб., 2011.
6. *Дзялошинский И. М.* Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М., 2006.
7. *Корконосенко С. Г.* Социология журналистики. СПб., 2016.
8. *Кузнецов И. В.* История отечественной журналистики (1917–2000). М., 2002.
9. *Фролова Т. И.* Предметно-функциональные особенности социальной журналистики. Известия ИГЭА, 2014, № 2.
10. *Фролова Т. И.* Социальная журналистика: двадцать лет спустя. Вестник МГУ, 2023. № 6.

А. В. Ломаковская

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

СИНЕСТЕЗИЯ В ТЕКСТЕ ОРИГИНАЛА И В ПЕРЕВОДЕ

В настоящей статье обозначен ряд трудностей, возникающих при переводе синестезии в художественных текстах. Отмечена роль синестезии при создании сложных образов как в прозе, так и в поэзии. Приведен ряд примеров оригинала и перевода.

Ключевые слова: синестезия, трудности перевода, авторский стиль, создание образа, адекватный перевод, передача смысла.

SYNESTHEISIA IN THE ORIGINAL TEXT AND IN TRANSLATION

This article outlines a number of difficulties that arise when translating synesthesia in literary texts. The role of synesthesia in creating complex images both in prose and poetry is noted. A number of examples of original and translation are given.

Keywords: synesthesia, difficulties of translation, style of the author, creation of image, adequate translation, transmission of meaning.

Синестезия – это нейропсихологический и эстетический феномен, при котором восприятие одного сенсорного раздражителя вызывает ощущение в другой модальности (например, «звучащие цвета» или «теплый звук»). В литературе синестезия выступает как стилистический прием, создающий особую образность и усиливающий эмоциональное воздействие текста.

Перевод синестезии на русский язык требует особого подхода, поскольку каждая культура и язык имеют свои особенности восприятия чувственных стимулов. Важно учитывать, как на русском языке передаются те же образы и ощущения. Например, в английском языке использование цветовых метафор и их сочетания с другими ощущениями может быть более распространенным, чем в русском. Переводчику необходимо искать эквиваленты, которые сохраняют эстетическую и эмоциональную нагрузку оригинала.

Перевод синестезии представляет собой вызов, потому что она предполагает не только точную передачу сенсорных ощущений, но и

сохранение художественного, эмоционального эффекта. В русском языке также существует множество примеров использования синестезии, но не все английские образы можно адекватно передать через аналогичные фразы на русском.

Условно трудности перевода синестезии можно обозначить следующим образом:

1. Сложность передачи смыслов

В переводе фразы У. Шекспира "*The air is delicate, and the sounds are sweet*" в трагедии «Буря» ("*The Tempest*") можно столкнуться с проблемой передачи двусмысленности синестезии. Прямой перевод «Воздух деликатен, а звуки сладкие» будет правильным с точки зрения грамматики, но может потерять часть образности. Возможный вариант перевода:

«Воздух был легким, а звуки – сладкими».

Такой перевод сохраняет основное ощущение лёгкости и чувственности, но всё же требует от переводчика умения точно передавать не только слова, но и настроение.

2. Использование аналогов и метафор.

Иногда в случае сложных или культурно специфических образов необходимо использовать аналогичные метафоры, чтобы сохранить эффект. Например, в стихотворении У. Блейка "*Ah! Sun-flower!*" фраза "*The sun's a golden flower*" может быть переведена как «Солнце – золотой цветок».

Это сохранит зрительный образ, но для глубокой передачи эмоциональной насыщенности фразы, можно использовать адаптированные метафоры, например:

«Солнце – цветок, раскрывшийся в золотых лучах».

3. Передача ощущения через контекст.

В переводе произведений Вирджинии Вулф также часто важно сохранить не только поверхностный смысл фразы, но и её эмоциональное воздействие. Для фразы из произведения "*To the lighthouse*" "*The sky was a calm, blue wave that touched the shore of her thoughts*" можно предложить следующий вариант:

«Небо было спокойной голубой волной, касающейся берегов её мыслей».

Этот перевод сохраняет как образ, так и эффект плавности, который был бы потерян, если бы перевести фразу дословно.

4. Культурные различия.

В разных языках разные сенсорные восприятия могут быть более или менее выражены. Например, в русском языке запахи часто

ассоциируются с более конкретными эмоциональными переживаниями, в то время как в английском языке это может быть менее выражено. Переводчик должен учитывать эти нюансы при передаче синестезии.

5. Сохранение стиля автора.

Очень важно не просто передать значение фразы, но и сохранить стилистическое разнообразие автора. Синестезия в английском тексте может быть использована для создания эффекта слияния разных уровней восприятия, что требует от переводчика сохранения общей атмосферы текста, а не только отдельных элементов.

Один из мастеров синестезии в литературе – Владимир Набоков, писавший как на русском, так и на английском языках. Интересен не только его личный опыт синестета, но и то, как синестезические образы функционируют в оригинале и трансформируются при переводе. В автобиографической книге *“Speak, Memory”* он описывает, как буквы алфавита окрашены для него в определённые цвета. Например:

“M is a fold of pink flannel, L is pale blue”.

“The long ‘a’ of the English alphabet... has for me the tint of weathered wood, but a French ‘a’ evokes polished ebony.”

В этих отрывках синестезия не просто украшает текст, она служит способом организации мышления и восприятия героя.

Перевод синестезических образов представляет собой серьёзную задачу. Во-первых, синестезия субъективна, и передать авторскую «цветовую палитру» – задача непростая. Во-вторых, языковые различия (лексические, фонетические, культурные) могут мешать точной передаче ассоциаций.

В русском переводе *“Speak, Memory”* («Другие берега») переводчики (в том числе сам В. Набоков, работавший над переводом совместно с другими) сталкиваются с необходимостью адаптировать образы. Например:

«Английская “a” у меня цвета серого дерева, французская “a” – лакированного эбена».

Здесь наблюдается попытка сохранить и цвет, и культурную коннотацию (различие между “weathered wood” и “polished ebony”), но теряется оттенок личной ассоциации и звуковая атмосфера оригинала.

Еще один пример – перевод описания букв с цветами из оригинала: *“The letter ‘n’ is a little noodle of ivory...”*

В переводе:

«Буква “н” – это маленькая слоновая макаронина...»

Хотя передан образ, звучание слова «noodle» и его игра с фонетикой буквы «п» в русском языке не воспроизводятся.

Синестезия в художественных текстах – это не просто стилистический прием, а выражение глубокой связи между восприятием и языком. Она усиливает поэтичность прозы и создает многослойные образы, требующие внимательного чтения. В переводе синестезия часто подвергается искажениям, связанным как с языковыми ограничениями, так и с личной природой самого феномена. Однако попытки передать этот эффект в переводе важны, поскольку они позволяют приблизиться к индивидуальному миру восприятия писателя.

Литература

1. Блейк У. Selected Verse / У. Блейк. – СПб.: Крига, 2020.
2. Вульф В. На маяк (To the Lighthouse) / В. Вульф. – М.: АСТ, 2025.
3. Nabokov V. Speak, Memory! / V. Nabokov. – СПб.: Симпозиум, 1999.
4. Shakespeare W. The Tempest / W. Shakespeare. – М.: Искусство, 1960.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Аббасова. Parallelism across cultures: a comparative study of Azerbaijani and English approaches</i>	3
<i>Ю. И. Авильцева. Этнокультурный подход в профессиональной подготовке будущего учителя французского языка в Российской Федерации</i>	7
<i>Т. С. Агаева. К вопросу о формах прощания в английском языке</i>	11
<i>А. Е. Аксеновская, П. Н. Калинина. Формирование универсальных компетенций у студентов при обучении иностранным языкам посредством проектной деятельности</i>	16
<i>Ё. М. Алтмишева. Адекватность трансляции фразеологизмов в переводе «Бабурнаме» на русский язык</i>	21
<i>Г. Т. Асгарова. Понятие системы пунктуации</i>	25
<i>В. С. Астремецкий. Термин в семиотической системе китайского модернизма как отражение национальной языковой картины мира 80-х гг. XX в.</i>	32
<i>С. А. Байтырханова, И. В. Мунина. Лингвистическая геномика: исследование связи между генетическими особенностями и языковыми способностями</i>	38
<i>Е. А. Баландина. Билингв или не билингв: взгляд русскоязычных студентов колледжа</i>	41
<i>О. А. Баранцева, В. В. Смолина. Англоязычные неологизмы в тематической группе «Человеческие отношения»</i>	45
<i>Е. А. Бахарева, В. А. Королько. Применение метода мини-проектов в обучении русскому языку как иностранному</i>	50
<i>П. А. Белева, Л. Л. Косташ. Адаптация фэнтезийных элементов в переводе произведения Терри Пратчетта: «Шмяк!»: сравнение терминов и концептов</i>	53
<i>Н. В. Беленов, Е. А. Никитина. Названия яблони в говорах мордовских языков Самарского Поволжья</i>	59
<i>О. М. Биккулова. Роль руководителя дошкольной образовательной организации в успехе билингвального образовательного процесса</i> ...	63
<i>Л. В. Боброва, Л. Л. Косташ. Особенности использования феминитивов в английском языке (на материале современной прессы)</i>	67
<i>М. Д. Богданова. Медиадискурс в условиях глобализованного мира</i>	72
<i>Т. М. Большакова. Конститутивные признаки и вариативный потенциал субжанра «Рождественское письмо родителям» (на материале немецкого языка)</i>	76

Э. Р. Брагина. Сопоставительное исследование семантической адаптации англицизмов и псевдоанглицизмов в экономической терминологии русского языка	82
В. А. Буйко. Автоматизированный перевод китайского языка: лингвистические сложности и их политические последствия	88
Л. И. Булах, М. А. Иванова, Д. О. Талаева-Дементьева. Лингвистическое исследование наименований пищевой продукции российских брендов в китайской лингвокультуре	93
З. А. Бунькова. Система риторических кодов в любовной лирике А.Д. Дементьева	98
А. С. Бухонкина. Некоторые характеристики регионального языка в Бресте	103
Л. Н. Великова. Анализ вводов в новостным интернет-текстам в англоязычном медиадискурсе	106
А. А. Власова. Лингвистический анализ англоязычных фейковых новостей на основе DEEPSEEK	112
Т. В. Вырупаева. Влияние культурно-познавательного туризма на развитие межкультурной компетентности	119
К. А. Габибова. Конкорданс – вклад компьютерных технологий в лингвистику	124
Н. В. Гамова. Лингвистические особенности фейковых новостей	128
А. О. Гаффоров. Виды и средства общения в творчестве Мансури XV–XVI веков	132
З. С. Герасимова, И. В. Мунина. Английский язык как инструмент для межкультурного взаимодействия	139
Д. В. Герман. Использование аутентичных видеоматериалов для изучения английского языка в начальной школе	143
Е. Д. Гончаренко. Использование отличительной белорусской лексики в спектакле «Вось я і прыйшла!» по мотивам произведений Д. Хармса	148
С. Р. Горбач. Антропоцентрическая парадигма в современной науке о языке	153
С. С. Горностаева. Лингвистический образ искусственного интеллекта в англоязычном медиатексте	159
Л. М. Грамма. Лимба молдовеняскэ: предаря ноциуний де текст ын кадрул орелор де дезволтаре а ворбирий	163
Т. В. Грецкая, А. Д. Ухов. Способы перевода слов с семантикой «Разрушение» в романе Роберта Гвиздека «Der Unsichtbare Apfel» на английский язык	169
Г. Е. Григорьева. Редактирование нейронного машинного перевода	175

<i>Д. А. Гусаров, Н. С. Гусарова. Meaning making model in text understanding and mental representation structuring: President Trump's inaugural address in german newspapers</i>	<i>180</i>
<i>О. Р. Давыдова. Специфика перевода безэквивалентной лексики в текстах СМИ (на материале немецкого и русского языков)</i>	<i>185</i>
<i>Дай Цзини. Языковая игра в русскоязычных интернет-мемах: механизмы, функции и культурный контекст</i>	<i>189</i>
<i>Ду Шуи. Проблема передачи лирического голоса в поэзии Вероники Тушновой в англоязычных переводах</i>	<i>197</i>
<i>Д. С. Дудкова. Транслингвальные и паралингвистические средства создания национальной идентичности и сценических персонажей в этническом стенд-ап дискурсе</i>	<i>201</i>
<i>А. Д. Ефименко. Трудности обучения переводу безэквивалентной лексики в художественном дискурсе</i>	<i>207</i>
<i>Ф. Н. Ёзилова. Key strategies for effective scientific communication</i>	<i>212</i>
<i>Д. К. Жосан. Заимствования: уничтожение или развитие языка</i>	<i>218</i>
<i>С. Н. Зайдулова, Л. Р. Абдуллина. Структура субфрейма киберпреступность» во франкоязычном медиадискурсе</i>	<i>224</i>
<i>С. В. Зеленко. Языковые особенности редакторской подготовки медиатекста в условиях государственного билингвизма Республики Беларусь</i>	<i>228</i>
<i>В. В. Зимина. Жокул вербал-чя май акчесибилэ техникэ ын организаря интеракциуний вербале а педагогулуй ку елевий алолингвь ай чиклулуй примар де ынвэцэмынт</i>	<i>232</i>
<i>Т. А. Исмаилова. Эволюция психологизма в азербайджанской художественной прозе</i>	<i>237</i>
<i>М. К. Кайыргелди, Ж. Б. Есмагамбетова, Г. Е. Букембаева. Methods of memory development in the learning process of translation students</i>	<i>243</i>
<i>Ю. В. Калачева, С. А. Чопикян. Вопросы профессионально ориентированного перевода: барьеры и противоречия</i>	<i>248</i>
<i>Р. Н. Каплун. Основные трудности современного профессионального военного перевода</i>	<i>252</i>
<i>Е. В. Кирпичева, М. А. Воронин. Взаимосвязь обучения речевой деятельности с анализаторами речевой деятельности на уроках иностранного языка в средней общеобразовательной школе</i>	<i>256</i>
<i>А. Ю. Коблова. Модальные слова как маркеры перцепции автора научного текста (на материале современного английского языка)</i>	<i>259</i>
<i>В. Д. Ковригин, И. В. Мунина. Язык современных СМИ: тенденции и особенности</i>	<i>265</i>
<i>Л. В. Козлова. Язык как социокультурная деятельность</i>	<i>268</i>

Д. А. Кормильцева. К вопросу о статусе «чинглиш» среди китайских и русских студентов	274
В. Ю. Кузнецова. Лингвистические средства манипулирования в речи политиков (на материале инаугурационной речи 47-го Президента США Д. Трампа)	278
Л. А. Кузнецова. Трудности перевода с английского на русский язык тактико-технических характеристик техники НАТО	282
Ю. Г. Кузнецова. Стилистические особенности молодежного жаргона современного английского языка	287
О. Н. Кулабухова, Н. Н. Мальцева. Районная газета как культурная ценность в эпоху цифровизации	291
А. В. Кучерявый, О. Л. Рывкина. Многоязычие Крыма как отражение этнокультурной идентичности: динамика и перспективы	296
Н. Н. Леонтьева. Нумеле де акциуне ку май мулць детерминанць ши нумеле де акциуне фэрэ детерминанць.....	302
Р. А. Лобашов, И. К. Врублевская, Е. С. Фролова. Алгоритмы и приемы социальной журналистики в эфире корпоративного телеканала (на примере «РЖД ТВ»)	307
А. В. Ломаковская. Синестезия в тексте оригинала и в переводе	313

Научное издание

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ПЕРЕВОД:
межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий

*Материалы
Международной научно-практической конференции
(28 марта 2025 г.)*

Часть I

Издается в авторской редакции.
Компьютерная верстка О. А. Штырова.

ИЛ № 06150. Сер. АЮ от 21.02.2002.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 18,6. Заказ № 643.
Подписано в печать 21.10.2025 (в электронном варианте).

Изд-во Приднестр. ун-та. 3300, г. Тирасполь, ул. Мира, 18.
Опубликовано на Образовательном портале ПГУ им. Т. Г. Шевченко
<http://moodle@spsu.ru>